

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2023. Т. 19. № 4

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 4

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2023

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 4

Редакционная коллегия

- Главный редактор** – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Зам. гл. редактора** – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)
- Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
- Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)
- Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)
- Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)
- Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)
- Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)
- Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)
- Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
- Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)
- Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)
- Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
- Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
- Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)
- Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)
- Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)
- Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)
- Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
- Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)
- Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
- Эрдэнэбаатар Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 4

Editorial board

- Editor-in-Chief** - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchentov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 4

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Маслодудо С.В. Многослойное поселение Усть-Менза-2 в Юго-Западном Забайкалье	8
Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Тетенькин А.В., Крадин Н.Н., Оргилбаяр С. Археологические исследования 2023 года в юго-восточной части Монгольского Алтая: по маршруту экспедиции П.К. Козлова 1899 г.	23
Сергушева Е.А. Использование растений населением Нижнего Приамурья в эпоху палеометалла	52
Хэ Юймэн. Бохайские погребения в Китае: общая характеристика и погребальный обряд	73
Цэнд Д., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А. Средневековые погребения у горы Яшил (Северная Монголия)	93

ИСТОРИЯ

Карасёв С.В., Малыгин А.Н. Историографические оценки и исторические уроки старообрядческого раскола XVII века	107
Васильева С.В., Козлова С.А. «Переживаемое бедствие велико»: старообрядцы Западного Забайкалья в условиях климатических аномалий 1888–1889 гг.	116
Артамонова Н.Я., Асочакова В.Н. Миссионерская деятельность в Енисейской епархии в конце XIX – начале XX в.: трудности и достижения	126
Иванов А.А., Манян Н.М. Историография тайной полиции Российской империи конца XIX – начала XX века	137
Горощенова О.А. Особенности развития музыкального образования в дореволюционном Иркутске	146
Олейников А.В. Спасенное знамя	159
Ладыгин И.В. «Меня арестовали за то, что я отдавал приказы выступать»: Рапорт полковника Румши о ходе эвакуации из Сибири 5-й Польской дивизии	169
Дроботушенко Е.В. Русская военная эмиграция в Китае на страницах журнала «Часовой» в первые годы его существования	182
Байбородина М.А., Мареева О.М. Антирелигиозный отдел Иркутского музея	192

РЕЦЕНЗИЯ

Пученков А.С. Победоносное поражение? Конструирование культурного мифа об обороне 1854–1855 гг.	209
Чирикова М.В. «Тяжелое время переживает страна»	214

*На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова*

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 4

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Maslodudo S.V. The multi-layered settlement of Ust-Menza-2 in the southwestern Transbaikalia	8
Kharinskii A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Tetenkin A.V., Kradin N.N., Orgilbayar S. Archaeological research in 2023 in the south-eastern part of Mongolian Altai: along the expedition route of P.K. Kozlov 1899	23
Sergusheva E.A. Use of plants by populations of the Lower Amur region in the Paleometal Age	52
He Yumeng. Bohai burials in China: general characteristics and funeral rite	73
Tsend D., Iderkhangai T.-O., Tishkin A.A. Medieval burials near Mount Yashil (Northern Mongolia)	93

HISTORY

Karasev S.V., Malygin A.N. Historiographical assessments and historical lessons of the Old Believer Schism of the 17th century ...	107
Vasilyeva S.V., Kozlova S.A. "The calamity experienced is great": The Old Believers of Western Transbaikalia in the conditions of climatic anomalies of 1888-1889	116
Artamonova N.Ya., Asochakova V.N. Missionary activity in the Yenisei diocese at the end of the 19th - early XX centuries: difficulties and achievements	126
Ivanov A.A., Manian N.M. Historiography of the secret police in Russian Empire in the late XIX-th and early XX-th centuries	137
Goroshchenova O.A. Features of the development of music education in pre-revolutionary Irkutsk	146
Oleynikov A.V. Rescued Banner	159
Ladygin I.V. «I was arrested for giving orders to advance»: Report of Colonel Rumsha on the evacuation of the 5th Polish Division from Siberia	169
Drobotushenko E.V. Russian military emigration in China on the pages of the magazine "Chasovoy" in the early years of its existence	182
Baiborodina M.A., Mareeva O.M. Anti-religious Department of the Irkutsk Museum	192

REVIEW

Puchenkov A.S. Victorious defeat? Construction of the cultural myth of defense 1854-1855	209
Chirikova M.V. "The country is going through a difficult time"	214

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 4

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 4

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 903.42
EDN: BCDFBC
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-8-22

Многослойное поселение Усть-Менза-2 в Юго-Западном Забайкалье

С.В. Маслодудо

Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края, г. Чита, Россия

Аннотация. В статье представлены многослойные поселения Юго-Западного Забайкалья, среди которых особо выделяется поселение Усть-Менза-2, открытое Чикойской археологической экспедицией Читинского пединститута в 1980 г. На этом поселении выявлено 34 культурных слоя (далее КС). Из них 32 слоя (КС 3–27) относятся к верхнему палеолиту. Самые нижние КС (25–27) отражают заключительную стадию средней поры верхнего палеолита. Палеолитические слои 4–24 характеризуют позднюю пору верхнего палеолита. В КС выявлены разнообразные каменные структуры, большинство из них интерпретируются как остатки жилищ. Каменный инвентарь палеолитических слоев свидетельствует о зарождении и развитии микропластинчатой индустрии, основанной на использовании торцовых клиновидных микронуклеусов – от единичных примитивных микронуклеусов и изогнутых микропластинок до переменных по формам микронуклеусов и многочисленных прямоосных вторичных форм. В палеолитических слоях обнаружены фрагменты костей и зубов сибирского горного козла, горного барана, бычьих, благородного оленя, лошади, тарбагана, лисицы, птицы. Костяные орудия единичны (шилья, иглы). Особое место занимает КС 3, относимый к финальному палеолиту. КС 1 и 2 из отложений голоцена относятся к эпохе бронзового века. В этих слоях представлены очаги, кострища, каменный инвентарь, выявлены следы использования металла. Каменный инвентарь сохраняет свою актуальность, при этом расширяется орудийный ассортимент, что связано с началом добычи руды и использования бронзы. Особую группу находок в КС 1 и 2 занимают керамические изделия с большим количеством орнаментированных фрагментов. Корреляция Усть-Мензы-2 с другими многослойными памятниками Мензы и Чикоя позволяет создать надежную региональную геоархеологическую схему и представить яркую картину развития материальной культуры древнего населения.

Ключевые слова: Юго-Западное Забайкалье, таежная зона, многослойное поселение, Усть-Менза-2, палеолит, бронзовый век, каменный инвентарь, керамика, костяные орудия, культурная лагуна

Для цитирования: Маслодудо С.В. Многослойное поселение Усть-Менза-2 в Юго-Западном Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 8–22. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-8-22>. EDN: BCDFBC.

Archaeology

Original article

The multi-layered settlement of Ust-Menza-2 in the southwestern Transbaikalia

Sergey V. Maslodudo

Center for the Protection and Preservation of Cultural Heritage Objects of the Trans-Baikal Territory, Chita, Russia

Abstract. The article presents the multi-layered settlements of Southwestern Transbaikalia, among which the discovered by the Chikoi Archaeological Expedition of Chita Pedagogical Institute in 1980 Ust-Menza-2 site stands out. 34 cultural layers have been identified in this settlement. Of these, 32 layers (C.L. 3-27) belong to the Upper Paleolithic. The lowest C.L.s (25-27) reflect the final stage of the middle period of the Upper Paleolithic. Paleolithic layers 4-24 characterize the late time of the Upper Paleolithic. A variety of stone structures have been found in these cultural layers, most of them are interpreted as the remains of dwellings. The lithic inventory of the Paleolithic layers testifies to the origin and development of the microblade industry based on the use of terminal wedge-shaped microcores - from single primitive microcores and curved microblades to variable-shaped microcores and numerous upright secondary forms. In the Paleolithic layers, fragments of bones and teeth of the Siberian mountain goat, mountain sheep, bull, red deer, horse, tarbagan, fox, and bird were found. Bone tools are rare (awls, needles). A special place is occupied by C.L. 3, attributed to the final Paleolithic. C.L.s 1 and 2 from the Holocene deposits date back to the Bronze Age. These layers

contain hearths, fireplaces, stone implements, and traces of the use of metal. Stone inventory retains its relevance, while the assortment of tools is expanding, which is associated with the beginning of ore mining and the use of bronze. A special group of finds in C.L. 1 and 2 is occupied by pottery with a large number of ornamented fragments. The correlation of Ust-Menza 2 with other multi-layer sites of Menza and Chikoy makes it possible to create a reliable regional geoarchaeological scheme and present a vivid picture of the development of the material culture of the ancient population.

Keywords: southwestern Transbaikalia, taiga zone, multi-layered settlement, Ust-Menza-2, Paleolithic, Bronze Age, stone implements, pottery, bone tools, cultural gap

For citation: Maslodudo S.V. (2023) The multi-layered settlement of Ust-Menza-2 in the southwestern Transbaikalia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 8-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-8-22>. EDN: BCFBC.

Введение

Древние многослойные поселения – это особый вид поселенческих памятников археологии. В их структурах представлены серии культурных слоев, расположенных друг над другом, что создает надежную основу для относительной хронологии по выявлению традиций и новаций в материальной и духовной культуре. Поскольку культурные слои многослойного поселения всегда включены в конкретное геологическое тело в виде отложений различного генезиса, то появляется возможность для анализа природных процессов и оценки их воздействия на жизнь первобытных общин, а также для формирования природно-исторических схем.

Научная литература не содержит ответа на вопрос о том, какое количество культурных слоев в структуре одного поселения позволяет считать его многослойным. Единственный вариант, который не вызовет возражений, – это использование понятия «множество».

К объектам с множеством культурных слоев относится древнее поселение Усть-Менза 2, расположенное в Красночикийском районе Забайкальского края. Открыто в 1980 году Чикойской археологической экспедицией Читинского пединститута (ныне ЗабГУ) (Константинов М.В., Константинов А.В., Екимова, Разгильдеева, 2011)¹. В процессе планомерных раскопок, проводившихся более сорока лет, на этом поселении открыто и изучено 34 культурных слоя. Они заключены в толщу отложений II надпойменной террасы мощностью 7,5 м. В структуре отложений выделяются

маркеры, свидетельствующие о теплых и холодных, влажных и сухих периодах, субаквальных и субаэральных условиях, геоклиматических рубежах и т. д., отражающих природные обстановки позднего плейстоцена и голоцена.

Особую ценность Усть-Мензе-2 придаёт то, что подавляющее большинство культурных слоев сохраняет первоначальную естественную позицию, имеет четкую структуру с реально опознаваемой поверхностью обитания, разделено стерильными прослоями, обеспечивающими «чистоту» культурных комплексов.

На поселении раскрыты информативные планиграфические структуры, включающие в себя жилища, очаги, кострища, рабочие площадки и другие культурные элементы. В пространстве поселенческого объекта оказалась серия погребений, увязываемая с конкретными слоями.

Необходимость изучения многослойных поселений вытекает из практики организации археологических исследований, имеющих длительную историю и включающую в себя деятельность многих поколений археологов (Окладников, 1959; Окладников, 1961; Ларичев, 1969, Константинов М.В., 1983; Константинов М.В., 2002).

История первых открытий древних стоянок

Первые десятилетия археологических поисков первобытных древностей в Забайкалье были связаны со сбором подъемного материала в виде каменных изделий и обломков керамической посуды. В 1866–1867 гг. П.А. Кропоткин и И.С. Поляков выявили стоянки с разрушенным культурным слоем в Тунке и обратили внимание на золотоносные карьеры в Баргузинском округе Забайкальской области, где, наряду с костями жи-

¹ Константинов М.В., Константинов А.В., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И. Усть-Менза // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. С. 302–306.

вотных ледниковой эпохи, встречались разные археологические артефакты (Поляков, 1869²; Кропоткин, 1873³; Кропоткин, 1876; Уваров, 1881). В начале 1880-х гг. И.Д. Черский и Н.И. Витковский проводили осмотр памятников на р. Селенге, в том числе пещеры Итанца, в низовьях рек Чикоя и Джиды (Черский, 1878⁴; Черский, 1881⁵; Черский, 1882⁶; Уваров, 1881, Константинов М.В., 2008). В 1990-х гг. А.П. Мостиц нашел около 20 развешанных стоянок в нижнем течении Чикоя и на Селенге (Мостиц, 1894; Мостиц, 1897). В этих же местах в конце XIX – первых десятилетиях XX в. П.С. Михно и Ю.Д. Талько-Грынцевич открыли стоянки подобного типа (Талько-Грынцевич, 1905).

В восточном Забайкалье, начиная с 1880-х гг., более 30 лет, археологическое обследование проводил А.К. Кузнецов. На берегах рек Онон, Ингода, Иля, Аргунь, на оз. Бальзино, в окрестностях Читы и Нерчинска он открыл 25 стоянок, собирая с поверхности каменные изделия (Кузнецов А.К., 1893; Константинов М.В., 2002; Патронова, Константинов М.В., 2011⁷). В 1920-х гг. на Селенге и ее притоках исследовали разрушенные стоянки Г.Ф. Дебеч, А.П. Окладников, М.М. и Г.П. Сосновские (Дебеч, 1925; Дебеч, 1930; Окладников, 1927; Окладников, 1928; Герасимов,

1941, Сосновский, 1928⁸; Археологический отряд..., 1929⁹; Археологическая Бурято-Монгольская экспедиция..., 1930¹⁰; Сосновский, 1933). А.П. Окладников продолжил эти исследования во второй половине 1940-х гг. (Окладников, 1950; Окладников, 1955).

Итак, с 1860-х до конца 1940-х гг. исследователи выявили более 50 местонахождений подъемного материала, составив выразительные музейные и лабораторные коллекции и разработав первые культурно-хронологические классификации. На этом этапе исследований только в единичных случаях удавалось найти артефакты в отложениях (например, в Усть-Кяхте-3, Итанце). Вместе с тем в этот же период было открыто немало «лапидарных» памятников (петроглифы, надписи, курганы, маяки). В их числе было несколько неолитических погребений (Тултун-Дабан, Фофаново) (Окладников, 1950; Окладников, 1955).

Первые небольшие раскопки на стоянках, позволившие выявить культурные слои, были проведены А.П. Окладниковым в 1952–1953 гг. на местонахождении Ошурково. Стационарные работы здесь состоялись в 1958 г. Памятник был определен как трехслойный. В том же году поставлена «результативная траншея» на объекте Санний Мыс на р. Уде. В 1959, 1961 гг. В.Е. Ларичев и С.Н. Астахов под руководством А.П. Окладникова начали раскопки палеолитической мастерской на Титовской сопке в Чите. В Бурятии А.П. Окладников исследовал двухслойные поселения Посольское на Байкале и Нижняя Березовка на Селенге (Окладников, 1951; Окладников, 1953; Окладников, Флоренсов, 1957; Окладников, 1958). В восточном Забайкалье А.П. Окладниковым и И.И. Кирилловым изучены поселения Сухо-

² Поляков И.С. Отчет о поездке в Восточный Саян (в Отчете о действиях Сибирского отдела Импер. рус. геогр. общ. за 1868 г.). СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1869. С. 109–197.

³ Кропоткин П.А. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции, для отыскания скотопроегонного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 году олекминскими золотопромышленниками, при содействии Сибирского отдела Географического общества / [Соч.] П. Кропоткина и И. Полякова; изд. под ред. П. Кропоткина // Записки импер. рус. геогр. о-ва по общей географии. Т. 3. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1873. XXX, XIII, [1], 681, VII, 175 : табл. ; 1 л. карт.

⁴ Черский И.Д. Предварительный отчет о геологических исследованиях береговой полосы оз. Байкал (год первый, 1877) // Изв. ВСОРГО. 1878. Т. IX. № 1–2. С. 1–38.

⁵ [Черский И.Д. Отчет о работе в 1881 г. в Забайкальской области] Летние занятия членов отдела // Изв. ВСОРГО. 1881. Т. XII. № 2–3. С. 87–90.

⁶ [Черский И.Д. Отчет о поездке на Селенгу в 1881 г.] Отчет ВСОРГО за 1881 год. // Изв. ВСОРГО. 1882. Т. XIII. № 3. С. 1–2.

⁷ Патронова А.Г., Константинов М.В. Кузнецов А.К. // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология (гл. ред. Р.Ф. Гениатулин). Новосибирск : Наука, 2011. С. 185–186.

⁸ Сосновский Г.П. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР, 1928 // Бурятиеведение. Верхнеудинск, 1928. № 4 (8). С. 162–166.

⁹ Археологический отряд Бурят-Монгольской экспедиции, 1928 (рук. Г.П. Сосновский) // Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Отд. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. С. 178–180.

¹⁰ Археологическая Бурят-Монгольская экспедиция, 1929 (рук. Г.П. Сосновский) // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Отд. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. С. 153–155.

тино-1, Амогolon, Чиндант, Арын-Жалга и др. (Окладников, Кириллов, 1980).

Расширяющаяся практика раскопок большими площадями на значительную глубину привела к открытию в 1968 г. первого многослойного поселения в Забайкалье: А.П. Окладникову на Санном Мысе удалось выявить 7 культурных слоев, при этом в слое б было выявлено выразительное палеолитическое жилище (Окладников, 1971). На данном памятнике впервые для региона отмечено, что культурные слои могут быть связаны с аллювиальными отложениями.

Многослойные памятники Забайкалья

В 1970-х годах была сделана ставка на обоснование перспективности «аллювиальной археологии». На многих объектах были поставлены глубокие шурфы и траншеи. Это позволило приобрести значительный разведывательный опыт, открыть поселения с множеством культурных слоев и приступить к планомерным раскопкам. В последние десятилетия исследования многослойных памятников продолжалось. Усилиями Чикойской археологической экспедиции в науку была введена серия многослойных памятников (Малая энциклопедия..., 2011. С. 49, 177–178, 277–280, 302–305)¹¹. Представим самые яркие «многослойки» (рис. 1).

Усть-Менза-1. Открыто в 1980 г. Поселение расположено вплотную к Усть-Мензе-2. Связано с высокой поймой (прибрежная часть) и I надпойменной террасой высотой 5–6 м. Изучено на площади 524 кв. м. Выявлено 25 культурных слоев. К эпохе бронзы относятся КС 1 и 2. В прибрежной части поселения (зона высокой поймы) единый слой 2 заменяется тонкими дробными прослойками, обозначенными 2А – 2Д. Неолитическим временем датируются КС 3–8. Поздний мезолит – КС 9, 10. Уровень среднего мезолита, в связи с размытием бореальных отложений, не представлен. Ранний мезолит – КС 11,12 (норильская стадия). Поздний палеолит – КС 13–25 (позднесартанские интерстадиалы).

Усть-Менза-3. Открыто в 1980 г. Расположено на древнем приустьевом мысе Мензы, являю-

щимся II террасой высотой 14 м. Изучено на площади 496 кв. м. Выявлено 7 культурных слоев. КС 1 и 2 относятся к эпохе бронзы. С КС 2 связаны 2 погребения. КС 3–7 – поздний палеолит (сартанская эпоха).

Студёное-1. Открыто в 1970 г. Расположено от Усть-Мензы в 50 км ниже по течению реки Чикой, на правом берегу, в устье р. Студёный, на I террасе высотой 5–6 м. Выявлено 38 культурных слоев, что повторяет «сибирский рекорд» якутских Белькачей (Мочанов, 1969). Верхние КС – 1А, 1Б, 1В относятся к эпохе бронзы. Изучены на площади 1060 кв. м. КС 2–9 – к неолиту. КС 10–12 – поздний мезолит. Бореальный уровень с возможными слоями среднего мезолита отсутствует. КС 13–17, 18/1, 18/2, 19/1–19/4 – поздний палеолит (позднесартанские интерстадиалы).

Студёное-2. Открыто в 1975 г. Находится по соседству со Студёным-1, на II террасе высотой 9–10 м. Выявлено 15 культурных слоев. Раскопки велись на площади 818 кв. м. КС 1А, 1Б – эпоха бронзы. КС 2 – средний мезолит (бореал), КС 3, 4/1 – 4/6, 5, 6, 7/1, 7/2, 8 – поздний палеолит (сартанская эпоха).

Алтан. Открыто в 1981 г. Расположено в среднем течении р. Мензы, в 90 км от ее устья, на I террасе высотой 6 м. Изучено на площади 54 кв. м. Выявлено 19 культурных слоев. КС 1–8 – бронза, КС 9–15 – поздний неолит, КС 16–19 – палеолит. Существенная лакуна (размытие) приходится на бореал и нижний отдел атлантического оптимума.

Косая Шивера-1. Открыто в 1981 г., расположено на р. Мензе, в 20 км от устья этой реки, в пади Широкая, на I надпойменной террасе, высотой 8 м. Раскопана площадь в 25 кв. м. Выявлено 14 культурных слоев. КС 1, 2 – бронза, КС 3–6 – неолит, КС 7–9 – мезолит, КС 10–14 – конец палеолита.

Каждый из многослойных памятников заслуживает всестороннего изучения и развернутого представления для введения в основополагающий археологический реестр и как ресурс исторических и культурологических реконструкций. При анализе Усть-Мензы-2 они являются основными памятниками-коррелянтами.

¹¹ Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. 368 с.

Рис. 1. Карта-схема с местоположением опорных многослойных памятников Забайкалья: 1 – Кристинкина пещера; 2 – Егоркина пещера; 3 – Алтан; 4 – Усть-Менза-1, 2, 3; 5 – Студеное-1, 2; 6 – Косая Шивера-1
Fig.1. Map with the location of the main multi-layered sites of Transbaikalia: 1 - Kristinkina Cave; 2 - Egorkina Cave; 3 - Altan; 4 - Ust'-Menza-1, 2, 3; 5 - Studenoe-1, 2; 6 - Kosaya Shivera-1

Исследование поселения Усть-Менза-2

Поселение открыто и исследовано Чикойской археологической экспедицией Читинского пединститута (ныне ЗабГУ). Первый этап исследований Усть-Мензы-2 (1980–1995 гг., раскопы 1, 2) отчасти отражен в ряде публикаций и диссертаций (Семина, 1986¹², Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2001; Кузнецов О.В., 1996¹³; Мороз, 2014; Константинов М.В., Екимова, Верещагин, 2016). Второй этап исследований – с 2015 по 2021 г. – практически в публикациях не представлен. В настоящем исследовании дана характеристика результатов раскопок Усть-Мензы-2 за все годы

исследований с характеристикой структуры памятника, включающей 34 культурных слоя (рис. 2).

КС имеют следующие обозначения: 1–3, 4, 4/2–4/4, 5–8, 9А–9Г, 10А–10Б, 11–27. Особо отметим, что 29 слоев связаны с тонкими иловатыми прослойками аллювиального генезиса, что подчеркивает важность вскрытия аллювиальной толщи до предела, в данном случае до галечника (впрочем, нижние два метра вязких илистых отложений находок пока не дали). Второй «урок» данного памятника заключается в том, что проникновение в нижние отделы отложений возможно только при значительных площадях вскрытия верхних слоев (с вынужденным сохранением системы разновысотных защитных ступеней под стенами-профилями раскопа). К тому же только обширные размеры раскопа (по максимуму 1206 кв. м) позволили выявить развернутую картину поселений с сериями жилищ. В верхней части отложений представлена система отложений, характеризующая позднесартанские интерстадиа-

¹² Семина Л.В. Эпоха неолита и палеолита Юго-Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.06 / Л.В. Семина. Ленинград, 1986. 16 с.

¹³ Кузнецов О.В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья (технологический, типологический и функциональный анализ) : дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1996. 305 с.

Рис. 2. Вид на раскопы Усть-Мензы-2 с востока
Fig. 2. View of the Ust-Menza-2 excavations from the east

лы в виде трех, примерно, равных по толщине прослоек (6–8 см) – двух затемненных, теплых (кокоревской и таймырской) и осветленной, холодной (безымянной) между ними. Их перекрывает серая карбонатизированная супесь (норильская), с подошвы которой уходят вниз мерзлотные клинья (в целом – 12,7–10,8 тыс. л. н.). По этим делювиальным прослойкам четко распределяются КС 3, 4, 4/2 (рис. 3). КС 4/3–27 связаны с аллювиальными отложениями конца гыданьской и всей ньяпанской стадии сартанского оледенения. По некоторым палеолитическим слоям получены радиоуглеродные даты: КС 11 – 14830+390 (ГИН–6116); КС 17 – 15400+400 (ГИН–5478) и 16900+500 (ГИН–6117); КС 20 – 16980+150 (ГИН–5465); КС 21 – 17190+120 (ГИН–5464) и 17600+250 (ГИН–6119).

Палеолитические слои

В палеолитических слоях выявлена серия из 12 жилищ. От них сохраняются внешние обкладки из речных валунов размерами до 65 см. Преобладают одноочажные жилища. Они реконструируются в виде чумов. Одно из жилищ имело вход в виде тамбура. Второй вариант жилищ – трехочажный, с очагами в одну линию и, вероятно, с единым внутренним пространством. В жилищах со-

средоточены артефакты, свидетельствующие о расщеплении камня, и орудия разных типов. Кроме того выделены жилые площадки, в том числе с очагами и кострищами, отражающие хозяйственную деятельность под открытым небом. Впрочем, в некоторых случаях за ними видятся те же жилища, но утратившие часть показательных конструктивных элементов. Наиболее выразительные планиграфические поселенческие картины раскрыты в КС 4, 5, 20, 21. Их анализ показывает, что одна и та же поверхность обитания могла использоваться многократно, при этом жилища строились, перестраивались, перемещались, разрушались (рис. 4).

Каменный инвентарь свидетельствует о зарождении и развитии микропластинчатой индустрии, основанной на использовании торцовых клиновидных микронуклеусов. В самых нижних КС (25–27) найдены примитивные микронуклесы, свидетельствующие о зарождении этой техники. В качестве преформы использовались небольшие гальки. Высота микронуклесов не превышает 1,5 см. Торцовый фронт несет 2–3 фасетки от снятых мелких изогнутых микропластинок. Латеральные поверхности формируют удлиненный клин для зажима. Площадки горизонтальные, оформлены ретушью. Данные КС отнесены к заключительной стадии средней поры верхнего палеолита

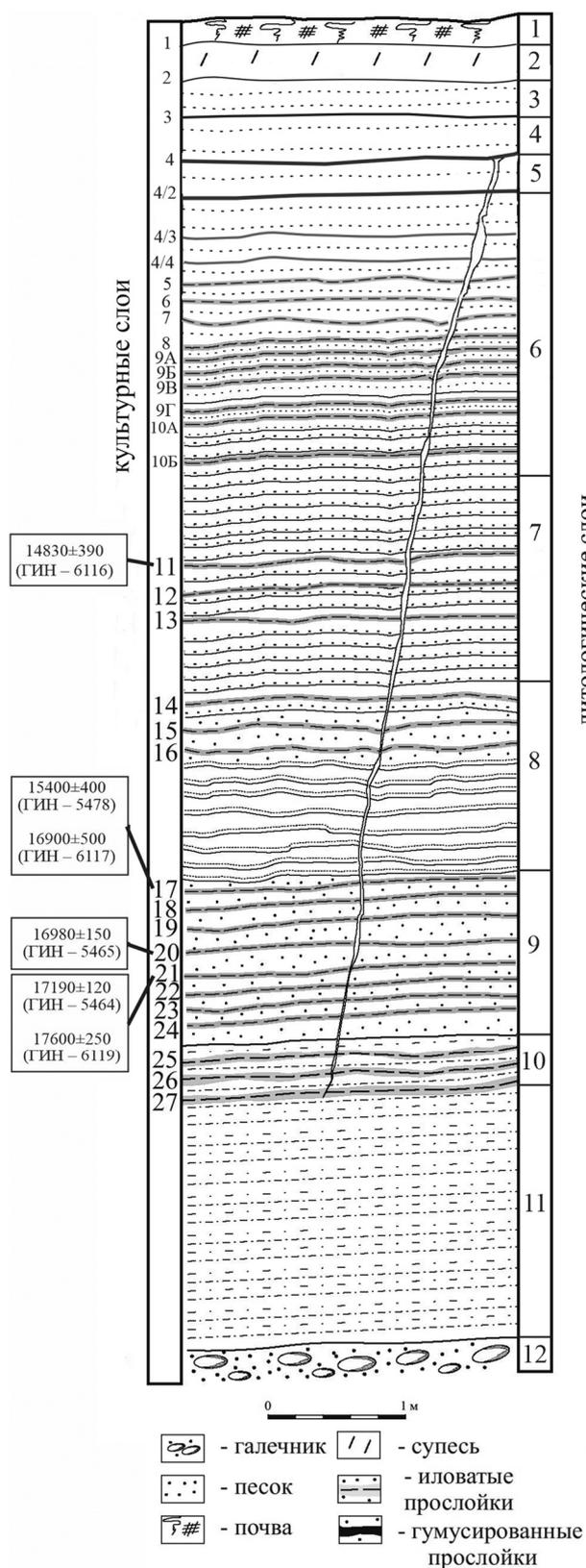

Рис. 3. Усть-Менза-2. Стратиграфическая колонка
Fig. 3. Ust-Menza-2. Stratigraphic column

(20–18 тыс. л. н.). Палеолитические слои 4–24 характеризуют позднюю пору верхнего палеолита. Наблюдается, как техника микронуклеуса становится весьма результативной, позволяющей получать серии достаточно правильных микропластин. Используются также пластинки, реже – пластины. Отщепы как основы разнообразны. Ретушь – краевая, чаще – дорсальная. Орудийный набор на вторичных основах включает в себя скребла, скребки, ножи, проколки, резцы, долота, острокопечники и др. (рис. 5). Из целых галек оформляются чопперы. Костяные орудия единичны (шилья, иглы). Фауна представлена обломками костей и зубов сибирского горного козла, горного барана, бычьих, благородного оленя, лошади, тарбагана, лисицы, птицы (определение А.М. Клементьева).

Особо представим КС 3, относимый к финальному палеолиту (10,8–10,3 тыс. л. н.). В планиграфической структуре слоя выделяется серия круговых обкладок, соответствующих жилищам, но в них нет очагов и кострищ. Артефакты и единичные обломки костей (кошуля) также не привязаны к жилищам. Скорее всего, это связано с существенной деструкцией слоя, формировавшегося в очень холодное норильское время. По другим памятникам Забайкалья к норильскому времени, согласно находкам гарпунов (Ошурково) и наконечников стрел (Усть-Менза-1), привязывается ранний мезолит, но КС 3 Усть-Мензы-2 не содержит явных индикаторов наступления этой эпохи. С КС 3 связано погребение в грунтовой овальной яме с останками плохо сохранившегося скелета мужчины 30–40 лет (определение С.В. Васильева, С.Б. Боруцкой).

Особенностью Усть-Мензы-2 является то, что в отложениях ранне-среднего голоцена, т. е. бореала и оптимума (литологический слой 3; 10,3–4,0 тыс. л. н.), полностью отсутствуют культурные остатки. Связано это преимущественно с тем, что рядом, под уступом II террасы, сформировалась I терраса, удобная для обитания. В ее отложениях выявлены культурные слои среднего и позднего мезолита и неолита, заключенные в черные иловато-гумусовые прослои (поселение Усть-Менза-1). Материалы из этих слоев помогают восполнить культурную лакуну Усть-Мензы-2.

Рис. 4. Усть-Менза-2. Раскоп 2А. Общий вид с востока
Fig. 4. Ust-Menza-2. Excavation 2A. General view from the east

Культурные слои эпохи бронзы

Венчают разрез отложений Усть-Мензы-2 слои эпохи бронзы – КС 1 и 2. Они связаны, соответственно, с субатлантическим (2,8–2,0 тыс. л. н.) и суббореальным (4,0–2,8 тыс. л. н.) периодами голоцена. Последовательная позиция КС 1 и 2, соотносимая с природными периодами и характерным археологическим материалом, позволяет разделить бронзу на позднюю (КС 1) и раннюю (КС 2). Заключенный в каштановую супесь КС 2 сохранил пять погребений, из них четыре погребения под плоскими каменными кладками диаметром до 3 м, а пятое погребение обозначено одним камнем. Костные останки в грунтовых ямах глубиной до 1,5 м не выявлены. Есть следы охры, ритуального огня и единственный наконечник стрелы. Структуры в слое представлены очагами, кострищами и ямкой с углисто-золистым заполнением для горячей просушки сосудов. В КС 1 все структуры разрушены длительной старинной крестьянской распашкой. В КС 2 обнаружено зеленое пятно, содержавшее распавшуюся медь, а также отщеп с прилипшей к нему медной окисью. Отметим, что в пределах чикойско-

мензинской провинции известны оловянная руда и самородная медь. Многочисленны массивные каменные орудия, предназначенные для добычи и дробления руды. Показательны две ямки со следами ритуального огня, сопровождаемые орудиями «рудознатцев». Абразивные камни несут следы заточки металлических инструментов. Вместе с тем орудий из меди и бронзы не выявлено, что свидетельствует о начальном этапе использования металла и крайне бережном отношении к нему. Широко использовались каменные изделия, в том числе микропластинки, снимаемые с торцовых клиновидных микронуклеусов. В сравнение с предшествующими эпохами эта техника получила существенное развитие. Есть предположение, что этому способствовало использование металлических стержней-посредников. При изготовлении орудий широко используется яшма и халцедон, доставляемые издалека. Орудийный набор включает изделия, оформленные ударной и отжимной ретушью. Преобладает ретушь краевая, но практикуется и бифасиальная, например, при оформлении наконечников стрел (рис. 6).

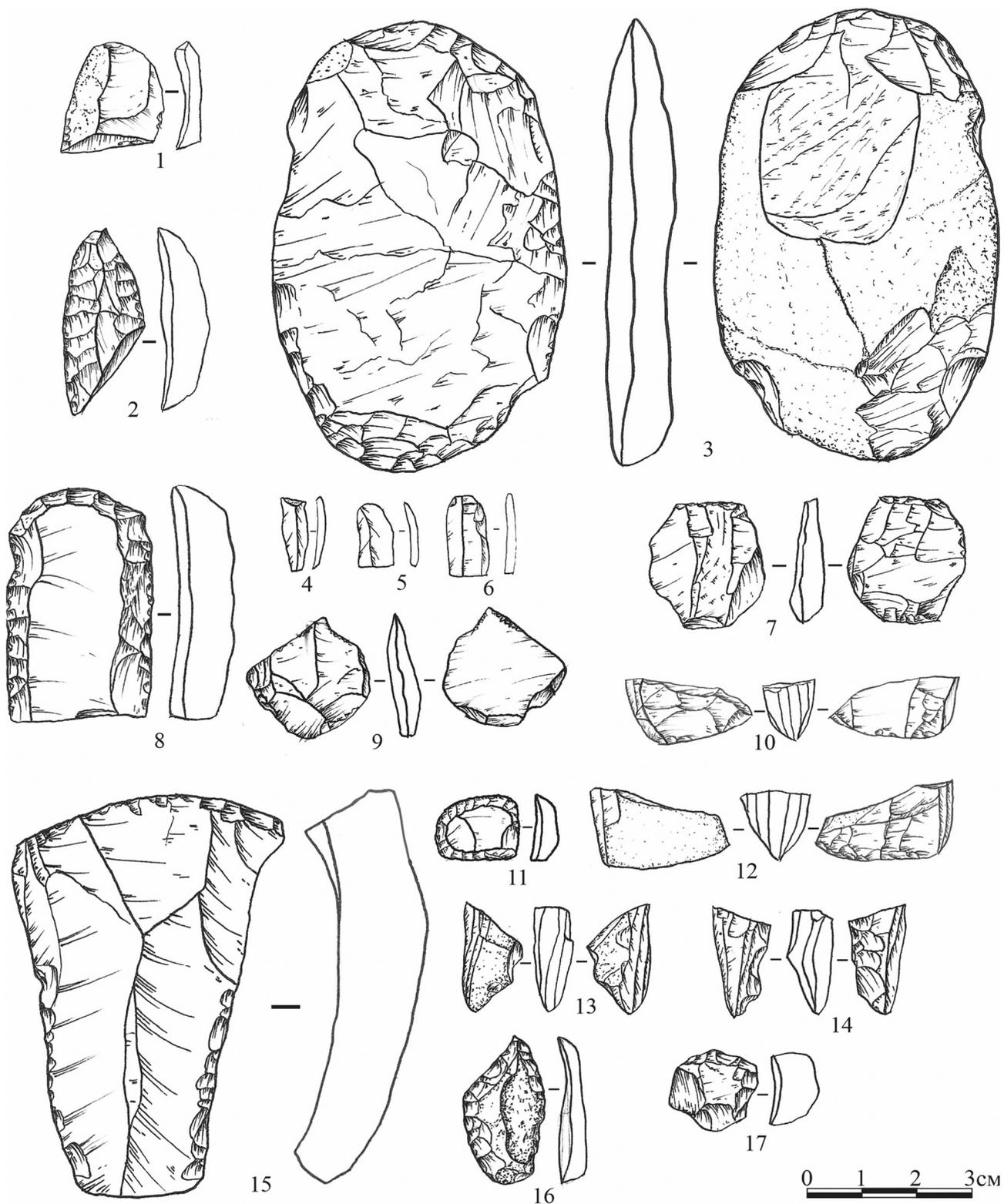

Рис. 5. Усть-Менза-2. Палеолитические слои. Каменный инвентарь: культурный слой 9А (3 – скребло; 7 – долотовидное орудие); культурный слой 9Б (4–6 – фрагменты микропластинок; 9 – проколка; 11 – скребки); культурный слой 13 (13–14 – микронуклеусы; 16 – проколки; 17 – скребки); культурный слой 20 (1 – фрагмент пластинки с ретушью; 2 – остроконечник; 8 – концевой скребок; 10, 12 – микронуклеусы; 15 – пластина с ретушью)

Fig. 5. Ust-Menza-2. Paleolithic layers. Stone inventory: cultural layer 9A (3 - scraper; 7 - chisel tool); cultural layer 9B (4-6 - fragments of microblades; 9 - perforator; 11 - end-scrapers); cultural layer 13 (13-14 - microcores; 16 - perforators; 17 - end-scrapers); cultural layer 20 (1 - fragment of a retouched blade; 2 - point; 8 - end-scraper; 10, 12 - microcores; 15 - retouched blade)

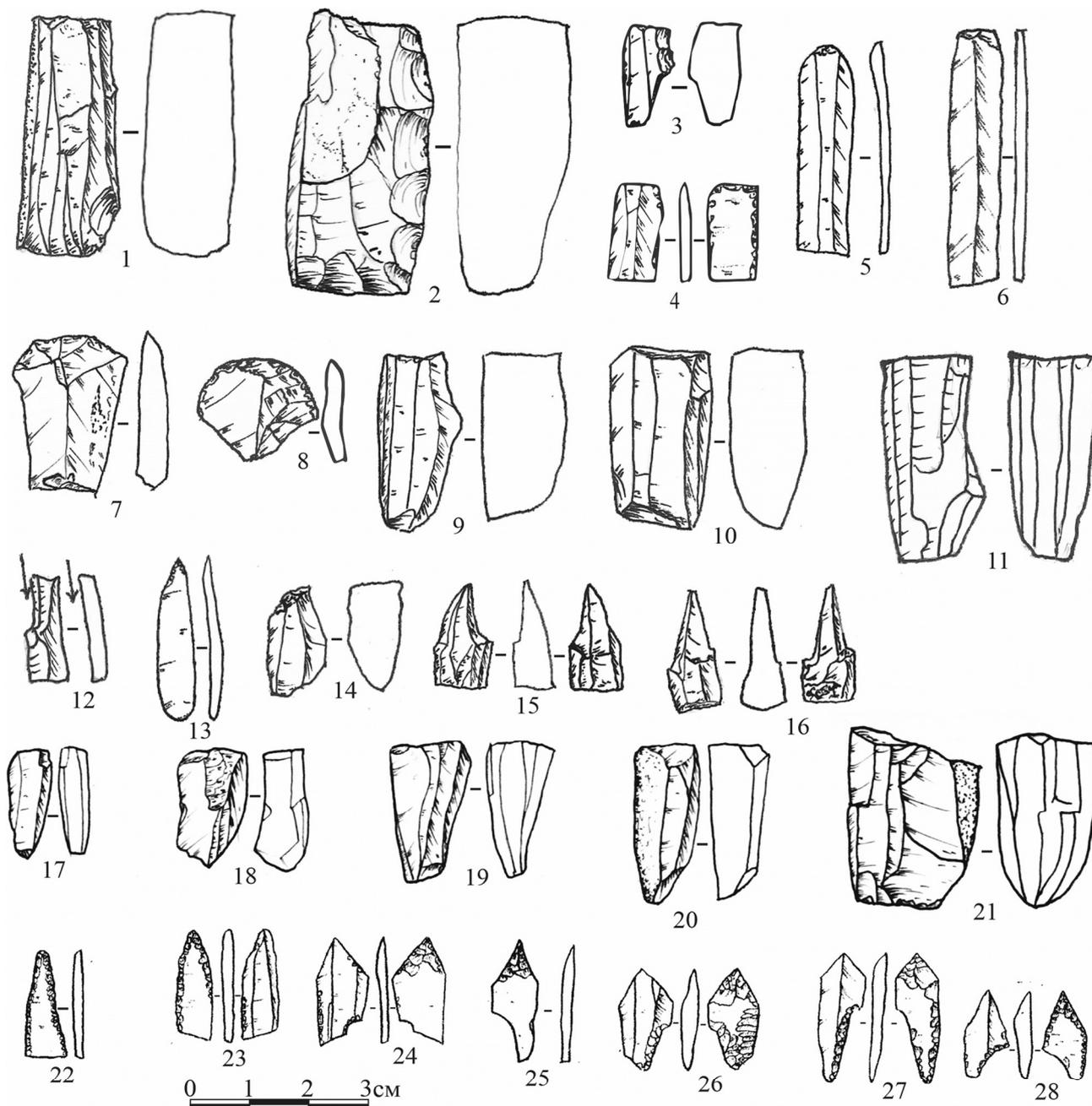

Рис. 6. Усть-Менза-2. Слои бронзы (1-2). Каменный инвентарь: культурный слой 1 (1-2 – нуклеусы; 3 – нуклеус-дрель; 4 – фрагмент микропластинки с ретушью; 5-6 – микропластинки); культурный слой 2, горизонт 1 (7 – скребок, 8 – концевой скребок; 9-11 – микронуклеусы; 12 – угловой резец; 13 – проколка; 14-16 – нуклеусы-дрилли); культурный слой 2, горизонт 2 (17-21 – микронуклеусы; 22-23 – провертки; 24-28 – наконечники стрел)

Fig. 6. Ust-Menza-2. Layers of bronze (1-2). Stone inventory: cultural layer 1 (1-2 - cores; 3 - core-drill; 4 - retouched microblade fragment; 5-6 - microblades); cultural layer 2, horizon 1 (7 - end-scraper; 8 - end scraper; 9-11 - microcores; 12 - angled incisor; 13 - perforator; 14-16 - drill cores); cultural layer 2, horizon 2 (17-21 - microcores; 22-23 - piercing tools; 24-28 - arrowheads)

Керамика представлена массой разрозненных фрагментов, происходящих преимущественно от круглодонных тонкостенных сосудов, украшенных штамповым орнаментом и изредка окрашенных красной или малиновой охрой. В сравнении с неолитом появляются плоскостенные сосуды, более массивные с заглаженными поверхностями

(рис. 7). В КС 1 обнаруживаются явные фрагменты триподов – типичного керамического продукта степняков-кочевников. По памятникам-коррелянтам (например, Усть-Менза-3 и Студёное-1) известно, что в поздней бронзе у таежников появляются такие домашние животные как козы, овцы, свиньи и коровы.

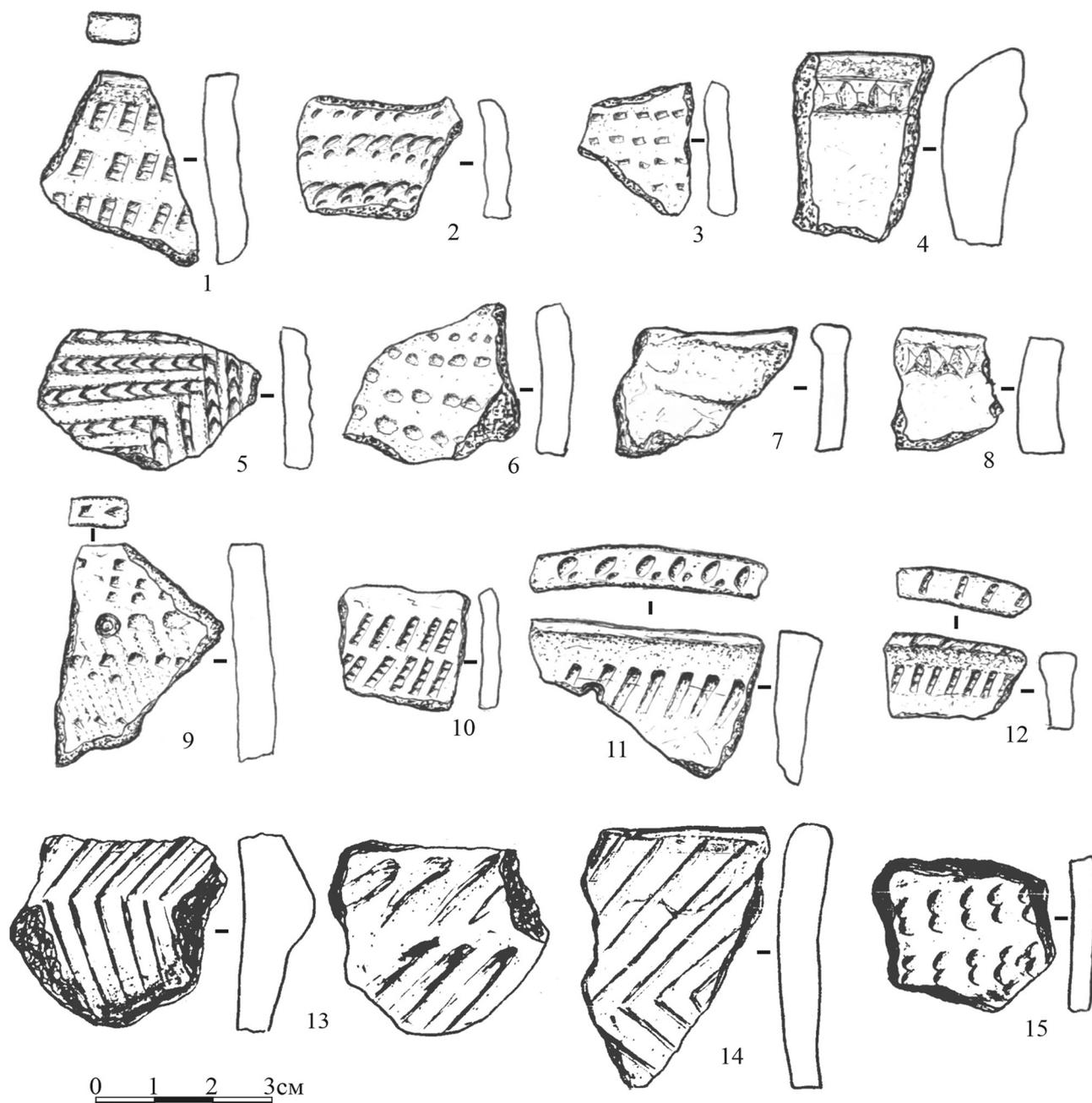

Рис. 7. Усть-Менза-2. Слои бронзы (1–2). Фрагменты керамики: 1–8 – культурный слой 1; 9–12 – культурный слой 2, горизонт 1; 13–15 – культурный слой 2, горизонт 2
Fig. 7. Ust-Menza-2. Layers of bronze (1–2). Fragments of pottery: 1–8 - cultural layer 1; 9–12 - cultural layer 2, horizon 1; 13–15 - cultural layer 2, horizon 2

Таежная жизнь в плане развития была замедленной, но не стояла на месте, что достигалось как за счет внутренних усилий, так и некоторой подсказки из степных просторов, пугающих своей открытостью, но интересных с точки зрения вещей, идей, новостей и особенностей в организации жизни. Очень важно, что тайга на Чикое, как и в других местах Сибири, в эпоху палеометалла не опустела. Она стала природной базой

для рождения тунгусского и ряда палеоазиатских народов, достойно представляющих важную составную часть этнокультурной истории человечества.

Заключение

Древнее поселение Усть-Менза-2 относится к числу особо значимых памятников забайкальской археологии, поскольку его структуру представля-

ют 34 культурных слоя, имеющих четкую стратиграфическую позицию в отложениях II надпойменной террасы.

Культурные слои характеризуют эпохи верхнего палеолита и бронзы. Они представлены выразительными планиграфическими хозяйственными структурами, а также ансамблями разнообразных артефактов.

Изучение древнего поселения Усть-Менза-2 и корреляция с другими поселениями Чикоя позволяет прийти к следующим выводам:

1. Многослойные поселения являются особыми поселенческими объектами, обладающими высокой степенью информативности и достоверности; в пределах речных долин их полное изучение непременно связано с проникновением в аллювиальные толщи террас.

2. Палеолитическое население имело надежные базовые традиционные места поселений, что

позволяло ему успешно адаптироваться к условиям плейстоцена.

3. Население исследуемого региона обладало разнообразными практическими знаниями для нахождения и использования разнообразных пород камня, а в эпоху палеометалла – поиска горной руды и ее переработки специально подготовленными орудиями.

4. В культурных слоях поселений выявлены достаточно значимые материалы для доказательства реального использования изделий из бронзы, начиная со II тысячелетия до н. э.

5. В эпоху раннего металла изолированность и скрытость таежной жизни, вызванная необходимостью самозащиты, дополнилась определенными контактами с населением степных районов, о чем свидетельствуют следы использования металлических орудий и появления одомашненных животных.

Список источников

Герасимов М.М. Реки Селенга и Белая, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 318–321.

Дебес Г.Ф. Следы доисторического человека в долине р. Уды // Бурятияведение. Верхнеудинск, 1925. № 1. С. 13–16.

Дебес Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Известия Ассоциации науч.-исслед. институтов при физ.-мат. факультете МГУ. 1930. Т. 3. № 2а. С. 151–169.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

Константинов М.В. Развитие взглядов на палеолит Западного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 26–45.

Константинов М.В. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита: Изд-во Ин-та общественных наук БНЦ СО РАН; Читинский гос. пед. ин-т им. Н.Г. Чернышевского, 1994. 180 с., 85 с.

Константинов М.В. Оракулы веков. Этюды об исследователях Сибири. Изд. 2, испр. и доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. 104 с.

Константинов М.В. Провинциальная археология / М.В. Константинов. Чита: Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, 2008. 296 с.

References

Gerasimov M.M. (1941) The Selenga and Belaya rivers, 1936. *Archaeological Research in the RSFSR, 1934–1936*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. P. 318–321. (In Russ.).

Debets G.F. (1925) Traces of prehistoric man in the Uda River valley. *Buryatievedenie = Buryat Studies*. Verkhneudinsk. No. 1. P. 13–16. (In Russ.).

Debets G.F. (1930) Experience in identifying cultural complexes in the Neolithic of the Baikal region. *Izvestiya Asotsiatsii nauch.-issled. institutov pri fiz.-mat. fakul'tete MGU = News of the Association for Scientific Research. Institutes at the Faculty of Physics and Mathematics of Moscow State University*. Vol. 3. No. 2a. P. 151–169. (In Russ.).

Konstantinov A.V. (2001) Ancient dwellings of Transbaikalia (Paleolithic, Mesolithic). Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Konstantinov M.V. (1983) Development of views on the Paleolithic of Western Transbaikalia. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya = In the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 26–45. (In Russ.).

Konstantinov M.V. (1994) Stone Age of the Eastern region of Baikal Asia. To the World Archaeological Inter-Congress (Transbaikalia, 1996). Ulan-Ude; Chita: Publishing House of the Institute of Social Sciences BSC SB RAS; Chita State Pedagogical Institute named after N.G. Chernyshevsky. 265 p. (In Russ.).

Konstantinov M.V. (2002) Oracles of the ages. Sketches about explorers of Siberia. Novosibirsk: Publishing house SB RAS. 104 p. (In Russ.).

Konstantinov M.V. (2008) Provincial archeology. Chita: Transbaikalian State University. 296 p. (In Russ.).

Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: ЗабГУ, 2016. 247 с.

Кропоткин П.А. Исследование о ледниковом периоде / под ред. А. Кропоткина и И. Полякова // Записки Императорского русского географического общества. По общей географии (отделениям географии математической и физической). Т. 7, изданный под редакцией А. Кропоткина и Ив. Полякова. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1876. Вып. 1. 839 с.

Кузнецов А.К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Известия ВСОИРГО. 1893. Т. 24. № 2. С. 1–12.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1969. Ч. 1. Азия и проблема Родины человека (история идей и исследования). 390 с.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья : к IV Международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», Чита, 2013. Чита : ЗабГУ, 2014. 182 с. EDN: YPAQUM.

Мостиц А.П. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты // Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. 1894. Протокол № 3. Приложение I. С. 7–18.

Мостиц А.П. Следы доисторического человека в долине р. Чикоя // Протоколы обыкновенных общих собраний Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. 1897. Протоколы № 2 и 3. Приложение I. С. 5–9.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. Москва : Наука, 1969. 255 с.

Окладников А.П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска // Бурятоведческий сборник. Вып. III и IV. Иркутск, 1927. С. 102–105.

Окладников А.П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. 1928. № 3. С. 63–69.

Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги (предварительные сообщения о раскопках, произведенных в 1948 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1950. Вып. 35. С. 85–90.

Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Известия АН СССР: серия истории и философии. 1951. Т. VIII. № 5. С. 440–450.

Konstantinov M.V., Ekimova L.V., Vereshchagin S.B. (2016) Taiga Chikoy at the boundary between Stone and Bronze Ages. Chita: Transbaikalian State University. 247 p. (In Russ.).

Kropotkin P.A. (1876) Research on the Ice Age. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Po obshchei geografii (otdeleniyam geografii matematicheskoi i fizicheskoi) = Notes of the Imperial Russian Geographical Society. In general geography (departments of mathematical and physical geography)*. St. Petersburg: Tip. Stasyulevicha. Vol. 7. Iss. 1. 839 p. (In Russ.).

Kuznetsov A.K. (1893) Archaeological research in the south-eastern part of Transbaikalia in the summer of 1892. *Izvestiya VSOIRGO = News of VSOIRGO*. Vol. 24. No. 2. P. 1–12. (In Russ.).

Larichev V.E. (1969) Paleolithic of Northern, Central and Eastern Asia. Novosibirsk: Nauka. Pt. 1. Asia and the problem of the Motherland of Man (history of ideas and research). 390 p. (In Russ.).

Moroz P.V. (2014) Stone industries at the boundary of the Pleistocene and Holocene of Western Transbaikalia: for the IV International Conference "Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia", Chita, 2013. Chita: Transbaikalian State University. 182 p. (In Russ.). EDN: YPAQUM.

Mostits A.P. (1894) Archaeological finds in the vicinity of the settlement of Ust-Kyakhta. *Protokol obyknovennogo obshchego sobraniya Troitskosavsko-Kyakhinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva = Protocol of Troitskosavsko-Kyakhinsky branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Protokol no. 3. Prilozhenie I. P. 7–18. (In Russ.).

Mostits A.P. (1897) Traces of prehistoric man in the river valley. Chikoya. Minutes of the ordinary general meeting of Troitskosavsko-Kyakhinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. Protokoly no. 2 i 3. Prilozhenie I. P. 5–9. (In Russ.).

Mochanov YU.A. (1969) Multilayer site Belkachi I and periodization of the Stone Age of Yakutia. Moscow: Nauka. 255 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1927) Preliminary report on archaeological exploration in the vicinity of the village of Kabansk. *Buryatovedcheskii sbornik = Buryatological Collection*. Iss. III and IV. Irkutsk. P. 102-105. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1928) Traces of prehistoric cultures in the north of the Selenga Dauria. *Severnaya Aziya = Northern Asia*. No. 3. P. 63-69. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1950) Archaeological research in the lower reaches of the Selenga River (preliminary report on excavations carried out in 1948). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (KSIIMK) = Brief Reports of the Institute of History of Material Culture (BRIHMC)*. Iss. 35. P. 85-90. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1951) Archaeological research in Buryat-Mongolia. *Izvestiya AN SSSR: seriya istorii i filosofii = News of the USSR Academy of Sciences: series of history and philosophy*. Vol. VIII. No. 5. P. 440-450. (In Russ.).

Маслодудо С.В. Многослойное поселение Усть-Менза-2 в Юго-Западном Забайкалье
Maslodudo S.V. The multi-layered settlement of Ust-Menza-2 in the southwestern Transbaikalia

Окладников А.П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 51. С. 16–22.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. № 43. Часть III. Глазковское время. 374 с.

Окладников А.П., Флоренсов Н.А. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья // Тезисы докладов Всесоюзного межведомственного совещания по изучению четвертичного периода 16–27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека. М.: 1957. С. 7–8.

Окладников А.П. Археологические исследования в бассейне р. Уды летом 1958 года. // Записки Бур. НИИ Культуры. 1958. Вып. 25. С. 204–207.

Окладников А.П. Палеолит Забайкалья: Общий очерк // Археологический сборник. Улан-Удэ: Бурят. Комплекс. НИИ СО АН СССР. 1959. № 1. С. 5–25.

Окладников А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Труды Кяхтинского музея краеведения им. Академика В.А. Обручева и Кяхтинского отделения географического общества СССР. Улан-Удэ, 1961. Т. 18. С. 19–37.

Окладников А.П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (Раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 7–83.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Сосновский Г.П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1933. № 3. Вып. 1. С. 23–40.

Талько-Грынцевич Ю.А. Древние памятники Западного Забайкалья // Труды XII археологического съезда в Харькове 1902 г. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1905. Т. I. С. 492–505.

Уваров А.С. Археология России: Каменный период. М.: Синод. Тип. 1881. Т. 1. [2], VIII, [2], 439 с.

Okladnikov A.P. (1953) Archaeological excavations on the Angara and beyond Baikal. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (KSIIIMK) = Brief Reports of the Institute of History of Material Culture (BRIHMC)*. Iss. 51. P. 16-22. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of the Baikal region. *Materials and research on archaeology of USSR (MRA)*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. No. 43. Pt. III. *Glazkovskoe vremya = Glazkovo time*. 374 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Florensov N.A. (1957) New data on the Paleolithic and Quaternary geology of Transbaikalia. *Tezisy dokladov Vsesoyuznogo mezvedomstvennogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda 16–27 maya 1957 g. Sektsiya istorii iskopaemogo cheloveka = Abstracts of Reports of the All-Union Interdepartmental Meeting on the Study of the Quaternary Period on May 16-27. Section of the History of Iseopathic Man*. Moscow. P. 7-8. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1958) Archaeological research in the basin of River Uda in the summer of 1958. *Zapiski Bur. NII Kul'tury = Notes of Bureau VII. Research Institute of Culture*. Iss. 25. P. 204-207. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1959) Paleolithic of Transbaikalia: General outline. *Arkheologicheskii sbornik = Archaeological Collection*. Ulan-Ude: Buryat. Complex. Research Institute of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. No. 1. P. 5–25. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1961) Kyakhta Museum and its contribution to the archeology of Transbaikalia. *Trudy Kyakhtinskogo muzeya kraevedeniya im. Akademika V.A. Obrucheva i Kyakhtinskogo otdeleniya geograficheskogo obshchestva SSSR = Proceedings of the Kyakhta Museum of Local Lore named after Academician V.A. Obruchev and the Kyakhtinsky branch of the Geographical Society of the USSR*. Ulan-Ude. Vol. 18. P. 19–37. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1971) Multilayer settlement of Sunny Mys on the Uda River, 35 km below Khorinsk, Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic: (Excavations 1968). *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ehkspeditsii = Field research materials of Far Eastern Archaeological Expedition*. Novosibirsk. Iss. 2. P. 7–83. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. (1980) South-Eastern Transbaikalia in the Stone and Bronze Age. Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.).

Sosnovskii G.P. (1933) Traces of the presence of Paleolithic man in Transbaikalia. *Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda = Proceedings of the Commission for the Study of the Quaternary Period*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. No. 3. Iss. 1. P. 23-40. (In Russ.).

Tal'ko-Gryntsevich YU.A. (1905) Ancient sites of Western Transbaikalia. *Trudy XII arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove 1902 g. = Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov 1902*. Moscow: Partnership of the printing house A.I. Mamontova. Vol. I. P. 492–505. (In Russ.).

Uvarov A.S. (1881) Archeology of Russia: Stone period. Moscow: Sinod. Tip. Vol. 1. [2], VIII, [2], 439 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Маслодудо Сергей Викторович,
научный сотрудник,
Центр охраны и сохранения объектов культурного
наследия Забайкальского края,
672000, г. Чита, ул. Анохина, 53, Россия,
e-mail: 79145124590@yandex.ru

Information about the author

Sergey V. Maslodudo,
Researcher,
Center for the Protection and Preservation of Cultural
Heritage Objects of the Trans-Baikal Territory,
53, Anokhin St., Chita 672000, Russia,
e-mail: 79145124590@yandex.ru

Вклад автора

Маслодудо С.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Maslodudo S.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 мая 2023 г.; одобрена после рецензирования 27 сентября 2023 г.; принята к публикации 9 октября 2023 г.

Article info

The article was submitted May 1, 2023; approved after reviewing September 27, 2023; accepted for publication October 9, 2023.

Научная статья
УДК 903.03 903.2 903.5
EDN: DAILUQ
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-23-51

Археологические исследования 2023 года в юго-восточной части Монгольского Алтая: по маршруту экспедиции П.К. Козлова 1899 г.

А.В. Харинский^{1,2}, Д.Е. Кичигин¹, А.М. Коростелев¹, А.В. Тетенькин¹, Н.Н. Крадин³,
С. Оргилбаяр⁴

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

³ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук, г. Владивосток, Россия

⁴ Улан-Баторский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Летом 2023 г. участниками экспедиции «По маршрутам Петра Кузьмича Козлова» проведена археологическая разведка в юго-восточной части Монгольского Алтая, на границе Ховдского и Говь-Алтайского аймаков. У северо-западной оконечности гор Их уушиг в Цэцэг сомоне обнаружено 8 разновременных археологических объектов – три палеолитических (Их уушиг 2, 4, 6), четыре с петроглифами (Их уушиг 1, 3, 5, 7) и одна тюркская поминальная оградка (Их уушиг 8). В средней части урочища Уушигийн баруун хоолой, к западу от гор Их уушиг, выявлены погребально-поминальный комплекс Уушигийн баруун хоолой 1 и палеолитическая стоянка Уушигийн баруун хоолой 2. У юго-западной оконечности горного хребта Шандатын нуру в Тонхил сомоне осмотрен погребально-ритуальный комплекс Тонхил сомон 1. Основная часть коллекции артефактов с археологического объекта Их уушиг 4 датируется периодом начального верхнего палеолита – 44–39 тыс. л. н. Она включает нуклеус ладьевидно-клиновидной формы, остроконечник, пластины, скребок и другие изделия из камня. Находки с памятника Их уушиг 5 представлены отщепами и нуклеусом ладьевидно-клиновидной формы. Они соотносятся с поздним верхним палеолитом – мезолитом – 18–8 тыс. л. н. Ориентировочный археологический возраст объектов Их уушиг 2 и Уушигийн баруун хоолой 2 – поздний палеолит – мезолит – 45–8 тыс. л. н. Петроглифы с Их уушиг 1, 3, 5, 7 датируются бронзовым веком – III–II тыс. до н. э. и преимущественно включают изображения горных козлов. Курганные надмогильные насыпи Уушигийн баруун хоолой 1 и Шандатын нуруу 1, часть из которых с учетом конструктивных особенностей можно охарактеризовать как херексуры, сооружались в пределах 13–8 вв. до н. э. Время сооружения тюркских оградок Их Уушиг 8 соотносится с 6–8 вв.

Ключевые слова: Монголия, Монгольский Алтай, П.К. Козлов, подъемный археологический материал, поздний палеолит, клиновидный нуклеус, петроглифы, изображения горных козлов, херексур, тюркская поминальная оградка

Благодарности: полевые исследования, проводившиеся авторами статьи в 2023 г. в Монголии, осуществились благодаря финансовой поддержке группы компаний Бест – руководитель Г.К. Рыков и компании АН Инвест – руководитель А.Н. Недбаев. Авторы признательны всем участникам экспедиции «По маршрутам Петра Кузьмича Козлова», помогавшим осуществить археологические работы, особенно хотелось бы выделить С.В. Снопкова, В.Р. Чупина, С.А. Бугаева, Ю.В. Снопкова и Т.В. Рыкову. Авторы выражают искреннюю признательность доктору исторических наук Е.П. Рыбину (ИАЭТ СО РАН) за помощь в атрибуции археологического материала.

Для цитирования: Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Тетенькин А.В., Крадин Н.Н., Оргилбаяр С. Археологические исследования 2023 года в юго-восточной части Монгольского Алтая: по маршруту экспедиции П.К. Козлова 1899 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 23–51. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-23-51>. EDN: DAILUQ.

Archaeology

Original article

Archaeological research in 2023 in the south-eastern part of Mongolian Altai: along the expedition route of P.K. Kozlov 1899

Artur V. Kharinskii^{1,2}, Dmitriy E. Kichigin¹, Aleksei M. Korostelev¹, Aleksei V. Tetenkin¹, Nikolay N. Kradin³, Samdantsoodol Orgilbayar⁴

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

³ Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

⁴ Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. In the summer of 2023 the participants of the expedition «On the routes of Petr Kuzmich Kozlov» conducted archaeological exploration in the south-eastern part of the Mongolian Altai, on the border of Hovd and Gov-Altai Aimaks. At the north-western end of the mountains Ikh Uushig in Tsetzhag Somon found 8 different archaeological objects - three Paleolithic sites (Ikh Uushig 2, 4, 6), four sites with petroglyphs (Ikh Uushig 1, 3, 5, 7) and one Turkic memorial fence (Ikh Uushig 8). In the middle part of the tract Uushigiyin Baruun Kholoy, west part of the mountains Ikh Uushig, the funeral site Uushigiyin Baruun Khool 1 and the Paleolithic site Uushigiyin Baruun Kholoy 2 were revealed. In the south western extremities of the Shandatyn Nuru Mountain Range in Tonkhil Somone the funerary site Tonkhil Somone is examined. The main part of the collection of artifacts from the archaeological site Ikh Uushig 4 dates from the period of the Initial Upper Paleolithic - 44-39 Kyr BP. It includes the core with the double-polar striking platforms, point, blades, end-scrapers and other stone artifacts. The finds from the Ikh Uushig 5 site are represented by flakes and wedge-shaped core. They relate to the late Upper Paleolithic - Mesolithic - 18-8 Kyr BP. Approximate archaeological age of the sites Ikh Uushig 2 and Uushigiyin Baruun Kholoy 2 - Late Paleolithic-Mesolithic - 45-8 Kyr BP. Petroglyphs from Ikh Uushig 1, 3, 5, 7 date from the Bronze Age - III-II thousands BC and include mainly images of mountain goats. Mound embanks Uushigiyin Baruun Kholoy 1 and Shandatyn Nuruu 1, some of which can be described as kherexures, were constructed in 13-8 centuries BC. The time of construction of Turkic fences Ikh Uushig 8 correlates with the 6-8 centuries AD.

Keywords: Mongolia, Mongolian Altai, P.K. Kozlov, open-air archaeological findings, Late Paleolithic, wedge-shaped core, petroglyphs, images of mountain goats, kherexur, Turkic memorial fence

Acknowledgements: field research conducted by the authors of the article in 2023 in Mongolia was carried out thanks to the financial support of the Best group of companies - head G.K. Rykov and the company AN Invest - head A.N. Nedbaev. The authors are grateful to all the participants of the expedition "On the routes of Pyotr Kuzmich Kozlov" who helped carry out the archaeological work; I would especially like to highlight S.V. Snopkov, V.R. Chupin, S.A. Bugaev, Yu.V. Snopkov and T.V. Rykova. The authors express their sincere gratitude to Dr. E.P. Rybin (IAET SB RAS) for assistance in attributing archaeological material.

For citation: Kharinskii A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Tetenkin A.V., Kradin N.N., Orgilbayar S. (2023) Archaeological research in 2023 in the south-eastern part of Mongolian Altai: along the expedition route of P.K. Kozlov 1899. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 23-51. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-23-51>. EDN: DAILUQ.

Введение

В 2023 г. исполнилось 160 лет со дня рождения одного из известнейших исследователей Центральной Азии Петра Кузьмича Козлова. Он принимал участие в шести крупных экспедициях, три из которых проходили под его руководством. Четвертая экспедиция П.К. Козлова, которую он возглавил лично, началась в июле 1899 г. и завершилась в ноябре 1901 г.

Участники четвертой экспедиции отправились в многомесячное путешествие от почтовой станции

Алтайской, расположенной в настоящее время на территории Восточно-Казахстанской области Казахстана, и по реке Бухтарма поднялись к границе Империи Цин. Далее маршрут проходил вдоль Монгольского Алтая, пересекал пустыню Гоби, горы Наньшань, Куньлунь и заканчивался в восточной части Тибетского нагорья – Каме. Экспедиция состояла из трех офицеров и 14 казаков (Козлов, 1947. С. 37). Ее конечной точкой должна была быть столица Тибета – Лхаса. Из-за противодействия местных властей попасть туда П.К. Козлову не удалось.

Во время экспедиции были собраны сведения о политической ситуации, географических и этноконфессиональных особенностях Монголии и Тибета.

Труды экспедиции П.К. Козлова вышли в шести томах под общим заголовком «Монголия и Кам». Первый том в двух частях издан в 1905–1906 гг. (Козлов, 1947. С. 7).

Летом 2023 г. группа исследователей из Санкт-Петербурга, Иркутска, Владивостока и Улан-Батора повторила маршрут П.К. Козлова по Юго-Западной Монголии. Экспедиция в составе 15 человек на 4 машинах с 27 июля по 8 августа 2023 г. прошла 5476 км, из них по территории Монголии – 4126 км, вдоль маршрута П.К. Козлова – 1055 км.

Одной из задач экспедиции был сбор информации об археологических объектах, расположенных вдоль маршрута экспедиции П.К. Козлова. На характеристике 11 из них, находящихся в юго-восточной части Монгольского Алтая (Эктаг-Алтай), остановимся более подробно. Десять из них локализируются в Цэцэг сомоне, в юго-восточной части Ховд аймака и один – в Тонхил сомоне, в северо-западной части Говь-Алтай аймака (рис. 1). Жесткий график передвижения по заданному маршруту не позволил провести полноценную разведку даже в тех местах, где были выявлены археологические памятники. Поэтому не исключено, что вблизи с ними в дальнейшем будут обнаружены новые объекты.

Археологические объекты у северо-западной части нагорья Их уушиг

Наибольшее количество археологических объектов было обнаружено в 12 км к юго-востоку от озера Цэцэг Нур, у северо-западной оконечности гор Их уушиг (рис. 2). Здесь выделено 8 разновременных археологических объектов – три палеолитических, четыре с петроглифами и двойная тюркская поминальная ограда (рис. 3). Протяженность гор с юго-востока на северо-запад около 8,5 км, их наивысшая точка находится в центральной части – 2215,1 м. От центрального горного массива в разные стороны отходят отроги. В районе гор преобладает степная растительность. Археологические объекты, осмотренные экспедицией, расположены с юго-западной стороны гор. Их уушиг 7 и 8 зафиксированы к западу от северного отрога гор, Их уу-

шиг 6 обнаружен к западу от западного отрога, Их уушиг 1 и 2 найдены к югу от этого же отрога. Их уушиг 3, 4, 5 отмечены у скального останца, расположенного между западным и юго-западным отрогами. К юго-западу от гор проходит асфальтированная дорога, следующая от автодороги А0304 (Ховд – Алтай) до границы с Китаем.

Их уушиг 1. Местонахождение расположено в 5,4 км к ЮВВ от окраины населенного пункта Цэцэг, на скальных поверхностях южного склона западного отрога гор Их уушиг. Включает три пункта петроглифов. Все изображения выполнены в технике выбивки (рис. 4.1, 2).

Пункт 1 (N 46°34'11.0"; E 93°20'44.4") занимает центральное положение, расположен в небольшой естественной скальной нише, включает 7 плоскостей с петроглифами, хорошо заметными издали (рис. 4.3). Плоскости с петроглифами ЮЮВ экспозиции, их описание приводится с запада на восток.

Плоскость 1-я – самая большая по размерам и количеству изображенных фигур. Включает около 15 изображений животных, среди которых подавляющее большинство принадлежит горным козлам, ориентированным преимущественно головами на восток, за исключением одного, самого нижнего – головой на запад (рис. 4.3). Среди других животных можно отметить лошадь и благородного оленя, расположенных в восточной части плоскости. Рисунки не имеют четкой композиции, некоторые изображения частично заходят на другие. Практически все изображения выполнены в схематичной манере. Только три фигуры – два горных козла и благородный олень – изображены в реалистичной манере.

Плоскость 2-я включает около 13 изображений животных, среди которых подавляющее большинство также принадлежит горным козлам. В верхней части плоскости отмечены изображения двух лошадей. В самой нижней части – изображение собаки. Все животные ориентированы головами на восток. Отдельного внимания заслуживает изображение горного козла (может быть, и барана) с закрученными в спираль рогами, а также крупное изображение горного козла с большими дугообразными рогами, находящееся поверх основной композиции и появившееся, по всей видимости, позднее. Все животные изображены в схематичной

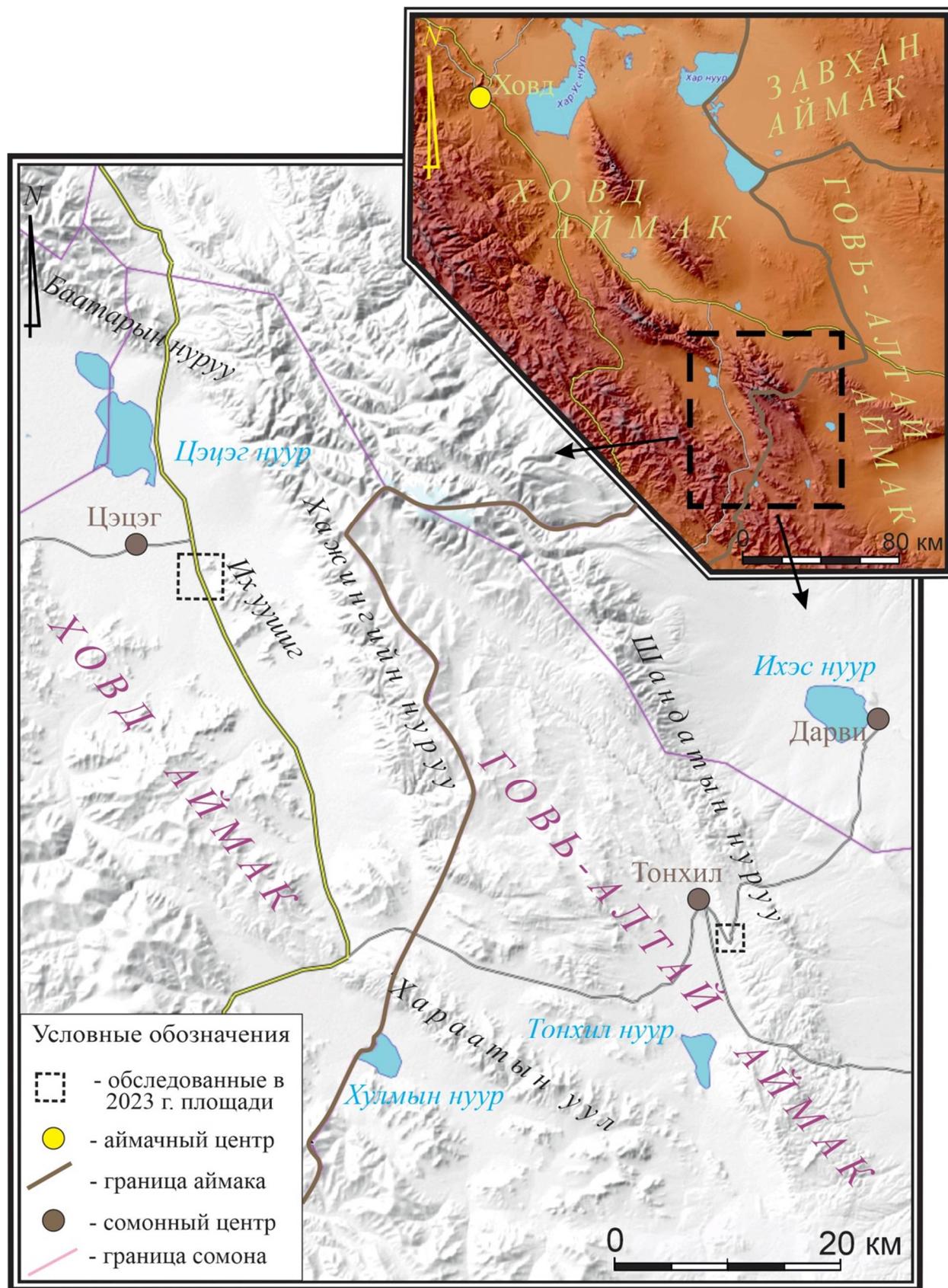

Рис. 1. Район проведения археологических разведок в Цэцэг и Тонхил сомонах Монголии
Fig. 1. Archaeological exploration area in Tsetseg and Tonkhil Somons of Mongolia

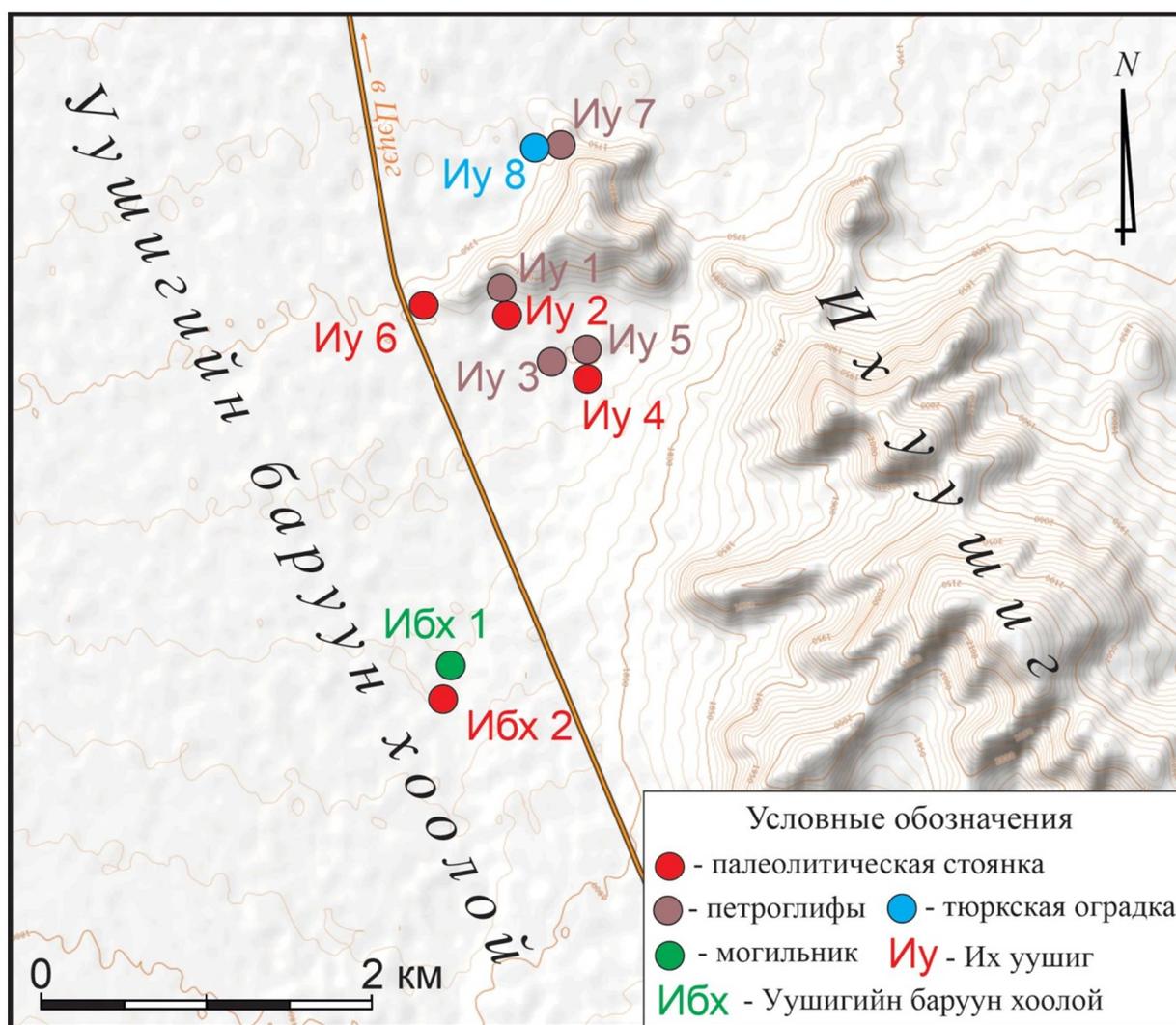

Рис. 2. Район проведения археологических разведок в северной части Цэцэг сомона, расположение археологических объектов, открытых 2023 г.

Fig. 2. Archaeological exploration area in the northern part of Tsetseg Somon, location of archaeological sites discovered in 2023

манере, а эта фигурка самого большого по размерам горного козла изображена в реалистичной манере. У животного читается живот, круп, копыта и морда.

Плоскость 3-я включает около 8 рисунков, из которых можно определить только изображения горных козлов. В верхней части плоскости животные ориентированы головами на восток, в нижней части – на запад. Все рисунки выполнены в схематичной манере.

Плоскость 4-я представлена изображениями 5 горных козлов, выполненных в схематичной манере. Все животные кроме верхнего ориентированы головами на восток.

Плоскость 5-я расположена над плоскостью 2 и включает изображения 3 горных козлов, обращенных на восток. Верхняя фигура самая большая

по размерам; под ней расположены еще две фигурки, одна над другой, но меньших размеров. Все изображения выполнены в схематичной манере.

Плоскость 6-я расположена над плоскостями 3 и 4, включает схематичные изображения двух лошадей, следующих друг за другом на восток.

Плоскость 7-я расположена над плоскостями 5 и 6, включает изображения двух горных козлов, один из которых выделяется большими размерами, дугообразными рогами и длинной шеей, и двух лошадей. Все животные ориентированы на восток и выполнены в схематичной манере.

Пункт 2 (N 46°34'11.0"; E 93°20'44.3") расположен в 2–3 м к западу от пункта 1, на более высоких отметках. Включает 2 плоскости с петроглифами. Их описание приводится с запада на восток (рис. 5.1).

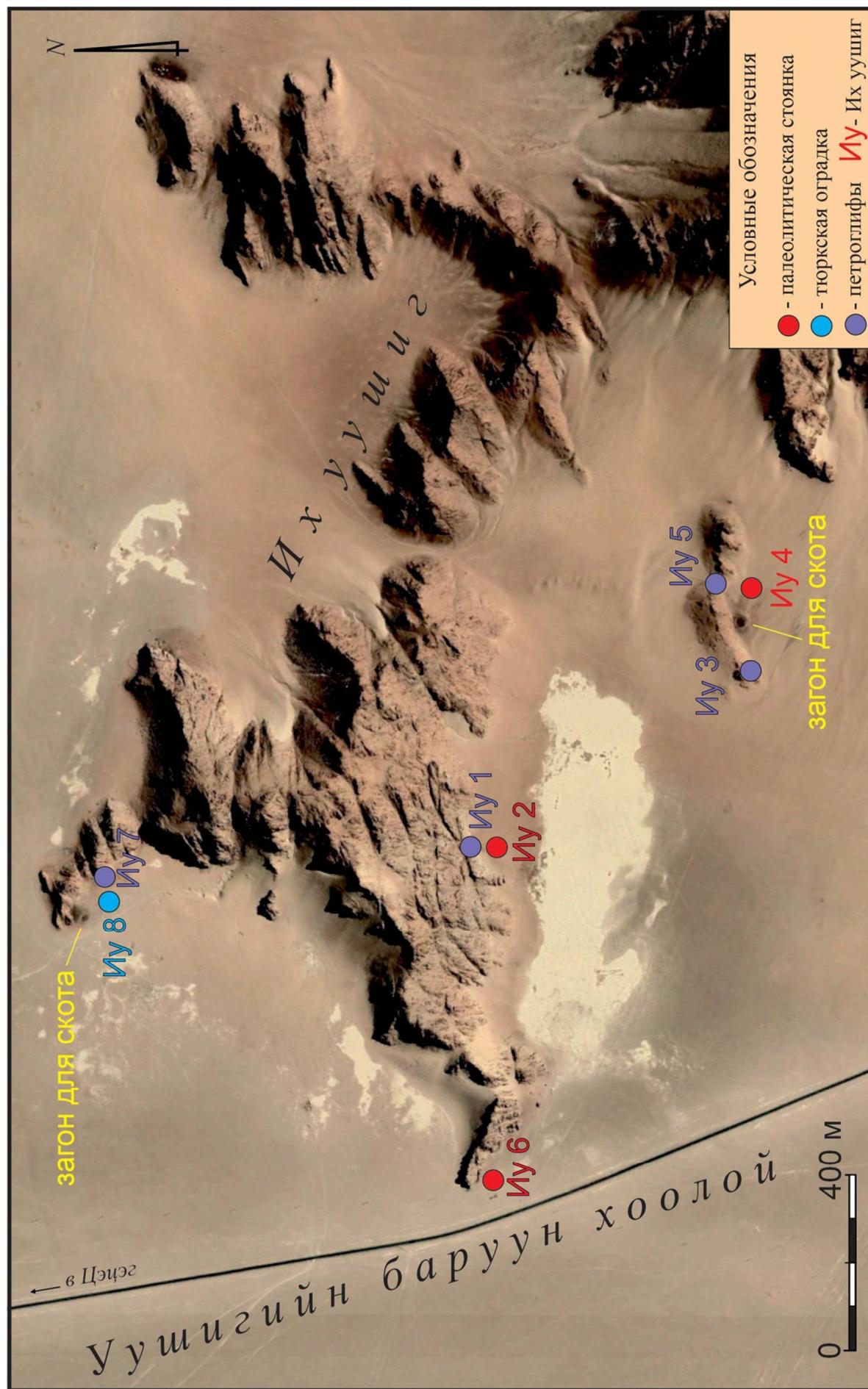

Рис. 3. Расположение археологических объектов в северо-западной части гор Их уушиг (космоснимок от 22 марта 2022 г.)
Fig. 3. Location of archaeological objects in the north-western part of the mountains Ikh Uushig (Space imagedated March 22, 2022)

1

2

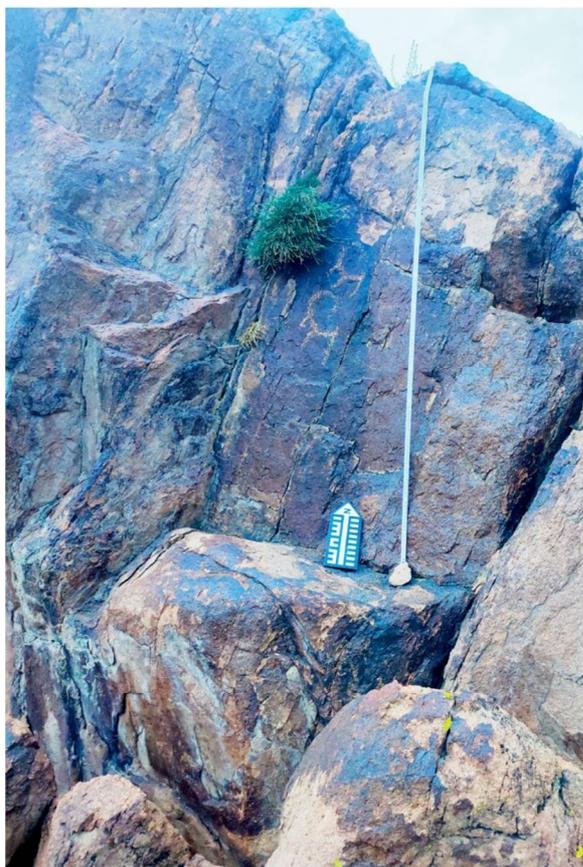
3

Рис. 4. Их уушиг 1: 1 – общий вид на местонахождение с ЮВ; 2 – вид на плоскости с петроглифами с юга; 3 – пункт 1, вид с ЮЮВ

Fig. 4. Ikh Uushig 1: 1 - general view on the location from SW; 2 - view on the plane with petroglyphs from the south; 3 - location 1, view from SW

1

2

3

Рис. 5. Их уушиг 1: 1 – пункт 2, вид с юга; 2, 3 – пункт 3, вид с юга
Fig. 5. Их уушиг 1: 1 - location 2, view from the south; 2, 3 - location 3, view from the south

Плоскость 1-я включает изображения двух горных козлов, ориентированных головами на восток. Рисунки выполнены в реалистичной манере. У животных читается живот, круп, длинные рога и морда.

Плоскость 2-я включает еле заметные изображения четырех горных козлов, ориентированных

головами на восток. Рисунки выполнены в схематичной манере.

Пункт 3 (N 46°34'11.6"; E 93°20'44.6") расположен в 18 м к северу от пункта 1, на значительном возвышении. Петроглифы приурочены к небольшой естественной скальной нише. Здесь отмечена

единственная плоскость с рисунками южной экспозиции, размерами 85 x 163 см. Всего выявлено шесть рисунков животных, из которых только два поддаются определению вида и направления движения. Это изображения двух горных козлов, выполненных в схематичной манере и ориентированных головами на запад (рис. 5.2, 3).

Их Ушиг 2. Местонахождение расположено в 5,4 км к ЮВВ от окраины населенного пункта Цэцэг, к югу от западного отрога гор Их уушиг, в 100 м к югу от пункта 1 петроглифов Их Ушиг 1 (N 46°34'09.0"; E 93°90'44.4"). Территория памятника покрыта степной растительностью. Во время ее осмотра на поверхности земли, на высоте 1769 м над уровнем мирового океана, обнаружен патинизированный отщеп из кварцевой породы (рис. 7.1).

Их уушиг 3. Местонахождение расположено в 6,1 км к ВЮВ от окраины населенного пункта Цэцэг и в 0,85 м к ЮВ от местонахождения Их уушиг 1, в западной части скального останца, расположенного между западным и юго-западным отрогами гор Их уушиг (N 46°33'48.4"; E 93°21'06.8"). Петроглифы приурочены к скальному выходу, расположенному на склоне юго-восточной экспозиции (рис. 6.1). Рисунки выполнены в схематичной манере в технике выбивки.

В основании скального выхода на плоскости ЮЮВ экспозиции, в 12–20 см от земли, изображены две фигуры горных козлов, обращенных головами друг к другу. У восточной фигуры детализированы выгнутая дугой спина и ярко выраженный эрегированный фаллос. Интерпретация композиции сводится к двум вариантам: сцена борьбы двух самцов и сцена встречи самца и самки (рис. 6.2).

Их Ушиг 4. Археологический объект находится в 6,2 км к ВЮВ от окраины населенного пункта Цэцэг и в 150 м к востоку от местонахождения Их уушиг 3, у южного подножия центральной части скального останца, расположенного между западным и юго-западным отрогами гор Их уушиг (N 46°33'49.2"; E 93°21'14.6"). Во время осмотра территории у подножия останца, на высоте 1792–1796 м над уровнем мирового океана, найдено 18 артефактов из камня. Их субстрат – осадочная метаморфизированная порода, как минимум, в одном случае (рис. 7.6) окварцованная. Поверхности в разной степени патинизированы. В каменном

производстве основным является параллельный принцип расщепления, пластина – основа орудия. Рудименты ударных площадок у всех снятий фасетированы. К числу наиболее выразительных относятся 9 артефактов.

Нуклеус двухплощадочный полюсной со встречно направленными пластинчатыми снятиями (рис. 7.8). Обе ударные площадки образованы поперечными ударами с фронта. Одна латераль более пологая, другая – крутая, образованная поперечными и продольным снятиями, подправляющими объем фронта нуклеуса.

Пластины и изделия из них включают 4 единицы. В том числе одна пластина с регулярной краевой ретушью по левому краю (маргиналу) (рис. 7.2). Одна пластина с мелкой нерегулярной краевой ретушью по левому краю (рис. 7.7). У одной пластины обломан дистальный конец (рис. 7.3). При этом у облома левый маргинал ретуширован так, что угол с краем облома имеет форму шипа. Одна трехгранная широкая пластина также у дистального конца обломана (рис. 7.5), ее левый край в проксимальной трети имеет мелкую регулярную ретушь, в медиальной части также пара негативов амортизационного характера образует небольшую выемку; правый край имеет мелкую амортизационную (либо тафономическую – *trampling*) ретушь.

Остроконечник типологически наиболее выразителен (рис. 7.6). Его левый край ретуширован по дорсальному фасу и у проксимального конца по вентральному фасу. Правый край в дистальной части ретуширован по вентралу и у проксимального конца – по дорсальному фасу. Сам остроконечник асимметричен: его сагитальная линия отклонена под острым углом от продольной оси, иными словами, продольная линия остроконечника перпендикулярна ударной площадке (рудименту), что, в целом, является среднепалеолитическим признаком.

Скребок округлый из отщепа, лезвие параболическое, не захватывает только рудимент ударной площадки (рис. 7.4).

Подкубовидное нуклеидно-струговидное изделие с тремя перпендикулярными друг другу краями, образованными крутыми поперечными отщеповыми снятиями и мелкой забитостью (рис. 8.1). Сделано из плитчатой мелкозернистой преформы. Два лезвия сделаны с одной плоскости, под пря-

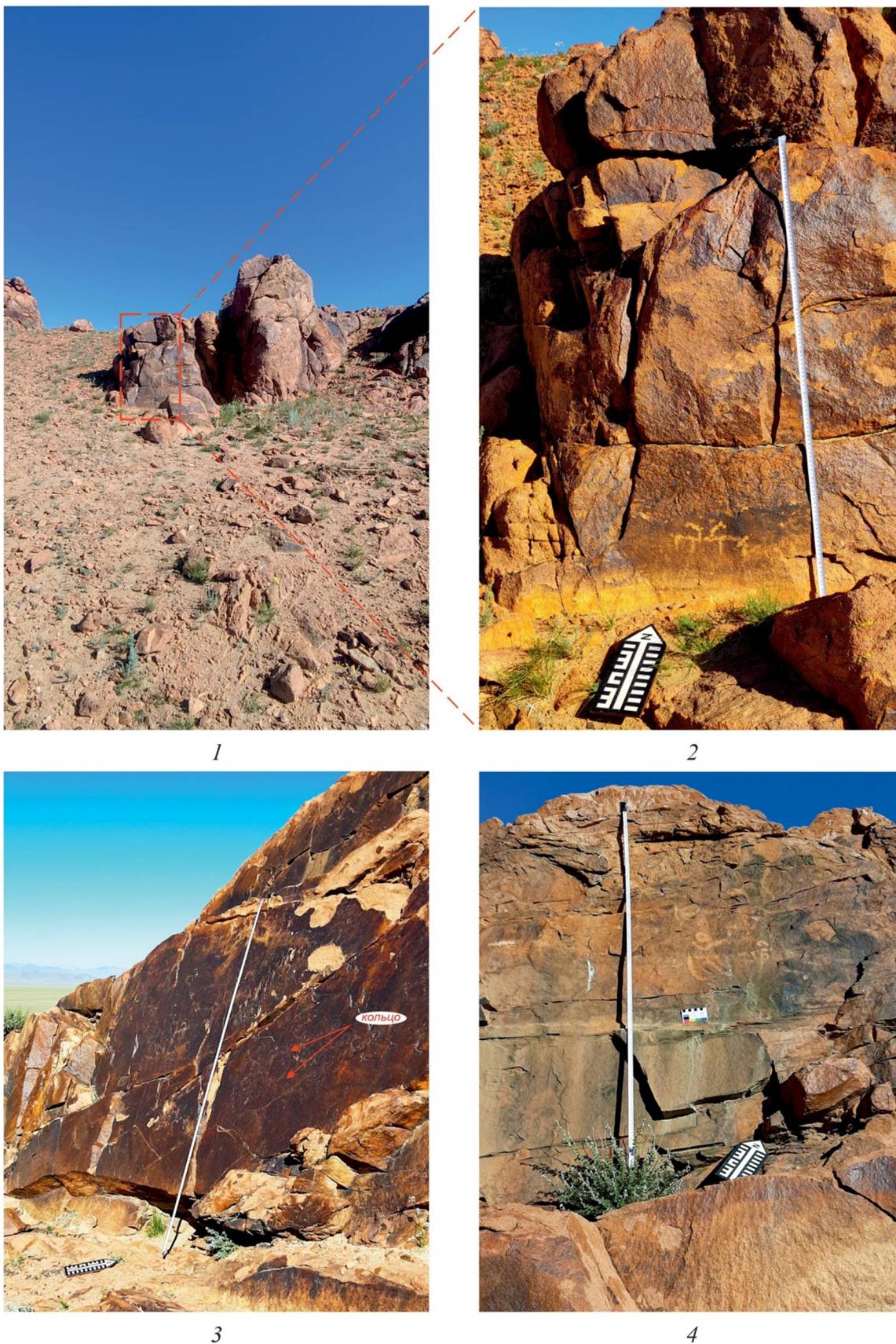

Рис. 6. Горы Их уушиг. 1, 2 – Их уушиг 3: 1 – вид на скальный выход с ЮЮЗ; 2 – вид на плоскость с петроглифами с ЮЮЗ; 3, 4 – Их уушиг 5: 3 – пункт 1, вид с востока; 4 – пункт 2, вид с ЮВ

Fig. 6. Mountains Uushig. 1, 2 - Ikh Uushig 3: 1 - a view of the rock exit from the SSW; 2 - a view of the plane with petroglyphs from the SSW; 3, 4 - Ikh Uushig 5: 3 - location 1, view from the east; 4 - location 2, view from SE

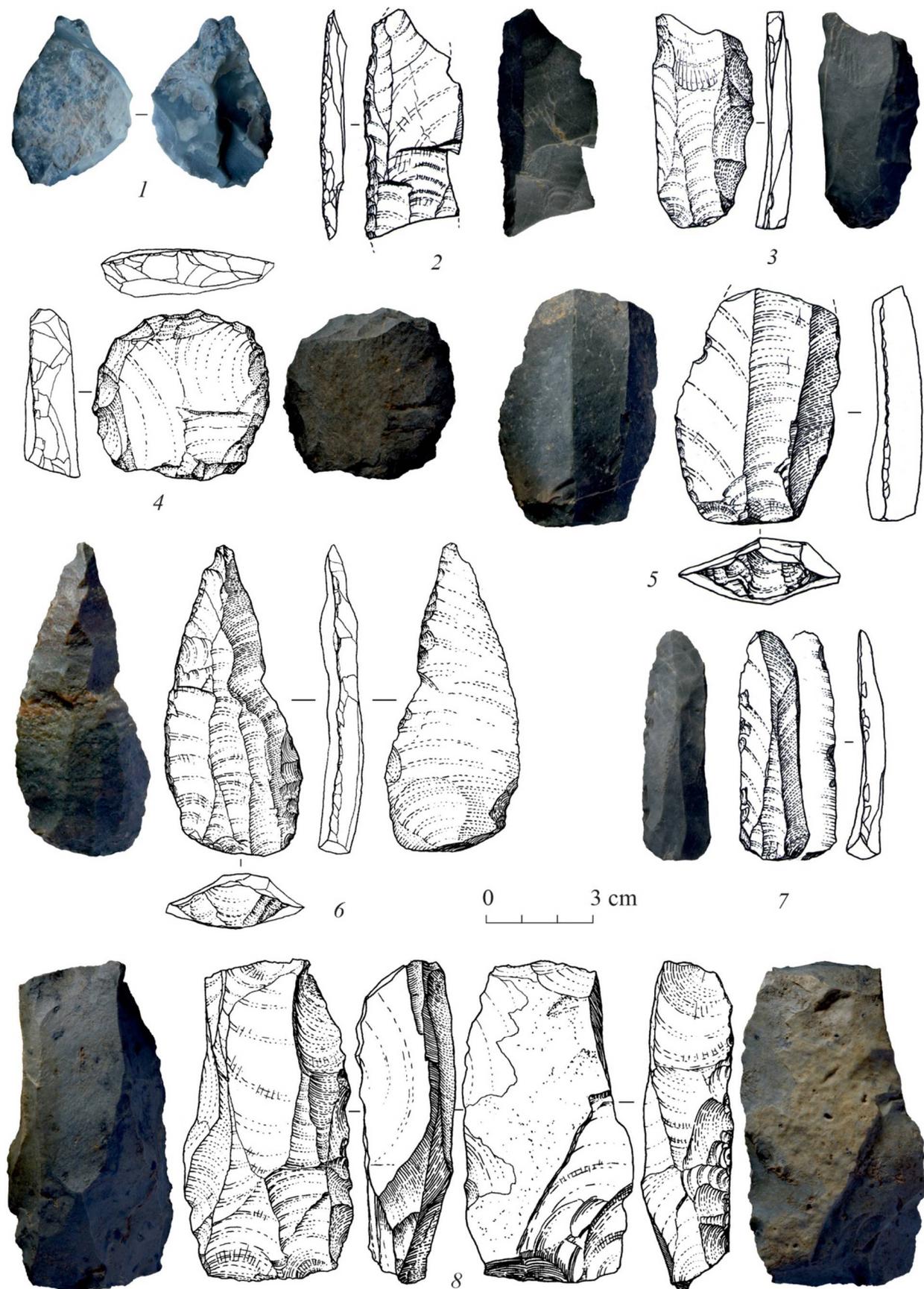

Рис. 7. Каменные артефакты из подъемных сборов: 1 – Их уушиг 2, 2–8 – Их уушиг 4
Fig. 7. Stone artifacts from the open-air surface: 1 - Ikh Uuushig 2, 2-8 - Ikh Uuushig 4

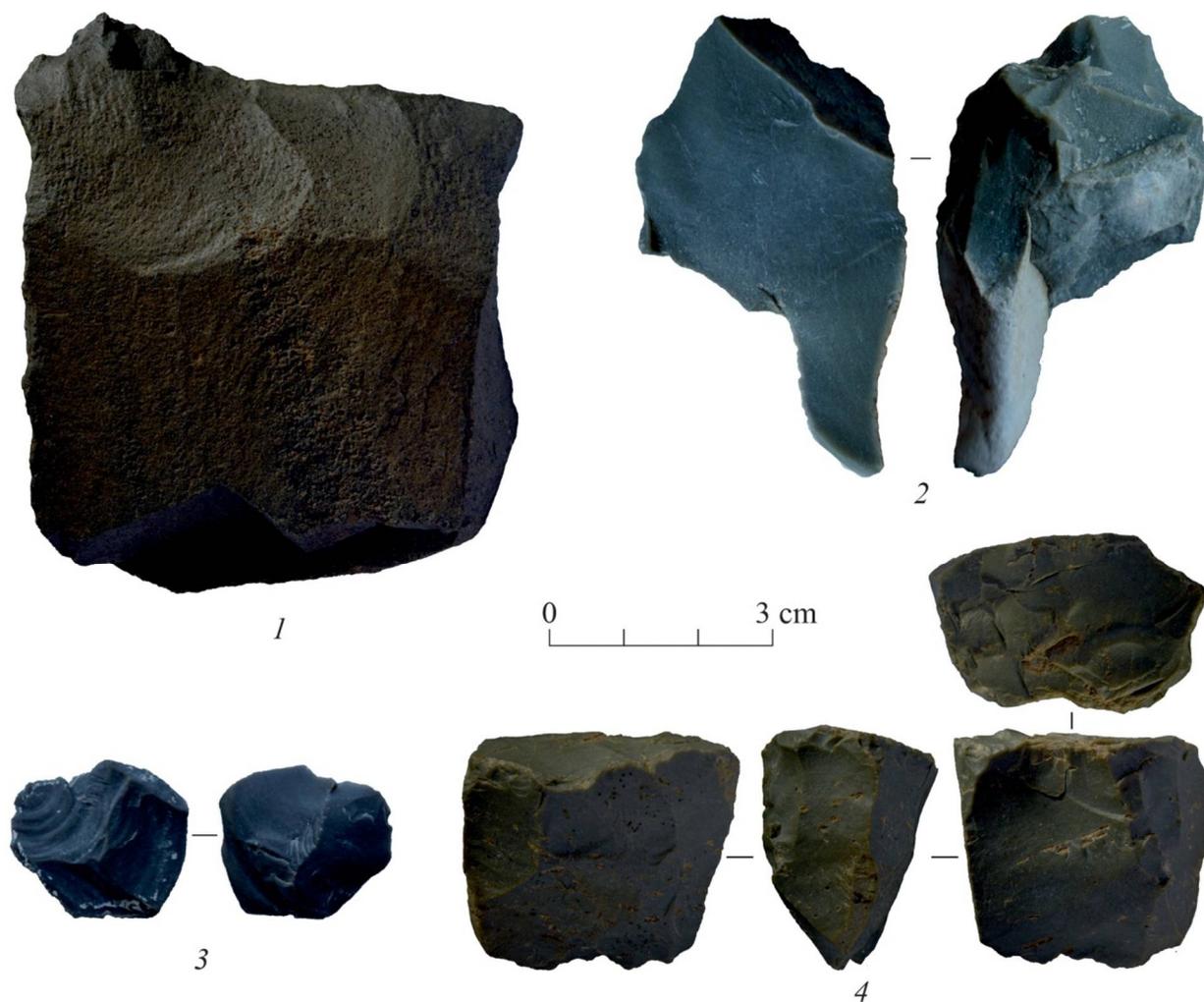

Рис. 8. Каменные артефакты из подъемных сборов: 1 – Их уушиг 4, 2–4 – Их уушиг 5
Fig. 7. Stone artifacts from the open-air surface: 1 - Ikh Uuushig 4, 2-4 - Ikh Uuushig 5

мым углом друг к другу. Третье лезвие нанесено с противоположной плоскости отслоения, также перпендикулярно смежному лезвию.

Их уушиг 5. Местонахождение расположено в 6,2 км к ВЮВ от окраины населенного пункта Цэцэг, в 875 м к ЮВ от местонахождения Их уушиг 1 и в 160 м к ВСВ от местонахождения Их уушиг 3 и в 50 м к северу от Их уушиг 4, в срединной части скального останца, локализующегося между западным и юго-западным отрогами гор Их уушиг. Петроглифы приурочены к скальным плоскостям юго-восточной экспозиции, расположенным на самой вершине гребня. Местонахождение включает два пункта петроглифов, подавляющее большинство которых выполнено в технике выбивки.

Пункт 1 (N 46°33'50.8"; E 93°21'13.3") приурочен к скальной плоскости темно-коричневого цвета, размерами 295 x 150 см (рис. 6.3). Композиция состоит из примерно девяти фигур горных козлов,

ориентированных головой на восток. В центре плоскости отмечено кольцо подовальной формы, размерами 14 x 12 см, с отходящей от него на запад дугой. Это единственное изображение, которое не выполнено в технике выбивки. Оно имеет более темный оттенок по сравнению со всей плоскостью. Его можно увидеть только под определенным углом. Возможно, это изображение, которое можно интерпретировать как шаманский бубен с колотушкой, нарисовано, предположительно, жиром.

Пункт 2 (N 46°33'51.0"; E 93°21'13.6") расположен в 8 м к востоку от пункта 1. Центральное место на плоскости занимает тибетская надпись. Слева от нее и над ней – изображения двух горных козлов, ориентированных головами на восток (рис. 6.4).

Их уушиг 6. Местонахождение расположено в 4,6 км к ВЮВ от окраины населенного пункта Цэцэг и в 0,93 м к западу от пункта 1 петроглифов Их уушиг 1, в 100 м к востоку от асфальтированной до-

роги (N 46°34'40.9"; E 93°20'40.5"). У подножия западного отрога гор Их уушиг, на высоте 1756 м над уровнем мирового океана, собрана коллекция из трех артефактов из осадочной метаморфизованной породы. Она включает два отщепа (рис. 8.2, 3) и клиновидный нуклеус в начальной стадии подготовки преформы к расщеплению (рис. 8.4). Нуклеус ладьевидно-клиновидной формы. Одна латераль оформлена единственным снятием с ударной площадки. Вторая латераль обработана несколькими снятиями с ударной площадки и краевой ретушью у кия с дистального конца. Фронт лишь оформлен первыми широкими техническими снятиями. Ударная площадка оформлена снятиями с латералей и контрфронта.

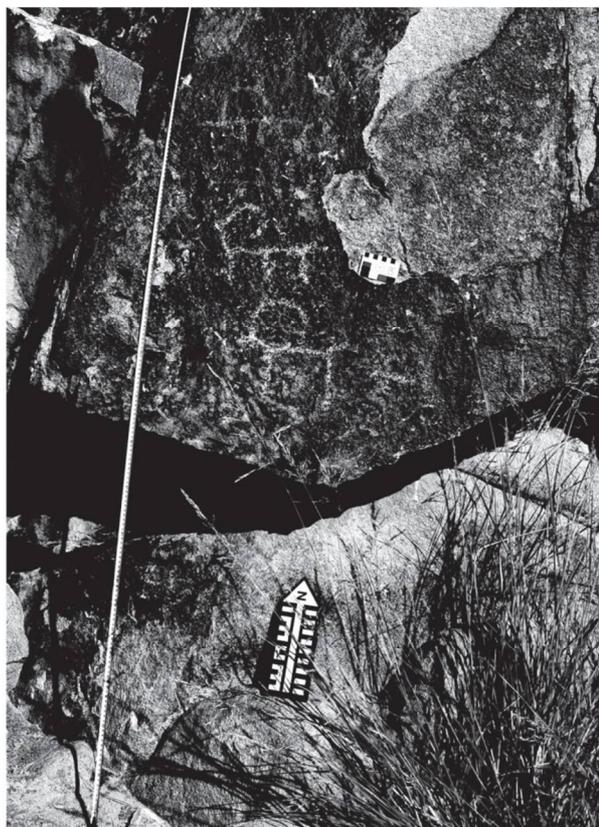
Их уушиг 7. Местонахождение расположено в 5,1 км к ВЮВ от окраины населенного пункта Цэцэг и в 0,93 м к северу от местонахождения Их уушиг 1, у западного подножия северного отрога гор Их уушиг (N 46°34'40.9"; E 93°20'40.5"). Отмечена единственная плоскость южной экспозиции с тремя схематически выполненными рисунками в технике выбивки (рис. 9).

Все рисунки расположены практически на одинаковом расстоянии, друг над другом (по вертикали). Верхний рисунок прослеживается не очень отчетливо, фиксируется горизонтальная линия с полуovalом над ней, что можно интерпретировать по-разному: курган, заходящее или восходящее солнце над горизонтом и др. Возможно, рисунок представляет собой сохранившуюся часть изображения горного козла. Средний рисунок изображает горного козла с вытянутой мордой до уровня ног – «щиплющего траву». Нижний рисунок – горного козла с приподнятой головой, глядящего вдаль. На втором и третьем рисунках животные повернуты головами на запад.

Их уушиг 8. Археологический объект располагается в 5 км к ВЮВ от окраины населенного пункта Цэцэг и в 56 м к западу от петроглифов Их уушиг 7 (N 46°34'40.6"; E 93°20'37.7"). Он включает ритуальные тюркские оградки с вертикально установленными каменными балбалами (рис. 10.1–3). Оградка № 1 размером 1,6 м и 2,0 м, ориентирована по азимуту 340°. У нее прослеживаются все четыре стенки, образованные длинными камнями толщи-

1

2

Рис. 9. Их уушиг 7, вид с юга: 1 – фото без обработки; 2 – фото в обработке (Adobe Photoshop)
Fig. 9. Ikh Uuushig 7, view from the south: 1 - photo without processing; 2 - processed photo (Adobe Photoshop)

1

2

3

4

5

Рис. 10. Горы Их уушиг. 1–3 – Их уушиг 8, тюркская ограда: 1 – вид с юга, 2 – вид с юго-запада, 3 – вид с юго-востока; 4–5 – загон для мелкого рогатого скота у Их уушиг 4: 4 – вид с востока, 5 – вид с юго-запада

Fig. 10. The Mountains Ikh Uuushig. 1-3 - Ikh Uushig 8, Turkic fencing: 1 - view from the south, 2 - view from the south-west, 3 - view from the south-east; 4-5 - corral for small cattle at Ikh Uuushig 4: 4 - view from the east, 5 - view from the south-west

ной 15–25 см, установленными на боковую грань. Торцами камни примыкают друг к другу. Юго-западная стенка образована четырьмя камнями, северо-западная – двумя, северо-восточная – двумя, юго-восточная одним камнем. В северо-восточной и юго-восточной стенках, образующих

юго-восточный угол, отсутствует, как минимум, по одному камню. В центре ограды установлена четырехугольная в сечении стела. Ее высота 53 см от поверхности земли, ширина 22 см, толщина 15 см. Широкими сторонами стела обращена к торцам ограды.

С юго-западной стороны к оградке № 2 при-
мыкает еще одна оградка – № 2. У нее фиксируют-
ся северо-западная стенка и юго-западная стенка,
на которой лежит поваленная стела, длиной
178 см. В основании она имеет ширину 82 см, тол-
щину 26 см. Северо-западная стенка оградки № 2
включает один камень и является продолжением
северо-западной стенки оградки № 1. Северо-
восточная стенка оградки № 2 одновременно яв-
ляется юго-западной стенкой оградки № 1. Юго-
восточная стенка у оградки № 2 отсутствует.

В 2,3 м к юго-западу от южной оконечности
второй оградки находится вертикально установ-
ленная четырехугольная в сечении стела, возвы-
шающаяся на 61 см от современной поверхности
земли. Ширина ее сторон 25 см. В 1,2 м к юго-
востоку от юго-восточного угла оградки № 1 нахо-
дится вертикально стоящая четырехугольная в се-
чении стела, приостренная кверху. Ее высота 76 см
от поверхности земли. Она имеет небольшой
наклон к северу. Ширина ее сторон 20 см и 16 см.

Несколько поваленных каменных глыб нахо-
дятся в непосредственной близости от оградки
№ 1. В 60 см к ЮЮВ от нее лежит четырехугольный
в сечении камень размерами 114 x 27 x 28 см. В
160 см к востоку от оградки находится плита раз-
мерами 129 x 23 x 18 см. В 145 см к северу от
оградки лежит камень размерами 86 x 16 x 14 см. В
110 см к ССЗ от оградки находится камень разме-
рами 86 x 17 x 18 см. В 11 м к юго-востоку от оград-
ки находятся 2 вертикально стоящих балбала. Их
высота 15 см от поверхности земли, расстояние
между ними 40 см.

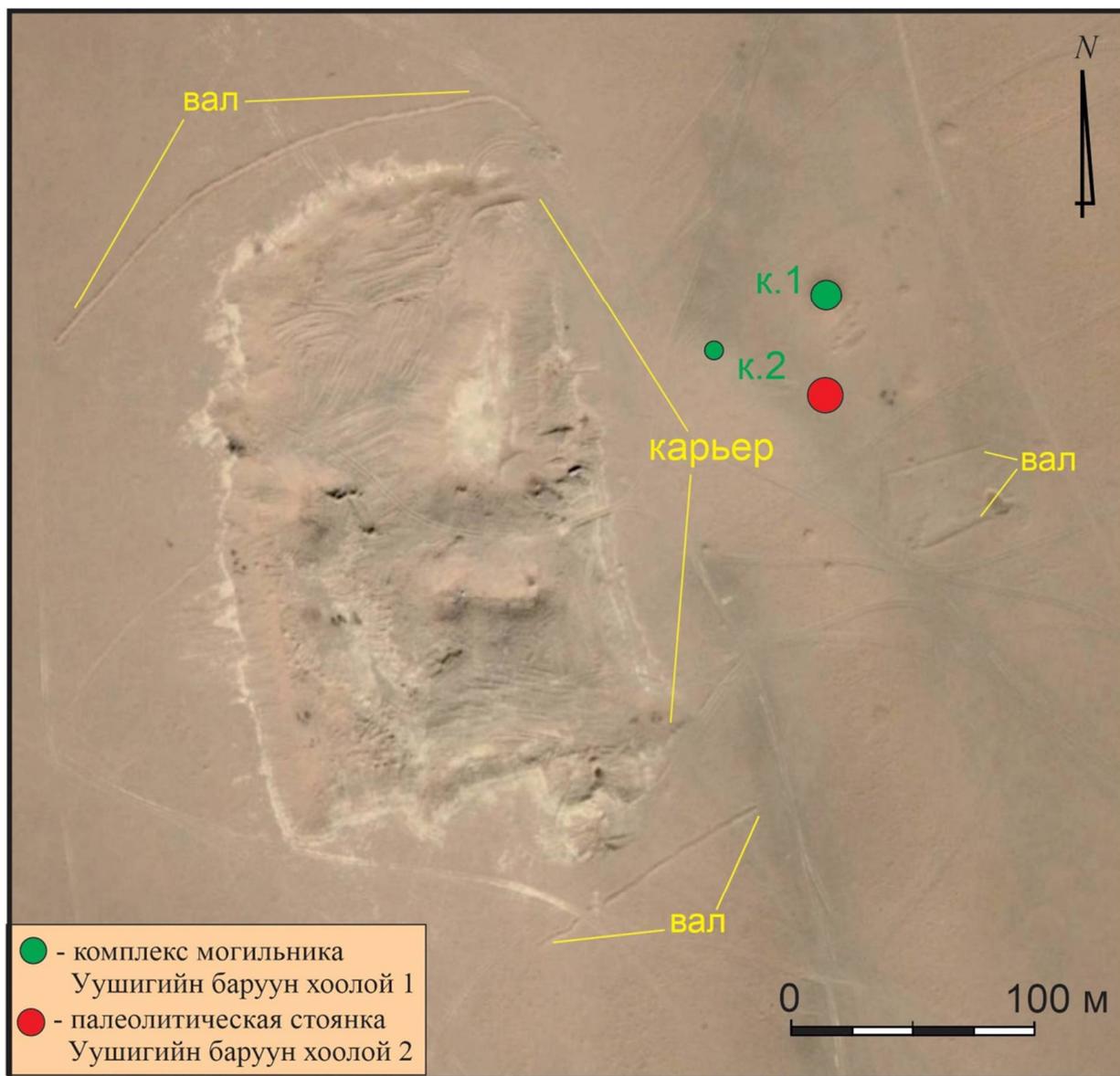
У подножия северо-западной оконечности гор
Их уушиг располагаются два сооружения из камней,
использовавшиеся до недавнего времени как заго-
ны для скота (рис. 3). Если бы не наличие бетонной
смеси между камнями и значительного количества
органики, оставшейся от помета животных, то эти
конструкции можно было бы принять за остатки
оборонительных или ритуальных сооружений. Одно
из них находится к западу от местонахождения Их
уушиг 4, у южного подножия центральной части
скального останца, расположенного между запад-
ным и юго-западным отрогами гор Их уушиг
(N 46°33'48.7"; E 93°21'12.0"). Конструкция восьми-
угольной формы размером 29 x 30 м (рис. 10.4, 5). С
ее южной стороны расположен проход шириной

2,6 м. С западной стороны загона сделан пристрой
размером 5 x 7 м, вытянутый, как и загон, длинными
сторонами по направлению запад – восток. При-
строй соединен с загонном проходом, через который
в случае необходимости сюда загоняли отдельных
овец. Верхняя часть стенок загона, сложенного из
камней, разрушена. Первоначально их высота была
около 1,5 м и ширина около 1 м.

Второй загон для скота располагается в 60 м к
северу от археологического объекта Их уушиг 8, у
юго-западного подножия северо-западного отрога
гор Их уушиг (N 46°34'43.0"; E 93°20'36.0"). Кон-
струкция шестиугольной формы размером 24 x 24 м
(рис. 10.3). С южной стороны имеется проход. С
востока к основному загону пристроен дополни-
тельный округлый загон размером 16 x 19 м. С его
южной стороны имеется проход шириной 9 м. К
северо-западу от основного загона построена ка-
менная стенка длиной 10 м. Каменные стенки за-
гонов подверглись разрушению.

Археологические объекты в урочище Уушигийн баруун хоолой

В средней части урочища Уушигийн баруун
хоолой, которое располагается между горами Их
уушиг с северо-востока и горами Жадатын хар (вы-
сота 2142 м) и Хар толгой (высотой 2063 м) с юго-
запада, находятся несколько искусственных соору-
жений, хорошо фиксируемых на космоснимках в
программе Google Earth Pro. Центральное соору-
жение располагается в 6 км к юго-востоку от су-
монного центра Цэцэг и в 580 м к юго-западу от
асфальтированной дороги, следующей от автодо-
роги А0304 (Ховд – Алтай) до границы с Китаем.
Оно занимает ровный участок степи, расположен-
ный на высоте 1772–1780 м над уровнем мирового
океана (рис. 11.1). С его северо-западной и юго-
восточной сторон располагаются глинобитные ва-
лы овальные в разрезе, средняя ширина которых
составляет 2,15 м, высота 20–30 см. Длина северо-
западного вала 257 м. Он выгнут в северо-
западном направлении. В 340 м от него распола-
гается юго-восточный вал протяженностью 109 м,
ориентированный по линии 237°. В 20 м от его юго-
западной оконечности фиксируется проход шири-
ной 11 м. Посредине сооружения располагается
карьер трапециевидной формы размером 129–173
x 255 м, ориентировано по линии с азимутом 347°.

1

Рис. 11. Урочище Уушигийн баруун хоолой: 1 – расположение археологических объектов, космоснимок от 22 марта 2022 г.; 2 – Уушигийн баруун хоолой 2, каменный отщеп, подъемный материал
Fig. 11. Uushigiyin Baruun Khooloi location: 1 - Location of archaeological sites, Space image dated March 22, 2022; 2 - Uushigiyin Baruun Khooloi 2, stone flake, open-air finding

Назначение этого объекта установить не удалось, как и еще одного сооружения с подобными валами, находящегося в 120 м к северо-востоку от первого, на ровной площадке высотой 1780–1783 м от уровня мирового океана. Второе сооружение четырехугольной формы, размером 31–37 х 49 м, ориентировано по линии с азимутом 249°.

Между описанными сооружениями в 2023 г. выявлено два археологических объекта, получивших название Уушигийн баруун хоолой 1 и Уушигийн баруун хоолой 2 (рис. 2).

Уушигийн баруун хоолой 1. Археологический объект находится в 6,26 км к юго-востоку от окраины сумонного центра Цэцэг и в 503 м к западу от асфальтированной дороги, следующей к границе с Китаем. Памятник включает курганную насыпь (N 46°32'49.6"; E 93°20'21.1") – комплекс № 1 и находящиеся возле нее курганы-сателлиты, расположенные на высоте 1780–1781 м над уровнем океана.

Курганная насыпь комплекса № 1 диаметром 18 м, высотой 1,6 м (рис. 12.1–3). Сложена из мелких (8 х 11 см) и средних (33 х 59 см) камней красного песчаника. В центре наблюдается грабительский шурф. Насыпь из камней и песка хорошо видна на поверхности. С юго-западной, западной и северо-западной сторон кургана отмечено девять плоских кольцевых кладок, диаметрами от 1 до 2 м. С юго-восточной стороны отмечены две сплошные каменные выкладки, диаметром 3,7 и 3,0 м. Расстояние между ними 3 м.

В 20 м от кургана комплекса № 1 в юго-западном направлении располагается плоская овальная кладка – комплекс № 2 (N 46°32'48.8"; E 93°20'18.7") размером 1,5 х 2,5 м, ориентированная по линии СВ – ЮЗ (рис. 12.4, 5). Возможно, это надмогильная конструкция захоронения, также являющегося сателлитом комплекса № 1. В 4 м к юго-западу от кладки находится край бровки, понижающейся в западном направлении в сторону первого сооружения с валами. Камни кладки располагаются в один слой. Большинство из них имеет горизонтальное положение. Наиболее плотно камни уложены в юго-западной части конструкции. Большая часть из них установлена на боковую грань, как и два камня в центре кладки.

Уушигийн баруун хоолой 2. В 30 м к югу от кургана комплекса № 1 на поверхности земли, на высотной отметке 1781 м от уровня океана обна-

жены два кремневых отщепа (N 46°32'48.3"; E 93°20'21.0"). Один из них имеет следы подработки (рис. 11.2).

Археологические объекты у юго-западной оконечности хребта Шандатын нуру

Хребет Шандатын нуру располагается в северо-западной части Говь-Алтайского аймака, по нему проходит северо-восточный участок границы Танхил сума (сумона). Его наибольшая высота 2710 м над уровнем океана. Хребет образует левый борт долины реки Зуйл гол, берущей начало у подножия горы Сутай и впадающей в озеро Тонхил нуур. В месте выхода реки из горного ущелья располагается сумонный центр Тонхил (рис. 1). К югу от него находятся развалины Джуйлин хурэ (N 46°18'02.4"; E 93°54'13.1").

К северо-востоку от сумонного центра отходит проселочная дорога, следующая вдоль подножия хребта Шандатын нуру и уходящая к сумонному центру Дарви. В 4 км от Танхила дорога поворачивает на северо-восток и заходит в ущелье, которое расположено между хребтами Шандатын нуру и Дарцагтын хурэн нуру. Вдоль дороги проходит линия электропередач. Окружающая территория покрыта степной растительностью.

Вдоль дороги, идущей из Танхила, обнаружено несколько курганообразных насыпей из камней, которые первоначально были отмечены благодаря космоснимкам в программе Google Earth Pro. Несколько подобных сооружений находятся вдоль дороги, проходящей по ущелью, прорезающему хребет Дарцагтын хурэн нуру и идущему до сумонного центра Халиун. Одно из этих сооружений является херексуром с диаметром кургана около 8 м и круглой оградкой, сооруженной вокруг него, диаметром около 19 м (N 46°16'32.0"; E 93°56'08.8").

Так как маршрут экспедиции был изменен, курганы в ущелье, пересекающем хребет Дарцагтын хурэн нуру, осмотрены не были. Возле другой группы курганов, находящихся у подножия хребта Шандатын нуру, удалось остановиться и сделать краткое описание. Этому археологическому объекту присвоено наименование Шандатын нуру 1.

Шандатын нуру 1. Памятник находится в 3,8 км к юго-востоку от южной окраины населенного пункта Тонхил, у юго-западной оконечности гор-

1

2

3

4

5

Рис. 12. Уушигийн баруун хоолой 1. 1–3 – комплекс № 1: 1 – вид с запада, 2 – вид с юго-запада, 3 – вид сверху;

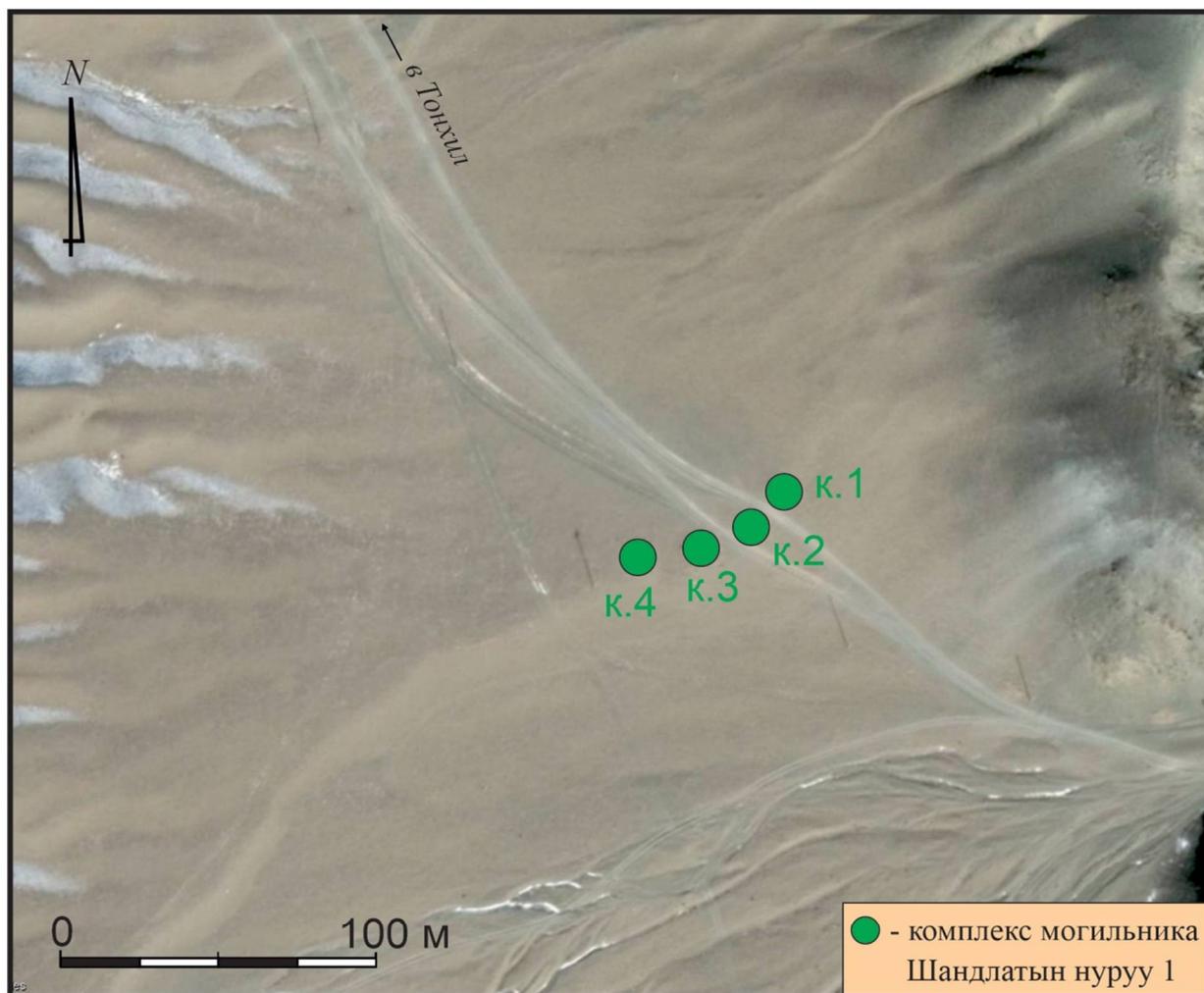
4–5 – комплекс № 2: 4 – вид сверху, 5 – вид с юго-запада, на заднем плане комплекс № 1

Fig. 12. Uushigyin Barhoun Khooloi 1. 1-3 - complex 1: 1 - view from the west, 2 - view from the south-west, 3 - view from the top;

4-5 - assemblage Nr. 2: 4 - view from the top, 5 - view from the south-west, in the background complex 1

ного хребта Шандатын Нуру, у проселочной дороги, следующей к сумонному центру Дарви, 2,6 м к востоку от реки Зуйл гол. Всего отмечено 4 курганные насыпи из камней, средние размеры которых составляют 20 x 30 см. Вокруг трех из них имеется

круглая оградка из крупных камней, уложенных в один слой, что позволяет характеризовать их как херексуры. Курганы высотой 40–60 см расположены дугой, длиной 72 м, изогнутой в юго-восточном направлении, поперек дороги (рис. 13), в районе

1

2

Рис. 13. Шандлатын нуруу 1: 1 – космоснимок от 27 января 2019 г., 2 – вид на могильник с северо-востока
Fig. 13. Shandlatyn Nuruu 1: 1 - Space image from January 27, 2019, 2 - burial site view from the northeast

археологического объекта проселочная дорога раздваивается. Северо-восточная колей проходит между курганами комплексов 1 и 2, юго-западная между комплексами 2 и 3. С юго-западной стороны от курганов тянется линия электропередач.

Комплекс № 1 расположен с восточной стороны могильника (N 46°16'32.8"; E 93°56'10.0") на высотной отметке 2192 м от уровня океана. Его круглая курганная насыпь, диаметром 7 м (рис. 13.2).

Комплекс № 2 находится в 12,8 м к югу от комплекса 1 (N 46°16'32.4"; E 93°56'09.9"). Это херкур с кольцевой оградкой диаметром 9,2 м (рис. 14.1, 2). Диаметр круглой курганной насыпи в центре конструкции 4,2 м. На вершине кургана фиксируется недавняя выкладка из камней, высотой 50 см. Размеры самых больших камней конструкции, образующих оградку, 40 x 88 см.

Комплекс № 3 локализуется в 27 м к юго-

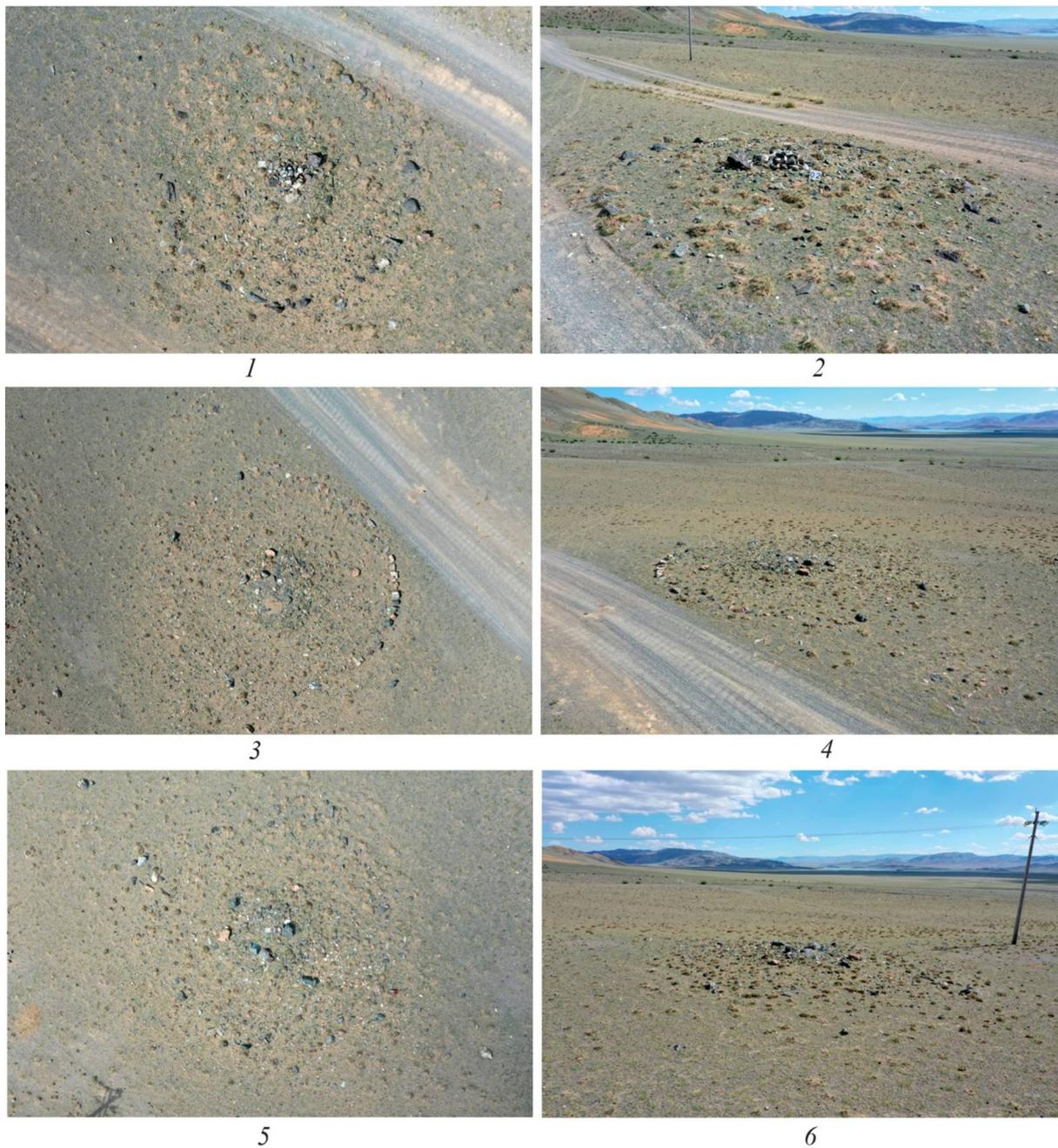

Рис. 14. Шандлатын нуруу 1: 1 – комплекс № 2 вид сверху; 2 – комплекс № 2, вид с северо-запада; 3 – комплекс № 3, вид сверху; 4 – комплекс № 3, вид с севера; 5 – комплекс № 4 – вид сверху; 6 – комплекс № 4, вид с севера
Fig. 14. Shandlatyn Nouruu 1: 1 - assemblage Nr. 2, view from the top; 2 - assemblage Nr. 2, view from the north-west; 3 - assemblage Nr. 3, view from the top; 4 - assemblage Nr. 3, view from the north; 5 - assemblage Nr. 4 - view from the top; 6 - assemblage Nr. 4, view from the north

западу от комплекса 2 (N 46°16'32.0"; E 93°56'08.8"). Диаметр кольцевой оградки херексура 14,5 м (рис. 14.3, 4). Диаметр круглой курганной насыпи в центре конструкции 4,5 м. Размеры самых больших камней сооружения, образующих оградку, 41 x 71 см. В 4 м к северо-западу от херексура имеется сопроводительная кладка диаметром 3 м.

Комплекс № 4 находится в 19,3 м к западу от комплекса 3 (N 46°16'32.1"; E 93°56'07.9"). Диаметр кольцевой оградки херексура 11,2 м (рис. 14.5, 6). Диаметр круглой курганной насыпи в центре конструкции 3,8 м. Размеры самых больших камней сооружения, образующих оградку, 53 x 85 см.

Обсуждение

В ходе археологической разведки в долинах озер Цэцэг нуур и Тонхил нуур выявлено несколько разновременных археологических памятников. Значительная их часть представлена палеолитическими местонахождениями, на которых был собран подъемный археологический материал. Наиболее представительная коллекция находок обнаружена на стоянке Их уушиг 4.

Основная часть коллекции артефактов с археологического объекта Их уушиг 4, за исключением струговидного орудия (рис. 8.1), имеет вполне выраженный облик начального верхнего палеолита (НВП). Сюда входят такие признаки как (крупно-) пластинчатый характер индустрии, расщепление встречно-полюсных (бипродольных) нуклеусов, фасетированные рудименты ударных площадок у пластин, орудия из пластин с ретушированием продольных краев, округлые крупные скребки и, особенно, остроконечники с подретушированной базой (насадом?), т. е., по сути, весь набор морфологически выраженных предметов коллекции. Остроконечник имеет такие маркерные для НВП признаки как асимметричность и зауженное ретушью основание (Rybin, 2014. P. 40) (рис. 9.6). В целом, возраст НВП индустрии для Монголии Е.П. Рыбин определяет в 44–39 тыс. л. н. (Рыбин, Хаценович, Павленок, 2016). Основные объекты для корреляции с артефактами Их уушиг 4 выступают находки из нижних горизонтов стоянок Толбор 4–16, Мойлтын-ам, Цаган-Агуй, слой 3 (Rybin, 2014; Деревянко и др., 2008; Археологические исследования..., 2000).

Артефактов с других археологических местонахождений в долине озера Цэцэг нуур обнаружено значительно меньше, чем на Их уушиг 4, поэтому можно обозначить лишь их предварительную датировку. Возраст местонахождения Их уушиг 5 определяется периодом позднего верхнего палеолита – мезолита (18–8 тыс. л. н.). На местонахождениях Их уушиг 2 и Уушигийн баруун хоолой 2 найдены каменные предметы, которые предварительно можно отнести к верхнему палеолиту – мезолиту (45–8 тыс. л. н.) (Абрамова, 1989; Рыбин, Хаценович, Павленок, 2016).

Практически все петроглифы, обнаруженные в 2023 г. на местонахождениях Их уушиг 1, Их уушиг 3, Их уушиг 5 и Их уушиг 6, выполнены в технике поверхностной выбивки. Рисунки не отличаются глубокой проработкой, они хорошо заметны на вертикальных поверхностях скал за счет разницы в цвете фона (он темнее) и самих изображений. Все рисунки в основном силуэтные, фигурки животных представлены изображением сбоку в статичном положении. Значительную часть среди всех петроглифов составляют горные козлы (другое название янгир или козерог). В большинстве случаев изображения животных носят схематический характер – одной сплошной линией показано тело и прямые ноги животных под углом 90 градусов к нему, вытянутая шея и загнутые рога. Есть также и более реалистичные объемные фигурки козлов и лошадей, где читается живот, круп и морда. Прослеживаются отличия в размерах изображений. На композициях, где количество животных 8–15 шт., они изображены маленькими размерами (высота животного 5–10 см). Единичные животные или небольшие скопления – размерами побольше (10–15 см).

Горный козел – наиболее часто изображаемый образ в памятниках наскального искусства Монголии в период бронзы и железа (Батдалай, Батзориг, 2013. С. 147). Встречаются как одиночные, так и многофигурные изображения этих животных, например, они отмечены на памятнике Дэрстиин хутул в местности Хавцгайт, на территории Ховдского аймака (Мухарева, Мунхбаяр, Сухбаатар, 2018. Рис. 3). Линейные фигуры козлов, зафиксированные на памятнике Кара-Туруге 1 в Южной Туве, М.Е. Килуновская датирует эпохой поздней бронзы (Килуновская, 2018. С. 48. Рис. 11.3,4). Схожие рисунки козлов с местонахож-

дения Адарган в Хандагайтинской котловине, выполненные точечной выбивкой, она соотносит со скифским временем (Килуновская, 2018. С. 52. Рис. 12.6).

Некоторые исследователи считают, что, возможно, в изображении двух смотрящих друг на друга горных козлов, которые как будто собираются бороться, как на петроглифе Их уушиг 3, было зашифровано послание небесам с целью прошения у них обильного дождя и, как следствие, хорошего урожая. Такие представления существовали среди древних земледельческих племен, впоследствии в ходе переселения индоевропейцев они достигли Центральной Азии и повлияли на культуру кочевников (Батсайхан, Эрдэнэбат, Төрбат, 1998 С. 274–275). Сцена обращенных друг к другу козлов отмечена в местности Дэл уул Среднегобийского аймака (Дорж, Новгородова, 1975) и на петроглифах местности Хахуулын гол, Южногобийского аймака (Эрдэнэбат, 2008).

В период бронзы горные козлы не только были объектом охоты и широко использовались в хозяйственной деятельности, но и являлись объектом поклонения. Одно из старых наименований этого животного – «тэх», которое со временем стало употребляться с современным словом «янгир» в том же значении. Кстати, в современном казахском языке это слово осталось. О человеке с хорошим родом (потомством) говорят «тек, текти». Поклонение этому горному животному во многом складывалось из почитания его качеств: быстроты, стойкости, сообразительности. С другой стороны, «тэх» имеет значение «золотой род», в этом плане семантика сохраняется. Поэтому у казахов сохранился обычай почитать людей с хорошим потомством словами «текти кисинин баласы, текти ру» («человек с хорошим, золотым родом») (Умирбек, 2016. С. 33).

На двух археологических объектах Уушигийн баруун хоолой 1 и Шандатын нуруу 1 в 2023 г. обнаружены округлые курганные насыпи из камня. У комплексов № 2–4 Шандатын нуруу 1 вокруг курганов сооружены круглые оградки из крупных камней. Подобные конструкции известны на территории Монголии и некоторых районов Южной Сибири (Южная Бурятия, Тува, Алтай) под названием херексуры (херексуры). Под этим термином объединяются погребально-поминальные комплексы, «состоящие из каменной курганной насыпи, за-

ключенной в ограду разных форм (в виде круга, квадрата, прямоугольника, трапеции), и поминально-жертвенных сооружений, расположенных вокруг нее. У некоторых херексуров центральная насыпь соединяется с оградой каменными вымостками, дорожками и т. д.» (Цыбиктаров, 2014. С. 62).

Встретивший во время своего путешествия херексуры П.К. Козлов характеризует их следующим образом: «По нашему пути от реки Кобдо нам приходилось нередко встречать каменные конической формы сооружения, сложенные наподобие "обо", но с тем различием, что означенные сопки были окружены кольцеобразным валиком, диаметр которого превышал диаметр "обо", или точнее внутренней сопки, и что подобные сооружения находились не только на перевалах, но и в глубине долин. Время возникновения, происхождение и значение этих сооружений монголы объяснить не умели, заметив, однако, что это древние памятники и монголами называются "киргизин-ур", то-есть "киргизское гнездо". Г.Н. Потанину, в окрестности озера Орок-нор, монголы сообщили как предание, что "кэрэксуры" (древние могилы) сложил народ цаган-баргун; он хоронил в них своих покойников. По другому показанию в этих насыпях войсками Чингис-хана спрячено зерно» (Козлов, 1947. С. 40).

К настоящему времени границы распространения херексуров на востоке Монголии проходят от западной части аймака Сухбаатар до западной части аймака Хэнтий (Turbat, 2016. P. 143). На севере по долинам Селенги и ее притоков херексуры доходят до подножия хребтов Улан-Бургасы и Хамар-Дабан, распространяясь до территории Красночикокойского района Забайкальского края (Мамкин, Белоусов, 2019), Бичурского, Кижингинского, Хоринского, Заиграевского, Иволгинского, Селенгинского, Джидинского и Закаменского районов Бурятии (Лбова, Хамзина, 1999. С. 54–81, 87–103, 109, 153–161, 174–175). В Тункинском районе Бурятии херексуры не зафиксированы. Единственный херексур обнаружен в Окинском районе. Он является самым северным из известных в настоящее время памятников этого типа (Харинский и др., 2022). Херексуры встречаются на территории Тувы: в Монгун-Тайге, долине Саглы и предгорьях Западного Танну-Ола, долине Южного Торгалыка, Ирбетея и Тес-Хема (Грач, 1960; Кызласов, 1979. Рис. 24; Худяков, 1987; Килуновская, 2018). Они также отмечены на Южном и Централь-

ном Алтае. Самый северный из них входит в археологический комплекс Кур-Кечу 2 (Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011). Эпицентр и истоки культуры херексуров находятся в Западной Монголии и Монгольском Алтае (Turbat, 2016. P. 143); Сэрээтэр, 2007. С. 220). Здесь обнаружено самое значительное количество этих сооружений, имеющих разнообразные формы.

В настоящее время значительная часть исследователей придерживается мнения, высказанного в середине 1980-х гг. Ю.С. Худяковым о том, что херексуры вместе с оленными камнями составляют одну культуру, которую он предложил назвать «культурой херексуров и оленных камней» (Худяков, 1987). Имеется также мнение, что культура херексуров относится к более раннему времени, а носители культуры оленных камней переиспользовали херексуры для маркирования собственного политического ландшафта степи (Jacobson-Terferg, 2023. P. 158-159, 191). А.Д. Цыбиктаров предложил включить в состав этой культуры также петроглифы, которые А.П. Окладников выделил в особую кяхтинскую группу петроглифов Забайкалья (Окладников, Запорожская, 1969. С. 24–25; Окладников, Запорожская, 1970. С. 141, 159), и курганы монгун-тайгинского типа (Цыбиктаров, 2014. С. 64). Состав носителей культуры херексуров, судя по всему, был смешанным, включая значительный европеоидный пласт (Jeong et al, 2020).

Понятие «курганы монгу-тайгинского» типа было предложено А.Д. Грачем для ряда безынварных курганов, исследованных в Туве, в которых погребенный ориентирован в западном направлении (Грач, 1971). К.В. Чугунов считает, что подобные погребения, располагающиеся в неглубоких ямах или на древней поверхности земли, положение погребенных вытянуто на боку, со слегка согнутыми в коленях ногами следует объединить в рамках монгу-тайгинской культуры. При этом он считает, что не правомерно объединять в рамках одной культуры монгу-тайгинские захоронения и херексуры. По его мнению, название «культура херексуров и оленных камней» не может быть принято, так как в конструкции этих памятников *in situ* зафиксированы только оленные камни саяно-алтайского типа (Чугунов, 1994).

По внешнему виду захоронения монгу-тайгинского типа и херексуры отличаются лишь

присутствием оградки у последних. Наличие у обоих типов захоронений схожего погребального ритуала – положение погребенных на боку вытянуто или с согнутыми в коленях ногами головой на запад в неглубокой яме или на древней поверхности земли, может указывать на их генетическую близость. Не исключено, что обе погребальные традиции могли сосуществовать даже в рамках одного памятника. В осмотренном в 2023 г. археологическом объекте Шандатын нуруу 1, кроме трех херексуров, зафиксирована и курганообразная насыпь из камней округлой формы без оградки – комплекс № 1. Судя по планиграфии памятника, вместе с комплексами № 2–4 она формирует слегка выгнутую в юго-восточном направлении дугу. Каждый комплекс являлся составной частью этой конструкции (рис. 13). Поэтому можно предположить, что невзирая на конструктивные особенности, все курганы Шандатын нуруу 1 сооружались по единому изначальному проекту с небольшим временным разрывом. Является ли комплекс № 1 Шандатын нуруу 1, как и комплекс № 1 Уушигийн баруун хоолой 1, монгу-тайгинским захоронением могут показать лишь раскопки, но уже сейчас можно говорить о существовании в позднем бронзовом – раннем железном веке на территории Монголии и Южной Сибири культурной общности, характеризующейся погребальными сооружениями в виде круглых курганов, к которым могли пристраиваться дополнительные конструкции (оградки, «лучи», кладки-сателлиты и т. д.). Д.Г. Савинов указывает: «... в херексурах и памятниках монгун-тайгинского типа очень много общего (безынварность, захоронение на уровне древней поверхности, наземные сооружения в виде цисты, положение погребенных и т. д.). Сам факт безынварности является отражением общей системы мировоззрения, характерного как для создателей курганов-херексуров, так и погребений монгун-тайгинского типа» (Савинов, 2002. С. 22).

К настоящему времени по херексурам, исследованным в разных частях Монголии, получена серия радиоуглеродных дат. Основываясь, прежде всего, на них, исследователи датируют этот тип памятников в пределах XV–VIII вв. до н. э. (Frohlich et al., 2009; Takahama Shu, 2010. P. 127; Ёnkhtör et al., 2018; Баярсайхан и др., 2018; Jeong et al., 2020; Wright, 2021).

На археологическом объекте Их Ушиг 8 участками экспедиции отмечены тюркские поминальные оградки, сопровождающиеся каменными балбалами. Территория распространения подобных памятников охватывает Алтай (в границах Республики Алтай и предгорной зоны Алтайского края), Туву, Монголию (Западный, Северо-Западный, Северный и отчасти Центральный районы), Восточный и Центральный Казахстан, Тянь-Шань, Кыргызстан (Серегин, Шелепова, 2015. С. 40). Анализ исследований этих памятников на территории Монголии был представлен в работе Н.Н. Серегина (Серегин, 2019).

Исходя из классификации, предложенной Н.Н. Серегиним и Е.В. Шелеповой, оградки Их Ушиг 8 характеризуются как четырехугольные смежные с расположенными к юго-востоку от северо-восточной оградки двумя балбалами (Серегин, Шелепова, 2015. С. 51). В центре северо-восточной оградки установлена стела, возможно, она располагалась и в юго-западной оградке, но в настоящее время лежит на ее северо-западной стенке.

Смежные оградки на Алтае на основании обнаруженных находок датируются 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. (Серегин, Шелепова, 2015. С. 70). К более позднему времени (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) относятся только две оградки – сооружения А-1 и А-2 памятника Кер-Кечу, внутри которых обнаружен соответствующий указанному периоду предметный набор (Васютин, 2009. Рис. 2). Среди комплексов четырехугольных смежных оградок преобладали сооружения без внешних и внутренних конструкций (10 объектов), со столбовой ямкой (8). В смежных постройках не выявлено ни одного случая сочетания столбовой и жертвенной ямки. Треть объектов сопровождали изваяния (среди них не встречено ни одного скульптурного) и балбалы. Отметим, что возле смежных оградок отсутствуют скульптурные изваяния – их замещали необработанные стелы; редки также балбалы. Ориентация стел и балбалов разнообразна (Серегин, Шелепова, 2015. С. 70).

Помимо Алтая четырехугольные смежные оградки раскапывались и на территории Монголии. В местности Дунд оорцог (в Батцэнгэл сомоне Архангайского аймака) исследованы две смежные оградки № 4 и 5. Размеры первой из них составили 2 x 2 м, а второй – 2 x 1,7 м. В оградке № 4 обнару-

жены голень и зуб лошади, а в оградке № 5 – один бараний астрагал, фрагменты черно-бурого тонкостенного керамического сосуда, а также изделие из трубчатой кости овцы (Идэрхангай, 2014).

С конца прошлого века среди исследователей доминирующим стало мнение, что тюркские оградки являются поминальными сооружениями (Савинов, 1984; Худяков, 1985; Овчинникова, 2004). Правда, в последние годы появляется еще одна из трактовок тюркских оградок. Некоторые из них, по мнению барнаульских археологов, могут являться кенотафами (Тишкин, Серегин, 2013; Серегин, Шелепова, 2015. С. 95–103). Окончательного решения этого вопроса в ближайшее время, вероятно, добиться не удастся. И лишь дальнейшие раскопки этих памятников вместе с использованием новых исследовательских методик приоткроют завесу тайны над их функциональным назначением.

Заключение

Во время экспедиции «По маршрутам Петра Кузьмича Козлова» в 2023 году российскими и монгольскими археологами осмотрена значительная часть территории Западной Монголии. К сожалению, жесткий график, которого должны были придерживаться участники экспедиции, не позволил провести полноценную археологическую разведку даже в тех местах, где предусматривались ночевки. Поэтому значительная часть археологических объектов была осмотрена попутно, а некоторые из них обнаружены случайно. К их числу можно отнести большой могильник, представленный херексурами разных форм (N 49°37'18.1"; E 99°35'01.6"), расположенный на северо-западной окраине сумонного центра Бурэнтогтох, у подножия горы, на левом берегу реки Дэлгэрмэрэн. Три херексуры отмечены на перевале Улан-Даба, возле овоо, в Увс аймаке (N 50°10'29.1"; E 91°27'30.1"). На месте одной из ночевки в местности Оготор-Хамар-Даба (N 50°01'55.6"; E 91°35'07.8"), в западной части Увс аймака обнаружен нуклеус палеолитического облика. В Ховд аймаке, во время осмотра западного берега озера Хар Ус нуур найдена стоянка (N 47°57'28.7"; E 91°58'42.2"), на которой обнаружены фрагменты гладкостенной керамики и монета – 1 цянью императора Цзяньлуна (1736–1796). Два оленных камня и длинная четырехугольная выкладка из камней осмотрена у перевала Замтын

даваа (N 46°10'16.60"C; E 93°42'30.40") в западной части Говь-Алтай аймака.

Осмотр некоторых из археологических памятников был запланирован заранее. К их числу можно отнести городище Заг зугийн хэрэм (N 49°32'24.12"; E 99°36'16.02"), расположенное в 7,8 км к югу от сумонного центра Бурэнтогтох; старый город в Ховде (N 48°00'41.0"; E 91°38'29.0"), «Вал Чингисхана», следующий к западу от озера Хар Ус нуур (N 47°58'37.4"; E 91°56'30.1"); скопление херексурсов на левом берегу реки Тогрог гол (N 47°27'9.4"; E 92°13'18.6"); развалины четырехугольного здания у реки Тогрог гол (N 47°27'8.9"; E 92°13'17.9"), возможно, кумирни Тугюрюгин курэ, описанной П.К. Козловым (Козлов, 1947. С. 45), и

похожего сооружения у озера Хулмын нуур (N 46°13'37.7"; E 93°30'11.8").

Археологические объекты, осмотренные на пути следования экспедиции, сопоставлялись с уже известными типами памятников, что позволило уточнить территорию их распространения и конструктивные особенности. Подобная процедура также проводилась с петроглифами и находками из подъемных сборов. Для большинства памятников предпринята предварительная культурная и хронологическая локализация. На основании полученных данных определены направления будущих исследований, намечены маршруты археологических разведок на ближайшие годы.

Список источников

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л. : Наука, 1989. Т. 3. С. 145–242.

Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, В.П. Мильников, Б. Гунчин-сурэн, Я. Цэрэндагва. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 383 с.

Васютин А.С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. Вып. 5. С. 87–94. EDN: QIOBCX.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 73–150.

Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл. 1971. С. 93–106.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии // Нуудэлчдийн ов судлал. 2008. № 1. (Tomus VIII, Fasc. 1–23). С. 69–103.

Дорж Д., Новгородова Э.А. Петроглифы Монголии. Улаанбаатар : Изд-во АН МНР, 1975. 282 с.

Идэрхангай Т.-О. Результаты раскопок тюркских оградок в местности Дунд Оорцог (Центральная Монголия) // Известия Алтайского государственного универси-

References

Abramova Z.A. (1989) Paleolithic of Northern Asia. *Paleolit mira: Paleolit Kavkaza i Severnoi Azii = The Paleolithic of the World: Paleolithic Caucasus and North Asia*. Leningrad: Nauka. Vol. 3. P. 145–242. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Olsen D., Czeve`ndorz D., Petrin V.T. et al. (2000) Archaeological studies carried out by the joint russian-mongolian-american expedition in Mongolia in 1997–1998. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 383 p. (In Russ.).

Vasyutin A.S. (2009) Turkic enclosures of Ker-Kechu and Lower Soru of Central Altai. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. Barnaul: Altai State University. Iss. 5. P. 87–94. (In Russ.). EDN: QIOBCX.

Grach A.D. (1960) Archaeological research in Kara-Khol and Mongun-Taiga. *Trudy tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii = Works of the Tuvan Complex Archaeological-Ethnographic Expedition*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. 1. P. 73–150. (In Russ.).

Grach A.D. (1971) New data on the ancient history of Tuva. *Uchenye zapiski Tuvinskogo NIIYaLI = Proceedings of Tuvan NYALI*. Vol. XV. Kyzyl. P. 93–106. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen D. et al. (2008) Technology of stone splitting at the early stage of the Upper Paleolithic of the North Mongolia. *Nuudelchdiin ov sudlal*. No. 1. (Vol. VIII, Fasc. 1-23). P. 69–103. (In Russ.).

Dorz D., Novgorodova E.A. (1975) Petroglyphs of Mongolia. Ulaanbaatar: Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic. 282 p. (In Russ.).

Iderkhangai T.-O. (2014) Results of excavation of Turkic fences in the vicinity of Dund Oortsog (Central Mongolia). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of*

тета. 2014. № 4/2 (84). С. 121–127. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.2-16](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.2-16). EDN: TIIGYT.

Килуновская М.Е. Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (21). 2018. С. 35–54. EDN: CUJXTZ.

Козлов П.К. Монголия и Кам: Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.) / П.К. Козлов; под ред. и со вступительной статьей «Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова – путешественника, исследователя Центральной Азии», С. 9–32 В.П. Козлова. 2-е изд. (сокр.). Москва : Гос. изд-во географ. лит., 1947. 437 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : МГУ. 1979. 207 с.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 221 с.

Мамкин А.М., Белоусов В.Е. Новелла о курганах-керексурах на территории восточной провинции Байкальской Азии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 28–45. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-6-28-45>. EDN: ZKGNUL.

Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.Б., Сухбаатар Б. Наскальные изображения Дэрстиин Хутул в Монголии // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 67–76. EDN: YROATB.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М. : РУСАКИ, 2004. С. 86–110.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1969. Ч. 1. 218 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1970. Ч. 2. 264 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д. Последовательность развития индустрий раннего – позднего верхнего палеолита Монголии // Известия Иркутского государственного университета: Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 16. С. 3–23. EDN: WGFBEL.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во Ленинградского государственного университета, 1984. 174 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. 204 с.

Серегин Н.Н. Тюркские оградки Монголии: основные этапы изучения и интерпретации // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 70–87. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)4-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)4-05). EDN: FNDWTW.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематиза-

the Altai State University. No. 4/2(84). P. 121–127. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.2-16](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.2-16). EDN: TIIGYT.

Kilunovskaya M.E. (2018) Archaeological sites on the border of Tuva and Mongolia (problems of cultural affiliation and chronology). *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific review of Sayano-Altai*. No. 1 (21). P. 35-54. (In Russ.). EDN: CUJXTZ.

Kozlov P.K. (1947) Mongolia and Kam: Three-year journey through Mongolia and Tibet (1899-1901). P.K. Kozlov; edited by and with an introductory article "The life and work of Pyotr Kuzmich Kozlov - traveler, researcher of Central Asia". P. 9-32. Moscow: State Publishing House of geogr. lit. 437 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. (1979) Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century). Moscow: Moscow State University. 207 p. (In Russ.).

Lbova L.V., Khamzina E.A. (1999) Ancient Buryatia. Map of archeological sites. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 221 p. (In Russ.).

Mamkin A.M., Belousov V.E. (2019) A short story about kerekstur mounds on the territory of the eastern province of Baikal Asia. *Gumanitarnyj vektor = Humanitarian Vector*. Vol. 14. No. 6. P. 28–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-6-28-45>. EDN: ZKGNUL.

Mukhareva A.N., Munkhbayar Ch.B., Sukhbaatar B. (2018) Rock art of Derstiyin Khutul in Mongolia. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» = Scientific notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve*. Iss. 8. P. 67–76. (In Russ.). EDN: YROATB.

Ovchinnikova B.B. (2004) Ancient Turkic sites of the Aymyrlyg burial field. *Drevnosti Vostoka = Antiquities of the East*. Moscow: RUSAKI. P. 86–110. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1969) Petroglyphs of Transbaikalia. Leningrad: Nauka. Pt .1. 218 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1970) Petroglyphs of Transbaikalia. Leningrad: Nauka. Pt 2. 264 p. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D. (2016) Sequence of development of industries of the Early – Late Upper Paleolithic of Mongolia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = News of Irkutsk State University Ser. "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"*. Vol. 16. P. 3–23. (In Russ.). EDN: WGFBEL.

Savinov D.G. (1984) Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era. Leningrad: Leningrad State University. 174 p. (In Russ.).

Savinov D.G. (2002) Early nomads of the Upper Yenisei. *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез = Archaeological cultures and cultural genesis*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 204 p. (In Russ.).

Seregin N.N. (2019) Turkic enclosures of Mongolia: main stages of study and interpretation. *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. No. 4 (21). P. 70–87. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)4-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)4-05). EDN: FNDWTW.

Seregin N.N., Shelepova E.V. (2015) Turkic ritual complexes in Altai (2nd half of 1 thousand AD): systematization,

ция, анализ, интерпретация: монография. Барнаул : АЗБУКА, 2015. 168 с. EDN: ТОHPFT.

Сэрээтэр У. Культура эпохи палеометалла Западной Монголии и Саяно-Алтая (сравнительная характеристика) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. № 1. С. 218–225. EDN: PZYGHR.

Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В. Астроархеологические исследования на древнем комплексе Кур-Кечу-II // Древние и современные культовые места Алтая. Вып. 2 / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. С. 81–90. EDN: VKDIGL.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 75–81. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2013\)2\(8\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2013)2(8).-06). EDN: RUQFER.

Умирбек Б. Формы тамговых знаков на территории Баян-Улгийского аймака Монголии // Искусство Евразии. 2016. № 2 (3). С. 28–44. <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2016.02.003>. EDN: YTPCEX.

Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Портнягин М.А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 50–75. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75>. EDN: AKXMAV.

Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 168–184.

Худяков Ю.С. Херексурсы и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 136–162.

Цыбиктаров А.Д. «Загадка» культуры херексуров и оленных камней в Забайкалье // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 62–65. EDN: SEYZRL.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургские археологические вести. СПб. 1994. Вып. 8. С. 43–53.

Батдалай Б., Батзориг О. Ханбогд сумын нутагт шинээр олдсон ханди зургийн тухай. Улаанбаатар: Археологийн судлал. *Studia archaeologica institute archaeologici academiae scientiarum mongolicae*. Tomus XXXIII, 2013, Fasciculus 1-25. С. 145–156.

Батсайхан З., Эрдэнэбат У., Төрбат Ц. Цагаан элэгийн хадны зураг = Наскальная живопись Цаган-элег. Эрдэм шинжилгээний бичиг. МУИС-ийн Нийгмийн ухааны факультет. 1998. № 4 (133). С. 266–279.

Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Тэйлор В., Батсайхан З., Лаури Б. Бор шорооны амны дурсгал газарт хийсэн архиологийн судалгаа. НҮҮДЭЛЧДИЙН ӨВ СУДЛАЛ. Улаанбаатар, 2018. ТОМ-ХІХ-II, FASC 1-24. С. 5–28.

analysis, interpretation: monograph. Barnaul: AZBUKA. 168 p. (In Russ.). EDN: ТОHPFT.

Sereeter U. (2007) The paleometal age cultures of Western Mongolia and the Sayan-Altay region (comparative study). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorija = Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 2. History*. No. 1. P. 218–225. (In Russ.). EDN: PZYGHR.

Tishkin A.A., Gienko E.G., Druzhinina E.V. (2011) Astroarchaeological research on the ancient complex KurKechu-II. *Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya = Ancient and modern places of worship in Altai*. Barnaul: Altai State University. P. 81–90. (In Russ.). EDN: VKDIGL.

Tishkin A., Seregin N. N. (2013) Turkic fences as one of the forms of cenotaph construction in the early Middle Ages. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. No. 2 (8). P. 75–81. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2013\)2\(8\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2013)2(8).-06). EDN: RUQFER.

Umirbek B. (2016) Forms of tamga signs on the territory of Bayan-Ulgii Aimag of Mongolia. *Iskusstvo Evrazii = Art of Eurasia*. No. 2 (3). P. 28–44. (In Mong.) <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2016.02.003>. EDN: YTPCEX.

Kharinsky A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Portnyagin M.A. (2022) Kurgans of the ancient population of the Oka plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 50–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75>. EDN: AKXMAV.

Khudyakov Yu.S. (1985) Ancient Turkic memorial sites on the territory of Mongolia (based on materials from SMIKE in 1979–1982). *Drevnie kul'tury Mongolii = Ancient cultures of Mongolia*. Novosibirsk: Nauka. P. 168–184. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. (1987) Kherekurs and deer stones. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia*. Novosibirsk: Science. P. 136–162. (In Russ.).

Tsybiktarov A.D. (2014) The “secret” of the culture of Kherekurs and deer stones in Transbaikalia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*. No. 7. P. 62–65. (In Russ.). EDN: SEYZRL.

Chugunov K.V. (1994) The Mongun-Taiga culture of the Late Bronze Age in Tuva (the typological classification of the funeral rite and the relative chronology). *Peterburgskie arheologicheskie vesti = St. Petersburg Archaeological News*. Iss. 8. St. Petersburg. P. 43–53. (In Russ.).

Batdalay B., Batzorig O. (2013) About the newly discovered hand paintings in the area of Khanbogd Sum. Ulaanbaatar: Archaeological Studies. *Studia archaeologica institute archaeologici academiae scientiarum mongolicae*. Tomus XXXIII, Fasciculus 1-25. P. 145–156. (In Mong.).

Batsajxan Z., E'rde`ne`bat U., Terbat Cz. (1998) Rock painting Tsagan-eleg. E'rde`m shinzhilge`e`nij bichig. *MUIS-ijn Nijgmijn uxaany` fakul`tet*. No. 4 (133). P. 266–279. (In Mong.).

Bayarsajxan Zh., Tyvshinzhargal T., Te`jlor V., Batsajxan Z., Lauri B. (2018) Archeological research at the site Bor shoroony` amny`. *NYUDE`LChDIJN ӨV SUDLAL*. Ulaanbaatar. Tomus-XIX-II, FASC 1-24. P. 5–28. (In Mong.).

Эрдэнэбат У. Хахуулын голын хадны зураг = Наскальная живопись реки Хахуулын. Археологийн судлал. 2008. Т. 26. 32–56.

Enkhtör A., Bemann J., Brosseder U. The first excavations of bronze and iron age monuments in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007. *Asian Archaeology*. 2018. Vol. 1. Pages 3-44. <https://doi.org/10.1007/s41826-018-0001-8>.

Frohlich, B., Amgalantögs, T., Littleton, J., Hunt, D., Hinton, J., and Goler, K. (2009). Bronze Age burial mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. In Bemann, J., Parzinger, H., Pohl, E., and Tseveendorzh, D. (eds.), *Current Archaeological Research in Mongolia Papers from the 1st International Conference on Archaeological Research in Mongolia held in Ulaanbaatar, August 19th-23rd, 2007*. University of Bonn, Bonn. Pp. 99–115.

Jacobson-Tepfer E. *Deer Stones // Monumental Archaeology in the Mongolian Altai*. Leiden; Boston : Brill, 2023. P. 155-191. https://doi.org/10.1163/9789004541306_008.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W.T.T., Miller B.K., Bemann J.H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Konovalov P.B., Zhambaltarova E., Miller A.V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*. 2020 Nov 12; 183(4): 890–904.e29. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2020.10.015>.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 39-52. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2014.04.031>.

Takahama Shu. Research of Ulaan uushig I (Uushigiin övör) in Mongolia and newly acquired 14C data // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–23 сент. 2010 г.)*. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 126–131.

Turbat Ts. Khirgisüür. *Archaeological selected relics of Mongolia*. Editor-in-chief S. Chuluun and D. Tseveendorj. Ulaanbaatar, 2016. P. 142-151.

Wright J. Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond. *Journal of Archaeological Research*. 2021. Vol. 29. P. 431-479. <https://doi.org/10.1007/s10814-020-09152-y>.

Информация об авторах

Харинский Артур Викторович,

доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия; профессор кафедры истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,

Erdenebat U. (2008) Rock paintings of Khakhuulyn golyin river. *Arheologijn sudlal = Archeology*. Vol. 26. P. 32–56. (In Mong.).

Enkhtör A., Bemann J., Brosseder U. The first excavations of bronze and iron age monuments in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007. *Asian Archaeology*. 2018. Vol. 1. Pages 3-44. <https://doi.org/10.1007/s41826-018-0001-8>.

Frohlich, B., Amgalantögs, T., Littleton, J., Hunt, D., Hinton, J., and Goler, K. (2009). Bronze Age burial mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. In Bemann, J., Parzinger, H., Pohl, E., and Tseveendorzh, D. (eds.), *Current Archaeological Research in Mongolia Papers from the 1st International Conference on Archaeological Research in Mongolia held in Ulaanbaatar, August 19th-23rd, 2007*. University of Bonn, Bonn. Pp. 99–115.

Jacobson-Tepfer E. *Deer Stones // Monumental Archaeology in the Mongolian Altai*. Leiden; Boston : Brill, 2023. P. 155-191. https://doi.org/10.1163/9789004541306_008.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W.T.T., Miller B.K., Bemann J.H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Konovalov P.B., Zhambaltarova E., Miller A.V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. *Cell*. 2020 Nov 12; 183(4): 890–904.e29. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2020.10.015>.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 39-52. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2014.04.031>.

Takahama Shu. Research of Ulaan uushig I (Uushigiin övör) in Mongolia and newly acquired 14C data (2010) "Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia": Materials of International Conference (Ulan-Ude, September 20–23, 2010). Iss 4. Ulan-Ude: Buriat State University. P. 126-131.

Turbat Ts. Khirgisüür. *Archaeological selected relics of Mongolia*. Editor-in-chief S. Chuluun and D. Tseveendorj. Ulaanbaatar, 2016. P. 142-151.

Wright J. Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond. *Journal of Archaeological Research*. 2021. Vol. 29. P. 431-479. <https://doi.org/10.1007/s10814-020-09152-y>.

Information about the authors

Artur V. Kharinskii,

Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia; Professor of the Department of History and International Relations, Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia, e-mail: kharinsky@mail.ru,

e-mail: kharinsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: kichkok@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

Коростелев Алексей Михайлович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

Тетенькин Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: altet@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Крадин Николай Николаевич,
доктор исторических наук, академик Российской Академии наук, директор,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: kradin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1024-6285>

Оргилбаяр Самданцоодол,
магистр истории, преподаватель кафедры истории и археологии,
Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, г. Улан-Батор, Баянзурх район, 5-й хороо,
e-mail: orgjob@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 ноября 2023 г.; одобрена после рецензирования 8 декабря 2023 г.; принята к публикации 18 декабря 2023 г.

<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Dmitrii E. Kichigin,
Cand. Sci. (History), associate-professor of the department of history and philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: kichkok@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

Aleksei M. Korostelev,
Cand. Sci. (History), Senior lecturer of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

Aleksei V. Tetenkin,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: altet@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Nikolay N. Kradin,
Dr. Sci. (History), Academician of the Russian Academy of Sciences, Director,
Institute of History, Archaeology and Ethnology, Director of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: kradin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1024-6285>

Samdantsoodol Orgilbayar,
Master of Historical Sciences, Lecturer, Department of History and Archaeology,
Ulaanbaatar State University,
5th khoroо, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, Mongolia,
e-mail: orgjob@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 12, 2023; approved after reviewing December 8, 2023; accepted for publication December 18, 2023.

Научная статья
УДК 903(571.62)“636/637”
EDN: DVUMLK
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-52-72

Использование растений населением Нижнего Приамурья в эпоху палеометалла

Е.А. Сергушева

Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты археоботанического анализа семян и плодов растений (карпоидов), полученных в тестовом режиме с использованием водной флотации на памятниках эпохи палеометалла Нижнего Приамурья – Нижнетамбовское-2 (VIII–V вв. до н. э.), Амурский Санаторий (III–I вв. до н. э.), Петропавловка-5 (II–I вв. до н. э.), Голый Мыс-6 (вторая половина I тыс. до н. э.). Природно-климатические условия памятников различаются. Амурский Санаторий и Петропавловка-5 находятся в наилучшем агроклиматическом районе – в центральной части Среднеамурской низменности, Нижнетамбовское-2 на ее северо-восточной периферии с менее благоприятными условиями, Голый Мыс-6 находится на северо-востоке Приамурья, в районе с довольно суровым климатом. Семь проб получено из отложений, ассоциируемых с урильской (Нижнетамбовское-2, 1 проба), большебухтинской (Голый Мыс-6, 2 пробы), польцевской (Амурский Санаторий, 3 пробы и Петропавловка-5, 1 проба) археологическими культурами; 1426 семян культурных, дикорастущих, фонových/сорных растений обнаружено в 6 пробах. Не идентифицировано 37 экз. Культурные растения представлены семенами итальянского проса (*Setaria italica*) с трех памятников: Нижнетамбовское-2 (664 экз. – 70 % всех семян), Амурский Санаторий (201 экз. – 77,9 %), Петропавловка-5 (23 экз. – 67,6 %). Наши данные показывают значимость итальянского проса для польцевского земледелия и подтверждают результаты прежних исследований. Анализ семян и природно-климатических условий поселения Нижнетамбовское-2 демонстрирует возможный импорт проса. Его поставщики, очевидно, проживали выше по течению. Из-за недостатка данных их культурная принадлежность не определяется. Остатки дикорастущих растений в материалах памятников демонстрируют значительную роль растительного собирательства не только у обитателей северо-восточного Приамурья, где земледелие было невозможно, но даже у земледельческого населения. Проведенное исследование показало высокий информационный потенциал археоботанического подхода для реконструкции использования растений населением Нижнего Приамурья.

Ключевые слова: Нижнее Приамурье, эпоха палеометалла, урильская культура, польцевская культура, большебухтинская культура, водная флотация, земледелие, собирательство растений, итальянское просо

Благодарности: автор благодарит своих коллег О.В. Яншину и Н.А. Дорофееву за плодотворные дискуссии по теме исследования и помощь при подготовке статьи.

Для цитирования: Сергушева Е.А. Использование растений населением Нижнего Приамурья в эпоху палеометалла // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 52–72. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-52-72>. EDN: DVUMLK.

Archaeology

Original article

Use of plants by populations of the Lower Amur region in the Paleometal Age

Elena A. Sergusheva

Institute of the History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Abstract. The article presents the results of archaeobotanical analysis of seeds and fruits obtained in a test mode by the water flotation technique from the sites of the Paleometallic period in the Lower Amur River region - Nizhetambovskoye-2 (VIII-V cc. BC), Amurskiy Sanatoriy (III-I cc. BC), Petropavlovka-5 (II-I cc. BC), Goly Mys-6 (the second half of the I millennium BC). Natural and

climatic conditions of the sites' location vary greatly. Amurskiy Sanatoriy and Petropavlovka-5 are located in the Middle Amur lowland, in its center part having the best agroclimatic conditions in the region. Nizhnetambovskoye-2 is located on lowland's north-eastern periphery with less favorable conditions. Goly Mys-6 is located in the northeast of the Amur valley with a rather harsh climate. Seven samples were obtained from deposits associated with Urilskaya (Nizhnetambovskoye-2, 1 sample), Bolshebukhtinskaya (Goly Mys-6, 2 samples), Poltsevskaya (Amurskiy Sanatoriy, 3 samples and Petropavlovka-5, 1 sample) archaeological cultures. 1426 seeds of cultural, gathering, and weedy plants were found in 6 samples. 37 seeds have not been identified. Cultigen is represented by seeds of *Setaria italica* from three sites: Nizhnetambovskoe-2 (664 examples - 70 % of all seeds), Amurskiy Sanatoriy (201 examples - 77.9 %), Petropavlovka-5 (23 examples - 67.6 %). This data shows the significance of foxtail millet for agriculture of the Poltsevskaya culture population in the Lower Amur region and confirm the results of previous research. The analysis of seeds from Nizhnetambovsky-2 settlement presents possible import of foxtail millet. Its growers lived upstream of the Amur, but it is not yet clear what archaeological culture they may be associated with. Remains of gathering plants' in the sites demonstrate the significant role of gathering not only among the inhabitants of the north-eastern Amur region, where agriculture was impossible, but even among the agricultural population. Our research has shown high information potential of archaeobotanical methods for the reconstruction of agriculture and gathering among the Lower Amur Valley populations.

Keywords: Lower Amur region, Paleometallic period, Urilskaya culture, Poltsevskaya culture, Bolshebukhtinskaya culture, water flotation, agriculture, plant gathering, *Setaria italica*

Acknowledgements: the author expresses deep gratitude to her colleagues O.V. Yanshina. and Dorofeeva N.A. for fruitful discussions on the research topic and help in preparing the article.

For citation: Sergusheva E.A. (2023) Use of plants by populations of the Lower Amur region in the Paleometal Age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 52-72. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-52-72>. EDN: DVUMLK.

Памяти коллеги
Игоря Яковлевича Шевкомуда

Введение

Считается, что с глубокой древности хозяйство населения долины р. Амур было ориентировано в первую очередь на использование речных ресурсов. Вывод о ведущей роли рыболовства в палеоэкономике обитателей амурской долины основан на косвенных, прежде всего, этнографических данных, собранных среди коренных народов региона в XIX – начале XX в. (Окладников, Деревянко, 1973). Вне сомнения, рыболовство было обязательным компонентом систем жизнеобеспечения приамурского населения в древности и средневековье. Недавние исследования показали, что уже 16200–10700 кал. л. н. носители осиповской археологической культуры (АК) начального неолита использовали керамические сосуды для приготовления рыбы. Предполагается, что появление первых керамических контейнеров на Амуре связано с необходимостью обработки именно рыбы (Shoda et al., 2020). При этом охотничью направленность хозяйственной деятельности осиповского населения четко демонстрирует анализ археологических источников (Шевкомуд, Яншина, 2012. С. 93–94). В последующие хронологические периоды (неолит, палеометалл, средневековье) существование ры-

боловства как специализированной отрасли хозяйства надежно маркируют находки каменных грузил (Шевкомуд, Яншина, 2012. С. 94). Но из-за недостатка других источников и отсутствия специальных исследований основополагающая роль рыболовства в палеоэкономике населения Приамурья, хотя и представляется очевидной, все еще остается гипотетической.

За рыболовной стороной древней экономики населения региона в исследованиях терялась другая важная и еще менее заметная в археологическом контексте отрасль – использование растений. Этот компонент хозяйства «ихтиофагов» р. Амур практически не изучен из-за отсутствия необходимых данных – идентифицируемых остатков растений. Их находки встречались изредка в ходе археологических раскопок. В последние годы с началом использования при раскопках амурских памятников водной флотации ситуация меняется и карбонизированные археоботанические макроостатки (в первую очередь семена и плоды растений) гарантированно извлекаются из культуросодержащих отложений. Подобные работы пока не стали обязательной полевой процедурой и носят ограниченный характер (Сергушева, Коваленко и др., 2017; Сергушева, Крючко, 2021). Но изучение полученных материалов, даже при их малочисленности, демонстрирует высокий информационный потенциал

археоботанического подхода как для выявления растений, использовавшихся обитателями Приамурья, так и для цельных реконструкций их систем жизнеобеспечения.

Материалы и методы

В статье представлены результаты изучения небольшой коллекции семян и плодов растений (карпоидов), полученных с использованием водной флотации из отложений эпохи палеометалла на четырех памятниках Нижнего Приамурья – Нижнетамбовское-2, Амурский Санаторий, Петропавловка-5, Голый Мыс-6. Ее анализ, дополненный информацией о находках остатков растений, сделанных нашими предшественниками, послужил основой для предварительной реконструкции использования растений обитателями Нижнего Приамурья в этот период. Выбор территории и хронологических рамок исследования обусловлен имеющимися источниками.

Пробоотбор материала для последующей водной флотации осуществлен по инициативе И.Я. Шевкомуда сотрудниками Лаборатории археологии и палеоэкологии Хабаровского краевого музея на памятниках Нижнетамбовское-2 (1 проба, 2006 г.), Голый Мыс-6 (2 пробы, 2012 г.) и Петропавловка-5 (2 пробы, 2017 г.). Флотационные пробы на памятнике Амурский Санаторий (3 пробы) получены автором в ходе спасательных археологических работ (2017 г.), проведенных Хабаровским центром охраны памятников истории и культуры¹. Последующая лабораторная и аналитическая обработка материала осуществлена автором в соответствии со стандартными исследовательскими процедурами (Лебедева, 2008; Лебедева, 2016; Сергушева, 2013²).

Памятники находятся в разных эколого-географических районах Нижнего Приамурья:

¹ Автор выражает благодарность своим коллегам, без чьей искренней заинтересованности и помощи это исследование не могло состояться – бывшим и действующим сотрудникам Лаборатории археологии и палеогеографии Хабаровского краевого музея им. Гродекова – И.Я. Шевкомуду, С.Ф. Косицыной, М.В. Горшкову, М.А. Габрильчуку и Хабаровского краевого центра охраны памятников истории и культуры – А.М. Шиповалову, А.Р. Ласкину.

² Сергушева Е.А. Археоботаника: теория и практика. Владивосток: Дальнаука, 2013. 84 с. EDN: WCCDXR.

Амурский Санаторий и Петропавловка-5 – в центральной части Среднеамурской (Амуро-Сунгарийской) низменности, Нижнетамбовское-2 – на ее самой северо-восточной периферии, Голый Мыс-6 – на северо-востоке Нижнего Приамурья, на берегу оз. Удыль (рис. 1).

Полученный ботанический материал соотносится с разными археологическими культурами или культурными группами, практически все они остаются недостаточно исследованными из-за слабой изученности региона, чрезвычайно динамичного процесса межкультурного взаимодействия в эпоху палеометалла и нечеткости типологических характеристик комплексов опорных памятников основных АК палеометалла Приамурья – урильской и польцевской (Яншина, 2013.). Сосуществование и чересполосное проживание в это время различных культурных групп амурского населения подтверждают результаты датирования, сходные элементы и промежуточные формы в керамических материалах (Гребенщиков, Деревянко, 2001. С. 72; Шевкомуд, 2015. С. 170; Нестеров, 2021. С. 17). По этим причинам первостепенное значение на настоящем этапе археологических исследований в Приамурье приобретает определение типологических характеристик комплексов палеометалла отдельных памятников и их радиоуглеродное датирование, в первую очередь это относится к опорным памятникам палеометалла (Яншина, 2013. С. 297–301; Нестеров, 2022. С. 74).

¹⁴C датировки, которые можно применить к полученным археоботаническим материалам, имеются только для однослойного поселения Нижнетамбовское-2. Авторы раскопок на основе анализа керамического материала отнесли поселение к нижеамурскому варианту урильской АК, тогда как другие исследователи рассматривают его керамический комплекс в рамках какорминского типа керамики, «органично сочетающего польцевские и урильские черты» (Яншина, 2013. С. 318–322), или как «продолжение развития соргольского типа керамики с включением иных гончарных традиций» (Дерюгин, Лосан, 2009. С. 52–55). Три даты свидетельствуют о существовании поселка в интервале 800–400 кал. г. до н. э. (Косицына и др., 2006. С. 183). На двух многослойных памятниках (Амурский Санаторий и Петропавловка-5) карпоиды получены из отложений, связываемых с польцевской

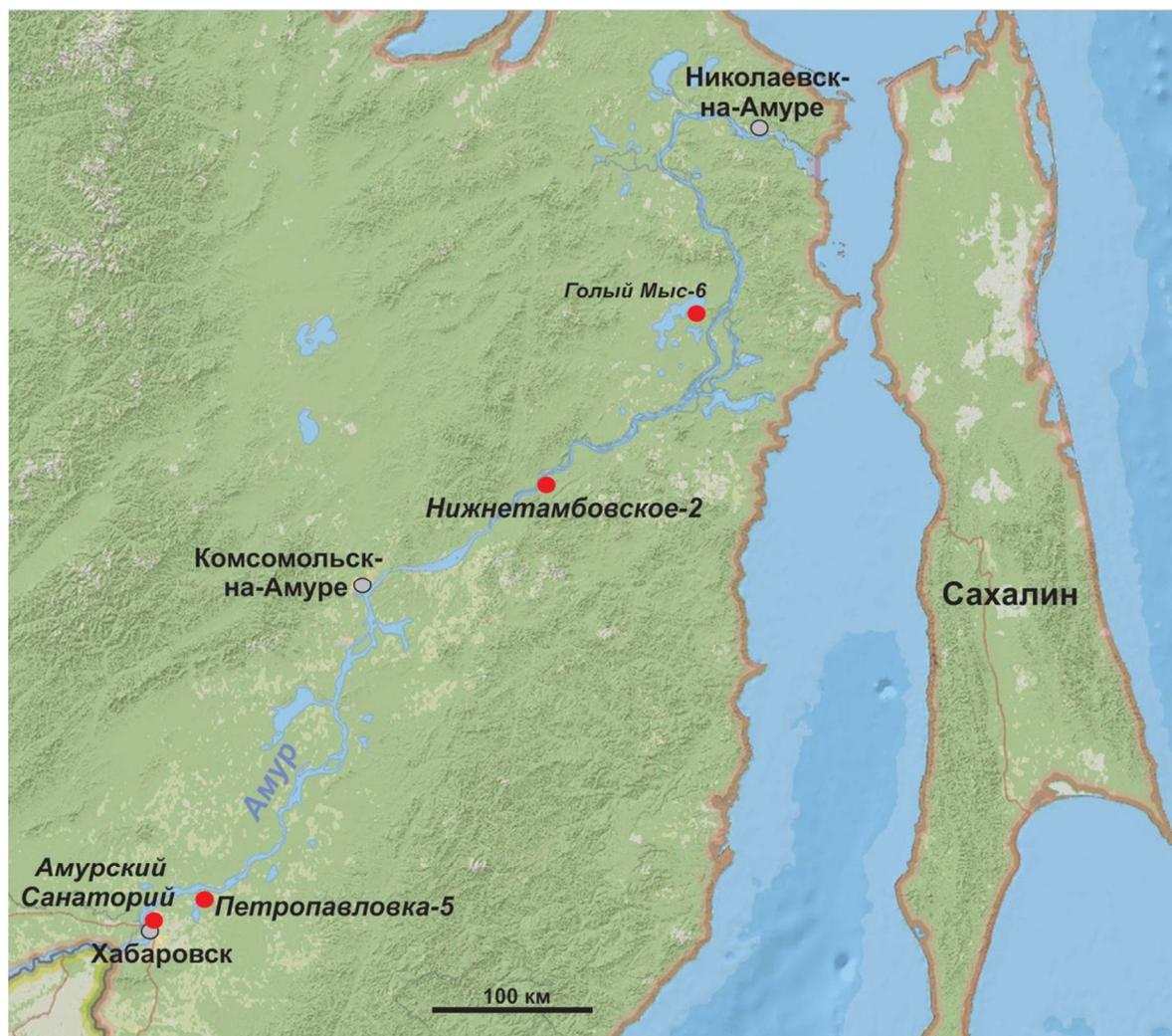

Рис. 1. Местонахождение нижеамурских памятников эпохи палеометалла, с которых получены археоботанические материалы

Fig. 1. Location of the Lower Amur Paleometallic Age sites with archaeobotanical finds

АК. Время существования польцевского поселения Амурский Санаторий, на основании сходства его материала с ранним комплексом Желтого Яра и его датировок, относят к III–I вв. до н. э. (Нестеров, 2021. С. 20; Нестеров, 2022). Для памятника Петропавловка-5 по нагару на польцевской керамике получено 10 дат, свидетельствующих о его существовании во II–I вв. до н. э. (Northern expansion..., 2022. P. 65–69). Для поселения большебухтинской АК Голый Мыс-6 ^{14}C даты отсутствуют. Анализ материалов и датировок других ее памятников свидетельствует о локальном характере этой культуры, существовавшей на северо-востоке Нижнего Приамурья во второй половине I тыс. до н. э. (Шевкомуд, 2002; Шевкомуд, 2008; Фукуда, 2013. С. 338). Таким образом, имеющиеся археоботанические материалы хронологически могут быть помещены в интервал со второй трети I тыс. до н. э. до его

конца. При этом самыми ранними в нашей коллекции являются находки поселения Нижнетамбовское-2, далее следуют материалы поселения Голый Мыс-6, за ним, а возможно, и синхронно ему – карпоиды из польцевских отложений памятников Амурский Санаторий и Петропавловка-5.

Результаты видовых определений карпоидов

На поселении Нижнетамбовское-2 полностью профлотировано заполнение центрального очага долговременного жилища (№ 7). Объем профлотируемого грунта составил 26 л. Полученная проба содержала 945 семян и их фрагментов, т. е. насыщенность отложений составила 36,3 семян на 1 л грунта (табл. 1). Среди семян идентифицированы остатки культурных (665 экз.), дикорастущих пищевых (4 экз.) и сорных (145 экз.) растений. Видовая принадлежность 11 семян не установлена. Еще 126

Таблица 1. Семена и плоды растений, обнаруженные во флотационных пробах с памятников эпохи палеометалла Нижнего Приамурья

Table 1. Seeds and fruits getting from flotation samples of the Lower Amur Paleometallic period sites

Памятник, год раскопок; датировка; культурная принадлежность	Нижне-тамбовское-2, 2006, VIII–V вв. до н. э.; уриль-ская (?) АК	Амурский Санаторий, 2017; III–I вв. до н. э.; польцевская АК				Петропавловка-5, 2017; II–I вв. до н. э.; польцевская АК	Голый Мыс-6, 2012; вторая половина I тыс. до н. э.; большебухтинская АК		Итого
		Жилище, 7, очажное пятно № 3, кв. G-H/8-9, 7 пл.	кв. E-Ж/18–19, гл. 40–60 см, скопление керамики	кв. В-Г/43, углисто-пепельное запыление	кв. В-55, скопление керамики		кв. E-Ж/18-19, гл. 40–50 см, скопление керамики	кв. Б'/2, пласт 7, развал сосуда	
№ пробы / объем грунта, в л.	1 / 26	1 / 10	2 / 10	3 / 10	выборка	2 / нет данных	1 / 4	2 / 6	7 проб / > 66 л
Просо обыкновенное (?) (<i>Panicum miliaceum</i> (?))	1								1
Просо итальянское (<i>Setaria italica</i>)	664		247	57		23			991
<i>S. italica</i> / <i>Setaria</i> cf. <i>viridis</i> , фрг.	126								126
Щетинник зеленый (?) (<i>S. cf. viridis</i>)	145			16					161
Ежовник (cf. <i>Echinochloa</i> sp.)				3					3
Дикое просо (Paniceae), неидентиф.			1						1
Дуб монгольский (<i>Quercus mongolica</i>), желуди, семядоля / фрг. семядоли			0 / 25		10 / 19				54
Орех маньчжурский (<i>Juglans mandchurica</i>), скорлупа, фрг.						2			2
Лещина (<i>Corylus</i> sp.), скорлупа, фрг.				2					2
Шиповник (<i>Rosa</i> sp.)	4							1	5
Боярышник (<i>Crataegus</i> sp.)				1					1
Черемуха (<i>Prunus padus</i>), плод, фрг.						4			4
Малина (<i>Rubus</i> sp.)							1	4	5
Бузина (<i>Sambucus</i> sp.)							1	5	6
Виноград амурский (<i>Vitis amurensis</i>)				1					1
Бархат амурский, фрагмент плода (<i>Phellodendron amurense</i>)				1					1

Марь (<i>Chenopodium sp.</i>)			3	16		2			21
Бобовые (Fabaceae)				1					1
Яснотковые (Lamiaceae)				1				1	2
Астровые (Asteraceae)								1	1
Неидентифицированные кар- поиды	11			15		3	4	4	37
Итого	951	0	276	114	29	34	6	16	1426
Из них: культурные	665	0	247	57		23	0	0	992
культурное/сорное просо	126								126
дикорастущие пищевые	4	0	25	5	29	6	2	10	81
фондовые/сорные	145	0	4	37		2	0	2	190
неидентифицированные виды	11	0	0	15		3	4	4	37
Насыщенность семенами 1 л грунта	36,3	0	27,6	11,4		нет дан- ных	1,5	2,6	

фрагментов семян не удалось надежно соотнести с культурным или с сорным видом проса.

Остатки культурных растений представлены 664 зерновками проса итальянского (*Setaria italica*) и одного семени, напоминающего просо обыкновенное (cf. *Panicum miliaceum*). Зерновки итальянского проса имеют типичную форму и относительно небольшие размеры (рис. 2.1; табл. 2). Покровные (цветковые) чешуи отсутствуют у всех семян, лишь у нескольких сохранились небольшие их фрагменты с характерной для данного вида скульптурой поверхности. У большинства экземпляров зародыш утерян, вероятно, в процессе их обугливания.

Среди зерновок итальянского проса найдено 16 экз. с идентичной морфологией, но значительно меньших размеров – 0,83-0,81-0,61 мм. Присутствие среди его зерновок отдельных мелких экземпляров ранее отмечалось в материалах соседнего Приморья (Клюев и др., 2018. С. 299, 317).

Одно семя отнесено, предположительно, к другому виду культурного проса – просу обыкновенному (cf. *Panicum miliaceum*). Из-за отсутствия морфологических признаков, позволяющих провести его надежную идентификацию, предварительное определение осуществлено на основании

Рис. 2. Зерновки проса с нижеамурских памятников эпохи палеометалла: масштаб 1 мм. 1 – зерновки проса итальянского (*Setaria italica*) с поселения Нижнетамбовское-2; 2 – зерновки щетинника зеленого (*Setaria cf. viridis*) с поселения Нижнетамбовское-2; 3 – зерновки проса итальянского (*Setaria italica*) с поселения Амурский Санаторий
Fig. 2. Caryopses of millets from the Lower Amur Paleometallic Age sites: Scale bar is 1 mm. 1 - caryopses of foxtail millet (*Setaria italica*) from Nizhetambovskoe-2 settlement; 2 - caryopses of green foxtail (*Setaria cf. viridis*) from Nizhetambovskoe-2 settlement; 3 - caryopses of foxtail millet (*Setaria italica*) from Amurskiy Sanatoriy settlement

формы и размеров (1,48 – 1,39 – 1,1 мм), соответствующих *Panicum miliaceum*.

Еще 145 зерновок проса идентифицированы, как принадлежащие щетиннику, вероятно, зеленому (*Setaria cf. viridis*) – дикорастущему виду проса из того же рода *Setaria*, что и просо итальянское (синоним – щетинник итальянский). В отличие от зерновок культурного щетинника, семена сорного щетинника длиннее, с заметно суженным основанием и верхушкой (рис. 2.2). Их средние размеры по результатам замеров 22 экз. – 1,2–0,95–0,73 мм. Покровные чешуи отсутствуют у всех семян. Среди зерновок встречаются отдельные щуплые, по-видимому, невызревшие экземпляры.

Помимо целых зерновок в пробе присутствуют 126 обломков. Из-за невозможности их надежного соотнесения с культурным или сорным щетинником они идентифицированы как «фрагменты культурного / сорного проса». Судя по виду сломов, многие из этих обломков образовались в процессе пробоотбора.

Дикорастущие пищевые растения представлены четырьмя семенами шиповника (*Rosa sp.*). Их средние размеры – 3,28–1,73–1,45 мм.

Основные отложения многослойного памятника Амурский Санаторий сформированы носите-

Таблица 2. Размерные показатели зерновок проса итальянского с поселения Нижнетамбовское-2
Table 2. Size of foxtail millet (*Setaria italica*) caryopses from Nizhnetambovskoe-2 settlement

№ п/п	Длина, L, в мм	Ширина, В, в мм	Толщина, Т, в мм	Индекс L/В×100	Индекс В/Т×100
1	1,1	1,2	0,8	91,7	150,0
2	1,05	1,12	0,8	93,8	140,0
3	1,1	1,15	0,9	95,7	127,8
4	1,2	1,25	0,9	96,0	138,9
5	1,1	1,1	0,8	100,0	137,5
6	1,1	1,25	0,83	88,0	150,6
7	0,97	1,0	0,73	97,0	137,0
8	1,05	1,1	0,7	95,5	157,1
9	1,0	1,07	0,8	93,5	133,8
10	1,02	1,13	0,72	90,3	156,9
11	1,06	1,03	0,8	102,9	128,8
12	1,1	1,1	0,7	100,0	157,1
среднее	1,07	1,12	0,79	95,5	141,8

лями польцевской АК. В ходе спасательных работ в 2017 г. исследован разрушающийся вдоль края террасы участок памятника с остатками многочисленных и бесформенных ям неуставленного назначения (Краминцев, Киселев, Черников, 2018). На участках со скоплением польцевского археологического материала получено три флотационных пробы, каждая объемом 10 л. Семена и плоды растений найдены в двух пробах (№ 2, 3) в количестве 275 и 114 экз. соответственно. Идентифицированы среди них культурные, дикорастущие и сорные растения. Видовой состав обеих проб частично совпадает (табл. 1).

Остатки культурных растений представлены в обеих пробах исключительно зерновками проса итальянского – 144 и 57 экз. Они типичной формы, довольно мелкие (рис. 2.3; табл. 3). У всех зерновок отсутствуют цветковые чешуи, лишь у отдельных экземпляров сохранились небольшие их фрагменты.

Остатки дикорастущих пищевых растений присутствуют в обеих пробах. В пробе № 2 они представлены 25 мелкими фрагментами семядолей монгольского дуба (cf. *Quercus mongolica*). В пробе № 3 эта категория остатков разнообразнее: два фрагмента скорлупы ореха лещины (*Corylus sp.*), семя боярышника (*Crataegus sp.*), семя амурского винограда (*Vitis amurensis*), фрагмент плода (с семенем) амурского бархата (*Phellodendron amurense*). Также на памятнике в отложениях с польцевским материалом визуальное зафиксировано скопление нескольких целых желудей и их крупных фрагментов (табл. 1).

Фоновые и сорные растения представлены семенами мари (*Chenopodium sp.*) (2 и 16 экз.) и зерновками дикорастущего проса (1 и 19 экз.). Зерновка проса из пробы № 2 определена до уровня трибы – просовые (Paniceae). Среди семян дикорастущего проса из пробы № 3 идентифицированы щетинник (*Setaria sp.*) (16 экз.) и ежовник (cf. *Echinochloa sp.*) (3 экз.). В пробе № 3 обнаружены два семени неуставленных растений семейств Бобовые (Fabaceae) и Яснотковые (Lamiaceae (?)).

На многослойном памятнике Петропавловка-5 выявлены материалы кондонской и малышевской неолитических культур, урильской и польцевской АК палеометалла и мохэской культуры раннего средневековья. На участке раскопа 2017 г. преоб-

Таблица 3. Размерные показатели зерновок проса итальянского из отложений польцевской культуры памятника Амурский Санаторий (проба № 2, раскоп 2017 г.)

Table 3. Size of foxtail millet (*Setaria italica*) caryopses from the Poltse culture deposit of Amurskiy Sanatoriya site (excavation of 2017, sample No. 2)

№ п/п	Длина, L, в мм	Ширина, В, в мм	Толщина, Т, в мм	Индекс L/В×100	Индекс В/Т×100
1	1,15	1,2	>0,8	95,8	–
2	1,0	1,15	0,85	87,0	135,3
3	1,3	1,05	0,9	123,8	116,7
4	1,17	1,17	0,7	100,0	167,1
5	1,15	1,06	≈0,65	108,5	–
6	1,2	1,19	0,8	100,8	148,8
7	1,05	0,9	–	116,7	–
8	1,27	1,1	0,9	115,5	122,2
9	1,18	1,14	0,93	103,5	122,6
10	1,1	1,03	≈0,7	106,8	–
11	1,05	≈1,0	0,7	–	–
12	1,06	1,25	≈0,8	84,8	–
13	1,05	1,12	0,8	93,8	140,0
14	1,04	1,1	–	94,5	–
15	1,1	1,16	–	94,8	–
16	1,06	1,15	0,76	92,2	151,3
17	1,1	1,1	0,85	100,0	129,4
18	1,12	1,1	0,8	101,8	137,5
19	1,08	1,12	0,87	96,4	128,7
20	1,07	1,1	≈0,7	97,3	–
среднее	1,115	1,109	0,8	100,5	138,6

Примечание: > – размер превышает указанное значение; ≈ – размер приблизительно равен указанному значению; – – замеры не сделаны из-за деформации.

ладали находки, соотносимые с кондонской и польцевской АК (Габрильчук, 2019. С 64). Из-за сложной стратиграфической и планиграфической обстановки флотационные материалы на памятнике отбирались в тестовом режиме из заполнений (развалов) сосудов, т. к. с наибольшей вероятностью именно в этих отложениях не содержались инокультурные включения. Всего получены две

пробы – из развала сосуда кондонской АК (проба № 1) и сосуда с пальцевыми оттисками и прочерченными желобками, маркирующими его принадлежность к польцевской культуре (проба № 2).

В пробе № 2 обнаружено 34 карпоида. Преобладают среди них семена культурного проса, 23 его зерновки отнесены к просу итальянскому. Большинство их деформировано в ходе сгорания. Средние размерные показатели по результатам замеров девяти относительно целых экземпляров – 1,06–1,04–0,82 мм. Покровные чешуи отсутствуют, лишь у нескольких экземпляров сохранились их небольшие фрагменты. У некоторых зерновок на поверхности имелись вмятинки и отмечалась общая щуплость – свидетельства неполной спелости на момент их сбора.

Остатки пищевых дикорастущих растений представлены фрагментами (2) скорлупы маньчжурского ореха (*Juglans mandshurica*) и фрагментами (4) плодов черемухи (*Padus asiatica*). Судя по характеру разломов, ягоды черемухи были разрушены еще в древности, до сгорания. Из остатков фоновых сорных растений присутствуют два семени мари (*Chenopodium sp.*). Из-за плохой сохранности не идентифицированы три семени, принадлежащие разным растениям.

На памятнике Голый Мыс-6 из очажных отложений жилища получены две флотационные пробы – из заполнения очага (проба № 1) и околоочажной ямы (№ 2). В обеих пробах найдено 22 семени, 14 из которых идентифицированы. Они принадлежат пищевым дикорастущим и фоновым растениям. Остатки культурных растений не зафиксированы.

Видовой состав семян проб частично совпадает. Дикорастущие пищевые растения в них представлены семенами малины (*Rubus sp.*) и бузины (*Sambucus sp.*). В пробе № 1 зафиксировано по одному их экземпляру, в пробе № 2 – 4 и 5 соответственно. В пробе № 2 обнаружено мелкое семя (2,6–1,2–1,2 мм), напоминающее шиповник (ср. *Rosa sp.*). Среди неидентифицированных остатков в обеих пробах имеется пять идентичных экземпляров, предположительно, отнесенных к пищевым дикорастущим растениям. Это небольшие (1,4–1,6–1,5; 1,4–1,55–1,0 мм), нерегулярной формы фрагменты какой-то части неустановленного растения. Остатки фоновых растений представлены двумя

неидентифицированными семенами из семейств Яснотковые и Астровые (Asteraceae) в пробе № 2.

Помимо семян в пробе из очага найдено два фрагмента бересты со следами обрезки и прошивки.

Обсуждение полученных результатов

Применение водной флотации на археологических памятниках Нижнего Приамурья продемонстрировало хорошую наполняемость отложений эпохи палеометалла карбонизированными семенами. Из семи проб, общий объем профлотированного грунта которых составил порядка 70 л, результативными оказались шесть. Количество обнаруженных в них семян составило 1426 экз. Содержание семян в пробах разнится, показатель насыщенности варьируется в широких пределах – 1,5–36,3 экз. на 1 л профлотированного грунта. Наибольшее его значение установлено для заполнения очага жилища поселения Нижнетамбовское-2. Для польцевских отложений памятника Амурский Санаторий он также высок – 11,4 и 27,6. Наименьшая насыщенность семенами отмечена для проб из отложений очага жилища поселения Голый Мыс-6 – 1,5 и 2,6 (табл. 1)³. Среди семян идентифицированы культурные, дикорастущие пищевые, сорные и фоновые виды. Не удалось идентифицировать 37 экз. или 2,6 % коллекции.

Безусловный интерес вызывают находки семян культурных растений. Они представлены исключительно зерновками итальянского проса⁴ в четырех пробах с трех памятников – Амурский Санаторий, Петропавловка-5, Нижнетамбовское-2. В отличие от этих памятников отсутствие находок остатков культурных растений в материалах поселения Голый Мыс-6 было прогнозируемо, т. к. оно расположено в районе с более суровыми климатическими условиями, не подходящими для земледельческих практик.

Семена итальянского проса имеют типичную для данного вида морфологию. Сравнение их раз-

меров с аналогами из соседнего Приморья показывает, что приамурские экземпляры на 10–15 % меньше (табл. 4). Возможно, это проявление агроклиматических условий Нижнего Приамурья,ступающих приморским. У всех зерновок отсутствовали покровные чешуи, которые, по-видимому, были удалены с них в древности. Очевидно, зерно было подготовлено для пищевого использования. В доле отношении семена итальянского проса составляют 50–89,5 % всех находок (рис. 3).

Хотя существуют трудности с дифференциацией урильской и польцевской культур и, соответственно, с четкой культурной атрибуцией семян, представленных в нашей статье, следует отметить, что наличие земледелия для обеих культур постулировалось ранее.

Для урильской АК это делалось на основе находок терочных плит и курантов, пестов, мотыг и пр. артефактов, интерпретируемых как земледельческие (Деревянко, 1973). Остатки культурных растений на памятниках урильской АК до сих пор не были известны. Поселение Нижнетамбовское-2 пока единственный памятник, который может быть ассоциирован с этой культурой и который содержит такие находки⁵. Семена итальянского проса из отложений поселения Нижнетамбовское-2 вне зависимости от их происхождения (об этом см. далее) однозначно демонстрируют существование земледелия на Амуре в интервале 800–400 кал. л. до н. э. и на сегодняшний день являются самыми ранними прямыми свидетельствами этого в регионе.

Присутствие земледелия у польцевцев подтверждалось находками семян культурных растений на ряде памятников. На поселении Польце-1 остатки проса обнаружены под развалами единичных сосудов в жилищах № 2, 4, 5 (Окладников, Деревянко, 1970. С. 96, 193, 205). Первоначально они были атрибутированы как культурное просо, вид которого не указывался. Однако затем, очевидно, ошибочно они были идентифицированы как при-

³ Из-за отсутствия данных по объему профлотированного грунта не установлена насыщенность семенами отложений памятника Петропавловка-5.

⁴ Единственная зерновка, предположительно, проса обыкновенного найдена на поселении Нижнетамбовское-2. Ее идентификация осуществлена на основании ограниченного числа морфологических признаков и не является надежной.

⁵ По информации И.Я. Шевкомуда и С.Ф. Косицыной, сообщенной автору в 2009 г., на этом памятнике японскими коллегами в заполнении очага жилища (его номер не установлен) обнаружены семена культурного проса. Публикация по итогам этой находки отсутствует и вид обнаруженного проса неизвестен.

Таблица 4. Размеры зерновок проса итальянского с археологических памятников Дальнего Востока России
 Table 4. Size of foxtail millet (*Setaria italica*) caryopses from archaeological sites of the Russian Far East

Памятник, эпоха, АК, датировка	Длина (L), в мм	Ширина (B), в мм	Толщина (T), в мм	Индекс L/B×100	Индекс B/T×100	Число измерений	Источник
Нижнее Приамурье							
Нижнетамбовское-2, РЖВ, урильская АК нижеамурский вариант, около 2500 л. н.	1,07	1,12	0,79	95,5	141,8	12	данная публикация
	0,83	0,81	0,61	102,4	132,7	5	
Амурский Санаторий, РЖВ, польцевская АК, III–I вв. до н. э.	1,06	1,05	0,8	100,9	131,2	30	данная публикация
Петропавловка-5, РЖВ, польцевская АК, II–I вв. до н. э.	1,06	1,04	0,82	101,9	126,8	9	данная публикация
Приморье							
Реттиховка, поздний неолит, зайсановская АК, приханкайский вариант, 3810±50 л. н.	1,2	1,14	0,85	107,7	134,1	20	архив автора, Sergusheva et al., 2022.
Ольга-10, начальный палеометалл, маргаритовская АК, 3480±35 л. н.	1,26	1,12	0,95	112,5	117,8	9	Батаршев и др., 2015; Sergusheva et al., 2022.
Глазовка-городище, РЖВ, польцевская АК, 2310±40, 2070±50 л. н.	1,18	1,11	0,78	106,3	142,3	14	архив автора, Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002
Черепаша-13, РЖВ, январская АК, 2210±30 л. н.	1,21	1,17	0,78	103,4	150,0	10	Сергушева, Морева, 2017; Sergusheva et al., 2022.
Черепаша-13, РЖВ, кроуновская АК, 2120±35 л. н.	1,16	1,2	0,84	96,6	142,8	12	там же
Шеломаев Ключ, РЖВ, кроуновская АК, кал. 360–60 гг. до н. э.	1,29	1,20	0,78	107,5	153,8	9	Слепцов, Сергушева, Горюшин, 2008
Чернятино-5, раннее средневековье, мохэская АК, VII в.	1,18	1,06	0,79	111,3	134,1	20	Сергушева, Пискарева, 2007
Синельниково-1, городище, раннее средневековье, мохэская АК, середина VII в.	1,18	1,13	0,91	104,4	124,1	33	Клюев и др., 2018
	0,91	0,91	0,68	100,0	133,8	22	

надлежащие шерстяку волосистому (*Eriochloa villosa*) – сорному растению из трибы Просовые (Paniceae) (Деревянко, 1976. С. 145). Вне сомнения, это семена культурного проса, о чем косвенно свидетельствует частотность и количество их находок на памятнике (Окладников, Деревянко, 1970), а

также остатки культурного проса, обнаруженные на других памятниках этого времени⁶.

⁶ По устной информации д.и.н. О.В. Дьяковой, эти семена принадлежат итальянскому просу. Однако детализация их видового определения на момент написания статьи оказалась недоступной.

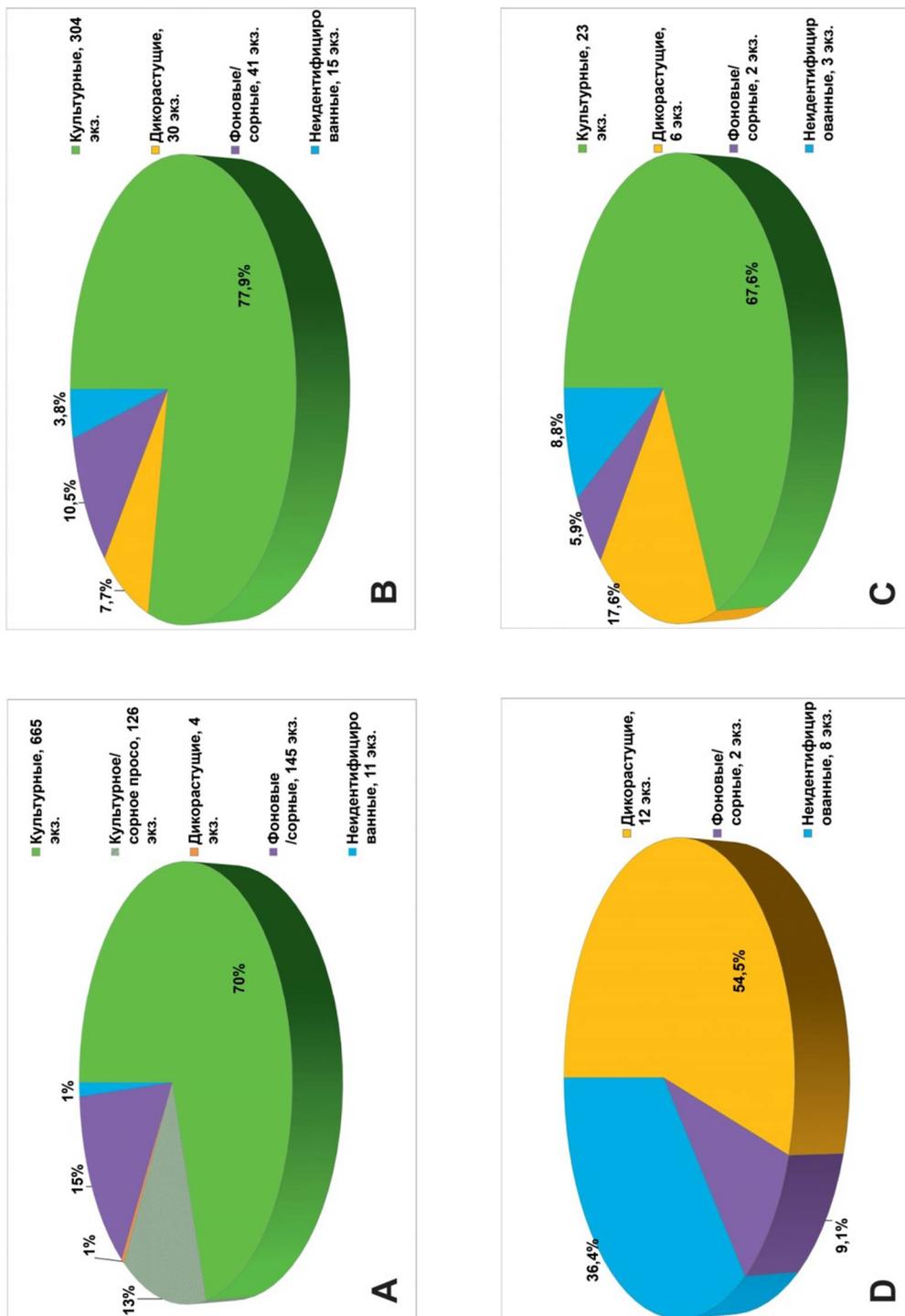

Рис. 3. Долевой состав археоботанических материалов, полученных с нижнеамурских памятников эпохи палеометалла: А – Нижнетамбовское-2; В – Амурский Санаторий; С – Петропавловка-5; D – Гольй Мыс-6
Fig. 3. Proportional composition of archaeological materials getting from the Lower Amur Paleometallic Age sites: A - Nizhnetambovskoe-2; B - Amurskiy Sanatoriy; C - Petrovavlovka-5; D - Golyi Mys-6

Обгоревшие семена проса (неуказанного вида) найдены на польцевском могильнике Петропавловка-5, датируемом I в. н. э. (Копытько, 1988. С. 7). Они зафиксированы в четырех погребениях из 11 раскопанных. Для погребения № 6, помимо проса, упоминается находка семян конопли, которые в смеси с просовым зерном формировали в центральной части погребения слой мощностью 5 см размером 50 × 60 см (Копытько, 1988. С. 5; Копытько, 2008. С. 208).

На памятнике Малмыж-1 из заполнения очага жилища получена флотационная проба, содержащая небольшое количество скорлупы орехов корейской сосны и семян культурного проса без указания их видовой принадлежности (Дерюгин, 2009. С. 167). Также сообщается об отпечатках зерен (неустановленного вида) на дне сосуда из жилища № 1 позднего комплекса поселения Желтый Яр, датируемого V–VII вв. н. э. (Яншина, 2010. С. 261). Проведенная идентификация единичных отпечатков семян на керамике с Малмыжа-1 и Желтого Яра показала присутствие у обитателей этих поселений итальянского и обыкновенного проса, при однозначном преобладании первого (Kunikita et al., 2016; Фукуда и др., 2019). Для этих памятников по нагару получены ¹⁴C даты⁷: 2030±35 л. н. (МТС-17769) для Малмыжа и 1685±45 л. н. (МТС-17768) для Желтого Яра (Kunikita et al., 2016; Фукуда и др., 2019). Дата Желтого Яра показывает довольно позднее существование поселка и хорошо соотносится с уточненными представлениями о двух этапах его заселения в польцевское время (Яншина, 2010; Нестеров, 2021; Нестеров, 2022).

Помимо археоботанических данных использование проса как растения с C₄ типом фотосинтеза подтверждает изотопный анализ нагара на керамике. Этим методом изучалась керамика памятников Малмыж-1 и Желтый Яр. Из 23 образцов нагара двух образцов (по одному для каждого памятника) свидетельствует о приготовлении пищи из растения с C₄ типом фотосинтеза, очевидно, проса. Схожие результаты получены для поселений Най-1 (Фукуда и др., 2019) и Петропавловка-5 (Northern expansion..., 2022).

Таким образом, находки остатков культурного проса во флотационных материалах приамурских памятников палеометалла были ожидаемы. Неожиданностью стало обнаружение в нашей коллекции остатков только итальянского проса при отсутствии проса обыкновенного. На территории лучше изученного в археоботаническом отношении соседнего Приморья на памятниках периода палеометалла присутствуют, как правило, в сравнимых количествах семена обоих видов проса; к ним во второй половине I тыс. до н. э. добавляются голозерный ячмень и, возможно, соя (Сергушева, Морева, 2017; Сергушева, 2022). В Маньчжурии на городище Фэнлинь (II в. до н. э. – II в. н. э.), расположенном в южной части Среднеамурской низменности, из почти 2400 семян культурных растений, полученных с помощью флотации из заполнения жилища, семена итальянского проса составляют почти 69 % всех находок остатков культурных растений. Семена проса обыкновенного, голозерного ячменя и сои не так многочисленны, но встречались также регулярно (Чжао Чжицзюнь, 2021).

Безусловно, малочисленность нашей выборки повлияла на результат. Но, вне сомнения, находки исключительно семян итальянского проса свидетельствуют об его большом значении для населения Приамурья в эпоху палеометалла. Наши данные позволяют предполагать, что в I тыс. до н. э. именно это просо было главным объектом приамурского земледелия. К аналогичному выводу о большой роли итальянского проса пришли японские коллеги на основании количественного анализа единичных отпечатков семян двух видов проса на польцевской керамике поселений Желтый Яр и Малмыж-1 (Kunikita et al., 2016; Фукуда и др., 2019).

Почему итальянское просо было предпочтительнее? Упомянутые памятники польцевской АК с находками проса расположены в районах с наилучшими агроклиматическими показателями, которые подходят для выращивания большинства культурных растений, даже таких теплолюбивых, как соя (Агроклиматические..., 1974. С. 18–22, 29)⁸. В этих районах в последующие периоды помимо итальянского проса успешно выращивались просо

⁷ Без поправок на «эффект резервуара».

⁸ Агроклиматические ресурсы Хабаровского края: справочник. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 119 с.

обыкновенное, голозерный ячмень, соя (Сергушева, Коваленко и др., 2017; Сергушева, Крючко, 2021; Сергушева, Ласкин, 2023). По сообщениям русских землепроходцев XVII в., дауры и дючеры, проживавшие на среднем и нижнем Амуре и его притоках, выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, гречиху, коноплю, полевой горох и овощные культуры (Огородников, 1927. С. 31). Следовательно, выбор итальянского проса основным продуктом земледелия не был продиктован агроклиматическими условиями, а имел иные причины, поиск которых пока затруднен из-за отсутствия необходимых данных. В качестве осторожного допущения можно предположить, что этот выбор мог иметь культурную подоплеку. Имеющиеся для дальневосточного региона археоботанические данные демонстрируют разные предпочтения при выборе сельскохозяйственных растений у разных групп населения. Показательно подобный пример демонстрируют памятники мохэской АК Приморья и сменяющие их памятники государства Бохай. Установлено, что поликультурное земледелие первых базировалось на выращивании проса обыкновенного и дополнялось производством проса итальянского, голозерного ячменя и сои. После вхождения Приморья в состав раннесредневекового мохэского государства основной сельскохозяйственной культурой стало просо японское, дополняемое не менее чем 10 видами разнообразных культурных растений (просовых, зерновых, бобовых, овощных, масличных и технических), одновременно с этим роль проса обыкновенного уменьшилась многократно (Сергушева, 2018. С. 261).

Преобладание у носителей польцевской АК итальянского проса позволяет по-иному оценить его находки на поселении Нижнетамбовское-2. Памятник находится в агроклиматическом районе с худшими ресурсами, чем район расположения упомянутых выше польцевских памятников. По разным данным, сумма активных температур вегетационного периода (среднесуточные температуры выше +10°) для этого района не превышает 2000–2200° (Агроклиматические..., 1974. С. 24)⁹. Согласно многолетним метеонаблюдениям в селе Нижняя Тамбовка среднее значение этого показателя со-

ставляет и того меньше – 1992° (Петров и др., 2000. С. 147, Приложение 30). Современному итальянскому просу в зависимости от сорта и условий произрастания для успешного роста требуется сумма активных температур 1900–2400° (Якушевский, 1953. С. 171). Таким образом, климатические условия района поселения Нижнетамбовское-2 даже при современной агрономии является малоподходящим для успешного возделывания проса. Согласно палеоклиматическим реконструкциям в конце субатлантика – начале суббореала, т. е. во второй половине I тыс до н. э. в Приамурье, как и во многих частях мира, происходило похолодание (Короткий, 2005. С. 33; Bazarova et al., 2008). Количественные данные для реконструкции температурно-влажностного состояния климата Приамурья отсутствуют (Lutaenko et al., 2007. Р. 375), но можно утверждать, что в это время в Приамурье было холоднее, чем в настоящее время (Bazarova et al., 2008).

Таким образом, вероятность выращивания итальянского проса в районе расположения памятника Нижнетамбовское-2 во время его функционирования расценивается, как сомнительная. Хотя мы не можем полностью исключать того, что население поселка все же пыталось в этих условиях заниматься земледелием, но более вероятным представляется, что просо было получено ими от населения, проживавшего в районах с лучшими агроклиматическими условиями. Ограниченный объем имеющихся археоботанических данных не позволяет реконструировать ни масштабы такого импорта, ни то, насколько он мог быть регулярным. Недостаточная археологическая и археоботаническая изученность региона при сложности и своеобразии культурных процессов, протекавших в эпоху палеометалла в Приамурье, не позволяет надежно определить потенциальных поставщиков проса. Пока можно лишь предположить, что это были проживавшие выше по течению Амура представители той же или близкой культурной группы, что и обитатели поселения Нижнетамбовское-2 или какое-то иное население, выращивавшее итальянское просо.

Существование торговых и обменных связей у населения Нижнего Приамурья в I тыс. до н. э. подтверждено археологически. Так, при исследовании Нижнетамбовского могильника однокультурного и

⁹ Агроклиматические ресурсы Хабаровского края: справочник. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 119 с.

практически одновременного поселению Нижнетамбовское-2 в одном из его погребений был обнаружен уникальный железный меч (Шевкомуд, Бочкарева и др., 2007). По своим характеристикам он выбивается из круга металлических изделий урильской культуры и больше соответствует инвентарю польце (Яншина, 2013. С. 319).

Предполагая возможное импортное происхождение итальянского проса с Нижнетамбовского-2, хочется обратить внимание на видовой состав пробы. В ней среди зерновок (664 экз.) итальянского проса присутствовали многочисленные семена (145 экз.) родственного ему дикого щетинника, которые также были очищены от чешуй. Такое соотношение семян культурного и сорного проса выглядит ненормальным. Отсутствие в пробе остатков растений других категорий, прежде всего, фоновых, свидетельствует о краткосрочности периода накопления данного отложения и позволяет охарактеризовать обнаруженные семена как зерновое скопление (Лебедева, 2008). Щетинник зеленый является прародителем щетинника итальянского (синоним итальянского проса) (Diaoy, Jia, 2016). Из-за их сходной биологии и морфологии очистка посевов итальянского проса, засоренных зеленым щетинником, является трудновыполнимой задачей. По всей видимости, итальянское просо с поселения Нижнетамбовское-2 было выращено в посевах, сильно засоренном щетинником. Семена обоих щетинников были собраны как единый урожай. После они были очищены от пленок и подготовлены для приготовления пищи, но случайно попали в очаг.

Вне зависимости от импортного или местного происхождения просового зерна с поселения Нижнетамбовское-2, его находка доказывает существование земледелия на Нижнем Амуре в период 800–400 кал. л. до н. э. Помимо этого она свидетельствует о том, что посевы проса были сильно засорены и адекватной борьбы с засоренностью по какой-то причине не велось.

Амурские археоботанические материалы демонстрируют существование собирательства дикорастущих пищевых растений у населения Нижнего Приамурья в эпоху палеометалла. В коллекции идентифицированы остатки 10 видов пищевых дикорастущих растений – желуди дуба, скорлупа маньчжурского ореха и лещины, семена и плоды

черемухи, шиповника, боярышника, бузины, винограда и амурского бархата. Они демонстрируют широкое использование дикоросов как носителями большебухтинской АК, обитавшими в непригодных для занятия земледелием низовьях Амура, так и знакомыми с земледельческой продукцией урильцами, а также практикующими просовое земледелие носителями польцевской АК. Наибольшее количество и разнообразие этих остатков зафиксировано для отложений польцевской АК Амурского Санатория – 59 экз., относящихся к пяти видам. Однозначно доминируют среди них остатки желудей (54 экз.), среди которых имеются крупные фрагменты и целые экземпляры, визуально обнаруженные в отложениях в ходе раскопок. Вероятно, желуди были важным ресурсом для обитателей поселения, их запасали и использовали в пищу. Археоботанические данные с разновременных памятников дальневосточного региона, а также этнографические материалы свидетельствуют о привлекательности желудей для населения этой территории в качестве пищевого сырья не только в древности, но и в недавнем прошлом (Подмаскин 2006. С. 256; Вострецов, 2000; Сергушева, 2009. С. 157. Табл. 1). Остатки других дикоросов единичны. Их находки не дублируются, за исключением семян шиповника, которые обнаружены на Нижнетамбовском-2 и Голом Мысе-6.

Остатки дикорастущих растений преобладают лишь в пробах поселения Голый Мыс-6: 12 семян из 22. В пробах с памятников Амурского Санатория и Петропавловки-5 карпоиды дикорастущих растений составляют 7,7 и 17,6 % всех находок соответственно. Но, несмотря на малочисленность этой категории находок, они обнаружены во всех (!) пробах. Косвенно это демонстрирует значимость этого ресурса для населения Нижнего Приамурья, даже для того, которое занималось земледелием.

Заключение

Проведенное археоботаническое исследование предоставило прямые данные об использовании растений обитателями Нижнего Приамурья в период палеометалла. На основе их анализа установлено существование выращивания проса итальянского на Амуре в интервале 800–400 кал. л. до н. э. На сегодняшний день это самые ранние пря-

мые свидетельства существования земледелия в регионе. Также подтверждено выращивание проса населением польцевской АК в районах с подходящими для этого агроклиматическими условиями. На бóльшем количестве данных сделан вывод о значимости итальянского проса для этого населения. Высказано предположение об импортном происхождении итальянского проса у обитателей поселения Нижнетамбовское-2, ассоциируемого с урильской АК. Для всех групп населения Нижнего

Приамурья подтверждено использование пищевых дикорастущих растений.

В целом наше исследование продемонстрировало перспективность применения археоботанического подхода на памятниках, расположенных в разных эколого-географических районах Нижнего Приамурья, и его высокий информационный потенциал для реконструкции земледелия и собирательства растений у населения долины Нижнего Амура.

Список источников

Батаршев С.В., Сергусева Е.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б. Поселение Ольга-10 в Юго-Восточном Приморье: новые материалы к дискуссии о маргаритовской археологической культуре // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1 (28). С. 26–36. EDN: TKPXVB.

Вострецов Ю.Е. Использование дуба древними и коренными народами Приморья и Приамурья // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. VIII Международный научный семинар, Владивосток-Омск, 08–09 сентября 2000 г. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 176–177. EDN: JBJFA.

Габрильчук М.А. Ранний кондон. Поселение Петропавловка-5. Промежуточные итоги полевых работ 2016–2018 гг. // Записки Гродековского музея. Археология. Древняя история юга Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.Н. Гродекова, 2019. Вып. 37. С. 64–76.

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. 120 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск : Наука, 1973. 354 с.

Деревянко А.П. Приамурье (I тыс. до н. э.). Новосибирск : Наука, 1976. 384 с.

Дерюгин В.А. Результаты раскопок на поселении Малмыж-1 в 1992–93 гг. // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск : Хабаров. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 165–171.

Дерюгин В.А., Лосан Е.М. Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северовосточного Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии.

References

Batarshev S.V., Sergusheva E.A., Moreva O.L., Dorofeeva N.A., Krutykh E.B. (2015). The settlement of Olga-10 in the South-East Primorye: new materials to a discussion on the Margaritovka archaeological culture. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. No. 1 (28). P. 26-36. (In Russ.). EDN: TKPXVB.

Vostretsov Yu.E. (2000) The use of oak by the ancient and indigenous peoples of Primorye and the Amur Region. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr. VIII Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar, Vladivostok-Omsk, 08–09 sentyabrya 2000 g. = Integration of Archaeological and Ethnographic Studies (Proceedings of the VIII International Scientific Seminar, Vladivostok-Omsk, September, 08–09, 2000)*. Omsk: Omsk State Pedagogical University. P. 176-177. (In Russ.). EDN: JBJFA.

Gabril'chuk M.A. (2019) Early Kondon culture. Settlement Petropavlovka-5. Intermediate results of field work 2016-2018. *Zapiski Grodekovskogo muzeya. Arkheologiya. Drevnyaya istoriya yuga Dal'nego Vostoka = Proceedings of the Grodekovsky Museum (Archaeology. Ancient History of the South of Far East)*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.N. Grodekov. Iss. 37. P. 64-76. (In Russ.).

Grebenshchikov A.V., Derevyanko A.P. (2001) Pottery of the ancient tribes of the Amur region (beginning of the Early Iron Age). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 120 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P. (1973) Early Iron Age of the Amur Region. Novosibirsk: Nauka. 354 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P. (1976) Amur Region (I millennium BC). Novosibirsk: Nauka. 384 p. (In Russ.).

Deryugin V.A. (2009) Results of excavations at the settlement of Malmyzh-1 in 1992-93. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostei vostoka Azii = Cultural chronology and other problems in the study of the antiquities of the East of Asia*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.N. Grodekov. P. 165-171. (In Russ.).

Deryugin V.A., Losan E.M. (2009) Problems of classification, periodization of ceramics of the Paleometallic Age of the north-eastern Amur Region. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostei vostoka Azii = Cultural*

Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.Н. Гродекова, 2009. С. 47–73.

Клюев Н.А., Джи Бён Мок, Ли Санджун, Болдин В.И., Гельман Е.И., Ю Ын Сик, Чхве Инха, Гридасова И.В., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Пискарева Я.Е., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю., Юн Хён Чжун, Нам Хо Хён, Ким Донхун, Чон Юнхи, Стоякин М.А. Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2018. 394 с. EDN: YXMHHF.

Краминцев В.А., Киселев С.А., Черников Е.В. Поселение Амурский санаторий. История исследований и спасательные археологические раскопки в 2017 году // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. Санкт-Петербург : Изд-во «Росток», 2018. С. 137–145.

Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А. Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 143–155.

Копытько В.Н. Петропавловка – могильник раннего железного века (польцевская культура) // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. Владивосток : ИИАЭ ДВО АН СССР, 1988. С. 3–7.

Копытько В.Н. Многослойный памятник Петропавловка // Окно в неведомый мир : сб. статей к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. С. 208–210.

Короткий А.М. Особенности развития природной среды Дальнего Востока в позднем плейстоцене – голоцене (Q_{III} – Q_{IV}) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 15–58.

Косицына С.Ф., Шевкомуд И.Я., Мацумото Т., Горшков М.В., Бочкарева Е.А., Учида К. Поселение Нижнетамбовское-2 – новый памятник урильской культуры // Пятое Гродековские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Амур – дорога тысячелетий». Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2006. Ч. I. С. 178–184.

chronology and other problems in the study of the antiquities of the East of Asia. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.N. Grodekov. P. 47-73. (In Russ.).

Klyuev N.A., Dzhi Ben Mok, Li Sandzhun, Boldin V.I., Gel'man E.I., Yu Yn Sik, Chkhve Inkha, Gridasova I.V., Dorofeeva N.A., Lyashchevskaya M.S., Piskareva Ya.E., Prokopets S.D., Sergusheva E.A., Sleptsov I.Yu., Yun Khen Chzhun, Nam Kho Khen, Kim Donkhun, Chon Yunkhi, Stoyakin M.A. (2018) Results of research at the site of Sinelnikovo-1 in the Russian Primorye. Tedzhon: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East; State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea. 394 p. (In Russ.). EDN: YXMHHF.

Kramintsev V.A., Kiselev S.A., Chernikov E.V. (2018) Settlement Amur sanatorium. Research history and rescue archaeological excavations in 2017. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 15-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoy oblasti = East of Asia: problems of studying and preserving the historical and cultural heritage of the region. To the 15th anniversary of the Center for the preservation of the historical and cultural heritage of the Amur territory.* St. Peterburg: "Rostok" P. 137-145. (In Russ.).

Kolomiets S.A., Afremov P.Ya., Dorofeeva N.A. (2002) Results of field studies of the Glazovka-gorodishe site. *Archeologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka = Archeology and Cultural Anthropology of the Far East.* Vladivostok: Far-Eastern Branch of Russian Academy of sciences. P. 143-155. (In Russ.).

Kopyt'ko V.N. (1988) Petropavlovka - a burial ground of the early Iron Age (Poltsevskaya culture). *Noveishie issledovaniya pamyatnikov pervobytnoi epokhi na yuge Dal'nego Vostoka SSSR = The latest research on the sites of the Prehistoric epoch in the south of the Far East of the USSR.* Vladivostok: Far-Eastern Branch of the USSR Academy of sciences. P. 3-7. (In Russ.).

Kopyt'ko V.N. (2008) Multilayered site Petropavlovka. *Okno v nevedomyi mir: sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Aleksey Pavlovicha Okladnikova = Window to the unknown world* Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of academician Alexey Pavlovich Okladnikov. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. P. 208-210. (In Russ.).

Kortokii A.M. (2005) Features of the development of the natural environment of the Far East in the late Pleistocene - Holocene (Q_{III} - Q_{IV}). *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy = Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: discoveries, problems, hypotheses.* Vladivostok : Dal'nauka. P. 15-58. (In Russ.).

Kositsyna S.F., Shevkomud I.Ya., Matsumoto T., Gorshkov M.V., Bochkareva E.A., Uchida K. (2006) The settlement of Nizhnetambovskoye-2 is a new site of the Uril culture. *Amur - doroga tysyacheletii. Pyatye Grodekovskie chteniya: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. = Amur River - the road of millennia. Fifth Grodekov Readings: Proceedings of the Interregional Scientific-Practical Conference.*

Лебедева Е.Ю. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии* : сб. статей. М.: «Параллели», 2008. Вып. 6. С. 86–109.

Лебедева Е.Ю. Археоботаника: методы исследований и интеграция результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М. : Институт археологии Российской академии наук. 2016. С. 118–146.

Нестеров С.П. Современное состояние проблемы происхождения польцевской культуры в Восточном Приамурье // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2021. Т. 28. № 1. С. 14–24. <https://doi.org/10.15372/HSS2021-0102>. EDN: ASVFP.

Нестеров С.П. Хронология поселения Жёлтый Яр на реке Бира в Еврейской автономной области // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* : сб. материалов Международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум», 21–25 сентября 2022 г., г. Благовещенск. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2022. С. 63–75.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Польце – поселение раннего железного века у с. Кукелево // *Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции*. Новосибирск : Институт истории, философии, филологии Сибирского отделения АН СССР, 1970. Вып. 1. С. 5–304.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток : Дальневосточное книжное издательство, 1973. 440 с.

Огородников В.Н. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. // *Труды государственного Дальневосточного университета*. Владивосток : Тип. Государственного Дальневосточного Университета, 1927. Сер. III. № 4. 93 с.

Петров Е.С., Новороцкий П.В., Леншин В.Т. Климат Хабаровского края и Еврейской автономной области. Владивосток-Хабаровск : Дальнаука, 2000. 173 с. EDN: TUNFHZ.

Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток : Дальнаука, 2006. 539 с.

Сергусева Е.А. Использование растений населением Приморья в древности и средневековье // *Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии*: сб. ст. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 153–157. EDN: QILWPR.

Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.N. Grodekov. Pt. I. P. 178-184. (In Russ.).

Lebedeva E.Yu. (2008) Archaeobotanical reconstruction of ancient agriculture (methodological criteria). *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkeologii: sb. statei = OPUS: interdisciplinary studies in archaeology = Interdisciplinary Integration in Archeology (based on lectures for graduate students and young employees)*. Moscow: Parallel'. Iss. 6. P. 86-109. (In Russ.).

Lebedeva E.Yu. (2016) Archeobotany: research methods and integration of results. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkeologii (po materialam leksii dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov) = Interdisciplinary Integration in Archeology (based on lectures for graduate students and young employees)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P. 118-146. (In Russ.).

Nesterov S.P. (2021) The current state of the problem of the Poltsevskaia Culture origin in the eastern Amur Basin. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian Sciences in Siberia*. Vol. 28. No. 1. P. 14-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.15372/HSS20210102>. EDN: ASVFP.

Nesterov S.P. (2022) Chronology of the Zheltyy Yar settlement on the Bira River in the Jewish Autonomous Region. *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dal'nevostochnyi frontir. Istoricheskii forum» = Russia and China at the Far Eastern Frontiers*. Collection of materials of the International Scientific Conference "Far Eastern Frontier. Historical Forum". Blagoveshchensk: Amur State University, Iss. 14. P. 63-75. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. (1970) Poltsevo – the Early Iron Age settlement near the village Kukelevo. *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoi arkeologicheskoi ekspeditsii = Materials of Field Research of the Far Eastern Archaeological Expedition*. Novosibirsk: Institute of History, Philosophy and Philology of the Siberian of AS USSR. Iss. 1. P. 5-304. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. (1973) The ancient past of Primorye and Amur region. Vladivostok: Far Eastern book publishing house. 440 p. (In Russ.).

Ogorodnikov V.N. (1927) Native and Russian agriculture on the Amur in the 17th century. *Trudy gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta. Ser. III = Proceedings of the State Far Eastern University. Ser. III*. Vladivostok: State Far Eastern University. No. 4. 93 p. (In Russ.).

Petrov E.S., Novorotskii P.V., Lenshin V.T. (2000) Climate of Khabarovsk Territory and Jewish Autonomous Region. Vladivostok-Khabarovsk: Dal'nauka. 173 p. (In Russ.). EDN: TUNFHZ.

Podmaskin V.V. (2006) Folk knowledge of the Tungus-Manchurians and Nivkhs: problems of ethnogenesis and ethnic history. Vladivostok: Dal'nauka. 539 p. (In Russ.).

Sergusheva E.A. (2009) The use of plants by the population of Primorye in Antiquity and the Middle Ages. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostei vostoka Azii: sb. st. = Cultural chronology and other problems in the study of antiquities of the east of Asia*. Collection of articles. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Mu-

Сергушева Е.А. Сельское хозяйство городского населения // Города средневековых империй Дальнего Востока. М. : Изд-во восточной литературы, 2018. С. 251–280.

Сергушева Е.А. Использование растений населением Приморья в раннем палеометалле (по археоботаническим и археологическим данным) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 101–112. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-8>. EDN: ZHZOGM.

Сергушева Е.А., Коваленко С.В., Савченко Т.П., Крючко Е.И., Гридасова И.В. Земледелие у носителей мохэской археологической культуры Западного Приамурья: результаты применения археоботанического подхода // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. № 6. С. 311–319. EDN: YMENPR.

Сергушева Е.А., Крючко Е.И. Использование растений населением селища «Черниговка-5» (Амурская область) // Традиционная культура Востока Азии : сб. статей научно-практической конференции с Международным участием. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2021. Вып. 8. С. 105–121. <https://doi.org/10.48344/BSPU.2021.20.77.009>. EDN: VAVOVE.

Сергушева Е.А., Ласкин А.Р. Исследования археологического памятника Верхний Нерген-6 (Хабаровский край) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 39. С. 152–177. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-39-152-177>. EDN: JMKNTU.

Сергушева Е.А., Морева О.Л. Земледелие в Южном Приморье в I тыс. до н. э.: карпологические материалы поселения Черепакха-13 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 195–204. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-195-204>. EDN: YXBYTO.

Сергушева Е.А., Пискарева Я.Е. Семена и плоды растений из жилища № 2 могильника Чернятино-5 // Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 г. Сеул : Корейский гос. ун-т культурного наследия, 2007. Т. 1. С. 375–391.

Слепцов И.Ю., Сергушева Е.А., Горюшин Ю.А. Жилище поселения Шеломаев Ключ (Приморье): планиграфия, инвентарь, ботанические остатки // Культурный обмен между странами северо-восточной Азии и российским Дальним Востоком : 16-ая Международная конференция ассоциации северо-восточных азиатских культур, Пусан, Южная Корея, 24–28 апреля 2008 года. Пусан, 2008. С. 383–391. EDN: YNVAIM.

seum named after N.N. Grodekov. P. 153-157. (In Russ.). EDN: QILWPR.

Sergusheva E.A. (2018) Agriculture of the urban population. *Goroda srednevekovykh imperii Dal'nego Vostoka = Cities of medieval empires of the Far East*. Moscow: Oriental Literature. P. 251-280. (In Russ.).

Sergusheva E.A. (2022) The use of plants by the population of Primorye in the Early Paleometal Age (according to the archaeobotanical and archeological data). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2 (57). P. 101-112. (In Russ.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-8>. EDN: ZHZOGM.

Sergusheva E.A., Kovalenko S.V., Savchenko T.P., Kryuchko E.I., Gridasova I.V. (2017) Agriculture of the Mohe Archaeological Culture population in the western Amur region: results of the archaeobotanical study. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures*. No. 6. P. 311-319. (In Russ.). EDN: YMENPR.

Sergusheva E.A., Kryuchko E.I. (2021) Plant use by the population of the Chernigovka-5 settlement (Amur Region). *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii. Sbornik statei nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Traditional Culture of East Asia. Collection of articles of a Scientific-Practical Conference with International Participation*. Iss. 8. P. 105-121. (In Russ.). <https://doi.org/10.48344/BSPU.2021.20.77.009>. EDN: VAVOVE.

Sergusheva E.A., Laskin A.R. (2023) Research of the Verkhny Nergen-6 (Khabarovsk Region). *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. Vol. 39. P. 152-177. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-39-152-177>. EDN: JMKNTU.

Sergusheva E.A., Moreva O.L. (2017) Agriculture in southern Primorye in the I millennium BC according to archaeobotanical data from the settlement of Cherepakha-13. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. No. 4 (39). P. 195–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-195-204>. EDN: YXBYTO.

Sergusheva E.A., Piskareva Ya.E. (2007) Seeds and fruits of plants from dwelling No. 2 of the Chernyatino-5 burial ground. *Arkheologicheskie issledovaniya na mogil'nike Chernyatino-5 v Primor'e v 2006 g. = Archaeological research at the Chernyatino-5 burial ground in Primorye in 2006*. Seoul: Korean State University of cultural heritage. Vol. 1. P. 375-391. (In Russ.).

Sleptsov I.Yu., Sergusheva E.A., Goryushin Yu.A. (2008) The dwellings of Shelomaev Klyuch (Primorye territory): planigraphy, artifacts, ecofacts. *Kul'turnyi obmen mezhdru stranami severo-vostochnoi Azii i rossiiskim Dal'nim Vostokom : 16-aya Mezhdunarodnaya konferentsiya assotsiatsii severo-vostochnykh aziatskikh kul'tur, Pusan, Yuzhnaya Koreya, 24–28 aprelya 2008 goda = Cultural exchange in East-sea and Primorye region of Russia. The 16th International Conference of the Association of North-East Asian Cultures. Busan, 2008*. P. 383-391. (In Russ.). EDN: YNVAIM.

Фукуда М. Хронология памятников эпохи палеометалла на северо-востоке Нижнего Амура (комментарий к статье О.В. Яншиной) // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 335–340. EDN: VQORCT.

Шевкомуд И.Я. Поселение Большая Бухта-1 и некоторые проблемы культур Нижнего Амура и Сахалина // Записки Гродековского музея. Вып. 3: Археология и этнография. Хабаровск : Хабаровский краеведческий музей, 2002. С. 37–52. EDN: PAWEVE.

Шевкомуд И.Я. Большебухтинская культура в Нижнем Приамурье // Традиционная культура Востока Азии : сб. статей. Благовещенск АмГУ, 2008. Вып. 5. С. 158–170. EDN: VQEDUK.

Шевкомуд И.Я. Неолит – палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития : материалы региональной науч. конф., Владивосток, 18–20 ноября 2013 года. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2015. С. 140–176. EDN: VMWGUD.

Шевкомуд И.Я., Бочкарева Е.А., Косицина С.Ф. Мацумото Т., Учида К. Исследования Нижнетамбовского могильника (о погребении воина с мечом) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск : Оттиск, 2007. Т. 2. С. 301–306.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб. : Изд-во МАЭ РАН, 2012. 270 с.

Якушевский Е.С. Чумиза // Крупные культуры (посо, гречиха, рис, чумиза) / Общ. ред. П.М. Жуковский. М.-Л. : Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1953. С. 157–194.

Яншина О.В. Поселение Жёлтый Яр: к проблеме соотношения польцевских и олгинских памятников // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой : сб. статей. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2010. С. 259–272. EDN: VQSYWD.

Яншина О.В. Эпоха палеометалла в Приамурье: проблемы и перспективы исследований // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 289–335. EDN: VRQFWX.

Bazarova V.B., Klimin M.A., Mokhova L.M., Orlova L.A. 2008. New pollen records of Late Pleistocene and Holocene changes of environment and climate in the Lower Amur River basin, NE Eurasia. *Quaternary International*. 2008. Vol. 179.

Fukuda M. (2013) Chronology of sites of the Paleometallic Age in the northeast of the Lower Amur (commentary to the article by O.V. Yangshina). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik = Russian Archaeological Yearbook*. No. 3. P. 335-340. (In Russ.). EDN: VQORCT.

Shevkomud I.Ya. (2002) Settlement Bolshaya Bukhta-1 and some problems of the cultures of the Lower Amur and Sakhalina. *Zapiski Grodekovskogo muzeya. Vyp. 3. Arkheologiya i etnografiya = Proceedings of the Grodekovsky Museum. Iss. 3. Archeology and Ethnography*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.N. Grodekov. P. 37-52. (In Russ.). EDN: PAWEVE.

Shevkomud I.Ya. (2008) Bolshebukhtinskaya culture in the Lower Amur region. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii = Traditional culture of East Asia*. Blagoveshchensk: Amur State University. Iss. 5. P. 158-170. (In Russ.). EDN: VQEDUK.

Shevkomud I.Ya. (2015) Neolithic - Paleometallic in the Lower Amur region - the concept of paleoethno-cultural development. *Pervobytnaya arkheologiya Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territorii Vostochnoi Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy regional'noi nauchnoi konferentsii, Vladivostok, 18–20 noyabrya 2013 goda = Prehistoric archeology of the Russian Far East and adjacent territories of East Asia: current state and development prospects: Proceedings of the Regional Scientific Conference. Vladivostok, November, 18–20, 2013*. Vladivostok: Institute of history, archaeology and ethnology FEB RAS. P. 140-176. (In Russ.). EDN: VMWGUD.

Shevkomud I.Ya., Bochkareva E.A., Kositsina S.F. (2007) Research of the Nizhetambovsk burial ground (on the burial of a warrior with a sword). *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya = Northern Eurasia in the Anthropogene: Man, Paleotechnologies, Geoecology, Ethnology and Anthropology*. Irkutsk: Ottisk. Vol. 2. P. 301-306. (In Russ.).

Shevkomud I.Ya., Yanshina O.V. (2012) Beginning of the Neolithic in the Amur Region: Goncharka-1 settlement. St. Petersburg: MAE RAN. 270 p. (In Russ.).

Yakushevskii E.S. (1953) Foxtail millet. *Krupyanye kul'tury = Cereal crops*. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Agricultural Literature. P. 157–194. (In Russ.).

Yanshina O.V. (2010) Settlement of Zhelty Yar: on the problem of correlation of Poltsevo and Olginsky sites. *Priotkryvaya zavesu tysyacheletii: k 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoi = Opening the veil of millennia: on the 80th anniversary of Zhanna Vasilievna Andreeva*. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 259-272. (In Russ.). EDN: VQSYWD.

Yanshina O.V. (2013) Eearly metal period in the Amur River Basin: problems and perspectives of Research. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik = Russian Archaeological Yearbook*. No. 3. P. 289-335. (In Russ.). EDN: VRQFWX.

Bazarova V.B., Klimin M.A., Mokhova L.M., Orlova L.A. 2008. New pollen records of Late Pleistocene and Holocene changes of environment and climate in the Lower Amur River basin, NE Eurasia. *Quaternary International*. 2008. Vol. 179.

Iss. 1. Pp. 9-19. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2007.08.015>.

Diao, X., Jia, G. (2016). Origin and Domestication of Fox-tail Millet. *Plant Genetics and Genomics: Crops and Models*. 2016. Vol 19. Pp. 61-72. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45105-3_4.

Lutaenko K.A., Zhushchikhovskaya I.S., Mikishin Y.A., Popov A.N. Mid-Holocene climatic changes and cultural dynamics in the basin of the Sea of Japan and adjacent areas // *Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions* / Eds Anderson D.G., Maasch K.A. and Sandweiss D.H. Amsterdam, etc.: Elsevier Inc. 2007. Pp. 331-405.

Sergusheva E.A., Leipe C., Klyuev N.A., Batarshv S.V., Garkovik A.V., Dorofeeva N.A., Kolomiets S.A., Krutykh E.B., Malkov S.S., Moreva O.L., Sleptsov I.Y., Hosner D., Wagner M., Tarasov P.E. Evidence of millet and millet agriculture in the Far East Region of Russia derived from archaeobotanical data and radiocarbon dating. *Quaternary International*. 2022. Vol. 623, Pp. 50-67. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.08.002>.

Shoda S., Lucquin A., Yanshina O., Kuzmin Y., Shevkomud I., Medvedev V., Derevianko E., Lapshina Z., Craig O.E., Jordan P. Late Glacial hunter-gatherer pottery in the Russian Far East: Indications of diversity in origins and use. *Quaternary Science Reviews*. 2020. Vol. 229. 106124. <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2019.106124>.

Фукуда М., Куникита Д., Эндо Э., Горшков М., Насу Х., Китано Х. Poritsu~e bunka no kokumotsu riyō to shokuseikatsu [Использование зерна и пищевые привычки населения польцевской культуры] // Юдзангаку [Археология формирования сельскохозяйственного комплекса: начало земледелия]. 2019. № 5. С. 71-90. (На японском языке).

Kunikita D., Fukuda M., Endo E., Yanshina O., Deryugin V., Gorshkov M., Shapovalova E., Matsuzaki H. The effect of 04-Plants as seen on charred remains on pottery from Paleometal sites in the Russia // *The 33rd Annual Meeting of the Japan Society for Scientific on Cultural Property Abstracts*. 2016. P. 82-83 (На японском языке).

Northern expansion of temperate neolithic culture in Northeast Asia and adaptation limitations. Vol. III: Topics in the Northeast Asia archaeology. Tokyo - Kitami, Hokkaido: Department of Archaeology & Tokoro Research Laboratory, Graduate School of Humanities and Sociology, The University of Tokyo Publ., 2022. 159 p. (In Japanese) (На японском языке) (Северные границы распространения и адаптация неолитического населения в умеренном поясе Северо-Восточной Азии Том III: Проблемы археологии Северо-Восточной Азии) (東北アジアにおける温帯性新石器文化の北方拡大と適応の限界(III)).

Чжао Чжицзюнь 2021. Ханьвэй шици Саньцзян пиньюань нуньэ шэнчань дэ каогу чжэнцзюй - Хэлунцзян юи Фэнлинь тучэн ичжи чуту чжи ицунь цзи фэньси = Археологические свидетельства существования сельскохозяйственного производства на равнине Саньцзян в период

Iss. 1. Pp. 9-19. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2007.08.015>.

Diao, X., Jia, G. (2016). Origin and Domestication of Fox-tail Millet. *Plant Genetics and Genomics: Crops and Models*. 2016. Vol 19. Pp. 61-72. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45105-3_4.

Lutaenko K.A., Zhushchikhovskaya I.S., Mikishin Y.A., Popov A.N. Mid-Holocene climatic changes and cultural dynamics in the basin of the Sea of Japan and adjacent areas // *Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions* / Eds Anderson D.G., Maasch K.A. and Sandweiss D.H. Amsterdam, etc.: Elsevier Inc. 2007. Pp. 331-405.

Sergusheva E.A., Leipe C., Klyuev N.A., Batarshv S.V., Garkovik A.V., Dorofeeva N.A., Kolomiets S.A., Krutykh E.B., Malkov S.S., Moreva O.L., Sleptsov I.Y., Hosner D., Wagner M., Tarasov P.E. Evidence of millet and millet agriculture in the Far East Region of Russia derived from archaeobotanical data and radiocarbon dating. *Quaternary International*. 2022. Vol. 623, Pp. 50-67. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.08.002>.

Shoda S., Lucquin A., Yanshina O., Kuzmin Y., Shevkomud I., Medvedev V., Derevianko E., Lapshina Z., Craig O.E., Jordan P. Late Glacial hunter-gatherer pottery in the Russian Far East: Indications of diversity in origins and use. *Quaternary Science Reviews*. 2020. Vol. 229. 106124. <https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2019.106124>.

Fukuda M., Kunikita D., Endo E., Gorshkov M., Nasu H., Kitano H. Poritsu~e bunka no kokumotsu riyō to shokuseikatsu [Grain use and food habits of the population of the Poltsevskaia Culture]. *Yudzangaku* [Archaeology of the formation of the agricultural complex: the beginning of agriculture]. 2019. No. 5. Pp. 71-90. (In Japanese).

Kunikita D., Fukuda M., Endo E., Yanshina O., Deryugin V., Gorshkov M., Shapovalova E., Matsuzaki H. The effect of 04-Plants as seen on charred remains on pottery from Paleometal sites in the Russia. The 33rd annual meeting of the Japan Society for scientific on cultural property: program and abstracts. Japan Society for Scientific Studies on Cultural Properties. Osaka: Kyodo Seihan Printing Co., Ltd., 2016. P. 82-83. (In Japanese).

Northern expansion of temperate Neolithic culture in Northeast Asia and adaptation limitations. Vol. III: Topics in the Northeast Asia archaeology. Tokyo - Kitami, Hokkaido: Department of Archaeology & Tokoro Research Laboratory, Graduate School of Humanities and Sociology, The University of Tokyo Publ., 2022. 159 p. (In Japanese).

Zhao Zhijun. Han wei shiqi sanjiang pingyuan nongye shengchan de kaogu zhengju - heilongjiang youyi feng lin gucheng yizhi chutu zhiwu yicun ji fenxi [Agricultural Production in Sanjiang Plain during the Historic Period of the Han Dynasties and the Northern Wei Dynasty [Analysis of Flota-

Хань-Вэй – Анализ растительных остатков с городища Фэнлинь уезда Юи провинции Хэйлунцзян // *Бэйфан Вэнью*. № 1. С. 68-81. (На китайском языке).

Информация об авторе

Сергусева Елена Альбертовна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Сектор первобытной археологии,
Институт истории, археологии и этнографии
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: lenasergu@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4529-6485>

Вклад автора

Сергусева Е.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23 августа 2023 г.; одобрена после рецензирования 20 сентября 2023 г.; принята к публикации 9 октября 2023 г.

tion Results from the Fenglin Site of Youyi County in Heilongjiang Province]. *Beifang Wenu*. 2021. No. 1. Pp. 68-81. (In Chinese).

Information about the author

Elena A. Sergusheva,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of
Prehistoric Archaeology,
Institute of the History, Archaeology and Ethnology of the
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: lenasergu@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4529-6485>

Contribution of the author

Sergusheva E.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 23, 2023; approved after reviewing September 20, 2023; accepted for publication October 9, 2023.

Научная статья
УДК 904(510)
EDN: HMLMMX
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-73-92

Бохайские погребения в Китае: общая характеристика и погребальный обряд

Хэ Юймэн

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Аннотация. На территории Китая обнаружены более двадцати бохайских могильников, а число изученных в них погребений составляет около тысячи. Значительное количество раскопанных погребений позволяет достаточно детально и всесторонне рассмотреть их общие характеристики и особенности. Они обычно состоят из могильной ямы и насыпи, по строительным материалам и формам погребений можно разделить их на 3 группы (из грунта, камня и кирпича) и 6 типов согласно исследованиям Вэй Цуньчэна; иногда на насыпях построены надмогильные сооружения, которые различаются по размеру и конструкции. Большинство захоронений расположены в долинах четырех крупных рек (пять районов), в которых они сконцентрированы и имеют очевидные локальные особенности, которые показывают процесс развития бохайских погребений и черты разных эпох. Погребальные традиции Бохая также различны. Разные культуры влияли на развития форм и традиций бохайских погребений, сначала преобладали мохэские культурные признаки влияния, черты Когурё и других местных культур также очевидны, с развитием государства влияние династии Тан становилось сильнее. Мнения китайских ученых о датировках погребений и могильников разошлись, пока только можно определить некоторые общие характерные черты, которые соотносятся с разными этапами Бохая. Характеристики погребений разных рангов различны. Могилы членов королевского дома и аристократии являются важными объектами бохаеведения в Китае, изменения их местонахождения, планировки, формы покажут не только этапы развития культуры, но и политическую конъюнктуру Бохая. Планировочная структура бохайских могильников и других памятников помогает рассматривать процесс изменений административно-территориального устройства и политических условий в истории государства Бохай.

Ключевые слова: государство Бохай (698–926 гг.), Китай, могильник, погребение, археологическая классификация, надмогильное строение, локальная характеристика, погребальная традиция, культурная характеристика, социальный ранг, хронология, планировочная структура

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта CSC (Китайский стипендиальный совет) (проект No. 201706170010) и Программы общественных наук провинции Цзилинь «Изучение бохайских черепичных строительных деталей» (проект No. 2020WG6).

Для цитирования: Хэ Юймэн. Бохайские погребения в Китае: общая характеристика и погребальный обряд // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 73–92. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-73-92>. EDN: HMLMMX.

Archaeology

Original article

Bohai burials in China: general characteristics and funeral rite

He Yumeng

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. More than twenty Bohai cemeteries have been discovered in China, and almost a thousand of burials have been researched. A significant number of excavated burials allows us to consider in sufficient detail and comprehensively their general characteristics. They usually consist of a grave pit and a mound, based on building materials and forms, can be divided into 3 groups and 6 types, according to the research of Vei Tsun'chen; sometimes grave structures were built on the mounds, which differ in size

and design. Most of the burials are in the valleys of four basins of large rivers (five districts), in which they are concentrated and have obvious regional characteristic, which show the process of development of Bohai burials and features of different stages. Funeral traditions of Bohai are also different. Different cultures influenced the development of forms and traditions of Bohai burials, at first the influence of Mohe cultural was prevailed, and the features of Goguryeo and other local cultures are also obvious, with the development of the state, the influence of Tang dynasty became stronger. The characteristics of burials of different ranks are different. The graves of members of the royal house and the aristocracy are important objects of Bohai studies in China, changes of their location, layout and shape show not only the development of culture, but also the political conjuncture of Bohai state. The distribution structure of the Bohai cemeteries and other sites help to consider the process of changes in the administrative division system and political circumstances of Bohai State.

Keywords: Bohai State (698-926), China, burial ground, tomb, archaeological typology, grave structure, regional characteristic, funeral tradition, cultural factor, social scale, chronology, layout structure

Acknowledgements: this work was financially supported by CSC (China Scholarship Council) Grant (Project No. 201706170010) and Jilin Provincial Social Science Program “Study of Bohai Tiled Construction Details” (Project No. 2020WG6).

For citation: He Yumeng (2023). Bohai burials in China: general characteristics and funeral rite. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 73-92. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-73-92>. EDN: HMLMMX.

Введение

Изучение бохайских погребений является одним из самых важных направлений в бохаеведении. На территории Китая обнаружено самое значительное количество могильников – более двадцати, а число изученных в них погребений составляет около тысячи. Большинство захоронений расположено в долинах четырех крупных рек (пяти районов). Второй район р. Сунгари, р. Муданьцзян (можно разделить на два района: район верхнего течения, район среднего и нижнего течения), р. Тумэньцзян (Туманная) и р. Суйфэньхэ (Раздольная), в которых они сконцентрированы и имеют очевидные локальные особенности, которые характеризуют не только процесс развития бохайских погребений, но и черты разных эпох (Вэй Цуньчэн, 2008а. С. 191–274; Вэй Цуньчэн, 2008b; Вэй Цуньчэн, 2014). Китайскими учеными проведены разно-сторонние масштабные исследования как самих могильников, так и полученных археологических материалов. Например, вышли в свет археологические отчеты с материалами отдельных могильников и погребений (Институт археологии Китайской академии общественных наук, 1997; Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Кабинет комитета..., 2009; Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Управление..., 2012 и др.); опубликованы монографии и статьи, посвященные изучению погребений в целом (Чжэн Юнчжэнь, 1984; Чжэн Юнчжэнь, Янь Чанлу, 2000; Вэй Цуньчэн, 2008а; Хуа Ян, 2015); и в серии статей представлены результаты исследова-

ний отдельных аспектов рассматриваемой темы – классификации погребений (Лю Сяодун, 1996; Цзинь Тайшунь, 1997; Ли Шулэй, 2005; Вэй Цуньчэн, 2008b; Вэй Цуньчэн, 2014), погребальной практики (Фан Сюэфэн, 1991; Пэн Шаньго, Ван Лэлэ, 2021; Цянь Цянь, Бао Шугуан, Лю Сяодун, 2022), хронологии погребений разных социальных рангов (Лю Сяодун, Фу Е, 1992; Лю Сяодун, 2012; Вэй Цуньчэн, 2014; Лю Сяодун, 2019; Чжао Цзюньцзе, Ма Цинлинь, 2021), идентификации могил королей (Вэй Цуньчэн, 1981; Лю Сяодун, Фу Е, 1992; Хоу Лиминь, Ли Цян, 2002; Лю Сяодун, 2004; Ван Чжиган, Чжан Сюжун, Линь Шисян, 2009; Лю Сяодун, 2012; Лю Сяодун, 2013; Вэй Цуньчэн, 2015), эпиграфики и фресок могил элиты (Цзинь Юфу, 1956; Янь Ваньчжан, 1956; Ван Цзяньцюнь, 1980; Ван Чэнли, 1982; Чжи Шэнюань, 1983; Цзоу Сююй, 1983; Ло Цицзу, 1983; Ли Дяньфу, 1983; Ван Чэнли, 1984а; Ван Чэнли, 1984b; Ван Чэнли, 1985) и прочее. Цель данной работы состоит в том, чтобы обобщить и систематизировать обширные материалы исследований бохайских погребальных памятников в Китае, а также представить основные результаты их изучения.

Общая характеристика погребений

Значительное количество раскопанных погребений позволяет достаточно детально и всесторонне рассмотреть их общие характеристики и особенности. Они обычно состоят из могильной ямы и насыпи (из земли или камня), иногда на насыпях построены надмогильные сооружения.

Классификация погребений

Согласно исследованиям Вэй Цуньчэна, формы бохайских погребений можно разделить на 3 группы и 6 типов – захоронения в земляной яме (грунтовые), каменные (с каменной обкладкой, в каменном гробу или саркофаге, в склепе) и кирпичные (в кирпичном саркофаге или склепе) (Вэй Цуньчэн, 2014).

Грунтовые погребения

Простые грунтовые могилы

Конструкция таких погребений представляет собой простую яму в земле, чаще всего прямоугольную в плане. Входы и дромосы отсутствуют.

Примером может являться погребение № 27 в Янтунь (рис. 1.1) (Отряд по работе с культурными ценностями провинции Цзилинь, Музей города Цзилинь, Управление культуры в уезде Юнцзи, 1991. С. 39).

Погребение прямоугольное в плане, его длина – 1,98 м, ширина – 0,68 м, глубина – 0,36 м, ориентировка 270°. Умерший был мужчиной, лежал на спине с вытянутыми конечностями. В погребении найдены бронзовая пряжка в районе живота и керамический сосуд в ногах.

Погребения из камня

Погребения с каменной обкладкой

Такие погребения представляют собой земляные ямы с каменными обкладками по периметру, которые могли иметь от одного до нескольких ярусов, а иногда в ямах присутствовало лишь несколько камней. Входы и дромосы отсутствовали.

В могильнике Янтунь таким примером может служить погребение № 22 (рис. 1.2) (Отряд по работе с культурными ценностями провинции Цзилинь, Музей города Цзилинь, Управление культуры в уезде Юнцзи, 1991. С. 38–39).

Могильная яма обложена гранитным камнем, её общая длина – 3,1 м, ширина – 1,02 м, глубина – 0,3 м, ориентировка 275°. Умерший был мужчиной зрелого возраста, лежал на боку с согнутыми конечностями. В захоронении обнаружено большое количество артефактов, которые представлены керамическими сосудами, железной пряжкой, ножами, наконечником копья, панцирными пластинами и наконечниками стрел, на которых сохранились следы древка и колчана.

Погребения в каменном гробу или саркофаге

На сегодняшний момент погребения в каменных гробах и саркофагах в большинстве случаев

трудно разделить, поэтому пока что их относят к одному типу. Каменные гробы или саркофаги строились из вертикальных каменных плит или складывались из каменных блоков, они прямоугольные в плане. Сверху накрывались каменными плитами. Входы и дромосы отсутствовали.

Типичным примером является погребение № 2315 в каменном гробу в могильнике Хунцзуньюйчэн (рис. 1.3) (Институт культурных ценностей и археологии провинции Хэйлунцзян, 2009. С. 487–490). Каменный гроб сложен из вертикальных каменных плит, перекрывавшие его плиты не сохранились. Гроб в плане прямоугольный, его длина – 2,61 м, ширина – 1,28 м, глубина – 0,6 м, ориентировка 195°. Человеческие останки и артефакты в гробу отсутствовали.

Аналогичное погребение № 2116 исследовано в могильнике Хунцзуньюйчан (рис. 1.4) (Погребение в каменном саркофаге) (Институт культурных ценностей и археологии провинции Хэйлунцзян, 2009. С. 371–372). Каменный саркофаг сложен из каменных блоков, накрывавшие его каменные плиты не сохранились. Его длина – 2,61 м, ширина – 1,28 м, глубина – 0,6 м. В погребении найдены два человеческих черепа – один принадлежит женщине, другой – мальчику в возрасте 6–7 лет. В захоронении обнаружен один сосуд.

Погребения в каменном склепе

Самой распространенной формой захоронений в Бохае являются погребения в каменном склепе. Их можно разделить на два вида: а) среднего и малого размера; б) большого размера. Они также отличались друг от друга по конструкции.

Погребения среднего и малого размера

Стены погребений в каменном склепе строились из вертикальных больших каменных плит или складывались из каменных блоков. В них также были устроены входы, соединенные с короткими дромосами, которые сверху обычно накрывались каменными плитами. Такой вид погребения, как № 2176, изучен в могильнике Хунцзуньюйчан (рис. 2.1) (Институт культурных ценностей и археологии провинции Хэйлунцзян, 2009. С. 316). Склеп и дромос сложены из базальтовых плит и маленьких каменных блоков. Склеп в плане прямоугольный, его длина – 2,4 м, ширина – 1,31 м, глубина – 0,54 м. В восточной части южной стены устроен вход с коротким дромосом, длина и ширина кото-

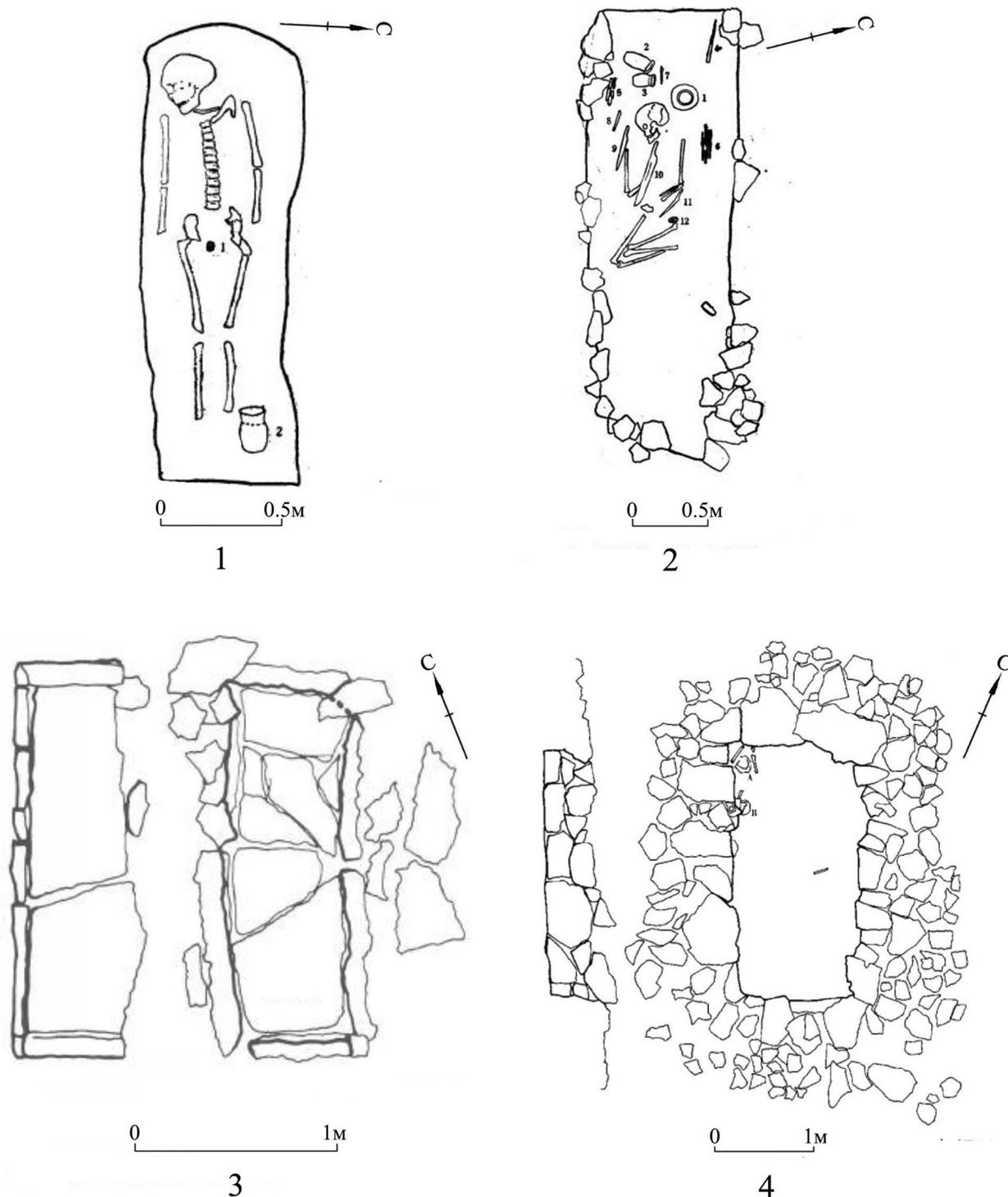

Рис. 1. Формы погребений: 1 – грунтовое погребение; 2 – погребение с каменной обкладкой; 3 – погребение в каменном гробу; 4 – погребение в каменном саркофаге

Fig. 1. Forms of burials: 1 - ground burial; 2 - burial with stone lining; 3 - burial in a stone coffin; 4 - burial in a stone sarcophagus

рого 1,2 м и 0,7 м. В склепе сохранилось два скелета. В юго-западном углу склепа найден один сосуд.

Погребения большого размера

Стены погребений складывались рядами из больших каменных блоков, в них сооружены входы, коридоры, дромосы. Сверху погребения

накрывались каменными плитами либо над ними сооружались ступенчатые своды. Такое погребение (№ 2) известно, например, в могильнике Лунхай (рис. 2.2) (Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Кабинет комитета..., 2009). Стены погребения сложены из необработанных

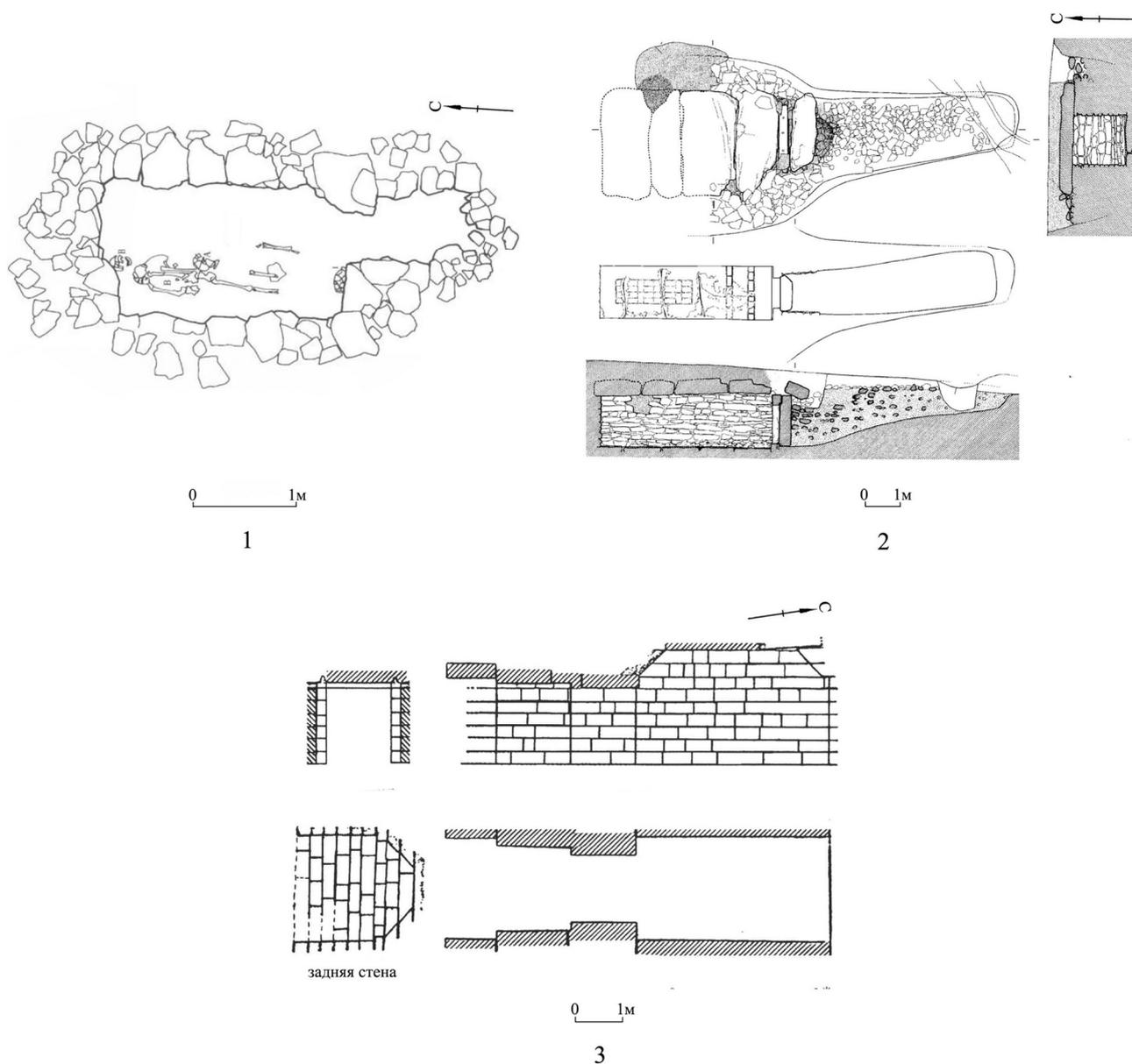

Рис. 2. Формы погребений: 1 – погребение в каменном склепе среднего или малого размера; 2, 3 – погребение в каменном склепе большого размера

Fig. 2. Forms of burials: 1 - burial in a stone vault of medium or small size; 2, 3 - burial in a large stone vault

ных больших каменных блоков. Склеп ориентирован на юг, в плане прямоугольный, его длина – 5,6 м, ширина – 1,8 м, глубина – 1,7–1,8 м. Сверху погребение накрыто 4-мя большими каменными плитами. Дромос похож по форме на длинный язык, его длина – 7,2 м, ширина – 1,7–3,9 м, глубина до 2,3 м, ориентировка 175°. Он был заполнен жёлтой глиной и камнями. В склепе сохранились следы платформы для гроба, длина и ширина которой 2,5 м и 0,8 м соответственно. Пол склепа покрыт 5-ю большими каменными плитами, поверхность которых обмазывались белым покрытием, на передней части пола присутствуют 2 ряда серо-

синего кирпича. Так как погребение было разграблено, от скелета умершего сохранились только фрагменты нижней челюсти и черепа. Также было найдено небольшое количество фрагментов фарфора, позолоченных гвоздей и др. Погребение № 1 в могильнике Саньлинтунь также относится к этому типу (рис. 2.3) (Вэй Цуньчэн, 2008а. С. 226).

Погребения из кирпича

Погребения в кирпичном саркофаге

К настоящему моменту раскопано 2 пары очень схожих погребений в кирпичных саркофагах. Прямоугольные кирпичные саркофаги сооружены в ямах такой же формы и сверху накрыты

каменными плитами. Каждая пара (2 погребения) захоронений находилась под общей насыпью, над которой, вероятно, были возведены надмогильные строения. В погребениях этого типа сохранилось большое количество ценных артефактов, судя по материалам, можно предположить, что умершие в каждой паре были мужчиной и женщиной, вероятно, даже супругами.

Одно из парных погребений раскопано в могильнике Лунхай № 13 и № 14 (рис. 3.1) (Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Кабинет комитета..., 2009). Погребение № 14 в плане прямоугольное, ориентировка 178°. Длина ямы – 2,9 м, ширина – 1,4 м, глубина – 1,6 м. Кирпичный саркофаг сооружен из серо-синего кирпича, его длина – 2,3 м, ширина – 0,8–0,9 м, высота – 0,8 м. Сверху он перекрыт 2-мя слоями каменных плит (каждый слой состоит из 4-х плит), между которыми насыпан грунт толщиной 0,1 м. В саркофаге находился деревянный гроб, его длина – 2 м, ширина – 0,7 м. Умерший лежал на спине с вытянутыми конечностями. В каждой руке умерший держал по золотому слитку, в поясной части располагались наременные золотые накладки, украшенные нефритовыми накладными пластинами. На голове находилось золотое украшение от головного убора в виде трёх лепестков и маленькая шапка из кожи, которая крепилась на волосах при помощи двух золотых шпилек. Судя по этим материалам, можно предположить, что в погребении захоронен мужчина. Под насыпью погребения № 14 также расположено другое погребение – Лунхай № 13, поскольку в нём найдены украшения, пуховка с серебряной ручкой (приспособление для нанесения пудры) и косметическая коробка, в которой лежало зеркало, крем для кожи в мактре (двустворчатый моллюск *Maetra chinensis*) и три бумажных пакетика румян. По этим находкам можно заключить, что в нем захоронена женщина. Другое аналогичное парное погребение представлено погребениями Хэнаньтунь.

Погребения в кирпичном склепе

Как и погребения в каменном склепе, погребения в кирпичном склепе также можно разделить на два вида – малого и большого размера.

Погребения малого размера

Погребений в кирпичном склепе малого размера обследовано немного, они состоят из склепа

и входа, соединенного короткими дромосами. Одно из таких погребений (№ 2005) раскопано в могильнике Хунцзуньюйчан (рис. 3.2) (Институт культурных ценностей и археологии провинции Хэйлунцзян, 2009). Оно построено из красного кирпича, состоит из склепа, входа и дромоса. Его ориентировка 155°, внутренняя длина, ширина и глубина – 0,8 м, 0,84 м и 0,22 м соответственно. Свод не сохранился, исследователи предполагали, что он также сооружен из красных кирпичей. В склепе находились костяки 3-х умерших (двух мужчин и одной женщины), все они захоронены по обряду вторичного погребения. В нем также собраны фрагменты керамики.

Погребения большого размера

Погребения в кирпичном склепе большого размера состоят из склепа, входа, коридора и длинного дромоса. Иногда их строили из кирпича и камня, например, как погребение № 8 района Лунхай в могильнике Лунтоушань (рис. 3.3). В отдельных случаях над погребениями сооружалась кирпичная пагода, как например, над погребением принцессы Чжэнь-сяо (см. статью А.Л. Ивлиева. С. 12–14, рис. 2 (Ивлиев, 1989)) и могилой с пагодой Мадида (Чжан Сиьин, 1984). Пагода давно рухнула, пол основания пагоды был покрыт каменными плитками, его размеры 13×10,3 м. В центре была устроена подпрямоугольная в плане основа пагоды (длина сторон 4,95×4,8 м), высота частично сохранившейся стены пагоды – 2,3 м. В середине южной стены устроен вход дромоса.

Стены дромоса (длиной 10 м, шириной южной части 2,6 м) были сложены из кирпича. На входе в склеп сооружены двое ворот, первые (высотой 2,04 м) сложены из кирпича; вторые – из 2 больших каменных плит (песчаник). Между воротами расположен проход, длина и ширина которого 1,5 м и 2,04 м.

Склеп в плане прямоугольной формы, его длина 2,74 м, ширина 1,86 м, высота в центре 2,3 м, ориентировка 140°. Свод многослойно-ступенчатый, накрыт двумя крупными каменными плитками. В склепе, вероятно, была платформа для деревянного гроба. В нем артефакты не обнаружены. Только в заполнении вокруг погребения найдено несколько позолоченных декоративных гвоздей, железный дверной молоток, гвозди и венчик керамического сосуда.

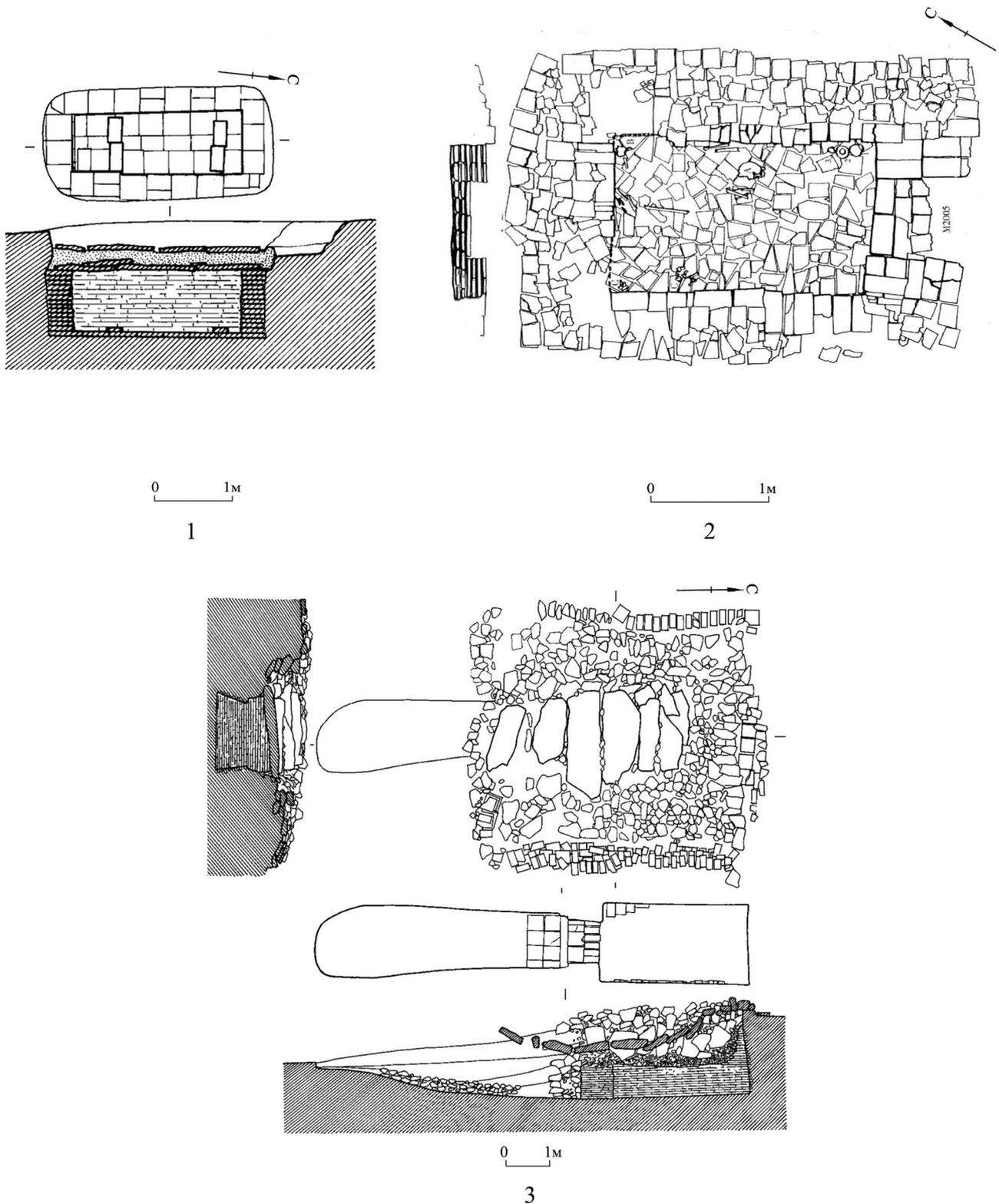

Рис. 3. Формы погребений: 1 – погребение в кирпичном саркофаге; 2 – погребение в кирпичном склепе малого размера; 3 – погребения в кирпичном склепе большого размера

Fig. 3. Forms of burials: 1 - burial in a brick sarcophagus; 2 - burial in a small brick vault; 3 - burials in a large brick crypt

Формы надмогильных строений

Бохайские надмогильные строения различаются друг от друга по размеру и конструкциям (Бай Мяо, Ли Цян, 2015; Ван Чжиган, 2014; Ван Чжиган, 2015; Ли Цян, 2008). По мнению Вана Чжигана, в целом их можно разделить на следующие типы: беседка с черепичной крышей; простое колоннадное здание с черепичной крышей; сложная постройка с колоннами и с черепичной крышей; пагода из кирпича; двор со стенами, который, вероятно, представляет собой остатки мавзолея (Ван Чжиган, 2014).

Примером надмогильного строения в виде беседки является погребение № 209 (IIM209) в могильнике Людиншань (рис. 4.1). Его конструкция очень простая, судя по находкам, для покрытия крыши использовалась только обычная черепица, архитектурные украшения отсутствовали (Институт археологии Китайской академии общественных наук, 1997. С. 26–27).

Надмогильное сооружение в виде простого здания колоннадного типа с черепичной крышей представлено погребением № 3 (IM3) в могильнике Людиншань (рис. 4.2). В процессе его исследования собрана черепица, в том числе диски фронтальной черепицы. (Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Управление..., 2012. С. 49–68).

Надмогильная сложная постройка колоннадного типа с черепичной крышей изучена в могильнике Лунхай в виде погребений № 13 и 14 (рис. 4.3) (Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Кабинет комитета..., 2009). Два погребения стоят на утрамбованной земляной прямоугольной платформе, длина которой с востока на запад 21,5 м, с севера на юг – 17,5 м, высота до 1,5 м, центральная часть выше по отношению к краям. Строение на платформе представляло собой здание колоннадной конструкции с шестью рядами колонн по пять в каждом из них. Пол вокруг платформы был вымощен синевато-серыми кирпичами, тонкими каменными плитками и мелкими камнями. В середине южной и северной сторон платформы были сооружены пандусы, к сожалению, уже невозможно определить были они ступенчатыми или нет. Исследователи полагают, что это строение было храмом, потому что его кон-

струкция очень похожа на храм № 9 городища Дунцзинчэн.

Пагода из кирпича сооружалась над погребением № 1 (погребение принцессы Чжэнь-сяо), № 10 и Мадида в могильнике Лунхай. Их конструкции уже описаны выше.

Дворы со стенами исследованы мало, в частности, погребения № 1 в могильнике Лунху, Хэнаньтунь и Саньлинтунь. На территории двора или стены обнаружены базы колонн, плоские и полукруглые черепицы, диски фронтальной черепицы и др. Они могут быть остатками древних зданий в мавзолее (Комитет по управлению памятниками культуры..., 1993. С. 74).

Погребальные традиции

Исследований о погребальных традициях Бохая имеется не очень много. Погребальные обряды характеризуются разнообразными чертами, и у обычных людей, и у членов королевского дома.

В бохайских погребениях гробы не обнаруживаются, возможно, потому, что они были изготовлены из дерева или бересты. Так как дерево обычно сохраняется плохо, свидетельством того, что в погребении имелись деревянные конструкции, зачастую являются железные гвозди (У Сун, 2019. С. 29–34)¹.

Погребальный обряд представлен и труположением, и трупосожжением. Нужно отметить, что трупосожжение бохайцев прослеживается не в виде пепла (в каком-либо сосуде). Сначала останки складывали в яму или деревянный гроб в яме, потом их сжигали вместе, именно поэтому часто наблюдались следы обгоревших остатков костяка и гроба. Трупосожжения найдены в разных районах территории Бохая, и обычно они относятся к раннему периоду (Пэн Шаньго, Ван Лэлэ, 2021. С. 89).

В погребениях бохайцев присутствуют признаки как первичных, так и вторичных захоронений. Эти обряды продолжали действовать на протяжении всего периода существования Бохая. Иногда

¹ У Сун. Изучение происхождения культуры Бохая – по археологическим материалам.: дис... канд. ист. наук. Чанчунь : Цзилиньский университет, 2019. 246 с. = 武松. 渤海文化来源研究-以考古资料为中心, 吉林大学博士学位毕业论文. 2019. 246 с.

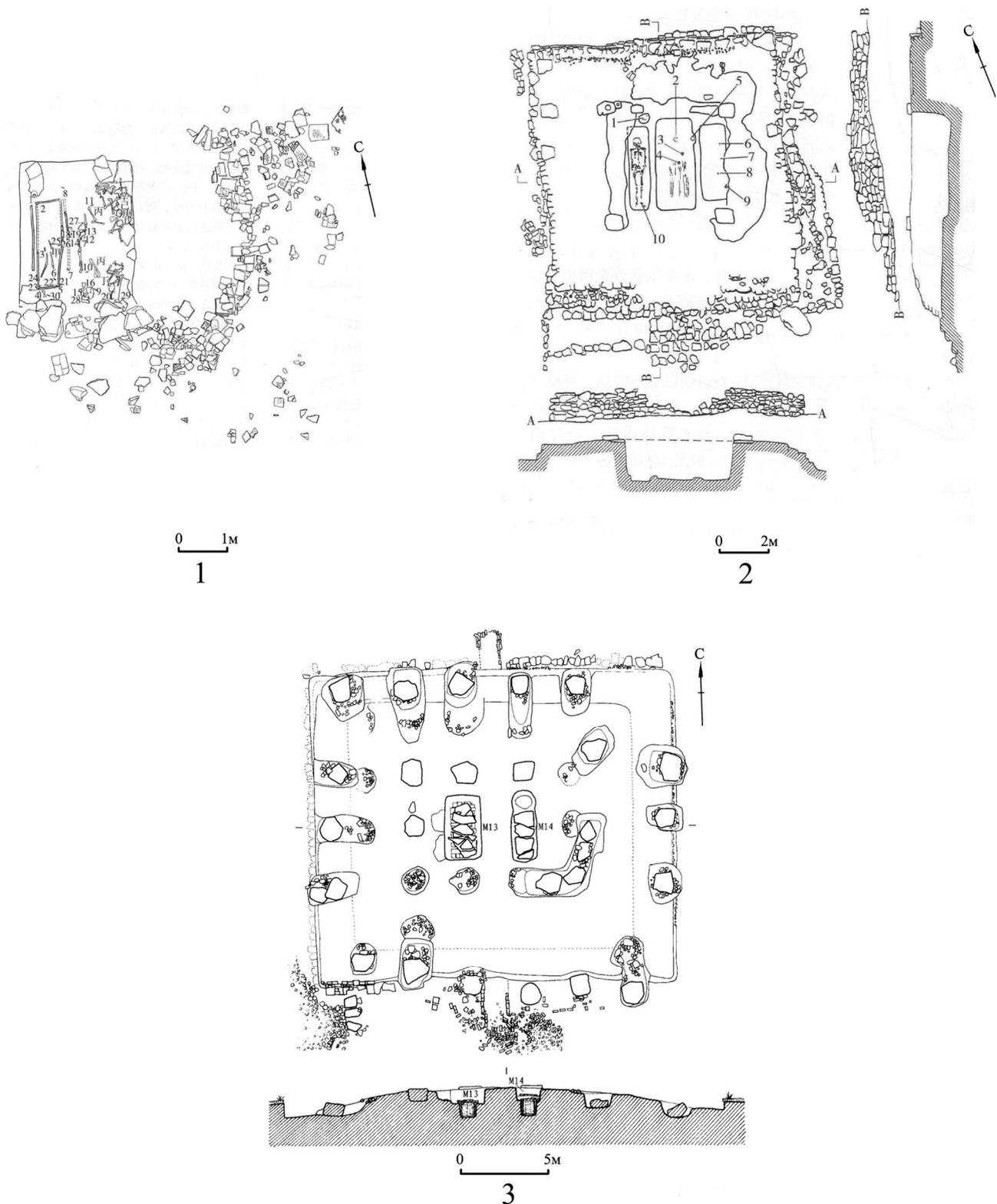

Рис. 4. Надмогильные строения: 1 – беседка с черепичной крышей; 2 – надмогильное строение простого колонного типа с черепичной крышей; 3 – надмогильное строение сложного колонного типа с черепичной крышей
Fig. 4. Graveyard buildings: 1 - gazebo with a tiled roof; 2 - grave structure of a simple column type with a tiled roof; 3 - grave structure of a complex column type with a tiled roof

оба варианта встречались в одном погребении (в парном или групповом) (У Сун, 2019. С. 29–34)².

Погребения могут быть одиночными, парными или групповыми. В парном могли быть захоронены супруги или взрослый с детьми. Детей часто хоронили со взрослыми, в детских погребениях (обычно в каменном гробу) сопровождающих предметов встречалось очень мало. Это, возможно, потому что количество предметов в погребальном инвентаре зависит не только от ранга умерших, но и от их значимого вклада в развитие общества. Групповые погребения могли выполнять роль семейных захоронений. Они отражали важность института семьи в бохайском обществе (Фан Сюэфэн, 1991; Цянь Цянь, Бао Шугуан, Лю Сяодун, 2022). Парные погребения также встречаются в могильнике аристократов королевского дома. Так, например, в захоронении принцессы Чжэнь-сяо найдены двое умерших – женщина и мужчина (Национальный краеведческий музей Яньбяньского корейского национального автономного округа, 1982. С. 179).

Керамическая посуда в бохайских погребальных комплексах обычно представлена бытовыми сосудами. К настоящему времени только в погребении Эрдаохэцы № 1 и Цидаохэ найдены миниатюрные керамические сосуды, которые вероятнее всего являются специально изготовленными для погребения. Кроме того, в нескольких могилах представителей высшей знати обнаружены глазурованные статуэтки людей и животных (Пэн Шаньго, Ван Лэлэ, 2021. С. 90, 91).

В бохайских погребениях иногда встречались остатки животных, главным образом, зубы и кости лошади. Также обнаружены кости и зубы крупного рогатого скота, свиньи и собаки, например, в могильниках Людиншань, Чалиба, Хунцзуньюйчан и Эрдаохэцы, которые датируются ранним и средним периодами Бохая (У Сун, 2019. С. 34)³. Хотя в бохайских захоронениях остатки животных обнаруживаются намного реже, чем в мохэских, однако это также можно считать характерной чертой бохайских погребальных обрядов (подробнее об этом см. статью М.А. Стоякина (Стоякин, 2020).

Результаты и обсуждение

На основе массовых археологических данных китайские ученые провели большое количество исследований, посвященных характеристике и классификации бохайских погребений, датировке и дешифровке надписей на стелах, анализу использованных строительных материалов и погребальных комплексов. В данной статье рассмотрены только самые основные и наиболее важные итоги изучения бохайских захоронений.

Культурные характеристики бохайских погребений

Погребальные обряды мохэсцев, которые поддерживались бохайцами, – это грунтовые погребения и использование гробов из дерева или бересты; трупосожжение; помещение в погребение зубов и костей лошадей и других животных; строительство надмогильных сооружений (Чжэн Юнчжэнь, ЯньЧанлу, 2000; У Сун, 2019. С. 26–36)⁴. Мохэсцы сначала проводили погребение в простой яме в земле. После падения культуры Фууй (II в. до н. э. – V в. н. э.), население которой, по археологическим и историческим данным, использовало деревянные гробы, мохэсцы захватили их территории и унаследовали эту традицию, которая была продолжена бохайцами (У Сун, 2019. С. 26–36)⁵. Согласно «Суй шу», кидани использовали аналогичную мохэсцам традицию, сначала собирали кости умершего, потом их сжигали (“契丹其俗颇与靺鞨同...收其骨而焚之”). По результатам археологических исследований в мохэских погребениях бассейна средней Сунгари, часто наблюдались следы трупосожжений (Фэн Эньсюе, Ван Чуньянь, 2013). Согласно «Цзю Тан шу», у мохэсцев имелась традиция приносить лошадь, на которой ездил умерший, в качестве жертвы при совершении обряда захоронения (“靺鞨...杀所乘马于尸前设祭”). Помещение зубов и костей лошади в бохайские погребения должно быть является упрощенной традицией, унаследованной бохайцами от мохэсцев (Пэн Шаньго, Ван Лэлэ, 2021. С. 90). Согласно «Вэй шу», у мохэсцев существовала традиция строить «домик» на могильном холме для защиты его от дождя (“勿吉国...冢上作屋, 不令雨湿”). В то же время, в Китае с древности существовала традиция

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

строительства мавзолея для высокостатусных захоронений. Бохайские надмогильные строения (простые и сложные), вероятно, появились под влиянием этих традиций. Кроме того, в постройках над погребением Цидаохэ найдено некоторое количество карбонизированных остатков пищи, это может означать, что строение выполняло не только функцию защиты, но и места для жертвоприношений (Ван Чжиган, 2014. С. 89, 90).

Согласно «Вэй шу», у населения Дунвоцзюй существовала традиция захоранивать всю семью в общем саркофаге (“*举家皆共一椁*”), иными словами, образовывать вторичные групповые захоронения. Не исключено, что эта традиция повлияла на формирование погребальной традиции у бохайцев (Пэн Шаньго, Ван Лэлэ, 2021. С. 89).

Погребения из камня, возможно, появились под влиянием культуры Когурё. До создания государства Бохай часть мохэсцев уже взаимодействовала с когурёцами, после чего у них появились погребения из камня. После создания государства Бохай не только обычные люди, но и люди высокого статуса испытали влияние когурёской культуры (У Сун, 2019. С. 67–73)⁶. На территории, находящейся недалеко от владений бывшего Когурё, это воздействие проявилось очевиднее, например, в могильнике Дунцин, где были обнаружены конские уборы и вооружение когурёского типа. Но в то же время найденная здесь керамика имеет традиционные бохайские черты. Это также указывает на взаимодействие разных этнических групп населения в ранний период Бохая (Яньбянский музей, 2000. С. 267–269).

Погребения из кирпича, строительство кирпичных пагод над погребениями, нарисованные на стенах склепов фрески танского типа, глазурированные статуэтки людей и животных, наличие стел с надписями на китайском языке и другие черты указывают на влияние династии Тан. Так как вышеописанные характеристики чаще всего обнаруживаются в погребениях аристократов королевского дома, можно сделать вывод, что китайское влияние сначала было воспринято бохайцами высокого статуса (У Сун, 2019. С. 153–187)⁷.

В общем, в погребениях раннего периода Бохая мохэские культурные признаки по степени влияния преобладали, однако наряду с ними проявлялись черты когурёской и других местных культур. С развитием государства культурные черты династии Тан становились сильнее, особенно в высокостатусных погребениях.

Социальные ранги бохайских погребений

Чжэн Юнчжэнь (Чжэн Юнчжэнь, 1984) полагал, что захороненные в кирпичных склепах большого размера и в каменных склепах с многослойно-ступенчатым сводом были аристократами королевского дома; захороненные в погребениях с каменными склепами и плоским сводом, скорее всего, относились к чиновничеству, были выходцами из богатых семей и, может быть, обычными людьми; умершие из погребений в каменном гробу или саркофаге являлись обычными людьми и детьми; захороненные в грунтовых погребениях относились к обычным людям (типология форм погребений Чжэна Юнчжэня не совсем соответствует типологии данной статьи, их связи условны, подробнее о формах в этом могильнике см. статью А.Л. Ивлиева (Ивлиев, 1989)).

Вэй Цуньчэн (Вэй Цуньчэн, 1981; Вэй Цуньчэн, 2015) разделил бохайские погребения на три группы: погребения большого размера, соответствующие погребениям аристократов королевского дома; погребения среднего размера, соответствующие погребениям аристократии и чиновничества; погребения малого размера, соответствующие погребениям обычных людей, при этом погребения среднего и малого размера разделить затруднительно.

Погребения аристократов королевского дома имеют следующие характеристики: а) они сооружены из камня или кирпича; на стены наносились фрески; в них помещались стелы и различные предметы роскоши; б) они либо одиночные и расположены отдельно, либо образуют группу двух погребений, которые расположены в один ряд (например, в могильнике Лунтоушань, районе Лунхай, погребения № 11 и 12), или захоронены в разных склепах под общей насыпью (например, в могильнике Лунтоушань районе Лунхай, погребения № 13 и 14); в) над подобными погребениями часто обнаруживаются остатки разных сооружений – кирпичных пагод, сооружений колоннадного типа

⁶ Там же.

⁷ Там же.

(в некоторых случаях, сооружение над могилой отсутствует из-за того, что оно вообще не сохранилось, как, например, над погребением принцессы Чжэнь-хуэй сооружение не обнаружено, но в заполнении насыпи найдены фрагменты черепицы); вокруг них могли быть построены стены, образующие мавзолей.

Хуа Ян (Хуа Ян, 2015. С. 125–132) разделила бохайские погребения высокого статуса на три ранга: к самому высокому рангу принадлежат захоронения королей (захоронения королей и их супруг), вокруг них могли существовать стены, образующие мавзолей; ко второму рангу относятся захоронения членов королевского дома, над которыми возведены пагоды или другие большие сооружения; к третьему рангу могут быть отнесены погребения обычной аристократии и чиновников, их конструкции похожи на погребения второго ранга, но в них нет платформы для гроба, а надмогильные сооружения выполнены менее искусно.

Хронология бохайских могильников и погребений обычных людей

Что касается периодизации бохайских могильников и погребений, в этом вопросе мнения китайских ученых разошлись. Датировки могильников, приведенные в первой части статьи, являлись мнениями отдельных исследователей. Исходя из вышеупомянутых особенностей бохайских погребений из разных районов, можно отметить только некоторые общие характерные черты, которые соотносятся с разными этапами Бохая, так как общепринятой хронологии бохайских погребений в настоящее время нет (Вэй Цуньчэн, 2008а. С. 191–274; Вэй Цуньчэн, 2014; Пэн Шаньго, Ван Лэлэ, 2021).

Исходя из формы погребений, можно отметить, что грунтовые могилы относятся к более раннему периоду, чем захоронения с использованием камня в целом, а погребения из кирпича появились последними. Погребальные обряды характеризуются присутствием в погребениях раннего периода следов трупосожжений, а в погребениях среднего и позднего периодов трупосожжений мало, в некоторых могильниках они совсем отсутствовали. В погребениях раннего периода бассейна «Второй реки Сунгари», первичные и одиночные погребения составляли большую долю, а в других районах больше было вторичных и парных/ групповых.

Керамика также является важным признаком для датировки погребений, среди которых мохэские сосуды играют главную роль, у них изменялось оформление венчика: от венчиков с валиком к «двугубым», а потом к так называемым «круглогубым» без валика. Это важная особенность для определения датировки бохайских памятников.

Бохайские могильники и погребения членов королевского дома и аристократии

Изучения бохайских погребений членов королевского дома и аристократии – самая важная проблема бохаеведения в Китае, она является объектом продолжительных дискуссий.

В 1949 г. было исследовано погребение принцессы Чжэнь-хуэй, где была найдена стела, в тексте которой есть слова: «мавзолей Чжэньлин» (“*珍陵*”), с этого момента дискуссия о мавзолее Чжэньлин продолжается до сегодняшнего дня. Кто захоронен в мавзолее Чжэньлин? Некоторые ученые полагают, что это был Да Циньмао (Цзинь Юфу, 1956; Ван Чэнли, Цао Чжэнжун, 1961; Ван Чжиган, Чжан Сюжун, Линь Шисян, 2009), а другие считают, что это его отец Да Уи (Ван Чэнли, 1979; Ван Цзяньцунь, 1980; Вэй Цуньчэн, 1981; Хоу Лиминь, Ли Цян, 2002). Где находится мавзолей Чжэньлин? Некоторые исследователи предполагают, что он находится в могильнике Людиншань (Цзинь Юфу, 1956; Ван Чэнли, Цао Чжэнжун, 1961; Ван Чэнли, 1979; Вэй Цуньчэн, 1981; Ван Чэнли, 1984а; Ван Чэнли, 1984б; Ван Чэнли, 1985; Хоу Лиминь, Ли Цян, 2002; Лю Сяодун, 2004). Исходя из результатов исследований 2004 и 2005 гг. многие археологи и историки согласились с тем, что мавзолей Чжэньлин находится в районе Лунхай могильника Лунтоушань, вероятно, он представлен погребением № 11. В нем захоронен Да Цинмао, отец принцессы Чжэнь-хуэй, и этот могильник находится к западу от могильника Людиншань (Лю Сяодун, 2012; Лю Сяодун, 2013; Вэй Цуньчэн, 2015).

Изучив захоронения принцесс Чжэнь-хуэй и Чжэнь-сяо (особенно на основе фресок, текстов стел) исследователи рассматривали изменения в отношении общества к королевскому дому (сакрализация королевской персоны), политическое положение в поздний период правления Да Цинмао и другие проблемы с точки зрения исторических процессов (Цзинь Юфу, 1956; Янь Ваньчжан, 1956; Ван Цзяньцунь, 1980; Ван Чэнли, 1982; Чжи Шэню-

ань, 1983; Цзоу Сююй, 1983; Ло Цицзю, 1983; Ли Дяньфу, 1983; Ван Чэнли, 1984а; Ван Чэнли, 1984б; Ван Чэнли, 1985; Ван Ся, 1985).

В настоящее время уже известны четыре могильника, где расположены погребения членов королевского дома и аристократии – могильники Людиншань, Лунтоушань, Саньлинтунь и погребения Хэнаньтунь. Они различаются по своему местонахождению, захороненным в них людям, размещению и набору инвентаря, особенностям и сложности погребального обряда, формам погребений и др. Нет никаких сомнений в том, что могильники Людиншань и Саньлинтунь являлись самым ранним и самым поздним соответственно. Датировки могильника Лунтоушань и погребения Хэнаньтунь близки, но определить точнее их пока что невозможно. Лю Сяодун полагает, что они относятся к среднему и позднему периодам Бохая (Лю Сяодун, 2012; Лю Сяодун, 2019), а Чжао Цзюньцзе считает, что первый относится к более позднему времени, чем второй (Чжао Цзюньцзе, Ма Цинлинь, 2021). Могильник Людиншань расположен на сопке, в нем присутствуют погребения и высокого статуса, и низкого, они смешаны вместе в одном могильнике, только находятся в разных районах, т. е. порядок их размещения не ясен, все погребения большого и среднего размера построены из камня. Могильник Лунтоушань расположен на сопке, он является могильником для членов королевского дома.

Порядок размещения умерших заключается в следующем: большинство погребений расположены в группах по два в каждой, которые, в свою очередь, либо выстроены в один ряд, либо находятся в разных склепах под общей насыпью. Все погребения построены из камня и кирпича. Погребения в могильнике Хэнаньтунь расположены на равнине и представляют собой захоронения членов королевского дома в кирпичных саркофагах, два погребения расположены в один ряд под общей насыпью, на поверхности построены стены. Могильник Саньлинтунь расположен на равнине и является также могильником для членов королевского дома. Главное погребение, т. е. могила короля (№ 1) находится перед погребениями подчиненных (№ 2 и № 3), конструкция и строительные материалы в этом могильнике искуснее и качественнее, чем в других могильниках, на поверхно-

сти присутствует состоящий из стен, дорог и других элементов мавзолеей (Лю Сяодун, 2012).

На основании изложенного выше можно увидеть процесс развития и совершенствования погребений и могильников членов королевского дома и аристократии. Во-первых, изменились места расположения: захоронения перенесены с сопки на равнину, а это изменение соответствует порядку размещения императорских могил в династии Тан: в ранний и средний периоды династии Тан императорские могилы всегда строились на сопке, а в поздний период они представляли собой насыпь на равнине (Лю Сяодун, 2012). В то же время могильник Саньлинтунь находится в прямой видимости к северу от городища Дунцзинчэн, отделен от него рекой, что также соответствует порядку размещения императорских могил при династии Тан, где большинство императорских могил расположено на левом берегу р. Вэйшуй, а городище Чаньань находится на правом (Вэй Цуньчэн, 2008а. С. 227). Во-вторых, изменение размещения погребений в могильниках показывает, что концепция социальной иерархии становилась важнее: сначала представителей элиты и обычных людей хоронили в одном могильнике, а потом аристократию хоронили в специальных могильниках для людей высокого статуса. Порядок их размещения заключался в том, что два погребения располагались в один ряд, но главное погребение сооружалось перед другим. В-третьих, развились технологии строительства погребений и надмогильных сооружений (Чжао Цзюньцзе, Ма Цинлинь, 2021).

Планировочная структура бохайских могильников

Недалеко от бохайских столиц часто обнаруживаются большие погребения высокого статуса: вокруг городища Дунцзинчэн (Верхняя столица) найдены могильники Саньлинтунь, Дачжунь, Дунляньхуа и Хунцзуньюйчан; вокруг городища Сигучэн (Сяньчжоу) обнаружены могильники Лунтоушань, Бэйда и погребения Хэнаньтунь. Как было описано выше, в этих могильниках захоронены члены королевского дома, аристократы и чиновники, что соответствует столичному статусу городища (Лю Сяодун, 2012; Лю Сяодун, 2019; Чжао Цзюньцзе, Ма Цинлинь, 2021).

Недалеко от бохайских средних и малых городищ также обнаружены могильники, найденные в

них и городищах артефакты сходны: могильник Шичангоу и городище Наньчэнцы, могильник и городище Дачэнцзы, могильник и городище Инчэн, могильник и погребения Чжансян, могильник Мицзян и городище Сиганцы, могильник и городище Дунцин, селище и погребальный комплекс Цяньдяньцзы, могильник и городище Краскинское, могильник Чернятино-5 и селище Чернятино-2.

В период своего существования общегосударственная столица Бохая переносилась четыре раза, в хронологическом порядке это происходило следующим образом: «гора Дунмоушань», Сяньчжоу (городище Сигучэн), Верхняя столица (городище Дунцинчэн)⁸, Восточная столица (городище Баляньчэн), Верхняя столица⁹. Соответственно, могильники членов королевского дома также появлялись в том же порядке: могильник Людиншань расположен на территории города Дуньхуа, могильник Лунтоушань и погребения Хэнаньтунь находятся вокруг города Сяньчжоу, могильник Саньлинтунь размещается вокруг Верхней столицы, и он, вероятно, был построен, когда Верхняя столица стала общегосударственной столицей во второй раз. В качестве официальной столицы Восточная столица просуществовала недолго, возможно, поэтому большие могильники вокруг городища Баляньчэн остаются пока неизвестными.

Однако, в сравнении с перемещениями общегосударственных столиц, в появлении новых могильников наблюдается запаздывание. Например, общегосударственная столица переехала из Восточной в Верхнюю столицу в 794 г. Девятый ко-

⁸ Она первый раз стала общегосударственной столицей в годы правления Да Циньмао.

⁹ Она второй раз стала общегосударственной столицей в годы правления Да Хуаюй и оставалась до падения государства Бохая.

Список источников

Ивлиев А.Л. Исследование бохайских погребений в Северо-Восточном Китае (по материалам статьи Чжэн Юнчжэня) // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток : ДВО АН СССР, 1989. С. 12–25.

Стоякин М.А. Остатки животных с бохайских памятников в Китае: использование животных в повседневной жизни и погребальной практике // Россия и АТР. 2020. (4). С. 175–187. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10058>. EDN: AIRRVX.

роль Да Минчжун (Цзянь-ван) умер в 818 г., его жена королева Шунь-му была захоронена в 829 г., но они, согласно древней традиции, были захоронены в могильнике Лунтоушань около Сяньчжоу вместе с предками, а не около Верхней столицы. В таких аспектах, как размер, фортификационные сооружения, планиграфия, Верхняя столица имеет больше сходство с городом Чаньань династии Тан, чем другие столицы. Могильник Саньлинтунь также совершенствовался в организации пространства, размещении захоронений, погребальных конструкциях и др. Анализ погребальной практики у бохайцев показывает, что она испытала сильное влияние китайских традиций в поздний период Бохая, также как архитектура и планировочная структура столичных городов.

Заключение

Древние люди обращали большое внимание на загробную жизнь, и изучение погребений является очень важным ключом к пониманию древней культуры. Поэтому исследование бохайских погребений является одним из самых главных направлений бохаетведения в Китае. Материалы погребений, полученные в результате многолетних и масштабных раскопок, стали надежным фундаментом для всестороннего анализа разнообразных археологических источников, оценки особенностей основных районов расположения могильников, изучения процессов развития материальной и духовной жизни, социальной структуры общества, административно-территориального устройства и др. В свою очередь, представленный в статье обзор и анализ результатов исследования бохайских могильников в Китае дает возможность русскоязычным археологам и историкам использовать накопленный опыт для изучения погребений и других памятников Бохая в России.

References

Ivliev A.L. (1989) Study of Bohai burials in Northeast China (Based on article of Zheng Yongzhen). *Novyye materialy po srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR = New Materials on Medieval Archeology of the Far East of the USSR*. P. 12–25. (In Russ.).

Stoyakin M.A. (2020) Animal Remains from Bohai Sites in China: The use of animals in daily life and funeral ceremonies. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. No. 4. P. 175-187. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10058>. EDN: AIRRVX.

Бай Мяо, Ли Цян. «Домики над погребениями» Уди и надмогильные сооружения Бохая – с обсуждением насыпей над погребениями Когурё // Сборник к 70-летию господина Вэй Суньчэна. Пекин : Наука, 2015. С. 306–316 = 白淼, 李强. 勿吉冢上作屋与渤海墓上建筑 - 兼谈高句丽墓上覆瓦. 庆祝魏存成先生七十岁论文集. 北京: 科学出版社. 2015. С. 306-316.

Ван Ся. Погребения принцесс Чжэнь-сяо и Чжэнь-хуэй // Учэба и исследование (Сюэси юй таньсо). 1985. (4). С. 138–143 = 王侠. 贞惠公主墓与贞孝公主墓. 学习与探索, 1985. (4): 138-143.

Ван Цзяньцунь. О стеле на погребении бохайской принцессы Чжэнь-хуэй // Вэнь у цзикань. Пекин : Изд-во Вэнь У чубаньшэ, 1980. С. 208–216 = 王健群. 渤海贞惠公主墓碑考. 文物集刊. 北京: 文物出版社. 1980. С. 208-216.

Ван Чжиган, Чжан Сюжун, Линь Шисян. Две идеи о бохайском мавзолее Чжэньлинь // История и география Северо-востока (Дун бэй ши ди). 2009. (4). С. 35–38. = 王志刚, 张秀荣, 林世香. 关于渤海“珍陵”的两点认识. 东北史地, 2009. (4). 35-38.

Ван Чжиган. Археологическое объяснение о «домиках над погребениями» – изучение бохайских надмогильных сооружений // Археология (Каогу). 2014. (6). С. 78–91 = 王志刚. “冢上作屋”的考古学诠释——渤海墓上建筑研究. 考古, 2014. (6). С. 78–91.

Ван Чжиган. «Домики над погребениями» и жертвоприношение перед погребениями – Изучение бохайских подходов к жертвоприношениям // Сборник к 70-летию господина Вэй Суньчэна. Пекин : Наука, 2015. С. 317–324 = 王志刚. 冢上作屋与墓前祭祀——渤海墓祭方式研究. 庆祝魏存成先生七十岁论文集. 北京: 科学出版社, 2015. С. 317–324.

Ван Чэнли, Цао Чжэнжун. Древний бохайский могильник Людиншань в уезде Дуньхуа провинции Цзилинь // Археология (Каогу). 1961. (6). С. 298–301 = 王承礼, 曹正榕. 吉林敦化六顶山渤海古墓. 考古, 1961. (6). С. 298–301.

Ван Чэнли. Записи об исследовании бохайских погребений Людиншань города Дуньхуа // Social Science Front (Шэхуэй кэсюе чжаньсянь). 1979. (3). С. 200–210 = 王承礼. 敦化六顶山渤海古墓清理发掘记. 社会科学战线. 1979. (3). С. 200–210.

Ван Чэнли. Сравнительное изучение надписей стел на погребениях бохайских принцесс Чжэнь-хуэй и Чжэнь-сяо танского периода // Фронт социальной науки (Шэхуэй кэсюе чжаньсянь). 1982. (3). С. 181–187 = 王承礼. 唐代渤海<贞惠公主墓志>和<贞孝公主墓志>的比较研究. 社会科学战线, 1982. (3). С. 181–187.

Ван Чэнли. Изучение текста стелы на погребении принцессы Чжэнь-сяо бохайского государства танского периода (I) // Музейные исследования (Боугуань яньцзю). 1984а. (2). С. 40–49 = 王承礼. 唐代渤海国“贞孝公主墓志”研究(上). 博物馆研究. 1984а. (2). С. 40–49.

Ван Чэнли. Изучение текста стелы на погребении принцессы Чжэнь-сяо бохайского государства танского периода (II) // Музейные исследования (Боугуань яньцзю). 1984b. (3). С. 28–36 = 王承礼. 唐代渤海国“贞孝公主墓志”

Bai Miao, Li Qiang. (2015) “Building house over the tumulus” of Wuji and the Tomb building of Bohai - and the discussion of covering tiles on the burials of Koguryo. *Collected papers celebrating the 70th Birthday of Mr. Wei Cuncheng* = 庆祝魏存成先生七十岁论文集. 北京: 科学出版社. 2015. P. 306–316. (In Chinese).

Wang Xia. (1985) Tombs of Princess Zhenhui and Zhenxiao. *Study & Explorion* = 学习与探索. 1985. (4). P. 138-143. (In Chinese).

Wang Jianqun. (1980) Research on the Tombstone of Princess Zhenhui of Bohai. *Collection of Cultural Relics* = 文物集刊. 北京: 文物出版社, 1980. P. 208–216. (In Chinese).

Wang Zhigang, Zhang Xiurong, Lin Shixiang. (2009) Two understandings about the Tomb “Zhenling” of Bohai = 东北史地. 2009. (4). P. 35–38. (In Chinese).

Wang Zhigang. (2014) The archaeological interpretation of “building house over the Tumulus” - the study on the above-ground tomb structures of Bohai kingdom. *Archaeology* = 考古. 2014. No. 6. P. 78–91. (In Chinese).

Wang Zhigang. (2015) “Building house over the tumulus” and sacrifice in front of the tomb - the study on the way of tomb offering in Bohai State. *Collected papers celebrating the 70th Birthday of Mr. Wei Cuncheng* = 庆祝魏存成先生七十岁论文集. 北京: 科学出版社, 2015. P. 317–324. (In Chinese).

Wang Chengli, Cao Zhengrong. (1961) The ancient burials of Bohai on Liuding Mountain, Dunhua, Jilin. *Archaeology* = 考古. 1961. (6). P. 298–301. (In Chinese).

Wang Chengli. (1979) The record of excavation research in Ancient Tombs of Bohai on Liuding Mountain, Dunhua. *Social Science Front* = 社会科学战线, 1979. (3). P. 200–210. (In Chinese).

Wang Chengli. (1982) The comparative study of “The Epitaph of Princess Zhenhui” and “The Epitaph of Princess Zhenxiao” of Bohai of the Tang Dynasty. *Social Science Front* = 社会科学战线. 1982. (3). P. 181–187. (In Chinese).

Wang Chengli. (1984) The study of “The Epitaph of Princess Zhenxiao” of Bohai of the Tang Dynasty (I). *Study of museum* = 博物馆研究. 1984. (2). P. 40–49. (In Chinese).

Wang Chengli. (1984) The study of “The Epitaph of Princess Zhenxiao” of Bohai of the Tang Dynasty (II). *Study of museum* = 博物馆研究. 1984. (3). P. 28–36. (In Chinese).

研究 (中). 博物馆研究. 1984b. (3). С. 28–36.

Ван Чэнли. Изучение текста стелы на погребении принцессы Чжэнь-сяо бохайского государства в танского периода (III) // Музейные исследования (Боугуань яньцзю). 1985. (1). С. 55–64 = 王承礼. 唐代渤海国“贞孝公主墓志”研究 (下). 博物馆研究. 1985. (1). С. 55–64.

Вэй Цуньчэн. Бохайские погребения членов королевского дома и аристократии // Сборник сочинений третьего годового собрания Археологического общества Китая. Пекин : Изд-во Вэнь у чубаньшэ. 1981. С. 258–264 = 魏存成. 渤海王室贵族墓葬. 中国考古学会第三次会议年会论文集. 北京: 文物出版社, 1981. С. 258–264.

Вэй Цуньчэн. Археология Бохая. Пекин : Изд-во Вэнь У чубаньшэ. 2008a. 309 с. = 魏存成. 渤海考古. 北京: 文物出版社, 2008a. 309 с.

Вэй Цуньчэн. Общий образ и главные характеристики бохайских погребений // История и география Северо-Востока (Дунбэй шиди). 2008b. (4). С. 15–19 = 魏存成. 渤海墓葬的整体面貌和主要特征. 东北史地. 2008. (4). С. 15–19.

Вэй Цуньчэн. Эволюция бохайских погребений и национальные составы населения в раннем периоде Бохая // Вестник общественных наук Цзилиньского университета. 2014. (2). С. 122–128 = 魏存成. 渤海墓葬演变与渤海初期人口的民族构成. 吉林大学社会科学学报. 2014. (2). С. 122–128.

Вэй Цуньчэн. Ещё раз о вопросах, связанных с погребениями членов королевского дома и аристократии // Сборник сочинений археологии Когурё и Бохая. Пекин : Изд-во Вэнь у чубаньшэ. 2015. С. 391–400 = 魏存成. 渤海王室贵族墓葬及相关问题再探讨. 高句丽渤海考古论集. 北京: 科学出版社, 2015. С. 391–400.

Институт археологии Китайской академии общественных наук. Людиншань и Бохайчжэнь. Пекин : Изд-во большая энциклопедия Китая (Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ), 1997. 268 с. = 中国社会科学院考古研究所. 六顶山与渤海镇: 唐代渤海国的贵族墓地与都城遗址. 北京: 中国大百科全书出版社, 1997. 268 с.

Институт культурных ценностей и археологии провинции Хэйлунцзян. Отчёт об исследовании бохайского могильника на территории Хунцзуньюйчан г. Нинъань с 1992 г. по 1995 г. Пекин : Изд-во Вэнь У чубаньшэ. 2009. 548 с. = 黑龙江省文物考古研究所. 宁安虹鳟鱼场: 1992-1995年度渤海墓地考古发掘报告. 北京: 文物出版社, 2009, 548 с.

Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Кабинет комитета управления культурным наследием Яньбяньского корейского национального автономного округа. Краткий отчёт об исследовании бохайского могильника членов королевского дома Лунхай в г. Хэлун провинции Цзилинь // Археология (Каогу). 2009. (6). С. 23–39 = 吉林省文物考古研究所, 延边朝鲜族自治州文物管理委员会办公室. 吉林和龙市龙海渤海王室墓葬发掘简报. 2009. (6). С. 23–39.

Институт культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь, Управление культурным наследием г. Дуньхуа. Отчёт об исследовании бохайского могильника

Wang Chengli. (1985) The study of “The Epitaph of Princess Zhenxiao” of Bohai of the Tang Dynasty (III). Study of museum = 博物馆研究. 1985. (1). P. 55–64. (In Chinese).

Wei Cuncheng. (1981) The royal family tombs of Bohai. Collected Papers at the 3th Annual Chinese Archaeology Meeting. Beijing: Cultural Relics Press. = 中国考古学会第三次会议年会论文集. 北京: 文物出版社. 1981. P. 258–264. (In Chinese).

Wei Cuncheng. (2008) Archaeology of Bohai. Beijing: Cultural Relics Press = 北京: 文物出版社, 2008. 309 p. (In Chinese).

Wei Cuncheng. (2008) The overall appearance and main features of burials of Bohai. History and Geography of Northeast = 东北史地. 2008. (4). P. 15–19. (In Chinese).

Wei Cuncheng. (2014) On the evolvement of Bohai tombs and ethnic composition during the early days of Bohai regime. Jilin University Journal Social Sciences Edition = 吉林大学社会科学学报. 2014. (2). P. 122–128. (In Chinese).

Wei Cuncheng. (2015) Rediscovery of the tombs of royal family in Bohai and relevant issues. The Collection of Goguryeo and Bohai Archeology. Beijing: Science Press = 高句丽渤海考古论集. 北京: 科学出版社, 2015. P. 391–400. (In Chinese).

Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences. (1997) Liudingshan and Bohaizhen: Aristocratic cemetery and capital site of the Bohai state, Tang dynasty. Beijing: Encyclopedia of China Publishing House = 北京: 中国大百科全书出版社, 1997. 268 p. (In Chinese).

Heilongjiang Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology. (2009) Report of the Bohai burials on the fishing ground of rainbow trout in Ning'an from 1992 to 1995. Beijing: Cultural Relics Press = 北京: 文物出版社, 2009. 548 p. (In Chinese).

Jilin Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, Office of the Yanbian Korean Nationality Autonomous Prefecture Commission for the Preservation of Ancient Monuments. (2009) Excavation of royal family tombs of Bohai at Longhai in Helong City, Jilin. Archaeology = 考古. 2009. (6). P. 23–39. (In Chinese).

Jilin Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, Cultural Relics Management Office of Dunhua. (2012) Report of the Bohai burials on Liuding mountain from 2004 to

Людиншань с 2004 г. по 2009 г. Пекин : Изд-во Вэнь У чубаньшэ. 2012. 219 с. = 吉林省文物考古研究所, 敦化市文物管理所. 六顶山渤海墓葬: 2004 - 2009年清理发掘报告. 北京: 文物出版社, 2012. 219 С.

Комитет по управлению памятниками культуры Яньбяньского корейского национального автономного округа, Национальный краеведческий музей Яньбяньского корейского национального автономного округа. Бохайское погребение в селе Лунху уезда Хэлун провинции Цзилинь // Исследование музея (Боугуань яньцзю). 1993. (1). С. 73–78 = 延边朝鲜族自治州文物管理委员会, 延边朝鲜族自治州博物馆. 吉林省和龙渤海墓葬. 博物馆研究, 1993. (1). С. 73–78.

Ли Дяньфу. Сравнительное изучение фресок в погребении бохайской принцессы Чжэнь-сяо танского периода и в погребениях Когурё // Памятники культуры Хэйлунцзяна (Хэйлунцзян вэньу цункань). 1983. (2). С. 38–42 = 李殿福. 唐代渤海贞孝公主墓壁画与高句丽壁画比较研究. 黑龙江文物丛刊, 1983. (2). С. 38–42.

Ли Цян. Знакомство с «домиками над погребениями» Уди и Бохая, Сборник Синьгоуди к 70-летию господина Линь Юнь // Пекин : Наука, 2008. С. 543–548 = 李强. 勿吉与渤海冢上作屋初识. 新果集——庆祝林运先生七十华诞论文集. 北京: 科学出版社. 2008. С. 543–548.

Ли Шуэй. Еще раз об эволюциях форм бохайских погребений // Памятники культуры севера (Бэйфан вэньу). 2005. (1). С. 35–45 = 李蜀蕾. 渤海墓葬类型演变再探讨. 北方文物, 2005. (1). С. 35–45. <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2005.01.007>.

Ло Цицизу. Стелы бохайских принцесс Чжэнь-хуэй и Чжэнь-сяо // Исследование музея (Боугуань яньцзю). 1983. (3). С. 38 = 罗继祖. 渤海贞惠贞孝两公主的墓碑. 博物馆研究, 1983. (3). С. 38.

Лю Сяодун. Вопросы, связанные с мавзолеями бохайских королей и соответствующими вопросами // Сборник к 70-летию господина Чжан Чжунпэй. Пекин : Наука (Кэсюэ чубаньшэ). 2004. С. 538–548 = 刘晓东. 渤海王陵及相关问题. 庆祝张忠培先生七十岁论文集. 北京: 科学出版社. 2004. С. 538–548.

Лю Сяодун. Продолжение обсуждения вопросов, связанных с мавзолеями бохайских королей // Памятники культуры севера (Бэйфан вэньу). 2012. (3). С. 40–49 = 刘晓东. 渤海王陵及相关问题续论. 北方文物, 2012. (3). С. 40–49. <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2012.03.005>.

Лю Сяодун. Еще раз о теме бохайского мавзолея Чжэньлинь – к 50-летию со дня гибели господина Цзинь Юфу // Памятники культуры севера (Бэйфан вэньу). 2013. (3). С. 36–42 = 刘晓东. 渤海“珍陵”问题的再探讨——纪念金毓黻先生逝世 50 周年. 北方文物, 2013. (3). С. 36–42. <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2013.03.022>.

Лю Сяодун. Дополнительные замечания о датировке начала строительства храмов № 8 и №. 9 за северным валом Верхней столицы Бохая // Изучение археологии в приграничном районе. Пекин : Наука (Кэсюэ чубаньшэ), 2019. Вып. 25. С. 383–393 = 刘晓东. 关于渤海上京城北垣外侧 8、9 号寺庙址始建年代的补充说明. 边疆考古研究 (第

2009. Beijing: Cultural Relics Press = 北京: 文物出版社, 2012. 219 p. (In Chinese).

The Heritage Management Committee of Yanbian Autonomous Prefecture of Korean Ethnic Minority, Museum of Yanbian Autonomous Prefecture of Korean Ethnic Minority. (1993) The tomb of Bohai in Longhu, Helong, Jilin. Museum Research = 博物馆研究, 1993. (1). P. 73–78. (In Chinese).

Li Dianfu. (1983) The comparative study of the murals in tomb of Bohai Princess Zhenxiao and Goguryeo in the Tang Dynasty. Heilongjiang Cultural Relics Series = 黑龙江文物集刊. 1983. (2). P. 38–42. (In Chinese).

Li Qiang. (2008) The preliminary study on “Building house over the tumulus” of Wuji and Bohai. Xinguoji - Collected papers celebrating the 70th Birthday of Mr. Lin Yun = 新果集——庆祝林运先生七十华诞论文集. 北京: 科学出版社, 2008. P. 543–548. (In Chinese).

Li Shulei. (2005) Remarks on the Evolution of Bohai Tombs. Northern Cultural Relics = 北方文物. 2005. (1). P. 35–45. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2005.01.007>.

Luo Jizu. (1983) The tombstones of Princess Zhenhui and Zhenxiao in Bohai State. Museum Research = 博物馆研究. 1983. (3). P. 38. (In Chinese).

Liu Xiaodong. (2004) Royal tombs in Bohai Kingdom and related issues. Collected papers celebrating the 70th Birthday of Mr. Zhang Zhongpei. = 庆祝张忠培先生七十岁论文集. 北京: 科学出版社. 2004. P. 538–548. (In Chinese).

Liu Xiaodong. (2012) Continuing Study on the Bohai Kingdom Mausoleums and some related problems. Northern Cultural Relics = 北方文物. 2012. (3). P. 40–49. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2012.03.005>.

Liu Xiaodong. (2013) Review of the Problem on Zhen Mausoleum of Bohai Kingdom—To Commemorate the 50 Anniversary of the Death of Mr. Jin Yufu. Northern Cultural Relics = 北方文物. 2013. (3). P. 36–42. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2013.03.022>.

Liu Xiaodong. (2019) Supplement of the Date of No.8 and No.9 Temple Site, Outside the North Wall, Shangjing Site, Bohai State. Research of China's Frontier Archaeology (25) = 边疆考古研究 (第 25 辑). 北京: 科学出版社, 2019. P. 383–393. (In Chinese).

25辑). 北京: 科学出版社. 2019. С. 383–393.

Лю Сяодун. Классификация форм бохайских погребений и их эволюция // Памятники культуры севера (Бэйфан вэнь). 1996. (2). С. 32–37 = 刘晓东. 渤海墓葬的类型与演变 // 北方文物. 1996. (2). С. 32–37. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.1996.02.011>.

Лю Сяодун, Фу Е. Предварительное изучение датировки погребения Саньлиньфэн и корреспонденция умершего в нём // Памятники культуры севера (Бэйфан вэнь). 1992. (1). С. 30–35 = 刘晓东, 付晔. 试论三灵坟的年代与墓主人身份. 北方文物, 1992. (1). С. 30–35. <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.1992.01.005>.

Национальный краеведческий музей Яньбяньского корейского национального автономного округа. Краткий отчет об исследовании могильника бохайской принцессы Чжэньсяо // Фронт социальной науки (Шэхуэй кэсюе чжаньсянь). 1982. (1). С. 174–180 = 延边朝鲜族自治州博物馆. 渤海贞孝公主墓发掘清理简报. 社会科学战线, 1982. (1). С. 174–180.

Отряд по работе с культурными ценностями провинции Цзилинь, Музей города Цзилинь, Управление культуры в уезде Юнцзи. Третий сезон раскопок памятника Янтунь в Юнцзи провинции Цзилинь // Сборник археологии (Каогюсю цзикань: Изд-во Кэсюэ). 1991. Вып. 7. С. 23–50 = 吉林省文物工作队, 吉林市博物馆, 永吉县文化局. 吉林永吉杨屯遗址第三次发掘. 考古学集刊(七). 北京: 科学出版社, 1991. С. 23–50.

Пэн Шаньго, Ван Лэлэ. Синекдоха погребальных традиций Бохая // Изучение районированная культура (Диюй вэньхуа яньцзю). 2021. (5). С. 86–91 = 彭善国, 王乐乐. 渤海葬俗举隅. 地域文化研究, 2021. (5). С. 86–91.

Фан Сюэфэн. Предварительное рассуждение о групповых погребениях в Бохое // Вестник Яньбяньского университета (философия и общественные науки). 1991. (1). С. 73–78 = 方学凤. 试谈“渤海多人葬”. 延边大学学报(哲学社会科学版), 1991. (1). С. 73–78.

Фэн Эньсюе, Ван Чуньянь. Загадка мохэских трупосожжений // Изучение археологии в пограничном районе. Пекин : Изд-во Наука (Кэсюэ чубаньшэ). 2013. Вып. 14. С. 263–269 = 冯恩学, 王春燕. 鞞鞞的火焚葬之谜. 边疆考古研究(第14辑). 北京: 科学出版社, 2013, С. 263–269.

Хоу Лиминь, Ли Цян. Новое изучение о Чжэньлинь Бохая // Памятники культуры севера (Бэйфан вэнь). 2002. (2). С. 32–36 = 侯莉闽, 李强. 渤海珍陵新探. 北方文物. 2002. (2). С. 32–36. <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2002.02.008>.

Хуа Ян. Исследование погребений Бохая : дис... канд. ист. наук. Чанчунь : Цзилиньский университет, 2015. 249 с. = 华阳. 渤海墓葬研究. 长春: 吉林大学博士学位毕业论文, 2015. 249 с.

Цзинь Тайшунь. Несколько проблем в изучении бохайских погребений // Археология (Каогу). 1997. (2). С. 17–46 = 金太顺. 渤海墓葬研究中的几个问题 // 考古. 1997. (2). С. 17–46.

Liu Xiaodong. (1996). The types and evolution of burials in Bohai State. Northern Cultural Relics = 北方文物. 1996. (2). P. 32–37. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.1996.02.011>.

Liu Xiaodong, Fu Ye. (1992) On the age of Sanling Tomb and the identity of tomb owner. Northern Cultural Relics = 北方文物. 1992. (1). P. 30–35. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.1992.01.005>.

Museum of Yanbian Autonomous Prefecture of Korean Ethnic Minority. (1982) The brief report on the excavation of the tomb of Princess Zhenxiao in Bohai State. Social Science Front = 社会科学战线. 1982. (1). P. 174–180. (In Chinese).

Culture-relics Working-group of Jilin Province, Museum of Jilin City, Yongji County Bureau of Culture. (1991) The third excavation of Yangtun site in Yongji, Jilin. Archaeological Collectanea (7) = 考古学集刊(七). P. 23–50. (In Chinese).

Peng Shanguo, Wang Lele. (2021) Examples of Bohai Burial Customs. Regional culture research = 地域文化研究. 2021. (5). P. 86–91. (In Chinese).

Fang Xuefeng. (1991) On “multiple burials in Bohai State”. Journal of Yanbian University (Social Sciences) = 延边大学学报(哲学社会科学版). 1991. (1). P. 73–78. (In Chinese).

Feng Enxue, Wang Chunyan. (2013) The Riddle of the Mohe Cremation. Research of China's Frontier Archaeology (14) = 边疆考古研究(第14辑). 北京: 科学出版社, 2013. P. 263–269. (In Chinese).

Hou Minli, Li Qiang. (2002) A New Study on the Bohai Zhen Mausoleum. Northern Cultural Relics = 北方文物. 2002. (2). P. 32–36. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2002.02.008>.

Hua Yang. (2015) Research on the tombs of Bohai period. Doctoral Dissertations of Jilin University. Changchun: Jilin University = 长春: 吉林大学博士学位毕业论文, 2015. 249 p. (In Chinese).

Jin Taishun. (1997) Several problems in the study of burial in Bohai State. Archaeology = 考古. 1997. (2). P. 17–46. (In Chinese).

Цзинь Юфу. Дополнение к статье «Изучение стел бохайской принцессы Чжэнь-хуэй» // Вестник археологии (Каогусюэбао). 1956. (6). С. 75–78 = 金毓黻: 关于«渤海贞惠公主墓碑研究»的补充. 考古学报. 1956. (6). С. 75–78.

Цзоу Сююй. Исследование и комментирование текста и предисловия стелы принцессы Чжэнь-сяо // Сборник материалов культурных ценностей Яньбянь. Яньцзи : Изд-во народа Яньбянь, 1983. С. 66–81 = 邹秀玉. 渤海贞孝公主墓志并序考释. 延边文物资料汇编. 延吉: 延边人民出版社, 1983. С. 66–81.

Цянь Цянь, Бао Шугуан, Лю Сяодун. Изучения погребальных традиций бохайских несовершеннолетних // Памятники культуры севера (Бэйфан вэнью). 2022. (2). С. 39–46 = 倩倩, 包曙光, 刘晓东. 渤海未成年人埋葬习俗研究. 北方文物. 2022 (2). С. 39–46. <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2022.02.008>.

Чжан Сябин. Краткий отчет об исследовании фундамента бохайской пагоды Мадида г. Хуньчунь // Исследование музея (Боугуань яньцзю). 1984. (2). С. 91–94 = 张锡瑛. 琿春马滴达渤海塔基清理简报. 博物馆研究. 1984. (2). С. 91–94.

Чжао Цзюньцзе, Ма Цинлинь. Датировка района Лунхай могильника Лунтоушань в уезде Хэлун и соответствующие вопросы. Сборник третьей научной конференции молодых ученых по археологии Когурё и Бохая. Внутреннее издание. 2021. С. 202–228 = 赵俊杰, 马庆林. 和龙头山墓群龙海墓区的时代及相关问题, 第三届高句丽渤海研究青年学者工作坊学术研讨会会议论文集. 内部资料. 2021. С. 202–228.

Чжи Шэнюань. Предположительное обсуждение о фреске погребения принцессы Чжэнь-сяо // Сборник материалов культурных ценностей Яньбянь. Яньцзи : Изд-во народа Яньбянь, 1983. С. 57–65 = 池升元. 浅谈渤海贞孝公主墓壁画. 延边文物资料汇编. 延吉: 延边人民出版社, 1983. С. 57–65.

Чжэн Юнчжэнь. Изучение бохайских погребений // Сборник памятника культуры Хэйлунцзяна (Хэйлунцзян вэнью цункань). 1984. (2). С. 4–14 = 郑永振. 渤海墓葬研究. 黑龙江文物丛刊. 1984. (2). С. 4–14.

Чжэн Юнчжэнь, ЯньЧанлу. О бохайских погребениях // Изучение бохайских погребений. Чанчунь : Изд-во Цилинь жэньминь чубаньшэ, 2000. С. 90–159 = 郑永振, 严长录. 论渤海墓葬 // 渤海墓葬研究. 长春: 吉林人民出版社, 2000. С. 90–159.

Янь Ваньчжан. Изучение стелы бохайской принцессы Чжэнь-хуэй // Вестник археологии (Каогу сюэбао). 1956. (2). С. 69–73 = 阎万章. 渤海“贞惠公主墓碑”的研究. 考古学报. 1956. (2). С. 69–73.

Яньбянский музей. Отчёт об археологических исследованиях бохайских погребений в Дунцине // Изучение бохайских погребений. Чжанчунь : Изд-во Цилинь жэньминь чубаньшэ, 2000. С. 251–288 = 延边博物馆. 东清渤海墓葬发掘报告. 渤海墓葬研究. 长春: 吉林人民出版社, 2000. С. 251–288.

Jin Yufu. (1956) Supplement of “Study on the Tombstone of Princess Zhenhui in Bohai State”. Acta Archaeologica Sinica = 考古学报. 1956. (6). P. 75–78. (In Chinese).

Zou Xiuyu. (1983) The Study on epitaph and preface of Princess Zhenxiao in Bohai State. Compilation of Yanbian cultural relics data = 延边文物资料汇编. 延吉: 延边人民出版社, 1983. P. 66–81. (In Chinese).

Qian Qian, Bao Shuguang, Liu Xiaodong. (2022) Research on burial customs of minors in Bohai State. Northern Cultural Relics = 北方文物. 2022. (2). P. 39–46. (In Chinese). <https://doi.org/10.16422/j.cnki.1001-0483.2022.02.008>.

Zhang Xiyin. (1984) The brief report of Madida tower base of Bohai State in Hunchun. Museum Research = 博物馆研究. 1984. (2). P. 91–94. (In Chinese).

Zhao Junjie, Ma Qinglin. (2021) The age of the Longhai cemetery area of the Longtoushan cemetery group in Helong and the related issues. The collected papers of the 3rd Koguryo Bohai Research Young Scholars Workshop Academic Symposium = 第三届高句丽渤海研究青年学者工作坊学术研讨会会议论文集. 内部资料. 2021. P. 202–228. (In Chinese).

Chi Shengyuan. (1983) On the wall painting of Princess Zhenxiao's Tomb in Bohai State. Compilation of Yanbian cultural relics data = 延边文物资料汇编. 延吉: 延边人民出版社, 1983. P. 57–65. (In Chinese).

Zheng Yongzhen. (1984) Research of Bohai burials. Heilongjiang Cultural Relics Series = 黑龙江文物丛刊. 1984. (2). P. 4–14. (In Chinese).

Zheng Yongzhen, Yan Changlu. (2000) Discuss about the Bohai burials // Research of Bohai burials = 渤海墓葬研究. 长春: 吉林人民出版社, 2000. P. 90–159. (In Chinese).

Yan Wanzhang. (1956) Study on the “Tombstone of Princess Zhenhui” in Bohai State. Acta Archaeologica Sinica = 考古学报, 1956. (2). P. 69–73. (In Chinese).

Yanbian museum. (2000) Report on excavation of Bohai graves in Dongqing. Research of Bohai burials = 渤海墓葬研究. 长春: 吉林人民出版社, 2000. P. 251–288. (In Chinese).

Информация об авторе

Хэ Юймэн,
аспирантка сектора раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: heyumeng@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-7965-8156>

Вклад автора

Хэ Юймэн выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 июня 2023 г.; одобрена после рецензирования 10 октября 2023 г.; принята к публикации 23 октября 2023 г.

Information about the author

He Yumeng,
Doctoral candidate, Department of Early Medieval
Archaeology,
Institute of History, Archeology and Ethnology FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: heyumeng@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-7965-8156>

Contribution of the author

He Yumeng carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 8, 2023; approved after reviewing October 10, 2023; accepted for publication October 23, 2023.

Научная статья
УДК 903.5(517.3)
EDN: HWYAGI
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-93-106

Средневековые погребения у горы Яшил (Северная Монголия)

Д. Цэнд¹, Т.-О. Идэрхангай², А.А. Тишкин¹

¹ Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

² Монгольский национальный университет, г. Улаанбаатар, Монголия

Аннотация. В сентябре 2022 г. в рамках совместной монголо-русской экспедиции, организованной сотрудниками Монгольского национального университета и Алтайского государственного университета, проводились археологические исследования у горы Яшил (Орхонтуул сомон Сэлэнгэ аймака Монголии). В результате были раскопаны три захоронения монгольского времени. Курганы № 1 и 3 содержали неогранные погребения взрослых людей, а скелет ребенка в кургане № 2 оказался нарушенным. В могилах найдены берцовые кости овцы (?), что являлось важной чертой погребального ритуала. Помимо них обнаружены позвонки и лопатка мелкого рогатого скота. На правой части груди человека, погребенного в кургане № 1, зафиксирован фрагмент небольшого железного топора. В кургане № 3 были найдены остатки берестяного колчана, наконечник пальмы, панцирные пластины и другие предметы. Внешний вид и внутреннее устройство курганов у горы Яшил отражают основные черты монгольских погребений. При этом курган № 3 имел отличающиеся особенности. В статье представлены описания результатов раскопок и анализ полученных материалов, что позволяет провести сравнение с другими аналогичными археологическими объектами, исследованными на территории Северной Монголии и ближайших регионов. Отмечено, что предметы вооружения, обнаруженные на памятнике Яшил, упомянуты в известном труде Плано Карпини, который в 1240-е годы посетил Монгольскую империю. Находки у горы Яшил станут дополнительным материалом при соотношении письменных и археологических источников рассматриваемого периода. Кроме результатов раскопок кратко изложена история изучения погребальных памятников в Северной Монголии. К настоящему времени известны скальные захоронения и курганы на 41 археологическом комплексе.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, Северная Монголия, гора Яшил, курган, раскопки, монгольское время, топор, наконечник пальмы, панцирные пластины

Благодарности: авторы выражают благодарность участникам экспедиции за хорошую работу на раскопках.

Для цитирования: Цэнд Д., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А. Средневековые погребения у горы Яшил (Северная Монголия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 93–106. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-93-106>. EDN: HWYAGI.

Archaeology

Original article

Medieval burials near Mount Yashil (Northern Mongolia)

Dul Tsend¹, Tumor-Ochir Iderkhangai², Alexey A. Tishkin¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. In September 2022, as part of a joint Mongolian-Russian Expedition organized by the staff of the Mongolian National University and Altai State University, archaeological research was conducted near Mount Yashil (Orkhontuul Somon Selenge aimag of Mongolia). As a result, three burial mounds of Mongolian time were excavated. Mounds 1 and 3 contained unrobbed adult burials, while the skeleton of a child in mound 2 appeared to be disturbed. Sheep tibiae (?) were found in the graves, which was an important feature of the burial ritual. In addition to them, vertebrae and a shoulder blade of small horned cattle were found. A fragment of a small iron axe was found on the right side of the chest of a man buried in barrow No. 1. The remains of a

birch bark quiver, a palm tip, armor plates and other objects were found in barrow No. 3. The appearance and internal structure of the burial mounds at Mount Yashil reflect the main features of Mongolian burials. At the same time, barrow No. 3 had different features. The article presents descriptions of the excavation results and analysis of the obtained materials, which allows comparison with other similar archaeological sites investigated in Northern Mongolia and nearby regions. It is noted that the items of armor found at the Mount Yashil site are mentioned in the famous work of Plano Carpini, who visited the Mongol Empire in the 1240s. The findings at Mount Yashil will become additional material in correlating the written and archaeological sources of the considered period. In addition to the results of the excavations, the history of the study of funerary sites in Northern Mongolia is summarised. To date, rock burials and burial mounds are known at 41 archaeological complexes.

Keywords: Inner Asia, Northern Mongolia, Yashil Mountain, burial mound, excavations, Mongolian time, axe, palm tip, armor plates

Acknowledgements: the authors would like to thank the participants of the expedition for their good work on the excavations.

For citation: Tsend D., Iderkhangai T.-O., Tishkin A.A. (2023) Medieval burials near Mount Yashil (Northern Mongolia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 93-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-93-106>. EDN: HWYAGI.

Введение

В последние два десятилетия в Монголии проводятся интенсивные археологические исследования, в ходе которых существенно увеличился информационный потенциал, необходимый для исторических реконструкций. Важными являются результаты раскопок захоронений периода развитого Средневековья. Полученные материалы позволяют отразить специфику погребальных традиций у кочевого населения отдельных регионов Внутренней Азии на разных этапах существования Монгольской империи. В этом плане стоит уделить внимание Северной Монголии, где имеются необходимые археологические объекты. Данная территория пока изучена неравномерно (Цэнд, 2023), но имеющихся материалов достаточно для проведения комплексного анализа. К тому же исследования там продолжают. Отдельные результаты этого процесса найдут отражение в публикуемой статье.

В сентябре 2022 г. экспедицией, организованной сотрудниками Монгольского национального университета (г. Улаанбаатар) и Алтайского государственного университета (г. Барнаул), осуществлялись раскопки курганов монгольского времени у горы Яшил в Сэлэнгэ аймаке Монголии. Памятник Яшил был открыт в 2018 г. одним из авторов статьи (Т.-О. Идэрхангаем). Он находится в 4 км к югу от слияния рек Орхон и Туул, в 10 км к северо-западу от центра Орхонтуул сомона и в 8 км к юго-западу от уже известного археологического комплекса Их нуулэгт (рис. 1.1). Курганы располагаются у подножья западного склона указанной горы (рис. 1.2),

на правом берегу р. Туул. К югу и юго-востоку от них выявлены другие разновременные памятники (Идэрхангай, 2018. С. 14–17)¹.

Цель данной статьи – детально отразить характеристики трех раскопанных погребений для дальнейшего сравнительного анализа средневековых погребальных объектов в Северной Монголии.

История изучения погребальных памятников в Северной Монголии

К Северной Монголии относится территория таких современных аймаков, как Хубсугул, Булган, Орхон, Сэлэнгэ и Дархан-Уул. В 1979–1980 гг. отдельный отряд Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (далее – СМИКЭ) исследовал два кургана монгольского времени в долине р. Шувуутын (Бурэгхангай сомон Булган аймака). В результате на памятнике Зараа толгой были обнаружены важные научные материалы (остатки берестяного каркаса бокки, фрагмент бронзового зеркала с изображениями птиц, бусы, деревянный гребень, железные ножницы, пряслице). В 2007 г. монгольский археолог Х. Лхагвасурэн (Лхагвасурэн, 2007. С. 81. Рис. 56) опубликовал полученные сведения.

¹ Идэрхангай Т.-О. Отчет об археологических разведках курганов хунну, проведенных в некоторых районах Булганского, Центрального и Селенгинского аймаков (16–22 июля 2018 г.). Улаанбаатар, 2018. 41 с. (на монг. яз.). (Архив рукописей кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета; Монгольский национальный университет).

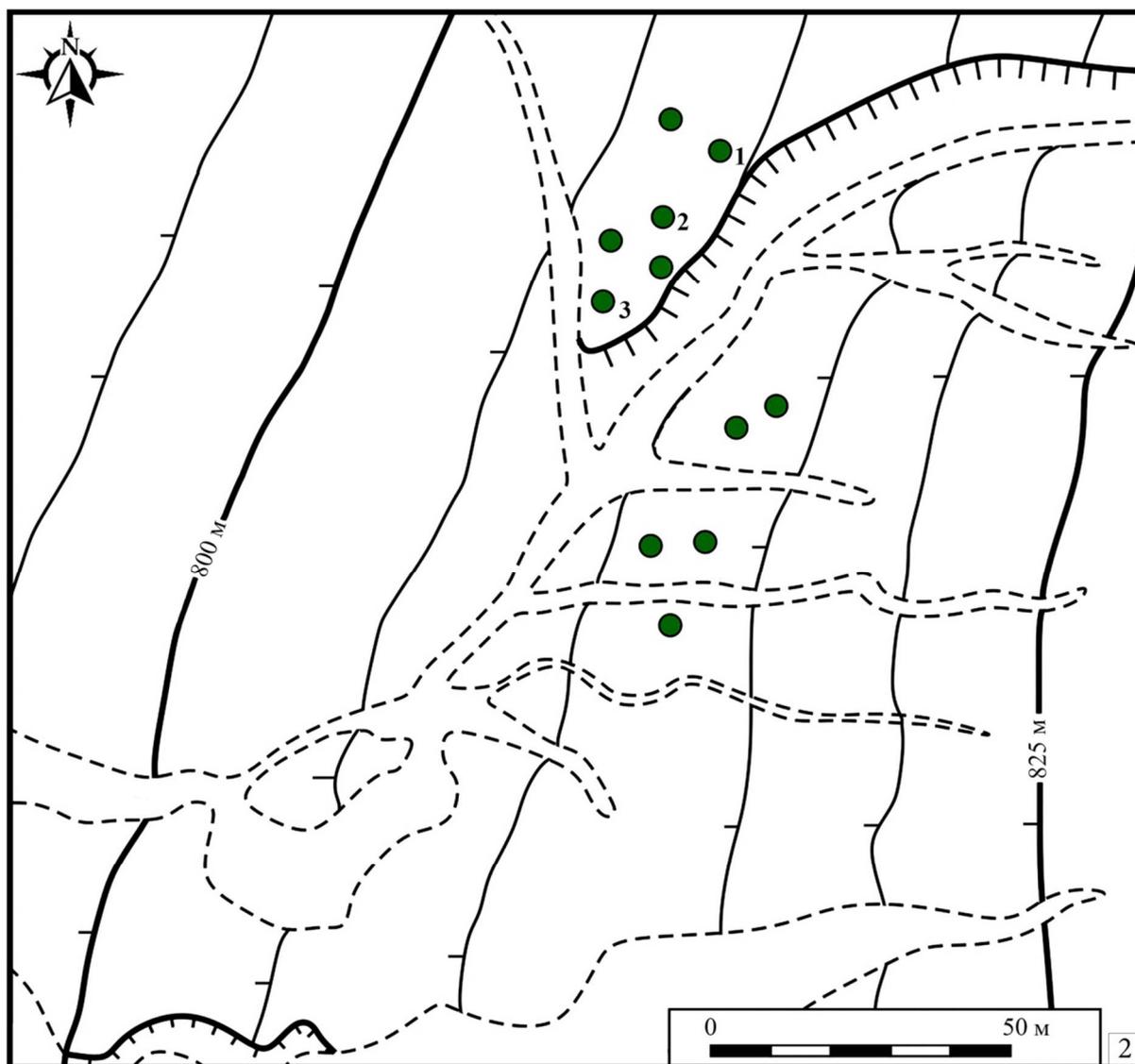
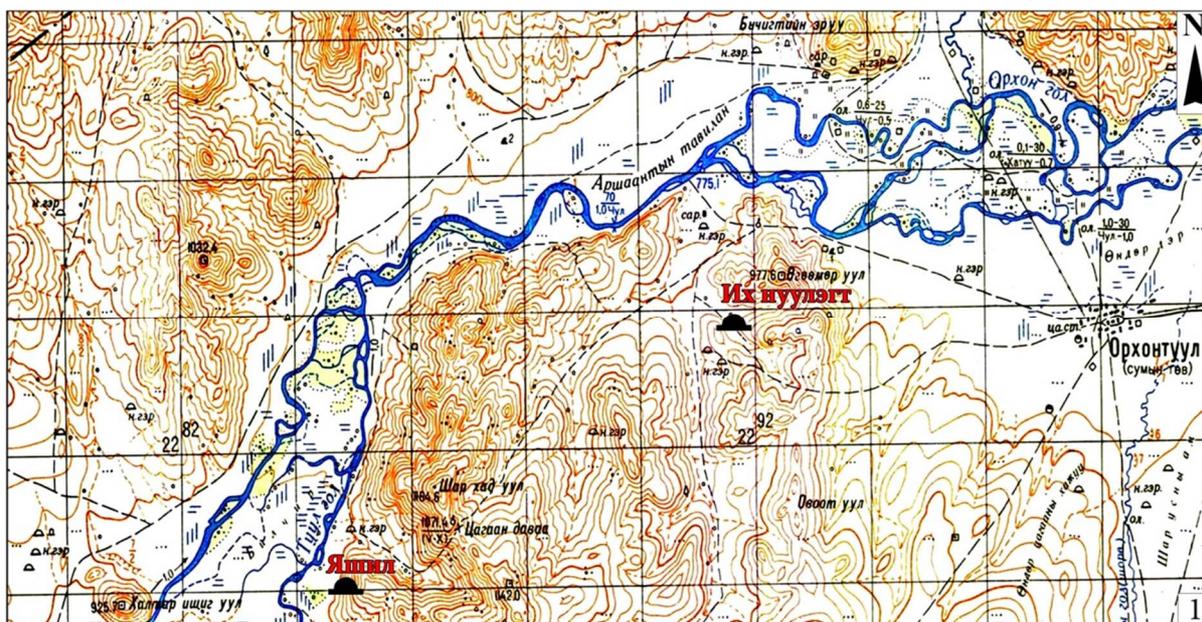

Рис. 1. Расположение археологического памятника у горы Яшил на карта-схеме (1) и план курганного могильника (2)
Fig. 1. Location of the archaeological site near Mount Yashil on the map-scheme (1) and plan of the burial mound (2)

В период с 1980 по 1984 г. экспедицией Института истории АН МНР под руководством Д. Наваана были раскопаны 20 курганов монгольского времени на горе Буурал в Хонгор сомоне Дархан-Уул аймака. В них найдено множество артефактов (бусы, бронзовые зеркала, берестяные изделия, различные украшения, пряслица, остатки костяной накладки, железные ножи и наконечники стрел). Четыре погребения оказались детскими. Результаты исследования на горе Буурал опубликовал Х. Лхагвасурэн (Лхагвасурэн, 1989).

Монгольские археологи Д. Наваан, Х. Лхагвасурэн в рамках СММКЭ и других экспедиций в Сэлэнгэ, Булган и Хубсугул аймаках в 1984 г. раскопали восемь курганов монгольского времени на горах Айд и Тээл в Хутаг-Ундур сомоне и на горе Айд в Бурэгхангай сомоне Булган аймака, а также один курган на памятнике Уртын ам в Тариалан сомоне Хубсугул аймака (Лхагвасурэн, 2007. С. 81–83). В том же году П.Б. Коновалов исследовал два курганы на памятниках Богчийн булан и Салхитын тохой в Галт сомоне Хубсугул аймака. В соответствии с типолого-хронологической классификацией средневековых погребальных комплексов Бурятии он соотнес их с саянтуйской культурой, датируемой XI–XIV вв. (Коновалов, 2017. С. 76–77. Рис. 8–9).

В начале 1990-х гг. было принято решение о строительстве гидроэлектростанции на р. Эгийн-гол в Хутаг-Ундур сомоне Булган аймака. Сотрудники Института истории МАН в период с 1991 по 2000 г. совместно с французскими и американскими исследователями проводили археологические обследования и раскопки на территории планировавшегося водохранилища. Было обнаружено 906 историко-культурных объектов, в том числе 71 курган и одно скальное захоронение монгольского времени. Из них раскопано более 30 погребений. В изданной монографии нашли отражение материалы 28 исследованных курганов на восьми памятниках (Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003. С. 119–131).

В 1996 г. монголо-американской экспедицией под руководством Л. Билэгта и З. Батсайхана произведены исследования четырех курганов интересующего нас периода на памятниках Борхустын энгэр и Бичигтэй эруу (Билэгт, Батсайхан, Амартувшин, 2021. С. 7–15).

В 2005 г. экспедицией Монгольского национального университета под руководством З. Бат-

сайхана раскопаны в общей сложности девять курганов монгольского времени на памятниках Карниковын ам и Орхон, которые находятся в долинах рек Еруу и Бургалтай на территории Сэлэнгэ аймака (Батсайхан, Улзийбаяр, 2006. С. 58–65).

В 2008–2009 гг. монголо-российской экспедицией под руководством А.В. Харинского и Д. Эрдэнэбаатара были исследованы два курганы монгольского времени на могильнике Ногоон Гозгор-I в Северном Прихубсугулье. На основе полученных результатов сделан вывод, что культурные изменения, протекавшие во Внутренней Азии в начале II тыс. н. э., проявились в Северном Прихубсугулье с некоторым запозданием. Возможно, это было связано с противодействием жителей распространению имперского культурного влияния, проявившегося в том числе и в выработке схожей погребальной практики (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011. С. 110–119).

В 2014–2015 гг. возобновились планы строительства ГЭС на р. Эгийн-гол. Спасательные раскопки проводили сотрудники нескольких учреждений Монголии (Института археологии, Института истории, Улаанбаатарского университета, Монгольского университета науки и технологии, Монгольского национального музея). Всего в ходе работ исследовано 27 курганов монгольского времени (Идэрхангай, Тишкин, Оргилбаяр и др., 2020. С. 149). Результаты этих работ пока полностью не опубликованы.

Совместная монголо-российская экспедиция под руководством С. Оргилбаяра и А.В. Харинского провела археологические раскопки на памятниках Ногоон Гозгор-I, Зуун хярын дэнж I, Урд хярын дэнж I и II в Прихубсугулье в период с 2017 по 2019 гг. (Оргилбаяр, Эрдэнэбаатар, Харинский, 2018. С. 120; Оргилбаяр, Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2019a. С. 140–142; Оргилбаяр, Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2019b. С. 201–203; Харинский, Оргилбаяр, Коростелев и др., 2023). Исследователи раскопали в общей сложности 10 курганов монгольского времени.

В 2018 г. в Северной Монголии стала работать совместная экспедиция Улаанбаатарского университета и Алтайского государственного университета под руководством Т.-О. Идэрхангая и А.А. Тишкина. В том же году были раскопаны четыре курганы монгольского времени на памятниках Их хутул и

Элст хутул в долине р. Эгийн-гол на территории Хутаг-Ундур сомона Булган аймака (Идэрхангай, Тишкин, Оргилбаяр и др., 2020. С. 150–152; Тишкин, Идэрхангай, Цэнд и др., 2022. С. 219–223).

В 2018–2020 гг. команда монголо-американского проекта «Северная Монголия» под руководством археологов Ж. Баярсайхана и Ж. Кларка обследовала и раскопала 68 разграбленных курганов монгольского времени на горе Хориг в Улаан-Уул сомоне Хубсугул аймака. В трех погребениях найдены керамические сосуды с остатками пищи, в том числе топленого масла. На основе обнаруженных в ходе раскопок артефактов исследователи считают погребальный комплекс у горы Хориг кладбищем знатных людей периода Монгольской империи (Баярсайхан, Кларк, Тувшинжаргал и др., 2023. С. 30).

В 2020 г. сотрудники Монгольского национального музея, Института археологии, Института истории и этнографии, Национального центра культурного наследия и Монгольского университета науки и технологии под руководством Г. Эрэгзэна и Ж. Баярсайхана осуществляли археологические раскопки на памятниках Хориге, Их номте, Бага номте и Доод цахир в Хубсугул аймаке (Эрэгзэн, Баярсайхан, Хурэлсүх и др., 2020). Эти раскопки были продолжены в 2022 г. на горе Доод Цахир исследователями совместного монголо-американского проекта «Северный край» под руководством Ж. Баярсайхана и Ж. Кларка. В результате раскопаны 32 кургана монгольского времени (Эрэгзэн, Баярсайхан, Хурэлсүх и др., 2022).

На основе кратко представленной истории изучения одним из авторов статьи сформирована база данных, в которую вошли погребальные памятники XII–XIV вв., исследовавшиеся на территории Северной Монголии до 2022 года. Отмечены четыре скальных захоронения и более 240 курганов на 41 археологическом комплексе (Цэнд, 2023). Этих данных вполне достаточно для понимания региональной специфики погребальной обрядности у населения рассматриваемого региона в период существования Монгольской империи. Для более широких реконструкций необходимо продолжить обследования и раскопки. При этом важно ввести в научный оборот уже полученные материалы.

Характеристика погребений монгольского времени у горы Яшил

Географические координаты могильника Яшил, который расположен на высоте около 800 м над уровнем моря, получены с помощью GPS-приемника: 48° 54' 47,06" с. ш. и 104° 47' 30,06" в. д. Из шести невысоких курганов, зафиксированных на одной из площадок, были выбраны и раскопаны три объекта (рис. 1.2), которые располагались по линии ЮЗ–СВ.

Курган № 1 находился на северо-восточном крае памятника (рис. 1.2). На современной поверхности он представлял собой частично задернованное каменное сооружение размерами 2,78 x 2 м. После зачистки насыпи по периметру обозначились более крупные камни (рис. 2.1), которые формировали овальную конструкцию размерами 2,3 x 1,6 м и высотой 0,16–0,32 м. Их не было только в юго-западной части сооружения (рис. 2.2). Погребение взрослого человека выявлено на глубине 0,75 м в могиле, которая фиксировалась более темным пятном внутри кольцевой выкладки (рис. 2.2–3). Умершего положили на дно ямы (размерами 1,6 x 0,8 м) в вытянутом положении на спину, головой на северо-восток (рис. 2.3–5). Его голова слегка наклонилась вправо, а правая рука оказалась немного согнутой в локте. В районе груди человека обнаружен крупный фрагмент железного топора (рис. 2.4–6). Между скелетом и стенкой могилы на правой стороне лежали берцовая кость и лопатка, а под левой частью таза найдены три поясничных позвонка, вероятнее всего, овцы. Глубина могильной ямы составила 0,9 м (рис. 2.3).

Курган № 2 располагался в центре ряда из трех указанных объектов, в 12,7 м к юго-западу от предыдущего погребения (рис. 1.2). Частично задернованная каменная насыпь была слегка овальной формы, размерами 2,4 x 2 м и высотой 0,14 м. После ее зачистки наблюдались следы разрушений (рис. 3.1). Первоначальное положение сохранили только отдельные крупные камни крепиды (рис. 3.2). При выборке заполнения могилы на глубине 0,6 м появились человеческие кости (рис. 3.3). На дне ямы найдены фрагменты черепа и ребер, несколько фаланг, плечевая, берцовые и бедренные кости от человеческого скелета (рис. 3.4). Судя по размерам могилы и найденным остеологиче-

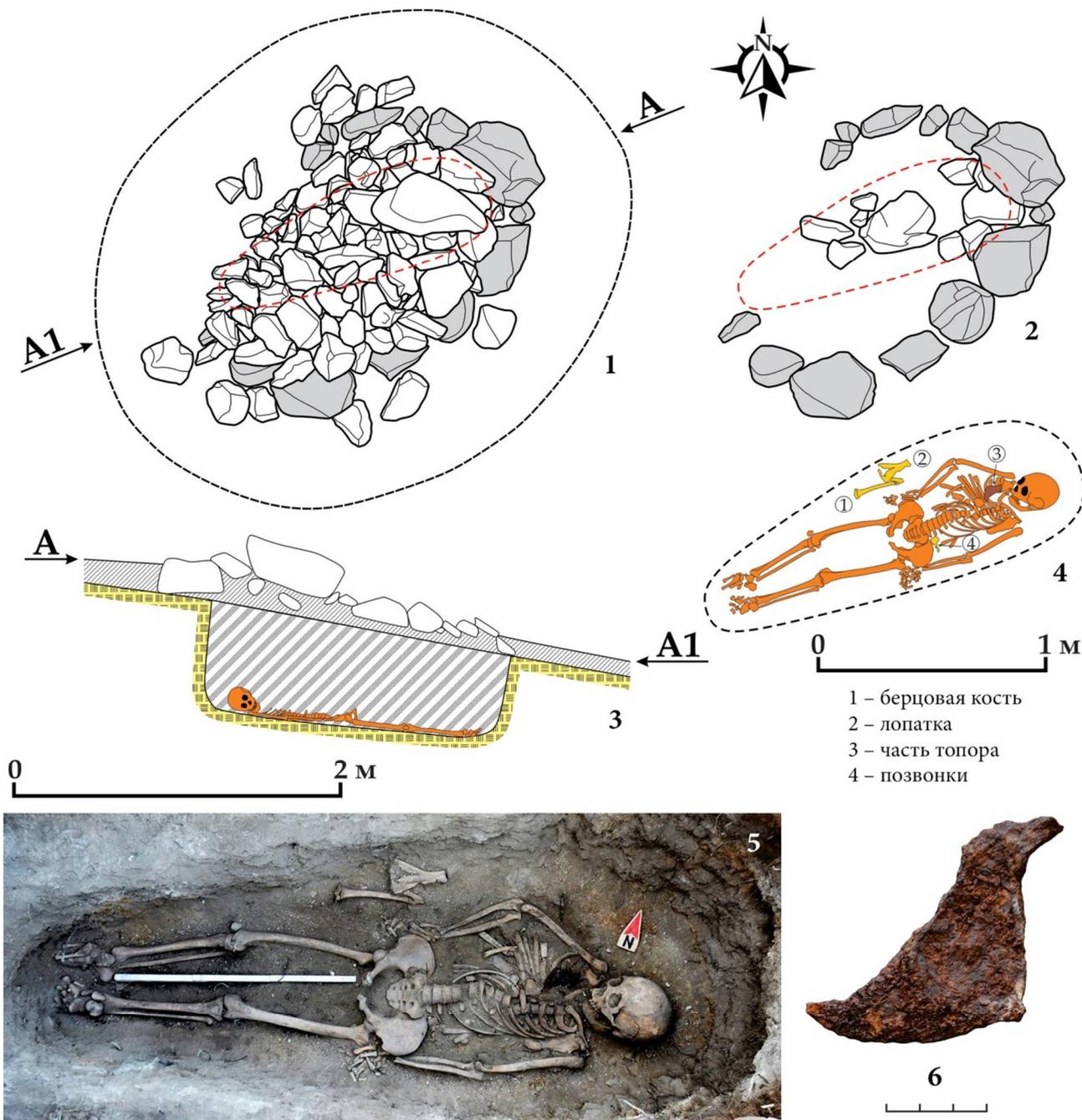

Рис. 2. Курган № 1: 1 – надмогильное сооружение; 2 – овальная выкладка из крупных камней; 3 – разрез погребения; 4 – план погребения; 5 – фотофиксация погребения; 6 – фрагмент топора

Fig. 2. Barrow No. 1: 1 - gravestone structure; 2 - oval lining of large stones; 3 - section of the burial; 4 - plan of the burial; 5 - photographic fixation of the burial; 6 - fragment of axe head

ским остаткам, в могиле был погребен ребенок, которого разместили на дне в вытянутом положении на спине, головой на восток. Слева от черепа обнаружена одна берцовая кость овцы (?), а на правой стороне ямы лежали два поясничных позвонка такого же животного. Глубина могилы составила 0,78 м (рис. 3.3).

Курган № 3 располагался на южном крае рассматриваемого могильника, в 12,4 м к юго-западу от предыдущего погребения (рис. 1.2). Частично задернованная насыпь овальной формы была ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Ее размеры до раскопок – 3,6 х 2,7 м. Эти параметры оказались относительно больше, чем у двух

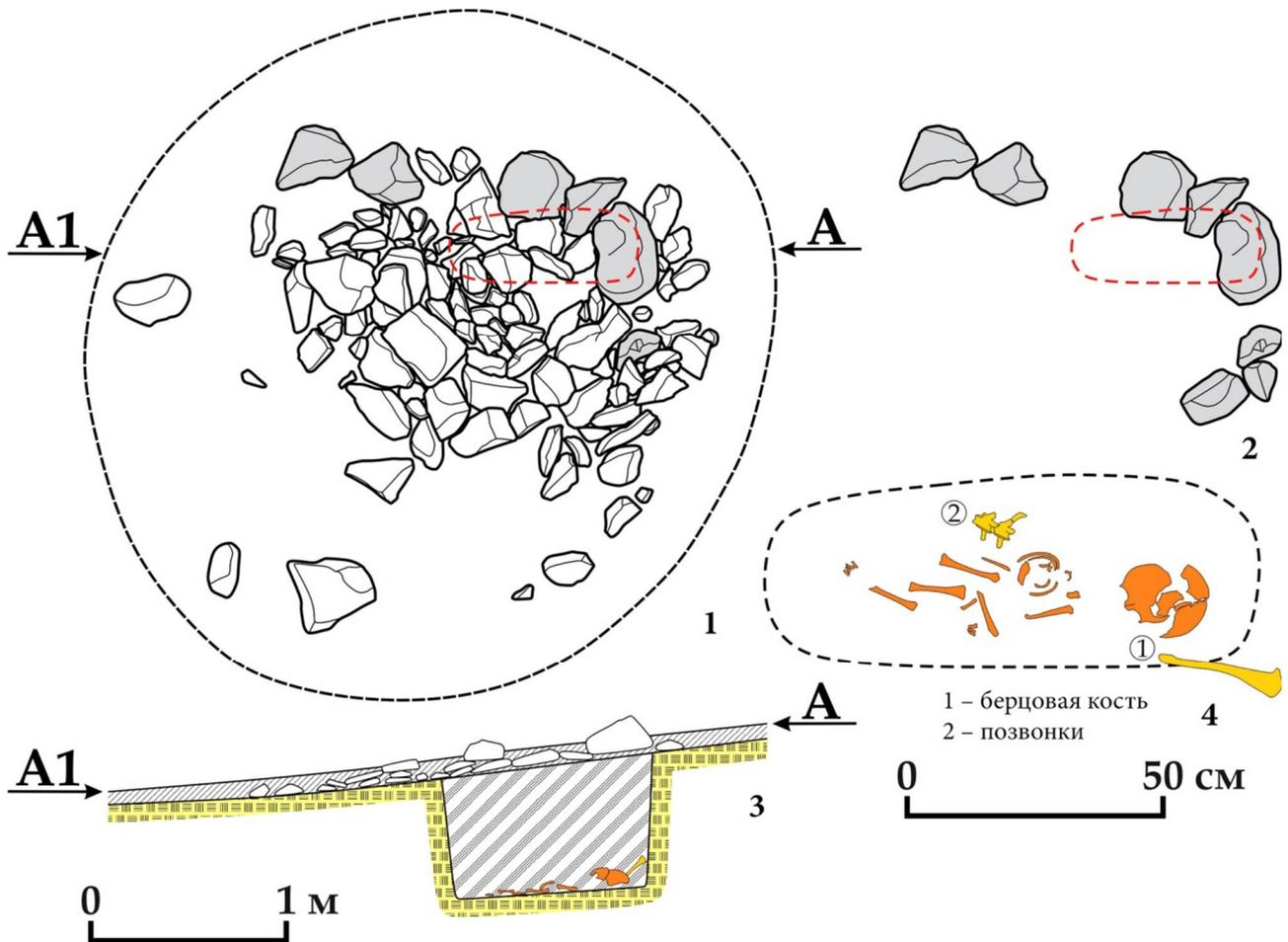

Рис. 3. Курган № 2: 1 – надмогильное сооружение; 2 – выкладка из крупных камней; 3 – разрез погребения;
 4 – план погребения; 5 – фотофиксация погребения

Fig. 3. Barrow No. 2: 1 - gravestone structure; 2 - lining of large stones; 3 - section of the burial;
 4 - plan of the burial;
 5 - photographic fixation of the burial

предыдущих раскопанных объектов. После зачистки надмогильного сооружения была выявлена овальная выкладка с кирпичом (размерами 2,9 x 1,9 м, высотой 0,1–0,23 м), внутри которой белым пятном фиксировался контур ямы (рис. 4.1–3). В

заполнении могилы оказались небольшие камни (рис. 4.2). Погребение появилось на глубине 1,5 м в небольшом подбье. Умершего человека положили на спину в вытянутом положении, головой на юго-восток у северо-восточной стенки ямы, размеры

которой составили 2,04 x 1,3 м (рис. 4.4–5). Голова покойника была слегка наклонена вправо, правая рука согнута в локте и кисть располагалась на бедре. У правой большой бедренной кости обнаружена берцовая кость, а также два поясничных позвонка овцы (?). Слева от скелета фиксировались фрагменты плохо сохранившегося берестяного колчана (рис. 4.6). Там же рядом найдены следующие железные изделия (рис. 4.4): наконечник пальмы (рис. 4.7), панцирные пластины (рис. 4.8–11) и другие изделия (рис. 4.12–13). Кроме этого, обнаружен фрагмент костяной (роговой) накладки на лук (рис. 4.14). Глубина могильной ямы составила 1,75 м (рис. 4.2).

Анализ полученных материалов

Курганы, раскопанные на могильнике у горы Яшил, имеют сходства с другими погребальными объектами XII–XIV вв. на территории Монголии (Лхагвасурэн, 2007) по внешнему виду, внутреннему устройству и погребальному обряду (каменная насыпь небольшого размера овальной формы и с крепидой; неглубокая яма; положение и ориентировка умершего человека; жертвенные кости мелкого рогатого скота: берцовая кость, поясничные позвонки и лопатка). Важными являются такие находки предметов вооружения из курганов № 1 и 3, как часть небольшого железного топора (рис. 2.6), наконечник пальмы (рис. 4.7) и пластины от панциря (рис. 4.8–11).

Фрагмент топора в кургане № 1 обнаружен в верхней части грудной клетки умершего человека. Поскольку ребра вокруг него были существенно повреждены, то можно указать причину смерти от такого оружия ближнего боя. У находки отсутствуют проушина и обух. По всей видимости, топор был сравнительно небольшим. Вонзившаяся в грудь человека его часть имеет такие размеры: 6,7 x 6,5 см. Из них длина выпуклого лезвия с загибом составляет 6,7 см, ширина полотна – до 5,4 см и толщина – 0,3–0,6 см (рис. 2.6). Сохранность находки не позволяет детально сравнивать ее с целыми изделиями. Но для имеющейся части можно найти аналогии среди топоров XI–XIII вв. н. э., которые обнаружены на территории Волжской Булгарии (Измайлов, 1997. Рис. 56–57). Своеобразная форма выступа вверху, возможно, указывает на то, что это был черешковый топор.

Ю.С. Худяков (Худяков, 1991. С. 139. Рис. 76.3) отмечал, что такие изделия – необычное явление для средневековых кочевнических культур Центральной Азии, и подобные топоры появились у монголов в XIII–XIV вв. н. э., хотя широкого распространения не получили. Большинство топоров, найденных на Алтае, относятся к раннему средневековью, есть пока только один экземпляр, который может датироваться монгольским временем (Горбунов, 2006. Рис. 69–72). Но все они отличаются от находки из погребения могильника Яшил. По мнению известного специалиста-оружиеведа М.В. Горелика, топоры были характерны для армии монголо-татар (Горелик, 2002. С. 29. Рис. на с. 66).

Наконечник пальмы найден в погребении кургана № 3 со стороны левой тазовой кости умершего человека, что определяет возможную длину древка. Он имеет подцилиндрическую несомкнутую втулку, а также клинок с обухом и лезвием, плавно сужающимися к острию. Размеры изделия следующие: общая длина 21,9 см, длина втулки 9,6 см, толщина ее 1,6 см, длина клинка 12,3 см, ширина 1,6–2 см и толщина до 0,5 см (рис. 4.7). Аналогичные наконечники пальм были найдены при раскопках таких памятников, как Хавцал II и Зуун хярын дэнж I сомона Ханх Хубсугул аймака Монголии (Харинский, Эрдэнэбаатар, Коростелев, 2010. Рис. 1.5; Оргилбаяр, Эрдэнэбаатар, Харинский, 2018. Рис. 3.1; Харинский, Оргилбаяр, Коростелев и др., 2023. Рис. 3.3). Схожий наконечник, найденный в монгольском погребении археологического комплекса Бага газрын чулуу (Среднеобийский аймак), может быть от пальмы. В публикации автор обозначил его как штык-нож (Эрдэнэбат, 2010. Рис. 12.1).

К настоящему времени в Северной Монголии обнаружены три наконечника от пальм (на памятниках Хавцал II, Зуун хярын дэнж I и Яшил). На ближайшей территории Байкальского региона известны восемь таких изделий (три из них происходят с поселений, а пять – из захоронений). Судя по радиоуглеродным данным, датировка использования там пальм предварительно определена концом VIII – серединой XII в. (Харинский, 2020. С. 371–372). По мнению Ю.С. Худякова (Худяков, 1991. С. 136), пальмы применялись монгольскими воинами на северной периферии Монгольской империи в XIII–XIV вв. в степных районах Центральной

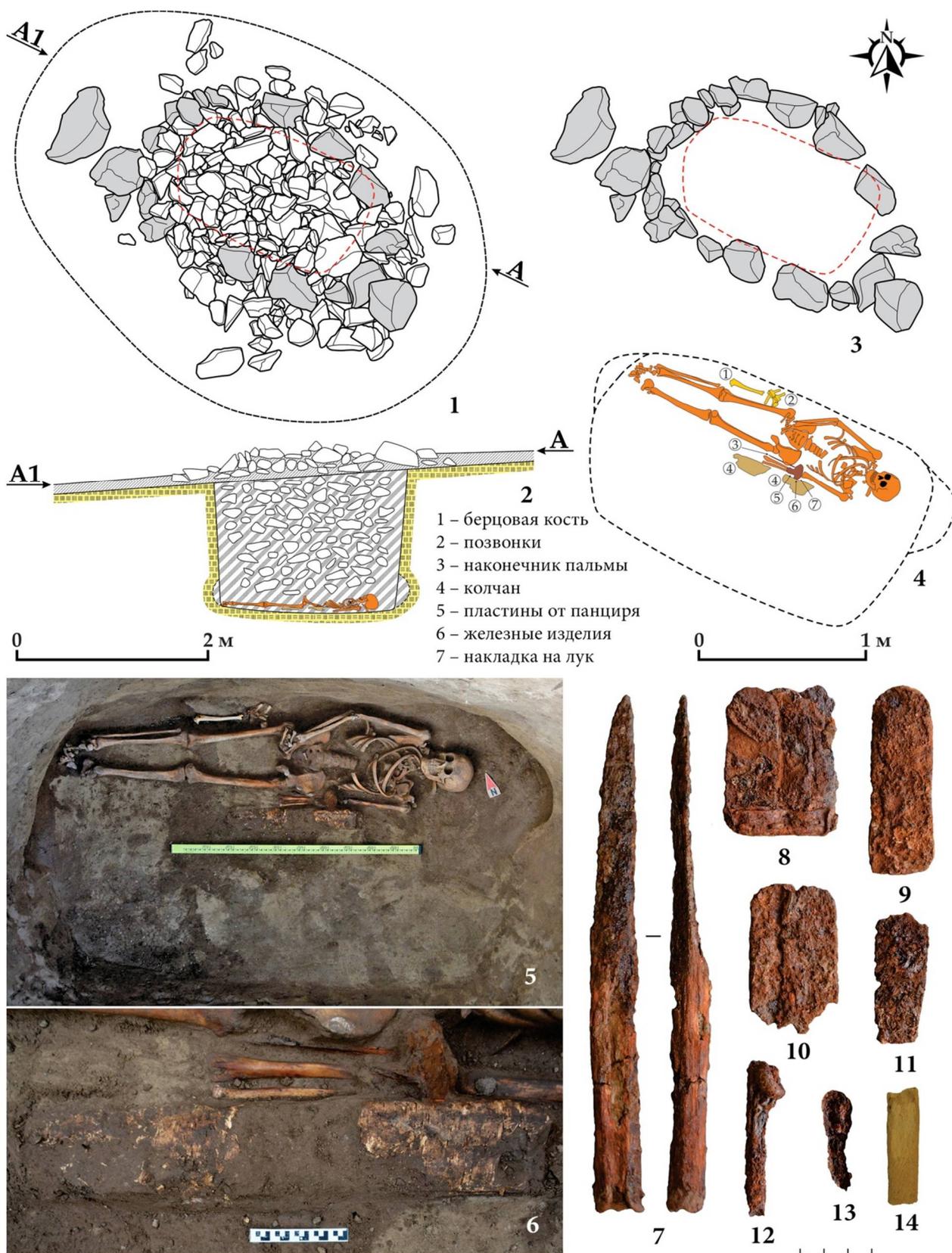

Рис. 4. Курган № 3: 1 – надмогильное сооружение; 2 – разрез погребения; 3 – овальная выкладка из крупных камней; 4 – план погребения; 5 – фотофиксация погребения; 6 – фотоснимок колчана; 7 – наконечник пальмы; 8–11 – пластины панциря; 12–13 – железные изделия; 14 – фрагмент накладки на лук
Fig. 4. Barrow No. 1: 1 - gravestone structure; 2 - oval lining of large stones; 3 - section of the burial; 4 - plan of the burial; 5 - photographic fixation of the burial; 6 - photograph of a quiver; 7 - palm tip; 8-11 - shell plates; 12-13 - iron products; 14 - a fragment of the lining on bow

Азии. Недавно опубликованные AMS-датировки погребенных на памятнике Зуун хярын дэнж I, где обнаружен наконечник пальмы (Харинский, Оргилбаяр, Коростелев и др., 2023. С. 296), указывают на такой временной интервал – XI – первая половина XIII в.

Панцирные пластины. В погребении кургана № 3 найдены семь железных пластин (рис. 4.8–11), три из которых соединены вместе и сохранили следы от ремешков (рис. 4.8), одна целая (рис. 4.9), две слипшиеся (рис. 4.10) и еще одна частично повреждена. Они имеют округлый верхний край и подпрямоугольный нижний. Число отверстий трудно выяснить из-за наличия коррозии. Но, возможно, эти изделия были снабжены 12 отверстиями: по одной паре на нижнем и верхнем краях, а четыре пары – по бокам. Размеры пластин следующие: длина – 5,6–8 см, ширина – 2,2–2,5 см, толщина – 0,15–0,3 см. Судя по результатам проведенных исследований, панцирные пластины редко встречаются в погребениях на территории Монголии. Большинство доспехов, найденных во Внутренней Азии, относятся к домонгольскому периоду. При дальнейшей реставрации пластин с Яшила можно будет детально их рассмотреть и сопоставить с опубликованными материалами аналогичного плана (Горелик, 2002. Рис. на с. 68, 69; Горбунов, 2003. Рис. 20.7; Тишкин, 2009. С. 50–52; и др).

Обсуждение результатов

В курганах у горы Яшил умерших людей хоронили в ямах без гроба и каких-либо внутримогильных сооружений. Ориентация погребенных отличается (СВ, В, ЮВ), но при этом демонстрируется традиция укладывать покойника головой в восточном направлении. Судя по находкам, в курганах № 1 и 3 находились взрослые мужчины. Наличие костей мелкого рогатого скота (овцы / барана ?) в могилах (берцовые, позвонки и лопатка) является типичной чертой для раннемонгольских захоронений. В курганах № 2 и 3 были найдены берцовые кости и позвонки овцы, а в кургане № 1 – берцовая кость, лопатка и позвонки. Стоит отметить, что в курганах № 1 и 3 берцовые кости располагались справа от умершего человека. Эта ситуация отличается от фиксируемой нормы размещения таких костей овцы в монгольских погребениях с левой стороны (Эрдэнэбат, 1998. С. 149–150). Найденная

слева от черепа ребенка берцовая кость в кургане № 2 отражает обычную ситуацию, характерную для погребений монгольского времени Забайкалья (Харинский, 2015. С. 413. Табл. 1). Позвонки овцы лежали под тазом умершего в кургане № 1, а в курганах №2 и 3 они найдены справа от человеческого скелета. В ранее исследованных монгольских погребениях эпохи Средневековья два-три позвонка овцы обычно находили в центре могильной ямы либо под тазом умершего, в редких случаях – с правой стороны (Тувшинжаргал, 2012. Рис. 1–2).

Внутримогильное заполнение и сама яма в кургане № 3 отличаются от других исследованных объектов наличием камней и размерами. Умерший человек лежал вплотную у стенки могилы, которая имела подбой (рис. 4.4). Аналогичные случаи уже отмечались исследователями. Для примера можно указать курган № 4 комплекса Элст-Хутул в долине Эгийн-гола (Тишкин, Идэрхангай, Цэнд и др., 2022. С. 223–224. Рис. б). Находка колчана с левой стороны также характерна для погребального обряда монгольского времени (Эрдэнэбат, 2010. С. 335).

Заключение

Курганы, раскопанные у горы Яшил и представленные в данной статье, имеют сходства по устройству и обряду с погребениями монгольского времени, исследованными на территории Внутренней Азии, что подтверждает их принадлежность той же этнокультурной среде. Погребение ребенка было ограблено, и никаких других находок не обнаружено, но важным материалом для датировки кургана № 2 являются найденные бедренные кости мелкого рогатого животного (овцы ?) (рис. 3.4–5). Из имеющихся материалов об исследованиях погребений монгольского времени известно, что в захоронения детей редко помещали значимые изделия. Но это характерно для рядового населения. В кургане на памятнике Окошки в Забайкалье, раскопанном С.В. Киселевым, с умершим ребенком из знатного рода найден «богатый» предметный комплекс (Баяр, 2000. С. 8).

Предметы вооружения из раскопанных курганов у горы Яшил являются важным материалом для изучения культуры населения монгольского времени на территории Северной Монголии. Среди них редкой находкой являются топоры. В.В. Горбунов (Горбунов, 2006. С. 86) считает, что в

целом удельный вес такого боевого оружия в вооружении средневекового населения Алтая был значительно меньшим, чем выявленные виды клинкового оружия. Данное заключение может относиться не только к Алтаю, но и к другим регионам Внутренней Азии. Стоит также упомянуть, что Плано Карпини в свое время отметил следующее: «...Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука или по меньшей мере один хороший и три больших колчана, полные стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для

Список источников

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с. EDN: QOWZCZ.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с. EDN: QOWZED.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Военное искусство, снаряжение, оружие. М. : Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан : Изд-во Северо-Восточного научного центра ДВО РАН, 1997. 212 с.

Коновалов П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 65–84. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-65-84>. EDN: YLVRRG.

Плано Карпини Дж. дель. История монголов Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд.; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горгунга. М. : Мысль, 1997. С. 30–85.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с. EDN: QPPNLI.

Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Цэнд Д., Оргилбаяр С., Амгаланбат Б., Эрдэнэпурэв П., Батчимэг Б. Средневековые монгольские погребения, исследованные в долине Эгийн-гола (Северная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 4. С. 215–233. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-12). EDN: LJNTIN.

Харинский А.В. Кости барана в забайкальских погребениях X–XV вв. // Актуальные вопросы археологии

голеней, шлемы и латы» (Плано Карпини, 1997. С. 53). Из данного повествования ясно, что топор являлся необходимым инструментом в военном деле монголов. Важно и то, что оружие, упомянутое Плано Карпини (Плано Карпини, 1997. С. 53–55), найдено в курганах могильника Яшил.

Исходя из представленного описания и намеченного анализа, можно заключить, что раскопанные погребения могут датироваться XII–XIII вв. Дальнейшее изучение полученных материалов позволит определить их место в культурном пространстве Северной Монголии и ближайших регионов монгольского времени.

References

Gorbunov V.V. (2003) Military science of Altay population in III–XIV centuries. Pt. I. Defensive armature (armour). Barnaul: Altai State University. 174 p. (In Russ.). EDN: QOWZCZ.

Gorbunov V.V. (2006) Altai population's military science in III–XIV AD. Pt. II. Offensive weaponry (arms). Barnaul: Altai State University. 232 p. (In Russ.). EDN: QOWZED.

Gorelik M.V. (2002) The Mongol-Tatar Army. Military art, equipment, weapons. Moscow: Oriental Horizon. 84 p. (In Russ.).

Izmailov I.L. (1997) Weaponry and military science of the population of Volzhskaya Bulgaria in X – beginning of XIII centuries. Kazan; Magadan: North-Eastern Scientific Center, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 212 p. (In Russ.).

Kononov P.B. (2017) Medieval burial sites of Mongolia and questions of early Mongolian archaeological culture. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of ancient technology laboratory*. Vol. 13. No. 4. P. 65–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-65-84>. EDN: YLVRRG.

Plano Carpini Dzh. del'. (1997) History of the Mongols; G. de Rubruck. Travel to Eastern countries; Marco Polo's Book. Moscow: Mysl. P. 30–85. (In Russ.).

Tishkin A.A. (2009) Altai in the Mongolian time (based on materials from archaeological sites). Barnaul: Azbuka. 208 p. (In Russ.). EDN: QPPNLI.

Tishkin A.A., Iderkhangai T.-O., Tsehnd D., Orgilbayar S., Amgаланbat B., Ehrdehnehpurehv P., Batchimehg B. (2022) Medieval Mongolian Burials, Investigated in the Egiin-Gol Valley (Northern Mongolia). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. Vol. 34. No. 4. P. 215–233. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-12). EDN: LJNTIN.

Kharinskii A.V. (2015) The bones of sheep in the burials of 10th–15th cc. AD of Transbaikalia. *Aktual'nye voprosy*

и этнологии Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. Иркутск : Оттиск, 2015. С. 407–415.

Харинский А.В. Пальмы с втульчатым наконечником из Байкальского региона и их более поздние модификации // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 366–378. <https://doi.org/10.24411/2587-6112-2020-10081>. EDN: ZGVFVF.

Харинский А.В., Оргилбаяр С., Коростелев А.М., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А. Могильник XI–XIII вв. Зуун хярын дэнж 1 на северном побережье озера Хубсугул (Монголия) // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 1. С. 289–307. <https://doi.org/https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14>. EDN: KYIVLQ.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований. 2011. № 6. С. 107–122. EDN: QCXQNJ.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М. Херексур – универсальный объект погребальной практики // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы международной археолого-этнографической конф. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 322–324.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Цэнд Д. Особенности расположения курганов монгольского времени в Северной Монголии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. III. С. 214–218. <https://doi.org/10.14258/msapea.2023.3.44>. EDN: IPYROS.

Батсайхан З., Улзийбаяр С. 2005 онд Сэлэнгэ аймгийн нутагт археологийн судалгаа хийсэн тухай // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. 2006. Vol. 2, № 2 (271). С. 57–66 (на монг. яз.).

Баяр Д. Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. Улаанбаатар : Admon, 2000. 66 с. (на монг. яз.).

Баярсайхан Ж., Кларк Ж., Тувшинжаргал Т., Бямбадорж Б., Бямбажаргал Б., Содномжамц Д. Хориг уулын эрдэнэс. Улаанбаатар : Соёлын овийн үндэсний тов, 2023. 380 с. (на монг. и англ. яз.)

Билэгт Л., Батсайхан З., Амартувшин Ч. Монгол-Америкийн хамтарсан экспедицийн тайлан // Монголын

археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1996–1999). 2021. Т. XII. С. 4–26. (на монг. яз.).

arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ulan-Udeh, 7-8 aprelya 2015 g. = Topical issues of archeology and ethnology of Central Asia. Material of the International scientific conference. 7-8 April 2015, Ulan-Ude. Irkutsk: Ottisk. P. 407–415. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2020) Palmas with sleeve tips from the Baikal region and their later modifications. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei = Archeology of the Eurasian Steppes*. No. 6. P. 366–378. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2587-6112-2020-10081>. EDN: ZGVFVF.

Kharinskii A.V., Orgilbayar S., Korostelev A.M., Ehrdehnehbaatar D., Portnyagin M.A. (2023) Zuun Hyaryn Denj 1 Burial Ground of the 11th – 13th Centuries from the Northern Shore of Lake Khubsugul (Mongolia). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik = The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Vol. 22. No. 1. P. 289–307. (In Russ.). <https://doi.org/https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14>. EDN: KYIVLQ.

Kharinskii A.V., Ehrdehnehbaatar D. (2011) Northern Khubsugul region at the beginning of the 2nd millennium AD. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. Vol. 6. P. 107–122. (In Russ.). EDN: QCXQNJ.

Kharinskii A.V., Ehrdehnehbaatar D., Korostelev A.M. (2010) Khereksur is a universal object of burial practice. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchani. Materialy mezhdunarodnoi arkheologo-etnograficheskoi konf. = Culture as a system in a historical context: Proceedings of West Siberian archaeological and ethnographic meetings*. Tomsk : Agraf-Press. P. 322–324. (In Russ.).

Khudyakov YU. S. (1991) Armament of the Central Asian nomads in the era of the early and developed Middle Ages. *Novosibirsk: Nauka*. 190 p. (In Russ.).

Tshend D. (2023). Features of the Location of the Mongolian Time Burial Mounds in Northern Mongolia. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii = Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology*. Barnaul: Publishing House of Altai University. Iss. III. P. 214–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.14258/msapea.2023.3.44>. EDN: IPYROS.

Batsaikhan Z., Ulziibayar S. (2006) In 2005, on the archaeological research in Selenge Aimag. *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. Vol. 2. № 2 (271). P. 57–66 (In Mong.).

Bayar D. (2000) The study of a nobleman's grave of the golden family. *Ulaanbaatar : Admon*. 66 p. (In Mong.).

Bayarsaikhan J., Clark J., Tuvshinjargal T., Byambadorj B., Byambajargal B., Sodnomjamts D. (2023) Treasures of Khorig mountain. *Ulaanbaatar : National Center for Cultural Heritage*. 380 p. (In Mong and In Eng.).

Bilegt L., Batsaikhan Z., Amartuvshin Ch. (2021) Report on a joint Mongolian-American expedition. *Mongolian Archeology: Field Research Report (1996-1999)*. Т. XII. P. 4-26. (In Mong.).

Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Серегин Н.Н., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П. Эгийн голд шинээр малтан судалсан монгол булшнууд // Journal of the archaeology, history and ethnography. 2020. Vol. 16 (15). С. 147-159. (на монг. яз.).

Лхагвасүрэн Х. Буурал уулын монгол булшнууд // Studia historica. 1989. Т. XXIII. С. 137-146. (на монг. яз.).

Лхагвасүрэн Х. Монголын археологи (Чингэс хааны үе). Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар : Чингэс хаан дээд сургуулийн, 2007. 682 с. (на монг. яз.).

Оргилбаяр С., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н. Монгол-Оросын хамтарсан “Тув Азийн археологийн шинжилгээ-1” туслийн Хувсгүл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи-2018. Улаанбаатар : Бэмби сан, 2019а. С. 140-146. (на монг. яз.).

Оргилбаяр С., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н., Баянсан П. Монгол-Оросын хамтарсан “Тув Азийн археологийн шинжилгээ-1” туслийн Хувсгүл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи – 2019. Улаанбаатар : МУИС, 2019b. С. 200-204. (на монг. яз.).

Оргилбаяр С., Эрдэнэбаатар Д., Харинский А.В. Монгол-Оросын хамтарсан “Тув Азийн археологи” туслийн Хувсгүл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан хээрийн шинжилгээний ажлын товч үр дүнгээс // Монголын археологи – 2017. Улаанбаатар : МУИС, 2018. С. 120-123. (на монг. яз.).

Тувшинжаргал Т. Дундад эртний үеийн булшинд бог малын нуруу дагалдуулах зан үйлийг мошгох нь // Mongolian journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. 2012. Vol. 7. № 1 (378). С. 134-142. (на монг. яз.).

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хурлийн үеэс Монголын үе). Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2003. 295 с. (на монг. яз.).

Эрдэнэбат У. Эгийн голын савд малтсан монгол булшны тухайд // Studia Archaeologica. 1998. Том XVIII. С. 135-152. (на монг. яз.).

Эрдэнэбат У. Монгол булшны судалгаа. Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу // Studia Archaeologica. 2010. Том (VII) XXVII. С. 313-378. (на монг. яз.).

Эрэгзэн Г., Баярсайхан Ж., Хүрэлсүх С., Мунхбаяр Л., Баяндэлгэр Ч., Содномжамц Д., Гонгоржав Н., Гунчин-Иш Г., Эрдэнэбаяр Б., Нямсүрэн Д., Батчулуун О., Бямбадорж Б., Буян-Орших Б., Ариунболд Б., Оюунтулга М., Мунгунцоож А., Бямбажаргал Б. Дархадын хотгорт явуулсан археологийн судалгааны товч үр дүн // Монголын археологи-2020. 2020. С. 36-39 (на монг. яз.).

Эрэгзэн Г., Баярсайхан Ж., Хүрэлсүх С., Баяндэлгэр Ч., Ангарасүрэн О., Эрдэнэцэцэг Р., Миллер А., Кларк Ж., Миллер Б. Монгол Америкийн хамтарсан “Умард хязгаар” туслийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2022 оны судалгааны товч үр дүн // Монголын археологи-2022.

Iderkhangai T.-O., Tishkin A.A., Orgilbayar S., Tsend D., Seregine N.N., Batchimeg B., Amgalanbat B., Erdenepurev P. (2020) Newly excavated Mongolian period burials at the Eg river basin // Journal of the archaeology, history and ethnography. Vol. 16(15). P. 147-159. (In Mong.).

Lkhagvasuren Kh. (1989) Mongolian mounds of Mount Buural. Studia historica. T. XXIII. P. 137-146. (In Mong.).

Lkhagvasuren Kh. Archaeology of Mongolia of Chinggis Khan Period. Ulaanbaatar : Chinges khaan dede surguuliin, 2007 682 p. (In Mong.).

Orgilbayar S., Kharinskii A. V., Erdenebaatar D., Mandalsuren N. (2019) From the preliminary results of the excavations carried out in the Khankh sum area of Khuvs gul Aimag of the Mongolian-Russian joint project “Archaeology of Central Asia-1”. Mongolyn arkheologi – 2018 = Mongolian archeology – 2018. ed. D. Erdenebaatar. Ulaanbaatar: Bambi san. P. 140-146. (In Mong.).

Orgilbayar S., Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Mandalsuren N., Bayansan P. (2019) From the preliminary results of the excavations carried out in the Khankh sum area of Khuvs gul Aimag of the Mongolian-Russian joint project “Archaeology of Central Asia-1”. Mongolyn arkheologi – 2019 = Mongolian Archeology – 2019. Ulaanbaatar: MUIS. P. 200-204. (In Mong.).

Orgilbayar S., Erdenebaatar D., Kharinskii A.V. (2018) From the preliminary results of the excavations carried out in the Khankh sum area of Khuvs gul Aimag of the Mongolian-Russian joint project “Archaeology of Central Asia”. Mongolyn arkheologi – 2017 = Mongolian Archeology – 2017. Ulaanbaatar: MUIS. P. 120-123. (In Mong.).

Tuvshinjargal T. (2012) Association of animal backbone in the burial of Early Medieval nomads of Mongolia. Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. Vol. 7. № 1 (378). P. 134-142. (In Mong.).

Turbat Ts., Amartuvshin Ch., Erdenebat U. (2003) Archaeological sites of Egiin Gol valley (from Bronze Age to Mongolian period). Ulaanbaatar : Soembo printing, 295 p. (In Mong.).

Erdenebat U. (1998) Burial Complexes of Mongolia Time on Egiin-Gol River. Studia Archaeologica. Tom. XVIII. P. 135-152. (In Mong.).

Erdenebat U. (2010) The study of Mongol burials. Survey and bioarchaeology in the Middle Gobi: The Baga Gazaryn Chuluu project. Studia Archaeologica. Tom (VII) XXVII. P. 313-378. (In Mong.).

Eregzen G., Bayarsaikhan J., Khurelsukh S., Munkhbayar L., Bayandelger Ch., Sodnomjamts D., Gongorjav N., Gunchin-Ish G., Erdenebayar B., Nyamsuren D., Batchuluun O., Byambadorj B., Buyan-Orshikh B., Ariunbold B., Oyuuntulga M., Mungunsooj A., Byambajargal B. (2020) Brief results of archaeological research carried out in the Darkhad depression. Mongolyn arkheologi-2020 = Mongolian Archeology-2020. P. 36-39. (In Mong.).

Eregzen G., Bayarsaikhan J., Khurelsukh S., Bayandelger Ch., Angaragsuren O., Erdenetsetseg R., Miller A., Clark J., Miller B. (2022) Brief results of the 2022 expedition of the Joint Mongolian-American Project “Northern Territory”. Mongolyn arkheologi-2022 = Mongolian Archeology-2022.

2022. С. 240–245. (на монг. яз.).

P. 240–245. (In Mong.).

Информация об авторах

Цэнд Дул,

аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии,
Алтайский государственный университет,
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, Россия;
e-mail: dultsendee@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>

Идэрхангай Тумур-Очир,

кандидат исторических наук, доцент, старший
преподаватель кафедры технологий и инноваций,
Улаанбаатарский парк науки и технологии, Монгольский
национальный университет,
13343, Улаанбаатар, Баянзурх район, ул. Лувсанцэвэна,
Монголия,
e-mail: iderkhangai2022@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

Тишкин Алексей Алексеевич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой археологии, этнографии и музеологии,
Алтайский государственный университет,
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, Россия,
e-mail: tishkin210@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26 октября 2023 г.;
одобрена после рецензирования 24 ноября 2023 г.;
принята к публикации 4 декабря 2023 г.

Information about the authors

Dul Tsend,

postgraduate student of the Department of Archaeology,
Ethnography and Museology,
Altai State University,
61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russia;
e-mail: dultsendee@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>

Tumur-Ochir Iderkhangai,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Lecturer of
the Department of Technology and Innovation
Ulaanbaatar Science and Technology Park, Mongolian
National University,
Luvsantsaveena Street, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar
13343, Mongolia,
e-mail: iderkhangai2022@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

Alexey A. Tishkin,

Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of
Archaeology, Ethnography and Museology,
Altai State University,
61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russia,
e-mail: tishkin210@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 26, 2023; approved
after reviewing November 24, 2023; accepted for publication
December 4, 2023.

Научная статья
УДК 1(091)
EDN: JTZZYM
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-107-115

Историографические оценки и исторические уроки старообрядческого раскола XVII века

С.В. Карасёв¹, А.Н. Малыгин^{2,3}

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

² Храм Великомученицы Варвары, г. Иркутск, Россия

³ В/ч 59968

Аннотация. В статье освещается животрепещущая, важная и неоднозначная страница в истории Русской Православной Церкви, а именно проблема Старообрядческого раскола. Верующий человек всей своей жизнью, каждым своим деянием стремится только к одной цели – опять прийти к Богу, прийти туда, откуда он был изгнан и раствориться в его вселенской доброте и защите. Однако обряды и действия человека на всём протяжении существования православия, да и христианства в целом, не всегда выполнялись одинаково по форме. Что это – отступничество, искажение основополагающих элементов веры, попытка внесения чего-то своего, личного? Рассмотрение подобных вопросов всегда проходило не комплексно, а в узкой форме, вот и старообрядчество занималось в основном практической составляющей понимания Церкви. Споры исследователей старообрядчества не утихают и сейчас. Что это – сила идей старообрядчества или его невежество? Кроме прочего, исследователи ставили причиной раскола противостояние православия католицизму. Они видели в этом исключительно иной путь в истории православия, где был элемент отхода от самостоятельного выбора пути в теологических подходах к православию, и видение этого объясняло суть раскола в государстве – раскола между РПЦ и государством. Изучение и осмысление различных составляющих старообрядчества различными отечественными философами и историками даёт возможность сформировать не только целостную картину этого явления, но и подойти к причинам возникновения старообрядчества. Патриарх Никон ориентировался на греческие традиции, именно в них он видел незыблемость русского православия. Был ли смысл в его деяниях? Но именно это привело к расколу Русской Православной Церкви. Основная составляющая этой статьи заключена в положении о том, что Церковь едина, и это именно Православная церковь. Но путь, которым она следует, далеко не прост.

Ключевые слова: Бог, государство, греки, католицизм, «Никоновский раскол», патриарх Никон, православие, Русская православная церковь, старообрядчество, христианство

Для цитирования: Карасёв С.В., Малыгин А.Н. Историографические оценки и исторические уроки старообрядческого раскола XVII века // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 107–115. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-107-115>. EDN: JTZZYM.

History

Original article

Historiographical assessments and historical lessons of the Old Believer Schism of the 17th century

Sergey V. Karasev¹, Anton N. Malygin^{2,3}

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Church of the Holy Great Martyr Barbara. Irkutsk, Russia

³ Military Unit 59968

Abstract. The article refers to a very important and controversial page in the history of the Russian Orthodox Church, namely, the «Nikon Schism». A believing person, with his whole life and with his every deed, strives only for one goal - to come to God

© Карасёв С.В., Малыгин А.Н., 2023

again, to come to where he was expelled from and dissolve in his universal kindness and protection. However, the rites and actions of a person throughout the existence of Orthodoxy, and Christianity as a whole, were not always performed in the same form. What is it - an apostasy, a distortion of the fundamental elements of faith or an attempt to introduce something of one's own? The consideration of such issues has always been not complex, but in a narrow form, so the Old Believers were mainly engaged in the practical component of understanding the Church. Disputes of researchers of the Old Believers do not subside even now. What is it - the strength of the ideas of the Old Believers or its ignorance? Among other things, the researchers put the opposition of Orthodoxy to Catholicism as the reason for the split. They saw in this exclusively their own path in the history of Orthodoxy, where there was an element of a departure from an independent choice of path in theological approaches to Orthodoxy, and this vision also explained the essence of the split in the state - the split between the ROC and the state. The study and understanding of the various components of the Old Believers by various domestic philosophers and historians makes it possible to form not only a complete picture of this phenomenon, but also to approach the causes of the emergence of the Old Believers. Patriarch Nikon had focused on Greek traditions, on correcting texts. Was there any sense in this, but this led to a split in the Russian Orthodox Church. The main component of this article lies in the position that the Church is one, and this is precisely the Orthodox Church. But the path she follows is far from easy.

Keywords: God, State, Greeks, Catholicism, "Nikon's Schism", Patriarch Nikon, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Old Believers, Christianity

For citation: Karasev S.V., Malygin A.N. (2023) Historiographical assessments and historical lessons of the Old Believer Schism of the 17th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 107-115. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-107-115>. EDN: JTZZYM.

Споры исследователей старообрядчества не утихают и сейчас. Старообрядчество как особая религиозная и культурная традиция, которая в течение многих столетий оказывала значительное влияние на верующих на Руси. Одним из ключевых элементов значимости старообрядчества является его богатая история, которая относится к периоду после установления Новгородского совета в XVII в.

Само название «старообрядчество» указывает на то, что его приверженцы придерживаются старинных и более консервативных религиозных обычаев и практик, часто отличающихся от установленных церковных норм. Для верующих старообрядцев особое значение имеют традиции, которые были утрачены или изменены в результате внутрицерковных реформ. Важным аспектом старообрядчества является соблюдение его сторонниками ритуалов и обрядов, основанных на древних представлениях о священности и духовном достоинстве. Одна из самых известных особенностей старообрядческого богослужения – это использование «старой» церковнославянской литургии, которая создает атмосферу поколений верующих, передающих свою традицию от одного поколения к другому. Также следует отметить, что старообрядчество имеет значительное значение и для исторической памяти Руси. Религиозные преследования старообрядцев, начиная с момента их отрицания новых религиозных норм, оставили

долговечный след в сознании населения и сформировали особую мученическую традицию, символизирующую отвагу и преданность вере.

Реформа, которую провёл патриарх Nikon несл в себе серьёзные преобразования в деятельности Церкви.

Какова была цель реформы, проведённой патриархом Никоном? Что именно вызвало раскол в Русской православной церкви? Однако именно отрицание старых устоев привело к расколу Русской православной церкви. Авторы стоят на позициях того, что старообрядчество и староверие это по сути два абсолютно разных элемента в духовном состоянии человека, и именно исследованию вопросов историографии старообрядчества и итогов этого явления на Руси посвящена данная статья.

История церкви является неразрывной составляющей светской истории. Рассматривать их отдельно крайне не верно. Эти две составляющие идут, нет, не параллельно, они проникают друг в друга. Дополняют и объясняют те страницы, которые отдельно не только не существуют, но и абсолютно не понятны. Только на фоне этих двух составляющих человеческой памяти и осознания себя можно дать логически правильные ответы на вопросы различного толка.

Воздействие Духа Божьего направлено не только на людей. Оно распространяется через людей на их мысли, деяния, образ жизни, призы-

вая людей к стойкости в вере, взаимной любви, терпимости. Вера – это признание истины, которая божественным путём проникла в душу человека. Вера православного христианина – это не отображение чего-то личного, это то, что пришло в результате ощущения Бога.

Вопросам раскольничества посвящён обширный корпус научных исследований. Среди них можно отметить исследования Е.К. Зубарева (Зубарев, 1909), А. Кандрицкого (Кандарицкий, 1907) и ряда других авторов, которые исследуют состояние старообрядчества в различных уголках России. Работы таких авторов как Ю.Д. Талько-Грынцевич (Талько-Грынцевич, 1898), Н.Н. Покровский (Покровский, 1974), Т.С. Мамсик (Мамсик, 1978), Н.А. Миненко (Миненко, 1979) на высоком научном уровне рассматривали состояние старообрядчества в Сибири. Не менее значимые исследования по вопросам старообрядчества проводились и в другое время и на других территориях.

Как мы считаем, именно социальная составляющая служения является, наверное, одной из основных задач церкви. Такую же задачу ставило перед собой и старообрядчество. Доктор философских наук Н.С. Гордиенко в работе «Современное русское православие» отмечал, что старообрядцы отошли в своём понимании деяний патриарха Никона из-за не согласия с новыми видениями в религии, связанном, в основном, с исправлениями текстов церковных книг, формой поклонов, троеперстием (Гордиенко, 1987. С. 100). Здесь необходимо понимать, что вера предков является вполне достаточной для спасения человеческой души.

Не всегда в истории Православной церкви на Руси было тихо и спокойно. Ереси, расколы, попытки внести что-то новое – всё это было итогом всеобщей низкой грамотности, что приводило не только к непониманию текстов Священного Писания, но и своеволию в их трактовке. Способствовало появлению ереси стригольников (вторая половина XIV в.); ереси жидовствующих (1470 г.); двоению «аллилуйи»; хождению крестным ходом не к востоку от запада, а наоборот. А.И. Яковлев справедливо отмечал, что к концу 90-х гг. на Руси было далеко до высот богословия. Только в это время в Новгороде был составлен первый полный свод

книг Ветхого Завета и Нового Завета (Яковлев, 2011. С. 323). Имелись многочисленные попытки исправления ошибок в церковных книгах. Это попытались сделать на соборе Стоглав в 1551 г.

Старообрядчество является очень важным элементом истории РПЦ, культуры Руси. В силу слабой изученности старообрядство и сейчас занимает особое место в исследованиях историков и теологов. Соприкасаясь с этой страницей истории РПЦ, можно справедливо отметить, что это было элементом консервативного церковного течения допетровской эпохи, однако кроме этого можно почувствовать направленность на какие-то новшества, что было рефлексией на действительность того периода.

Являясь важной составляющей жизни РПЦ старообрядчество сплотило многих и многих верующих, оставило свой отпечаток и на экономике страны (Ершова, 1999. С. 24). Идущие по пути старообрядчества сначала в 1656 г., а затем в 1666–1667 гг. уже на большом Московском Соборе были отлучены от церкви. В определение собора это прозвучало как «клятвы на старые обряды».

Г. Флоровский в своём труде «Пути русского богословия» отметил, что патриарху Никону (1605–1681 гг.) на этой ступеньке истории православной церкви принадлежит довольно значимое место, а именно его ориентации на греческие традиции.

В 1656 г. церковный собор одобряет новоисправленные книги, обязуя старые изъять и сжечь. Было ли в этом что-то новое и лишённое смысла? Конечно, нет. Но это привело к расколу РПЦ. Царь отворачивается от патриарха и Никону ничего не остаётся делать, как уйти с патриаршего престола. Никон не принимает реформу и это деяние сыграло довольно значимую роль в истории РПЦ.

В этом же труде Г. Флоровский справедливо писал, что именно такая позиция патриарха Никона стала своеобразным волеизъявлением. Это возвеличило Никона как весьма авторитетного духовного, исторического и политического деятеля того периода. Однако в этом вопросе был негативный момент. Никон не был человеком довольно резким и упрямым. Он был человеком действия, но не творения (Флоровский, 2009. С. 90).

При обвинении Никона были переплетены и перепутаны личные элементы – зависть к нему,

мечь и злоба, личная растерянность обвинителей (Флоровский, 2009. С. 94).

Например, К.Н. Леонтьев, который лично общался со старообрядцами на Балканах, отзывался о них не только положительно, но и с высоким вдохновением. Основная мысль, которую он вынес после общения с ними – старообрядцы это не зло, у них много важных и нужных умозаключений (Леонтьев, 1886. С. 73).

Преподобный Иосиф, размышляя о стойкости веры отмечал, что присутствие на Руси идеалов Византийской церкви было бы желательным (Карташёв, 1992. С. 396–424).

Джеймс Х. Биллингтоном в своем труде «Икона и топор» с глубоким пониманием данного вопроса раскрывает смысл старообрядчества. Интересен сделанный им вывод о том, что раскол в РПЦ можно сравнить с переворотом в России 1917 г., так как решения, принятые на большом Московском Соборе в 1666–1667 годах, подобно документам, принятым Петроградским Советом в 1917 году. И он абсолютно прав, так как последствия этих явлений были далеко идущими и кардинальными. В обоих случаях в истории государства они проводили значимую черту невозврата к прошлому. Однако это состояние не принималось к пониманию теми, кто отстаивал старые устои (Биллингтон, 2001. С. 161).

Справедливо выглядит его предположение о том, что это был период всевозможных ухищрений (это и осознания делаемого, и завуалирование сути положений и якобы новаторские идеи), которые проникали на территорию Руси с Запада.

Однако на Руси, прежде всего, главенствующими были традиции и обычаи. Что же оставалось делать жителям Руси? Они просто продолжали придерживаться старых устоев и исключительно в этом видели свое спасение. Джеймс Х. Биллингтон ярко подчеркивает мысль, которая заключается в том, что если люди забывают старые устои и старые порядки, то они незаметно для себя постепенно но однозначно становятся на позиции зарубежных псевдоценностей (Там же. С. 163).

В этой работе у Джеймса Х. Биллингтона имеется интересное суждение, которое заключается в том, что исключительная и не обсуждаемая преданность прошлому (здесь, именно священ-

ному прошлому) послужила тому, что у довольно большой части жителей Руси она и привела к кардинальному «духовному расколу», который помешал перейти на западные «рельсы». Автор замечает, что ««Детство русской культуры было слишком суровым, а первые соприкосновения с западом слишком травмирующими, чтобы она могла мирно воспринять сложный, уже взрослый мир Западной Европы» (Там же. С. 163). Здесь с автором, конечно, согласиться нельзя. Русская культура, да самобытна, да имеет целый ряд отличительных черт, выходящих из западной самобытности, да она довольно часто принималась «в стыки» русским духовенством, но говорить о том, что на один и тот же период Западная культура была значительно взрослее, нет никаких оснований, своеобразнее – да, но и только. Нам кажется, что автор несколько прячется за персоналии и тем самым обходит суть проблемы староверия, говоря о том, что события XVII в. целиком лежат на фундаменте противостояния двух человек – патриарха Никона и протопопа Аввакума.

Да, враждебность этих двух личностей имела место в истории РПЦ, которая отразилась и на взаимопонимании процесса реформ Церкви и старообрядцев. Однако, несмотря на все противоречия, основная направленность церкви шла в русле решения основополагающего вопроса, вопроса сохранения веры как основы жизни человека, да ещё и в период постоянно меняющегося мира.

Подобные параллели в истории России проводит и А. Шмеман в довольно интересной по содержанию и глубокой по смыслу статье «Ответ Солженицыну», где приводятся точки соприкосновения между большевиками и старообрядцами. Революцию 1917 г. он называет невозможным деянием в условиях старообрядчества (Шеман, 1976. С. 128).

Далее он продолжает рассматривать мысль А. Солженицына, в которой, как нам кажется, больше политического смысла и общего отношения Солженицына к России, чем поиска причин случившегося в России в 1917 г. Здесь А. Солженицын приводит общие причины возникновения старообрядчества и революции, заявляя их как утопичность, отход от исторических принципов и испуг (Там же. С. 128).

Что касается А. Шмемана, то он даёт определение старообрядчеству как судьбоносной составляющей отечественной истории. Старообрядчество, по его мнению, автор считает слепым к самой истории, неспособным понимать суть процесса и явления, делать какие-либо переоценки прошлого (Ключевский, 1983. С. 7).

Выводы по вопросам старообрядчества, справедливы и интересны. Он, хотя и не говорит напрямую, но явно подчеркивает, что без истории церкви нет истории государства, и наоборот, что без истории государства нет истории церкви.

В.О. Ключевский писал о причинах, которые привели к церковному расколу. Среди этих причин он видел, что те сомнения, которые заключались в нравственно-религиозной безопасности науки, приблизительно в XVII в., и привели к церковному расколу. Под расколом В.О. Ключевский понимал то состояние церкви, когда большая часть людей отделилась от имевшей место быть на тот период Русской Православной Церкви. И здесь он приходит к оправданному и справедливому выводу, говоря, что как таковые раскольники, как они сами говорят про себя, это самые обыкновенные христиане (Лекции по Русской истории..., 1902. С. 110).

Далее в этом же труде автор говорит об ещё одной важной составляющей раскольников и раскольничества. Он ярко отмечает единство в догматах веры. Однако раскольники не признают церковного правительства, и в этом В.О. Ключевский видит обоснование тому, что их называют именно раскольниками, а не еретиками (Там же).

При рассмотрении вопросов, связанных со старообрядчеством, необходимо учитывать и такой элемент состояния отечественного общества (в основном это касается свободлюбивой интеллигенции), как привычку ссылаться во всех вопросах, связанных с неудачами, на элемент малограмотности общества. Это видение вносило очень серьёзный элемент субъективизма и пристрастности на работы многих выдающихся учёных.

Такое положение просматривается в трудах Е.Е. Голубинского. Русская непросвещенность представлена в его труде «К нашей полемике со старообрядцами».

Видение проблемы раскола РПЦ Е.Е. Голубинским практически не отличалось от видения её

другими учёными. Все они считали основной причиной церковного раскола путаницу в умах людей, когда они не понимали разницы в догмах и обрядах, а так же не отделяли главное от побочного.

Необходимо отдать должное Е.Е. Голубинскому в значимой составляющей его исследований, касающихся старообрядчества. В своих трудах он использовал массивный корпус фактического материала, на основании которого ярко показал, что та церковная (именно древнерусская) обрядность, хотя бы двоеперстие, это не искажение основ православия, а элемент, принятый от Византии X в.

Е.Е. Голубинский писал: «Но не признавая возможным представлять дело таким образом и находя, что свидетельства говорят о предшествующем троеперстию господстве у константинопольских греков двоеперстия, необходимо, как это очевидно, представлять дело таким образом, что первоначальное единоперстие сменилось в Константинополе двоеперстием и что только уже после двоеперстия водворилось в нем троеперстие. А если это так и если мы положительно знаем, что двоеперстие господствовало в Константинополе по крайней мере до 1172-го года (в котором Феориан вел вторые собеседования с армянами), то из сего необходимо будет следовать, что и мы – русские заимствовали первоначально от греков константинопольских двоеперстие» (Голубинский, 1893. С. 322).

В своих работах Е.Е. Голубинский отмечал важный момент, который заключается в том, что у греков замена двуперстия на троеперстие не имеет каких-либо указаний на это, или каких-либо намеков. Он высказывает предположение, что причиной этому может служить исключительно и только символизм перстов (Голубинский, 1892. С. 43–44). Этот вывод, как и выводы, к которым пришёл Н.Ф. Каптерев, рассматривая аналогичные вопросы, были довольно значимы. Это были первые исследования подобных проблем до 1905 г. Такие труды опубликовать в данный период было практически невозможно.

Изучая труды Е.Е. Голубинского, необходимо отметить особенность его исследований, которая отличала эти труды. Это гиперкритицизм, когда отрицается достоверность именно исторических традиций у греков и римлян в ранний период.

Можно сказать, что Е.Е. Голубинский, исследуя вопросы различного подхода к элементам богочитания в церковных деяниях, как бы невольно, не заявляя во всеуслышание, подходит к выводу, что истина в церковной истории отсутствует как таковая, о ней нет возможности заявить с полной достоверностью.

Н.Н. Глубоковский, рассматривая труды Е.Е. Голубинского и подходы при решении поставленных задач в этих работах, ярко заявляет, что он (Е.Е. Голубинский) не ставит акцент на слабости человека – что человек может ошибаться, а сразу говорит о том, что человек исключительно лжив, что обязательно присуще всем историческим материалам (Глубоковский, 1992. С. 127).

Исследуя отдельный элемент критики видения старообрядцами первых, имевших место быть на Руси форм обрядов, автор вышел на значительно высший уровень исследования данной проблемы. Он показал несовместимость элемента критичности при проведении научных исследований с догматическим фундаментом Священного Предания. Получилось, что подобные исследования не имеют смысла в богословской полемике, это уже что-то другое.

Историческая истина этого вопроса ярко представлена в работах таких авторов, как Е.Е. Голубинский и Н.Ф. Каптерев (см.: Голубинский, 1893; Каптерев, 1914). Выводы, к которым пришли эти авторы, основывались на исторической истине.

Те, кто выступал против старообрядчества, скорее всего понимая, что решали проблему этого явления в исключительно исследовательской плоскости, переходили в политизированную составляющую, что существенно отдаляло их решение от прихода к истине. Такая мысль подкрепляется хотя бы тем, что очередная часть работы Н.Ф. Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» вышла только в 1912 г.

Н.Ф. Каптерев, в принципе, признавал, что церковные обряды на Руси, конечно, были православными и идущими от греков, но доказывал, что основой раскола было печальное недоразумение, основанное на нежелании выслушать друг друга и разобраться в причинах того, что привело обе стороны к такому яркому противостоянию в решении стоящих перед ними вопросов.

Исключительно греки и именно деяния греческих епископов сделали возможными отходы от древних обрядов – вот в чём причина раскола. Восточные патриархи, находившиеся в Москве, на Соборе утвердили раскол церкви, что и привело к тому, что РПЦ, единая до этого момента, из-за объявления старого обряда, как отрицания основных доктрин христианской веры, раскололась на две враждующие стороны (Каптерев, 1914. С. 4).

Что касается работ Н.Ф. Каптерева, то он видел решение вопроса в повторном пересмотре решений тех положений, которые принял Собор 1667 г. Его взгляд не был затуманен рассмотрением именно вопросов старообрядчества после того, как произошёл раскол, и это позволило прийти к некоторым, хорошо обоснованным выводам о причинах раскола в перспективе явления. В заключение своего значимого труда «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» пришёл к осознанию того, что стойкости и духовной силы старообрядчеству дали такие элементы, как ничем не обоснованное название этого элемента еретическим, основанное на том, что никониане под влиянием греков уже находились под влиянием ереси. И как вывод – с ними не может быть даже намёка на единение. Кроме этого, те преследования со стороны церкви и, конечно, государства направляли старообрядцев на путь укрепления духовной составляющей их веры, укрепляли их веру.

Н.Ф. Каптерев в своих трудах приводит и ярко обосновывает мысль о том, что деяния Никона, проведённая им реформа, пусть и с допуском на некоторые ошибки, имела прогрессивную основу. Это автор обосновывает тем, что идея пересмотра и, возможно, изменений в различных областях существования общества была прогрессивной, и этот пересмотр и изменения в обществе должны были начинаться именно с религиозных основ. Автор в своих исследованиях красной линией проводит мысль о том, что, какие бы огрехи не имела Никонская реформа, она была довольно прогрессивной. Эта прогрессивность заключалась не только в церковных вопросах, здесь были и элементы обновления общества в других вопросах, но эти обновления должны начинаться с религиозных традиций.

Таким образом, мы пришли к выводу, что история старообрядчества – это не только интереснейшая страница в истории страны и церкви. Это страница поиска истины власти, определения главенства, противостояния мнений.

Направлять политику государства в разные стороны крайне опасно и губительно, тем более в такой составляющей как вера в Бога, когда население страны, в основном не грамотное, воспитанное на традициях старших поколений, не понимает сути происходящих среди представителей РПЦ разногласий, тем более вылившихся в такое состояние, когда Собор 1666–1667 гг. осудил всех, придерживающихся старых устоев в жизни церкви.

В дальнейшем царевна Софья распорядилась раскольников пытать, а это означало казни, тюрьмы и другие телесные воздействия. А вот Пётр I считал старообрядцев своими главными врагами.

Во время пребывания у власти Николая I старообрядцы опять попадают в опалу, и находятся уже вне юрисдикции законов империи. «Зловредность» старообрядчества отмечается и в последующих документах. В них старообрядцы рассматриваются как антицерковники и антигосударственники. Такая политика в отношении староверов сохранилась и при Александре II.

Политика Александра III уже кардинально отличается от старых положений в отношении старообрядцев. Это был период, когда император относился к этому явлению терпеливо и с пониманием.

Новая веха в отношениях РПЦ со старообрядцами началась в 1929 г., когда РПЦ отвергла клятвенные запреты Собора 1666–1667 гг. в отношении старых обрядов, и приняла другие документы в отношении старообрядчества.

К окончательному и кардинальному решению вопроса в отношении старообрядчества подошёл Поместный Собор РПЦ 1971 г. Он отменил анафемы, признал святость давних обрядов и книг.

Чем же была Никоновская реформа для страны? Это был первый шаг ко всеобъемлющим петровским преобразованиям. Однако старообрядчество шло в разрез с идеями Никона. Этот путь был препятствием к всеобщему развитию

страны, старообрядчество было тупиковой составляющей в развитии общества, искажало истинные ценности в истории народа и вело к разрыву с ними.

Церковь есть только одна. Церковь едина по своей сути, а на земле – это только Православная Церковь. Церковь святая по своей сути, по своей природе, и именно она отвечает на животрепещущие вопросы: что такое истина и в чём её суть? Раскрывает смысл жизни. Православие не ставит перед собой цель ответить на все вопросы человека. Однако Православная церковь окунает человека в реальность, где все вопросы становятся, как бы, второстепенными по одной простой причине – душа человеческая соприкасается с Богом и умолкает в предстоянии тайне, выразить которую не в силах никакое человеческое слово (Алфеев, 2021. С. 12). Православие является одной из крупнейших и наиболее распространенных религий в мире. Оно имеет огромное значение для миллионов людей, поскольку является основой их верований, ценностей и образа жизни. Старообрядчество же (старообрядческая вера) – отдельное направление в православии, в котором придерживаются старинных традиций Церкви, отвергая некоторые реформы, внесенные в православные богослужебные особенности. Однако необходимо отметить, что значение православия и старообрядчества для каждого человека может варьироваться в зависимости от его веры, убеждений и личного отношения к религии.

Старообрядчество является неотъемлемой частью культурного наследия Руси. Известность старообрядческой резьбы по дереву, украшение храмов и прославление икон, выполненных в соответствии со старинной технологией, неуклонно растет и до сих пор привлекает множество почитателей искусства и настоящих ценителей.

Таким образом, старообрядчество имеет глубокое значение для верующих на Руси, отражая их преданность древним традициям, историческую память и культурное наследие. Это явление не только продолжает обогащать русскую национальную идентичность, но также привлекает внимание и вызывает интерес со стороны многих людей, стремящихся разбудить в себе дух предков и ощутить связь со своим прошлым.

Список источников

- Алфеев Иларион, митр. Таинство веры. М. : Изд. дом «Познание», 2021. 328 с.
- Биллингтон Дж.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М. : Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 2001. 880 с.
- Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М. : Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1992. 184 с.
- Голубинский Е.Е. К нашей полемике со старообрядцами. (Частные вопросы: О перстоложении для крестного знамения и благословения). (Продолжение) // Богословский вестник. 1892. Т. 2. № 4. С. 34–72.
- Голубинский Е.Е. К нашей полемике со старообрядцами: Ответ о. протоиерею И.Г. Виноградову // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 8. С. 315–326.
- Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л. : Лениздат. 1987. 304 с.
- Ершова О.П. Старообрядчество и власть. М. : Уникум-центр, 1999. 203 с.
- Зубарев Е.К. Современные вопросы в полемике с расколом старообрядчества. Кострома : Губ. тип., 1909. 108 с.
- Кандарицкий А. Опыт систематического подхода пособия при полемике со старообрядцами с кратким очерком развития древних сект и русского расколостарообрядчества. Стерлитамак : Тип. А.В. Кузнецова, 1907. [2], X, 720, [4] с.
- Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. Сергиев Посад : Изд. кн. магазина М.С. Елова, 1914. 567, IX, [1] с.
- Карташёв А.В. Очерки по истории Русской церкви. В 2 т. М. : ТЕРРА, 1992. Т. 1. 686 с.
- Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М. : Наука, 1983. 416 с.
- Лекции по Русской истории профессора Московского университета В.О. Ключевского. Часть вторая. С-Петербург : Тип. В.О. Киршбаума, 1902. 339 с.
- Леонтьев К. Восток, Россия и славянство : сб. статей. М. : Тип. И.И. Кушнерева и Ко, 1886. Т. 2. 420 с.
- Мамсик Т.С. Побег как социальное явления: приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е гг. XVIII в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 206 с.
- Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.
- Покровский Н.Н. Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 394 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д. К антропологии великоросов: Семейские (старообрядцы) забайкальские / [Соч.] Ю. Талько-Грынцевича. Томск : паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1898. [2], II, 52 с.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 844 с.

References

- Alfeev Ilarion, mitr. (2021) Sacrament of Faith. Moscow: Publishing house "Cognition". 328 p. (In Russ.).
- Billington Dzh.Kh. (2001) Icon and axe. Experience in interpreting the history of Russian culture. Moscow: Publishing house "RUDOMINO". 880 p. (In Russ.).
- Glubokovskii N.N. (1992) Russian theological science in its historical development and newest state. Moscow: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo Bratstva. 184 p. (In Russ.).
- Golubinskii E.E. (1892) To our polemic with the Old Believers. (Private questions: About making the sign of the cross and blessing). (Continuation). *Bogoslovskii vestnik = Theological Bulletin*. Vol. 2. No. 4. P. 34-72. (In Russ.).
- Golubinskii E.E. (1893) To our polemic with the Old Believers: Answer to Fr. Archpriest I.G. Vinogradov. *Bogoslovskii vestnik = Theological Bulletin*. Vol. 3. No. 8. 315-326 p. (In Russ.).
- Gordienko N.S. (1987) Modern Russian Orthodoxy. Leningrad: Lenizdat. 304 p. (In Russ.).
- Ershova O.P. (1999) Old Believers and power. Moscow: Unicum-Center. 203 p. (In Russ.).
- Zubarev E.K. (1909) Modern issues in the polemic with the split of the Old Believers. Kostroma: Gubov. Type. 108 p. (In Russ.).
- Kandaritskii A. (1907) Experience of the systematic approach of the manual in polemics with the Old Believers with a brief sketch of the development of ancient sects and the Russian schism of the Old Believers. Sterlitamak : Tip. A.V. Kuznetsova. [2], X. 720 p. (In Russ.).
- Kapterev N.F. (1914) The nature of relations between Russia and the Orthodox East in the XVI and XVII centuries. *Sergiev Posad: Izd. kn. magazina M.S. Elova*. IX. 567 p. (In Russ.).
- Kartashev A.V. (1992) Essays on the history of the Russian Church. In 2 vol. Moscow: TERRA. Vol. 1. 686 p. (In Russ.).
- Klyuchevskii V.O. (1983) Unpublished works. Moscow: Science. 416 p. (In Russ.).
- Klyuchevskii V.O. (1902) Lectures on Russian History by Professor of Moscow University V.O. Klyuchevskii. St. Petersburg: Printing house V.O. Kirshbaum. Pt. 2. 339 p. (In Russ.).
- Leont'ev K. (1986) East, Russia and Slavism. Moscow: Tip. I.I. Kushnerova i Ko. Vol. 2. 420 p. (In Russ.).
- Mamsik T.S. (1978) Shoots as a social phenomenon: an attributed village of Western Siberia in the 40-90s. XVIII century. Novosibirsk: Science. Sib. Department. 206 p. (In Russ.).
- Minenko N.A. (1979) Russian peasant family in Western Siberia (XVIII - first half of the XIX century). Novosibirsk: Science. Sib. Department. 350 p. (In Russ.).
- Pokrovskii N.N. (1974) Anti-feudal protest of Ural-Siberian Old Believer peasants in the 18th century. Novosibirsk: Science. 394 p. (In Russ.).
- Tal'ko-Gryntsevich Yu.D. (1898) To the anthropology of the Great Russians: Semeiskie (Old Believers) Trans-Baikal. Tomsk: Steam type-lit. P.I. Makushina. [2], II, 52 p. (In Russ.).
- Florovskii G.V. (2009) Ways of Russian theology. Moscow: Institute of Russian Civilization. 844 p. (In Russ.).

Шеман А., прот. Ответ Солженицыну // Вестник Русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. № 117, I-1976. С. 121–135.

Яковлев И.А. Лекции по истории Христианской церкви. 3-е изд., испр. и доп. М. : Паломник, 2011. 543 с.

Информация об авторах

Карасёв Сергей Владимирович,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,

e-mail: s.karasev@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3273-8443>

Малыгин Антон Николаевич,

настоятель Храма святой великомученицы Варвары,

664078, г. Иркутск, микрорайон «Зелёный», 36В, Россия,

помощник командира войсковой части по работе с

верующими военнослужащими,

в/ч 59968,

e-mail: pater-antonios@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 августа 2023 г.; одобрена после рецензирования 31 октября 2023 г.; принята к публикации 7 ноября 2023 г.

Sheman A., archpriest. (1976) Reply to Solzhenitsyn. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya = Bulletin of the Russian Christian Movement*. Paris - New York - Moscow. No. 117. P. 121-135. (In Russ.).

Yakovlev A.I. (2011) Lectures on the history of the Christian Church. Moscow: Pilgrim. 543 p. (In Russ.).

Information about the authors

Sergey V. Karasev,

Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History and Philosophy,

Irkutsk National Research Technical University,

83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,

e-mail: s.karasev@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3273-8443>

Anton N. Malygin,

Rector of the Church of the Holy Great Martyr Barbara,

36B, district «Zel'onny», Irkutsk 664078, Russia,

Assistant commander for work with religious soldiers,

Military Unit 59968,

e-mail: pater-antonios@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 28, 2023; approved after reviewing October 31, 2023; accepted for publication November 7, 2023.

История

Научная статья
УДК 364.255
EDN: KUKRPI
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-116-125

«Переживаемое бедствие велико»: старообрядцы Западного Забайкалья в условиях климатических аномалий 1888–1889 гг.

С.В. Васильева¹, С.А. Козлова²

¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

² ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается чрезвычайная ситуация, возникшая в Верхнеудинском и Селенгинском округах в 1888 г. в результате климатических аномальных явлений – засухи, и последовавших затем ливневых дождей, града, в результате которых посевы хлебов на обширных полях были уничтожены полностью. Одновременно случился падеж скота в некоторых поселениях. Ресурсов тайги и рыбных ресурсов в пределах исследуемой территории оказалось недостаточно, чтобы решить проблему голода. В Верхнеудинском округе проживали локальные старообрядческие сообщества, основным занятием которых было земледелие. В Селенгинском округе старообрядческого населения было не так много, однако они так же занимались хлебопашеством. Целью настоящей работы является описание кризисной социально-экономической ситуации в Верхнеудинском и Селенгинском округах в 1888–1889 гг. по данным Государственного архива Иркутской области, что позволило рассмотреть хозяйственные связи старообрядцев с жителями соседних округов внутри Забайкальской области. Особое внимание уделено роли государственной власти в оказании помощи жителям Верхнеудинского и Селенгинского округов. Для оценки и решения проблемы была учреждена специальная Комиссия по сбору сведений о пострадавших, которую возглавил Чиновник Особых Поручений барон А.Н. Корф. По итогам исследования и оценки ситуации Комиссия предложила властям оказать помощь пострадавшим деньгами, хлебом и семенами. В статье также отражена стратегическая роль сельских экономических магазинов в жизни локальных сообществ, занимающихся земледелием. Сельские экономические магазины в старообрядческих селах и в поселениях соседних округов Забайкальской области выполнили донорские функции и для устранения голода, и для восстановления хлебопашества Верхнеудинского и Селенгинского округов.

Ключевые слова: голод, климатические аномалии, неурожай, старообрядцы, семейские, земледелие, сельский экономический магазин, государственная помощь, хлеб

Для цитирования: Васильева С.В., Козлова С.А. «Переживаемое бедствие велико»: старообрядцы Западного Забайкалья в условиях климатических аномалий 1888–1889 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 116–125. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-116-125>. EDN: KUKRPI.

History

Original article

“The calamity experienced is great”: The Old Believers of Western Transbaikalia in the conditions of climatic anomalies of 1888-1889

Svetlana V. Vasilyeva¹, Svetlana A. Kozlova²

¹ Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

² FGBI “Western Baikal protected areas”, Irkutsk, Russia

Abstract. The article deals with the emergency situation that arose in Verkhneudinsky and Selenginsky districts in 1888 as a result of climatic anomalous phenomena. As a result of the drought and the subsequent heavy rains and hail, grain crops in vast fields were completely destroyed. The Verkhneudinsky district was inhabited by local Old Believer communities, whose main occupation was agriculture. There were not so many Old Believers in the Selenginsky district, but they were also engaged in farming. At the same time, there was a loss of livestock in some settlements. Taiga resources and fish resources within the study area were not

enough to solve the problem of hunger. The purpose of this work is to describe the crisis socio-economic situation in Verkhneudinsky and Selenginsky districts in 1888-1889 according to the State Archive of the Irkutsk region. This made it possible to consider the economic ties of the Old Believers with the residents of neighboring districts within the Trans-Baikal region. Special attention is paid to the role of state authorities in providing assistance to residents of Verkhneudinsky and Selenginsky districts. To assess and solve the problem, a special Commission was established to collect information about the victims, which was headed by an Official of Special Assignments, Baron A.N. Korf. Based on the results of the study and assessment of the situation, the Commission invited the authorities to provide assistance to the victims with money, bread and seeds. The article also reflects the strategic role of rural economic stores in the life of local communities engaged in agriculture. Rural economic stores in Old Believer villages and in settlements of neighboring districts of the Trans-Baikal region performed donor functions both to eliminate hunger and to restore arable farming in Verkhneudinsky and Selenginsky districts.

Keywords: famine, climatic anomalies, crop failure, Old Believers, family, agriculture, rural economic store, state aid, bread

For citation: Vasilyeva S.V., Kozlova S.A. (2023) "The calamity experienced is great": The Old Believers of Western Transbaikalia in the conditions of climatic anomalies of 1888-1889. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 116-125. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-116-125>. EDN: KUKRPI.

Введение

Старообрядцы семейские – это группа русского населения в Забайкалье, целенаправленно переселенная государственной властью из европейской части России с целью земледельческого освоения края.

В Верхнеудинском округе в 1880-х гг. проживало свыше 110 тыс. жителей разных вероисповеданий и сословий, из них более 23 тыс. – старообрядцы, остальные – буддисты и православные (Лапина, 2012)¹. На самом деле старообрядческого населения было намного больше, поскольку при переписях часто они не указывали своего сословия, а по долине реки Чикой работали единоверческие приходы, и старообрядцев, посещающих эти церкви, также могли записывать как православных. В Селенгинском округе старообрядцев проживало всего 65 человек, половина из всех жителей – буддисты и половина – русские православные. Всего чуть более 100 тыс. жителей (Забелина, 2013)².

Сообщество семейских хлебопашцев всегда являлось важной экономической единицей в аграрном развитии всей Забайкальской области, они обеспечивали продукцией и Забайкалье, и Дальний Восток (Болонев, 1978; Болонев, 2005).

В 1888 году в результате климатических аномальных явлений – засухи и последовавших затем ливней, града, урожай на обширных полях был уничтожен полностью. Одновременно случился падеж скота в некоторых поселениях. Ресурсов тайги и рыбных ресурсов в том году было недостаточно для всего населения.

Материалы и методы

В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) в фонде № 29 хранится дело № 95 «О голоде в Верхнеудинском и Селенгинском округах Забайкальской области: с ведомостями о долгах общему по Империи продовольственному капиталу» 1889 года. Помимо вышеуказанного документа в изучении настоящего вопроса о случившемся голоде в Западном Забайкалье, использована информация из других документов фондов № 24 и 29 Государственного архива Иркутской области, а также материалы фонда № 69 Государственного архива Республики Бурятия.

При изучении и оценке всех источников использован принцип историзма, обзор выполнен в хронологическом порядке, в исследовании применен метод системного анализа.

Обсуждение

Особенности земледелия семейских и сельские экономические магазины. Переселенные в Забайкалье во второй половине XVIII в. старообрядческие общины заселили горно-таёжные ландшафты по берегам Чикой и всхолмлённые лесостепи широких речных долин Селенги и Хилка на территории Верхнеудинского округа. Забайкальский

¹ Лапина В.А. Верхнеудинский уезд // Сайт Малая энциклопедия Забайкалья. Власть и общество. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=9015> (дата обращения 29.08.2023).

² Забелина Т.П. Селенгинский уезд // Сайт Малая энциклопедия Забайкалья. Власть и общество. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=9047> (дата обращения 29.08.2023).

климат всегда отличался суровостью и мало способствовал развитию земледелия, однако старообрядцам удалось распахать большие площади на равнинных участках и фрагментарно по террасам речных долин и выращивать хлеб для самообеспечения и снабжения всего региона. Особенно важно это было для центрального и северного Забайкалья, где работали рудники, для Забайкальского казачьего войска, которое охраняло российские границы с Китаем, а также для Дальнего Востока, который активно начинал осваиваться с середины XIX в. Многие исследователи подчеркивают уникальную роль старообрядцев в освоении края (Болонев, 1994; Бураева, 2000; Васильева, 2013; Костров, 2010).

В урожайные годы семейские из Верхнеудинского округа могли направлять на забайкальские рудники и на Дальний Восток до 200 тыс. пудов хлеба и более (ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 185. Л. 49–56). Земледельцы распахивали земли по склонам сопки, приспособляли выращивание культур к резким колебаниям температур, осваивали методы орошения полей посредством создания проточных канав. Ввиду суровости климатических условий наиболее подходящей культурой оказалась яровая рожь – ярица. Кроме культивирования хлеба, старообрядцы также выращивали овощи на приусадебных участках. Популярной культурой была конопля (пенька), из нее получали ткани и масло (Болонев, 2017).

Сельские экономические магазины или хлебозапасные магазины в Верхнеудинском округе начали создаваться в первой половине XIX в. Они выполняли функции сбора налогов, через них осуществлялся выкуп или заимствование хлеба у земледельцев для казны и каких-либо срочных государственных нужд (Просеков, 2018). Сельский экономический магазин представлял собой отдельно стоящее от села или внутри села здание в виде амбара. Учетом зерна в магазинах занимались несколько человек – зажиточные крестьяне, староста сельского поселения, волостной писарь (Агапитова, 2013. С. 247).

Крестьянам надлежало сдавать хлеб по одному фунту с каждого полученного пуда, что было запасом на случай неурожая или выдавалось в долг нуждающимся. Администрация строго вела учёт зерна. Бедные крестьяне в большинстве слу-

чаев за полученные семена не расплачивались с кредиторами и во многих сельских экономических магазинах накапливались задолженности. В среде семейских наблюдалось расслоение на зажиточных и бедных. Зачастую зажиточные отказывались сдавать зерно, считая несправедливым оказание безвозмездной помощи малоимущим. Если сдавали, то неохотно, т. к. не были уверены в том, что это зерно сохранится до неурожайных лет (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 86). Долги из года в год возрастали. Однако других общественных альтернатив не существовало, и система сельских экономических магазинов работала непрерывно.

Стихийное бедствие. В 1888–1889 гг. в Верхнеудинском и Селенгинском округах Забайкальского края в результате аномальных климатических катаклизмов летом 1888 года случился неурожай, повлекший за собой голод среди сельского населения. Причем Селенгинский округ был затронут частично, а Верхнеудинский, где проживали семейские старообрядцы, практически полностью, за исключением нескольких небольших волостей.

Всего в Верхнеудинском округе было 22 волости. Селенгинский округ был сложнее устроен в административном отношении, в его состав входили 8 волостей, Селенгинская и Хоринская Степные думы (Жалсанова, 2008. С. 98).

Специально для рассмотрения и решения этой проблемы была создана Комиссия по собиранию сведений о положении пострадавшего от неурожая населения Верхнеудинского и Селенгинского округов. Забайкалье во второй половине XIX в. входило в состав Приамурского генерал-губернаторства, поэтому ответственным назначили Чиновника Особых Поручений барона Андрея Николаевича Корфа³, а также «...членов ея адъютанта, есаула Соковнина, столоначальника Областного Правления Данилова, местных заседателей, волостных, сельских и инородческих Начальников по принадлежности...» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 93). Комиссия для удобного и оперативного исследования разделила Верхнеудинский округ на 3 участка, и соответственно поделилась на три группы. Селенгинский округ поделен не был, комиссия проехала

³ Дубинина Н.И. Корф Андрей Николаевич // Сайт Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/korf-andrei-nikolaevich-a5eed0> (дата обращения 10.09.2023)

по пострадавшим от неурожая поселениям в полном составе.

Из докладов военного губернатора Забайкальской области следует, что в первой половине лета 1888 г. ожидалось лишь малые урожаи: «*после ранних дождей появились хорошие всходы хлеба и бич полей – кобылка – не показывался. Приунывшие владельцы возликовали и, рассчитывая на урожай, повезли, у кого был лишний пуд хлеба, на базар, чтобы успеть продать по выгодной цене*» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 85). В связи с этим по всему региону в мае и первой половине июня 1888 г. понизилась рыночная цена на зерно. Однако это продолжалось недолго. В течение июня и до 20-х чисел июля не было осадков, что вызвало засуху, посевы находились в угнетённом состоянии: «*Пожелтевшие пашни представляли жалкую картину безжизненности, служа предвестником народного бедствия*» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 85).

В конце июля – начале августа прошли ливневые дожди, которые уничтожили почти во всех волостях остатки посевов: «*Одновременно выпало воды свыше двух аршин глубиной: в селениях тоннули домашние животные и птицы и уносило заплоты, а пашни покрылись илом*». Особенно пострадали от этого ливня Баяндаевское селение Еланской волости и Мухорталинское Кульской волости.

Урожай ниже среднего удалось собрать только в Куйтунской и Байхорской волостях, а по Укыр-Шонуйскому отдельному обществу урожаем получился средним, остальные земледельческие волости оказались лишёнными урожая.

К последствиям плохого урожая 1887 г. и неурожая 1888 г. присоединилось отсутствие заработков. Кроме земледелия, семейские активно использовали водные и таежные ресурсы (Козлова, 2020). Но в эти голодные годы, добыча рыбы из-за невозможности сбыта на ярмарках не дала заработков. То же самое касалось и сбыта ореха: «*орехи на Чикое продаются 60 копеек за пуд, но нет покупателей*» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 86). Возникает вопрос, почему много народу голодало, если были и рыба, и орехи? Самое простое объяснение – это перенаселённость Верхнеудинского округа, а особенно западной его части. Численность населения в 1897 г. во всем округе составля-

ла 167876 человек, включая семейских, русских православных крестьян и инородцев (Первая всеобщая..., 1904. С. 2)⁴. Урожай тайги и рыбных запасов в реках было недостаточно для предотвращения бедствия, не все жители могли прокормиться подобным образом. Отмечается, что падеж скота усугубил ситуацию в некоторых волостях (Еланская, Окино-Ключевская, частично Хоринское ведомство).

Жителей Селенгинского округа пострадало не меньшее количество, чем в Верхнеудинском округе, однако Комиссия отметила, что в 1889 г. в магазинах было больше запасов и развивались промыслы – рыбный на реке Селенге и извозный по Кяхтинскому тракту. Требовалась помощь крестьянам-земледельцам и бурятам-скотоводам Иволгинской волости, а также казачьему отряду. Особенно пострадало селение Стрелочное Селенгинской Степной Думы. В Турунтаевской и Батуринской волостях ощущался недостаток хлеба, однако многие жители имели дополнительные заработки, а бедным семьям оказали поддержку из собственных экономических магазинов (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 85–88).

В отчете Комиссии описывается, как питались семейские зимой и весной 1889 г.: «*Переживаемое бедствие настолько велико, что разные сорные травы как то: повелица, лебеда и даже халхум (колючка или перекати-поле) вошли в употребление между большинством населения Верхнеудинского округа. Хлеб из повелицы с примесью ярицы в большом употреблении по округу, а лебеда и колючка с примесью повелицы заменяют хлеб по Малетинской и Малокуналейской волостям.... По отзыву местных жителей вследствие питания травами появляются заболевания в виде опухоли, но от употребления молока больные получают облегчение*» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 88). Образцы этого хлеба были направлены членами комиссии в Верхнеудинское Полицейское Управление для исследования его питательности и безвредности.

Обычной практикой семейских в XIX в. было отходничество на различные промыслы как внутри

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. LXXIV. Забайкальская область. СПб.: Типография т-ва «Народная польза». 1904. 184 с.

региона, так и за его пределы (Костров, 2007. С. 245). Жители всех волостей округа массово отправлялись на поиски работы. Отправлялись как отдельно, так и полными семьями для того, чтобы прокормиться. Голод, безнадежное положение заставляли малоимущих крестьян из семейских сел бросать место жительства и скитаться в поисках пропитания. Жители округа пытались устроиться на прииски, на заводские работы, однако ввиду скудного снабжения, рабочих мест было мало. Тем более, что в обычные годы все предприятия как в округе, так и в Забайкальской области снабжались хлебом, выращенным в Верхнеудинском округе.

Государственные меры по устранению голода. В Российской империи со времён Петра I развивалось законодательство в сфере государственного призрения, т. е. социальной помощи слабым, неимущим гражданам (Гаврилина, 2019. С. 28). Общественное же призрение сложилось у русских с древних времен, когда состоятельные или зажиточные люди могли жертвовать хлебом, деньгами, одеждой и т. д., оказывать помощь нуждающимся (Гаврилина, 2013).

В марте 1889 года организовавший командировку специальной Комиссии по округу для исследования возникшей ситуации барон А.Н. Корф в телеграмме сообщил Министру внутренних дел в Петербург: «...*Общее впечатление, вынесенное из поездки, необходимость ассигнования еще по крайней мере ста тысяч рублей, многие едят давно траву, поля приготовленные останутся пустыми. Средства истощены. Не на что купить даже травы. Нужна немедленно помощь даже по человеколюбью...*» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 78). Также барон А.Н. Корф написал военному губернатору Забайкальской области Я.Ф. Барабашу письмо о том, что необходимо выделить двести тысяч рублей голодающим Селенгинского и Верхнеудинского округов с последующим возвратом этих средств (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 36). Целью Комиссии была поездка по всем крупным поселениям, которые потерпели бедствие. В ходе этой командировки надлежало выявить ущерб от стихийного бедствия и оценить размеры требуемой помощи, которая могла осуществляться как деньгами, так и зерном. Поддержка государственная была не безвозмездной, и получившие помощь жители обязательно должны были вернуть долг в течение трех лет.

В тех случаях, когда Комиссия из-за отсутствия запасов в местных экономических магазинах лишена была возможности оказывать немедленное пособие голодающим, приходилось также приглашать зажиточных людей к участию в оказании помощи. Таким образом, в селении Санномыском Кульской волости было собрано деньгами 1 руб. 20 коп. и хлебом 8 пудов, в с. Верхне-Талецком деньгами 1 руб. и хлебом 28 пудов 38 фунтов. В с. Мухор-Талинском у местного зажиточного крестьянина Павлова попросили помощи голодающим в виде 26 пудов до получения пособия. Местные власти должны были осуществлять сбор хлеба, раздавать его, а также распределять деньги между бедствующими семьями.

Это стихийное бедствие в 1889 году послужило толчком к переселению многих семейских на Дальний Восток в бассейн Амура. Например, к переселению в тот год из Бичурской волости приготовились 40 семейств. Периодические неурожай случались и раньше, но в 1889 году неурожай спровоцировал настолько экстремальные условия, в которых каждой семье приходилось бороться за жизнь. По сведениям ранее переселившихся семейских в Приамурье, там жилось легче, прежде всего, благодаря более мягкому климату и вообще природные условия там отличались большей пригодностью для занятий хлебопашеством и огородничеством (Матющенко, 2014). Также государство предоставляло льготы в приобретении земли в собственность, на каждое семейство могло отводиться более 100 десятин угодий, и семья могла пользоваться этой землей бесплатно в течение 20 лет (Кодякова, 2010. С. 96).

Комиссия, которую возглавлял барон А.Н. Корф, по итогам проведенного обследования вывела следующие основные рекомендации по обеспечению и помощи пострадавшим жителям: для населения Селенгинского округа требуется хлеба 13317 пудов; для Верхнеудинского округа на пропитание – 25167 пудов и на посев – 176522 пуда 32 фунта. А всего для двух округов необходимо 215006 пудов 32 фунта. Из этого количества 1934 пуда подлежало заготовлению для казаков на суммы войскового капитала, а все остальное на продовольственный капитал (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 90).

Кроме того, Комиссия отметила, что самая критическая обстановка сложилась в селении Стрелочном Селенгинской Степной Думы, где требовалось хлеба в размере 82 пудов, в Новоспасском селении – 266 пудов и Ташеланском селении – 26 пудов. Для скорого решения этой проблемы комиссия предложила закупить обозначенное количество из хлебозапасного капитала в Верхнеудинске (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 91).

А.Н. Корф внимательно изучил документы – протоколы собраний сельских обществ, и сообщил в своем письме, что пострадавшие от неурожая крестьяне-хлебопашцы могут перевезти хлеб своими средствами из Верхнеудинска и лишь небольшая часть жителей – из Троицкосавска. Некоторая часть жителей Верхнеудинского округа (Кульская волость и Хоринское ведомство) согласились получить хлеб в Чите, если он будет заготовлен в Нерчинском и Нерчинско-Заводском округах. В этих округах была заводская пашня (Жеравина, 2004). В Нерчинском и Нерчинско-Заводском округах двумя годами ранее случился неурожай – в 1886 и 1887 годах, и населению этих округов также требовалась помощь на пропитание и на посев (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 2. Д. 173. Л. 3–24).

Жителям сел Стрелочное Селенгинской Степной Думы волостей Красноярской и Нижне-Нарымской потребовалось по 366 пудов, 4662 пуда и 3102 пуда соответственно и они ходатайствовали о выдаче пособия деньгами: Стрелочное селение по 1 руб. 50 коп в расчете купить хлеб по Джиде, а остальные по 2 руб. за пуд при покупке по Мензе. Таким образом, семейские землепашцы самостоятельно составляли сметы с учетом количества жителей, сколько зерна требуется на питание и сколько на посевы (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 90).

Комиссией были проверены списки всех нуждающихся с указанием их имущественного положения, также все пострадавшие жители обязались возместить понесенные государством расходы на устранение голода. Среди сельских жителей Российской Империи запрос на кредиты издревле гарантировался круговой порукой (Капустин, 1855), и в сельских сообществах семейских Западного Забайкалья подобная практика, имеющая юридическую силу, была широко распространена, о чем и указывает барон А.Н. Корф (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 90).

Комиссии предстояло выяснить, где и по каким ценам возможно закупить необходимое количество хлеба. Поэтому были собраны сведения о количестве запасов у зажиточных хлебопашцев, а также составлены списки лиц, занимающихся продажей хлеба на ярмарках. У зажиточных жителей, по подсчетам Комиссии, можно было собрать 100 пудов, некоторые из них готовы были продать хлеб в казну. Однако продажа хлеба в казну, по мнению А.Н. Корфа, могла быть бессмысленной операцией, поскольку нуждающиеся при получении самого минимального государственного пособия, за которым они обратились, сами могли бы выкупить хлеб у своих зажиточных соседей. Далее председатель комиссии высказывает опасения по поводу того, что покупка хлеба, находящегося в местном обращении в неурожайных местах *«может принести много вреда бедствующему населению, которое будет лишено возможности приобрести полпуда или пуд хлеба для дневного пропитания. Само собой разумеется, что подобный закуп возвысит продажную цену на хлеб до того, что бедному классу он сделается совершенно недоступным»* (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 90).

Очевидно, что проблему обеспечения продовольствием в случае голода следовало решать с точки зрения географического положения конкретных регионов, когда какие-либо из них способны выполнить донорские функции. Таким единственным регионом для Забайкалья была Иркутская губерния, откуда ранее привозился хлеб, предназначенный на посевы и на питание. Например, в 1864 г. по рапорту наказного атамана Забайкальского казачьего войска, направленному генерал-губернатору Восточной Сибири, именно для нужд войска был сделан запрос на ярицу, овес и гречу для посева из сельских экономических магазинов Иркутского, Верхоленинского, Киренского, Балаганского и Нижнеудинского округов в небольших количествах – 12 000 четвертей с последующим возвратом (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 185. Л. 18–19). Также в 1865 г. чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири обратился к Господину Председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири с рапортом о «Найме возчиков на перевозку зернового хлеба» из округов Иркутской губернии в г. Верхнеудинск в размере 120 000 пудов зернового хлеба для кре-

стьян и инородцев Забайкальской области (в т. ч. 120 000 пудов ярицей и 38 000 пудов рожью) (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 185. Л. 30). Цена на пуд ржаной муки по Иркутской губернии в 1888 году составляла 1 руб. 80 коп. А в более урожайные годы – 50 коп. за пуд пшеничного хлеба (Чернигов, 2003. С. 352).

Следует пояснить, что практически вся Сибирь относится к зоне рискованного земледелия, в Иркутской губернии, в Предбайкалье, наибольшей популярностью пользовалась озимая рожь, климатические и почвенные условия более благоприятствовали этому, а в Забайкалье с его более суровыми природными условиями наиболее устойчивой культурой оказалась ярица (Насонова, Хуснидинов, Кудрявцева, Ракоца, 2012). Комиссией была поставлена задача на будущее получить информацию о возможности закупить ярицу на посевы.

По мнению А.Н. Корфа, закупка и ввоз хлеба нового урожая из Иркутской губернии повлияли бы на уменьшение продажной цены в неурожайных округах. Но основная помощь и разрешение проблемы должны были пройти через закупку ярицы в Селенгинском и Троицкосавском округах (по Джиде) до 10000 пудов, в Укыр-Шонуйском отдельном Обществе и Мензинской станице (по Мензе) до 6000 пудов и в Монголии чрез агента из купцов семенной пшеницы до 5000 пудов. Также Комиссия предположила, что некоторое количество ярицы, вероятно, возможно будет закупить в Нерчинском и Нерчинско-Заводском округах (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 91). Однако впоследствии Комиссия пришла к выводу, что брать хлеб из сельских экономических магазинов Троицкосавского, Баргузинского и Читинского округов нецелесообразно, поскольку урожай в этих округах был ниже среднего в тот год, а также перевозка из отдаленных округов обойдется дороже, чем из Иркутска.

Заимствования из магазинов разных сельских обществ внутри области были более сложно устроены, приводили к запутыванию отчетности, проще было не заимствовать, а закупить в соседней губернии.

Цены на хлеб, которым торговали на тракте от Верхнеудинска до Читы, в 1889 году составили от 2 руб. 50 коп до 2 руб. 60 коп. за пуд. Комиссия посчитала оптимальным решением открыть в селе Поперечинское (Хоринская Степная Дума) государ-

ственный пункт по продаже муки: «Общество этого селения, за круговую порукою, согласно принять на себя хранение и продажу казенного хлеба» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 92).

Реализация 200 пудов хлеба по малым порциям местному нуждающемуся населению из этого магазина могла бы послужить препятствием для попыток местных торговцев искусственно возвышать цены на хлеб. Подобный пункт по продаже государственного хлеба Комиссия также предусмотрела и в Петровском Заводе, где большинство жителей было занято в металлургическом производстве, а не в хлебопашестве. Кризисная ситуация особенно задела и эту категорию населения в Верхнеудинском округе. «Обязанность хранения и продажу хлеба примет на себя Петровское волостное общество за круговую порукою» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 92). Такие предложения были обоснованы тем, что поселения Поперечинское и Петровский Завод располагались на центральных путях сообщения, куда легче всего было доставить хлеб.

Пострадавшие жители многих волостей ходатайствовали об отмене налогов на некоторое время, которые они платили хлебом. Так, например, жители Кульской волости просили освободить их от обязанности довольствоваться новобранцев и нижних чинов (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 95. Л. 92). В 1890 году старообрядцы Бичурского селения отказались выплатить из сельского экономического магазина руги Бичурской единоверческой церкви. Руга в России – это налог, который выплачивался хлебом. Крестьяне обязывались сдавать его официальной церкви, причем размер руги назначался произвольно на местах по решению администрации (Стефанович, 2002).

В Забайкалье в среде старообрядцев проводилась миссионерская деятельность и были организованы единоверческие церкви, которые все население, в том числе и старообрядцы, обязаны были поддерживать. По причине голодных 1888–1889 гг. они отказались его выплачивать. Возник спор между местной администрацией, единоверческой церковью с одной стороны и старообрядцами с другой. По ходатайству духовенства военный губернатор Забайкальской области 26 октября 1888 года распорядился выдать из сельских экономических магазинов ругу в размере 264 пуда церк-

ви. После отказа землепашцев передавать хлеб, священство и местная власть направили жалобы, где призывали направить к ним казачий отряд и забрать хлеб, т. е. таким образом выполнить распоряжение губернатора Забайкальской области.

До кризиса старообрядцы, не являясь прихожанами этой церкви, сдавали ругу в размере 264 пудов ежегодно. Желая добиться справедливости и находясь в критическом экономическом положении, старообрядцы обратились в вышестоящую инстанцию к Приамурскому генерал-губернатору с письмом «...мы не обязаны были участвовать в сказанной руге, но упомянутый притч все-таки получал таковую из экономических магазинов в количестве 264 пуда. Хотя подобное пользование нашим хлебом было и неправильно, но по случаю существовавшей у нас ранее дешевизны хлеба и вообще урожая, мы относились к этому незаконному пользованию спокойно, но ввиду прошлогоднего неурожая и грозящей голодовки, так что по распоряжению Вашего Высокопревосходительства нашему обществу ассигновано из казны в ссуду хлеба 25 тысяч пудов, то конечно при подобных условиях всякий необязательный расход хлеба является обременительным, вследствие чего мы, как не прихожане, в выдаче руги Бичурскому церковному притчу отказали, с чем согласился и Господин исправляющий должность Забайкальского Генерал-губернатора... Принимая в соображение, что мы как старообрядцы – не прихожане единоверческого духовенства, которое у нас не исправляет никаких религиозных треб, следовательно мы и не обязаны вносить в пользу этого притча никаких сборов...» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 104. Л. 22–29). Неисполнение требования военного генерал-губернатора Забайкальской области, которое старообрядцы в своем письме Приамурскому генерал-губернатору назвали незакон-

ным, они также посчитали не заслушанием, а сопротивлением несправедливости. В архивных документах пока не встретилась информация о том, чем это дело закончилось.

Вернемся к делам Комиссии, которая по итогам проведенного обследования вывела следующие рекомендации. Во-первых, выделить всем пострадавшим жителям (крестьянам, казакам и инородцам) Селенгинского и Верхнеудинского округов 54262 пуда 31 фунт и 71685 пудов зерна соответственно. Во-вторых, ходатайствовать о выделении из государственной казны денежной суммы в размере 645 000 руб. для закупки хлеба пострадавшему населению.

Кроме работы Комиссии и поддержки государства, пострадавшим жителям Селенгинского округа была собрана и передана безвозмездная гуманитарная помощь от зажиточных жителей, мещан и купцов городов Троицкосавска, Верхнеудинска и Иркутска. Была собрана денежная сумма в несколько тысяч рублей, продукты питания.

Заключение

Таким образом, мы видим, что в экономическом отношении локальные сообщества были тесно вплетены в хозяйственную систему региона и находились во взаимодействии с администрацией. Когда случались чрезвычайные происшествия, стихийные бедствия, то сообщества семейских старообрядцев, наряду с жителями других конфессий получали существенную государственную поддержку. В 1888–1889 гг. государственная помощь всем жителям Верхнеудинского и Селенгинского округов была оказана хлебом и денежными средствами. О жертвах голода в архивных документах не сообщается, благодаря своевременно оказанной помощи кризис был преодолен, и не вызвал еще более страшных последствий в последующие годы.

Список источников

Агапитова Р.В. Общественные хлебозапасные магазины (мангазеи) и особенности их функционирования // Архитектор и время: материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Галины Геннадьевны Оранской (1913–1986). Иркутск. 2013. С. 245–252.

Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 160 с.

References

Agapitova R.V. (2013) Public bakery stores (Mangazeis) and features of their functioning. *Arkhitektori i vremya: materialy chtenii, posvyashchennykh 100-letiyu so dnya rozhdeniya Galiny Gennad'evny Oranskoi (1913-1986) = Architect and Time: Proceedings of Readings Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Alice Gennadievna Oranskaya (1913-1986)*. Irkutsk, 2013. P. 245-252. (In Russ.).

Bolonev F.F. (1978) Folk calendar of the family of Transbaikalia (the second half of the XIX - early XX century). *Novosibirsk: Nauka*. 160 p. (In Russ.).

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск : Февраль, 1994. 148 с.

Болонев Ф.Ф. Пахари и ратники русских волостей Западного Забайкалья в XIX – начале XX в. Новосибирск : Изд-во «Книжница», 2005. 204 с.

Болонев Ф.Ф. Лен и конопля в хозяйстве русских крестьян Сибири XVII – начала XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 467–470. EDN: VUOEWL.

Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX в. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 206 с. EDN: TZASKR.

Васильева С.В. Роль старообрядцев в освоении Байкальской Азии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2013. № 1. С. 46–52. EDN: TRKERR.

Гаврилина Н.А. Благотворительность в Древней Руси // Клио. 2013. № 9 (81). С. 69–71. EDN: RBSXBJ.

Гаврилина Н.А. Сословное призрение в повседневной жизни российского общества в XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 4 (52). С. 28–33. EDN: ZSMIRO.

Жалсанова Б.Ц. «Реформа проводится бесповоротно...» Документы Национального архива Республики Бурятия о волостной реформе в Забайкальской области 1901–1904 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 1. С. 87–98. EDN: IBZHIZ.

Жеравина А.Н. Заводская пашня в снабжении провиантом нерчинских заводов // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 31–38. EDN: MXTXVO.

Капустин С.Я. Древнее русское поручительство. Казань : Изд. книгоподавца Ивана Дубровина, 1855. 62 с.

Кодякова Т.Е. Становление и развитие сельского хозяйства в Приамурье (исторический аспект) // Региональные проблемы. 2010. Т. 13. № 2. С. 96–100. EDN: TPXSGD.

Козлова С.А. Историко-географические особенности традиционного природопользования в жизнеобеспечении старообрядцев Западного Забайкалья М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2020. / Сер. Научная мысль. 194 с. <https://doi.org/10.12737/1016658>. EDN: ZVSZQZ.

Костров А.В. Специфика хозяйственной инфраструктуры старообрядческих общин байкальского региона в дореволюционный период : в 2 кн. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти профессора В.И. Дулова, 30–31 марта 2007 г., Иркутск. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2007. Кн. 1. С. 242–246. EDN: YIPRSV.

Bolonev F.F. (1994) Old Believers of Transbaikalia in the XVIII-XX centuries. Novosibirsk: Fevral'. 148 p. (In Russ.).

Bolonev F.F. (2005) Ploughmen and warriors of Russian volosts of Western Transbaikalia in the XIX - early XX centuries. Novosibirsk: "Knizhitsa". 204 p. (In Russ.).

Bolonev F.F. (2017) Flax and hemp in the economy of Russian peasants of Siberia of the 17th - early 20 century. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Vol. 23. P. 467-470. (In Russ.). EDN: VUOEWL.

Buraeva O.V. (2000) Economic and ethno-cultural ties of Russians, Buryats and Evenks in the XVII – mid. XIX century. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 206 p. (In Russ.). EDN: TZASKR.

Vasil'eva S.V. (2013) The role of Old Believers in reclamation of Baikal Asia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii = Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia*. No. 1. P. 46-52. (In Russ.). EDN: TRKERR.

Gavrilina N.A. (2013) Charity in Ancient Russia. *Klio*. No. 9 (81). P. 69-71. (In Russ.) EDN: RBSXBJ.

Gavrilina N.A. (2019) Class vision in the everyday life of Russian society in the XIX century. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. No. 4. P. 28-33. (In Russ.). EDN: ZSMIRO.

Zhalsanova B.Ts. (2008) "The reform is carried out irrevocably..." Documents of the National Archive of the Republic of Buryatia on the volost reform in the Trans-Baikal region 1901-1904. *Otechestvennye arkhivy = Domestic Archives*. No. 1. P. 87-98. (In Russ.). EDN: IBZHIZ.

Zheravina A.N. (2004) Factory arable land in the victualing the Nerchinsk factories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. No. 281. P. 31-38. (In Russ.) EDN: MXTXVO.

Kapustin S.Ya. (1855) Ancient Russian surety. Kazan': Izdanie knigopodavtsa Ivana Dubrovina. 62 p. (In Russ.).

Kodyakova T.E. (2010) Formation and development of agriculture in the Amur area (historical aspect). *Regional'nye problemy = Regional Problems*. Vol. 13. No. 2. P. 96-100. (In Russ.). EDN: TPXSGD.

Kozlova S.A. (2020) Historical and geographical features of traditional nature management in the life support of the Old Believers of Western Transbaikalia. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M. Ser. Nauchnaya mysl'. 194 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/1016658>. EDN: ZVSZQZ.

Kostrov A.V. (2007) The specifics of the economic infrastructure of the Old Believer communities of the Baikal region in the pre-revolutionary period: In 2 books. *Sibir' v izmenyayushchetsya mire. Istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora V.I. Dulova , 30–31 marta 2007 g., Irkutsk = Siberia in a changing world. History and modernity: Materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference dedicated to the memory of Professor V.I. Dulov. 30-31, March, Irkutsk*. Irkutsk: Irkutsk State University. Book 1. P. 242-246. (In Russ.). EDN: YIPRSV.

Костров А.В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.). Иркутск : Изд-во ИГУ. 2010. 443 с. EDN: TPCAML.

Матющенко В.С. История старообрядчества Белокриницкой иерархии в Амурской области. Благовещенск : Одеон, 2014. 287 с. EDN: STWFYB.

Насонова Н.Е., Хуснидинов Ш.К., Кудрявцева Т.Г., Ракоца Э.Ю. История происхождения и возделывания яровой ржи в Предбайкалье // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2012. № 1 (26). С. 161–165. EDN: OWDZRD.

Просяков А.Ю. Хлебозапасная система в дореволюционной России: формирование и совершенствование // Пищевая промышленность. 2018. № 2. С. 12–15. EDN: YNTMLB.

Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М.: Изд-во «Индрик», 2002. 352 с. EDN: SXHVCD.

Чернигов А.К. Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. Иркутск : Оттиск, 2003. Т. 1. 464 с.

Kostrov A.V. (2010) The Old Believers of Baikal Siberia in the "transitional" period of National History (1905-1930s). Irkutsk: Irkutsk State University. 443 p. (In Russ.). EDN: TPCAML.

Matyushchenko V.S. (2014) The history of the Old Believers of the Belokrinitsky hierarchy in the Amur region. Blagoveshchensk: Odeon. 287 p. (In Russ.). EDN: STWFYB.

Nasonova N.E., Khusnidinov Sh.K., Kudryavtseva T.G., Rakotsa E.Yu. (2012) History of origin and cultivation of spring rye in Cisbaikalia region. *Vestnik Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii im. V.R. Filippova = Bulletin of the Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov*. No. 1(26). P.161-165. (In Russ.). EDN: OWDZRD.

Prosekov A.Yu. (2018) Grain stocks system in pre-revolutionary Russia: its formation and development. *Pishchevaya promyshlennost' = Food industry*. No. 2. P. 12-15. EDN: YNTMLB.

Stefanovich P.S. (2002) Parish and parish clergy in Russia in the XVI-XVII centuries. Moscow: Indrik. 352 p. (In Russ.). EDN: SXHVCD.

Chernigov A.K. (2003) Irkutsk narratives. 1661-1917: In 2 v. Irkutsk: "Ottisk". Vol. 1. 464 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Васильева Светлана Владимировна,
доктор исторических наук, профессор, кафедра
религиоведения и теологии,
Бурятский государственный университет имени Доржи
Банзарова,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 «а», Россия,
e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Козлова Светлана Алексеевна,
начальник отдела экологического просвещения,
ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»,
664050, г. Иркутск, ул. Байкальская, 291Б,
e-mail: svetsergo1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5056-0346>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2023 г.; одобрена после рецензирования 21 октября 2023 г.; принята к публикации 7 ноября 2023 г.

Information about the authors

Svetlana V. Vasilyeva,
Dr. Sci. (History), Professor, of the Department of Theology
and Religious Studies,
Banzarov Buryat State University,
24A, Smolin St., Ulan-Ude 670000, Russia,
e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Svetlana A. Kozlova,
Head of the Environmental Education Department,
FGBI "Western Baikal protected areas",
291B, Baikal'skaya St., Irkutsk 664050, Russia,
e-mail: svetsergo1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5056-0346>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 4, 2023; approved after reviewing October 21, 2023; accepted for publication November 7, 2023.

История

Научная статья
УДК 94(571.51/.52).083:271.11-762
EDN: MFKEMH
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-126-136

Миссионерская деятельность в Енисейской епархии в конце XIX – начале XX в.: трудности и достижения

Н.Я. Артамонова, В.Н. Асочакова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

Аннотация. В статье осуществлен анализ миссионерской деятельности в инородческих приходах Енисейской епархии в конце XIX – начале XX в. Исследование проведено по материалам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии. В конце XIX – начале XX в. здесь проживали в основном крещеные инородцы, и миссионерская деятельность была направлена преимущественно на утверждение в них веры и основ христианской жизни. Деятельность миссионеров в инородческих приходах Минусинского и Ачинского уездов не всегда давала положительные результаты. Препятствием для достижения успехов являлись недостаточный образовательный и культурный уровень местных священников, незнание языка инородческой паствы. Немалые трудности при миссионерской деятельности вызывали географические и природно-климатические особенности приходов, разбросанность их на больших пространствах, малочисленность или отсутствие храмов в местах, населенных инородцами, приверженность их к языческим обрядам и шаманизму. Однако миссионерская деятельность отдельных священников инородческих приходов в конце XIX – начале XX в. была довольно успешной. Священники, окончившие специальные духовные учреждения и владевшие методикой и методами миссионерской деятельности, достигали успехов в распространении православия среди инородцев. Значительная роль в миссионерской деятельности отводилась развитию начального школьного образования среди коренного населения Минусинского и Ачинского уездов. Некоторые ученики, окончившие церковно-приходскую школу, продолжали обучение в Бийском катехизаторском и Красноярском духовном училищах. Проблемам института миссионеров были посвящены епархиальные миссионерские съезды. Сделан вывод о том, что миссионерская деятельность являлась главной составляющей христианизации коренного населения Минусинского и Ачинского уездов. В конце XIX – начале XX в. она была направлена в основном на утверждение веры и основ христианской жизни у инородческого населения. Это соответствовало государственным интересам Российской империи, направленным на освоение и закрепление сибирского региона на основе единой православной веры.

Ключевые слова: Енисейская епархия, Минусинский и Ачинский округа/уезды, миссионерская деятельность, миссионерство, священник-миссионер, церковный приход, Инородная управа, инородцы, христианизация, православие

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, <https://rscf.ru/project/23-28-10111/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасии.

Для цитирования: Артамонова Н.Я., Асочакова В.Н. Миссионерская деятельность в Енисейской епархии в конце XIX – начале XX в.: трудности и достижения // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 126–136. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-126-136>. EDN: MFKEMH.

History

Original article

Missionary activity in the Yenisei diocese at the end of the 19th - early XX centuries: difficulties and achievements

Nadezhda Ya. Artamonova, Valentina N. Asochakova

Khakass State University named after N.F. Katanov, Abakan, Russia

Abstract. The article analyzes missionary activity in aboriginal (native) parishes of the Yenisei diocese in the late nineteenth

and early twentieth centuries. The conducted study is based on the materials of the Minusinsk and Achinsk districts of the Yenisei province. In late nineteenth - early twentieth centuries mainly baptized aborigens lived here, and missionary activity was aimed primarily at establishing in them faith and the foundations of the Christian life. Activities of missionaries in foreign parishes of Minusinsk and Achinsk districts did not always give positive results. An obstacle to success was the lack of education and cultural level of local priests, ignorance of the language of the foreign flock. Considerable difficulties in missionary activity were caused by geographical and natural-climatic features of the parishes, their dispersion over large spaces, the paucity or absence of temples in places inhabited by aborigens, their commitment to pagan rituals and shamanism. However, the missionary activity of individual priests of aborigin native parishes in the late nineteenth and early twentieth centuries was pretty successful. Priests who graduated from special spiritual institutions and those who owned the methodology and methods of missionary activity, achieved success in spreading Orthodoxy among aborigens. A significant role in missionary activity was assigned to the development of primary school education among the indigenous population of the Minusinsk and Achinsk districts. Some students who graduated from the parochial school continued their studies at the Biysk catechetical and Krasnoyarsk religious schools. Diocesan missionary congresses were devoted to the problems of the institution of missionaries. It is concluded that missionary activity was the main component of the Christianization of the indigenous population of Minusinsk and Achinsk districts. At the end of the 19th - beginning of the 20th centuries it was aimed mainly at affirming the faith and the foundations of Christian life among the non-native population. This was in line with the policy of the Russian Empire, aimed at the development and consolidation of the Siberian region on the basis of a single Orthodox faith.

Keywords: Yenisei diocese, Minusinsk and Achinsk districts, missionary activity, missionary work, missionary priest, church parish, Aborigin Department, aborigens, Christianization, Orthodoxy

Acknowledgements: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation project No. 23-28-10111, <https://rscf.ru/project/23-28-10111/> with parity financial support from the Government of Republic of Khakassia.

For citation: Artamonova N.Ya., Asochakova V.N. (2023) Missionary activity in the Yenisei diocese at the end of the 19th - early XX centuries: difficulties and achievements. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 126-136. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-126-136>. EDN: MFKEMH.

История Русской православной церкви (далее – РПЦ) в современной отечественной историографии становится весьма актуальным объектом исследования. Историческим событием, заслуживающим внимания исследователей, стала христианизация коренных народов Сибири. Исключительной по своей значимости является миссионерская деятельность как неотъемлемая часть церковной политики Российской империи.

Конец 1980-х – 1990-е гг. радикально изменили политическую, экономическую и культурную сферы российского общества, условия жизни и деятельности граждан России. Существенные изменения произошли и в деятельности РПЦ. В целях возрождения православной миссии с середины 1990-х гг. началась разработка новых форм, методов распространения православия и миссионерской деятельности. В 1995 г. Священным Синодом РПЦ была принята «Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви», в которой отражено не только современное состояние церкви, но и определены перспективы ее развития.

Тема миссионерского служения священников в настоящее время изучается довольно интенсивно

и постепенно включается в современную отечественную историографию. В большей степени это можно отнести к исследованиям на региональном уровне (Терскова, 2010; Терскова, 2015; Хорина, 2012; Дворецкая, Коновалова, Терскова, 2019; Софронов, 2005; Кудашкин, Наумова, 2015). Значительный вклад в историографию Сибири внесла Л.Н. Харченко. В ряде ее работ можно выделить монографию, посвященную миссионерской деятельности в Сибири со второй половины XIX в. по февраль 1917 г. (Харченко, 2004а). Ее исследования охватывают Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области (Харченко, 2004б; Харченко, 2005). Миссионерской деятельности в Сибири посвящен ряд работ И.И. Юргановой. В одной из своих статей на основе аналитического метода она осуществила историко-аналитический обзор миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири в период с XVII по начало XX в., определила закономерности, методы и способы решения задач миссионерства на территории Сибири (Юрганова, 2020). По мнению исследователя, миссионерство «представляет не только способ церковной проповеди, но и метод освоения новых территорий»

(Юрганова, 2020. С. 111). В исследовании авторов С.В. Васильевой и С.З. Ахмадулиной раскрыто просветительское значение монастырей Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в. (Васильева, Ахмадулина, 2023). Изучение процесса христианизации хакасов и значения православной веры в истории и культуре Хакасии не является столь же активным. Важную роль в обращении хакасов в православную веру играла деятельность священников-миссионеров в инородческих приходах. В основе этого исторического мероприятия лежал законодательный документ 1822 г. «Устав об управлении инородцев», регламентировавший жизнедеятельность аборигенного населения Сибири. Миссионерская деятельность предполагала присоединение к РПЦ старообрядцев и различного рода сект, а также обращение в православную веру инородческое население. В Хакасии есть незначительное количество работ, затрагивающих проблему миссионерской деятельности. Книга историка, краеведа А.Н. Гладышевского является одной из востребованных исследователями, которые занимаются проблемами христианизации хакасов (Гладышевский, 2004). Отдельного упоминания заслуживают работы В.Н. Асочаковой, автора научных трудов о роли Русской православной церкви в истории Хакаско-Минусинского края, христианизации коренных народов Сибири. Значительное место она уделяет и вопросам миссионерской деятельности. Исследуя формы, методы, этапы христианизации коренных народов Сибири в XVIII – первой четверти XIX в., она раскрывает также причины, препятствовавшие миссионерской деятельности в Хакаско-Минусинском крае (Асочакова, 2014; Асочакова, 2018; Асочакова, Чистанова, 2018). Енисейская губерния в дореволюционный период состояла из пяти округов (с 1898 г. – уездов): Красноярского, Канского, Енисейского, Абаканского и Ачинского. Используем информацию из книги А.Н. Гладышевского: «Большая часть Хакасии входила в состав Минусинского округа, <...>, другая часть – в Ачинский округ и третья – в Кузнецкий округ Томской губернии» (Гладышевский, 2004. С. 7). В этих округах Енисейской и Томской губерний жили качинцы, сагайцы, бельтыры, койбалы и кызыльцы, которые в официальных документах назывались инородцами, татарами, кир-

гизами (минусинскими, абаканскими, енисейскими) (Гладышевский, 2004. С. 7).

В 1873 г., по примеру Туруханского края, где с упразднением Туруханской миссии появились миссионерские приходы, некоторые из приходов Минусинского и Ачинского округов также получили название миссионерских (Извлечение из Отчета..., 1885. С. 92)¹. В 1884 г. в Енисейской епархии насчитывалось 12 миссионерских приходов (инородческих и противораскольничьих). Семь из них располагались в Минусинском и Ачинском округах и пять – в Туруханском крае (Извлечение из Отчета..., 1885. С. 93)². Церковно-территориальное размещение приходов с русским населением в основном локализовалось на правом берегу Енисея, а с коренным населением – на левом берегу (Асочакова, 2014. С. 34). Можно утверждать, что в Енисейской епархии к 1884 г. в основном завершилось образование церковных миссионерских приходов, хотя в 1893 г. произошло выделение из крупных Усть-Фыркальского и Усть-Абаканского приходов нового, Синявского прихода (Гладышевский, 2004. С. 60). В 1894 г. в Енисейской епархии уже насчитывалось 14 миссионерских приходов: 8 – в Минусинском и Ачинском округах (Усть-Абаканский, Аскызский, Усть-Есинский, Усть-Фыркальский, Синявский, Божоезерский, Чебаковский и Верхне-Усинский) и 6 – в Туруханском крае.

Как показывают материалы Енисейских епархиальных ведомостей (далее – ЕЕВ), в состав Минусинского и Ачинского округов к 1890 г. входили инородцы «большой частью уже давно просвещенные святым крещением». Некрещеных инородцев в этих округах оставалось мало, а инородцев-язычников, судя по материалам ЕЕВ, встречались единицы. В основном это были престарелые люди, которые, «решившись умереть с унаследованными от отцов и дедов верованиями, не хотят слушать никаких внушений христианских проповедников». По невнимательности и беспечности своих родителей оставались некрещеными малые

¹ Извлечение из Отчета о состоянии Енисейской епархии за 1884 г. Миссионерская деятельность // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 9. С. 91–99.

² Там же.

дети (Извлечение из Отчета..., 1890. С. 210–211)³. В.Н. Асочакова считает, что наиболее успешными по количественным показателям в истории православного миссионерства были 80–90-е гг. XIX в. (Асочакова, 2014. С. 33). Она, ссылаясь на материалы ЕЕВ, подтверждает это следующими данными: «среди хакасов – автохтонов Хакасско-Минусинского края к концу 90-х гг. XIX в. некрещеной оставалась только 1/13 часть» (Асочакова, 2014. С. 33). В конце XIX – начале XX в., таким образом в миссионерских приходах Минусинского и Ачинского уездов проживали в основном крещеные инородцы, и миссионерская деятельность была направлена преимущественно на утверждение в них веры и основ христианской жизни. С этой целью священники-миссионеры проводили в приходских церквях богослужение по воскресеньям и праздничным дням. Кроме того, устраивали собрания, на которых объясняли молитвы, знакомили с церковным богослужением, раскрывали несообразность христианского учения с язычеством, объясняли важность грамотности, побуждая детей к образованию и т. д. Поскольку многие улусы инородцев находились далеко от церкви, священники несколько раз в год объезжали эти улусы, учили инородцев правилам христианской жизни и нравственности, истинам православной веры (Извлечение из Отчета..., 1890. С. 211–212)⁴. К 1889 г. священники-миссионеры Минусинского и Ачинского округов посетили почти все, даже самые отдаленные, улусы. Вследствие сложных местных климатических, природно-географических условий, разбросанности улусов на больших пространствах, отдаленности их от приходских храмов, недостаточности храмов и причтов в степях, посещение миссионерами улусов и внедрение в жизнь инородцев начал христианской жизни представлялось довольно затруднительным мероприятием (Там же. С. 212–213)⁵. Эти и другие причины тормозили миссионерскую деятельность. Тем не менее, отмечалось в Отчете о миссионерской деятельности за 1889 г. «скромные труды миссионеров не оставались бесплодными. Религиозное развитие инород-

цев, медленно, но все же подвигается вперед» (Там же. С. 213)⁶. Инородцы (сагайцы) стали чаще посещать храмы, особенно в Усть-Есинском приходе, где при богослужении участвовали дети – ученики местной церковно-приходской школы (далее – ЦПШ), и где некоторые песнопения читались и пелись на инородческом языке (Там же. С. 213)⁷. Кроме того, инородцы стали обращаться к священнику за напутствием больных, крестить малолетних детей; отпевать покойников по обряду. Большинство крещений обычно совершалось во время объездов священника по улусам (Там же. С. 213–214)⁸. В Отчетах о миссионерской деятельности в Енисейской епархии отмечается, что среди минусинских и ачинских инородцев ослабевают шаманство и языческие обряды. И далее: «И все же к шаманам, как знахарям, при болезнях инородцы иногда прибегают, особенно в улусах, находящихся вдали от церкви и русских селений» (Там же. С. 215–216)⁹. Редко посещают храм инородцы (кызыльцы) Божоезерского прихода Ачинского округа. В основном это старые люди, молодое же поколение посещают богослужения охотно.

О трудностях, препятствовавших успешной миссионерской деятельности, весьма интересную информацию представляет в Отчете за 1892 г. священник Усть-Есинской Евдокиевской миссионерской церкви Симеон Чисмочаков. До 1892 г. в приходе священствовал Николай Катанов, из минусинских инородцев, имевший за плечами Красноярскую учительскую семинарию. Учителем же в местной ЦПШ служил инородец Симеон Чисмочаков, окончивший курс в Бийском катехизаторском училище. Усть-Есинский приход был единственным из инородческих приходов, в котором богослужения и проповеди, а также преподавание в ЦПШ проводилось на родном наречии инородцев. Следует отметить, что Усть-Есинский приход при священнике Н.Катанове, с точки зрения А.Н. Гладышевского, считался «самым благополучным из инородческих приходов» (Гладышевский, 2004. С. 49). После смерти в 1892 г. священника Н. Катанова приход возглавил учитель ЦПШ Симе-

³ Извлечение из отчета о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1890 год // Енисейские епархиальные ведомости. 1890. № 13/14. С. 210–219.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

он Чисмочаков, который успешно продолжил миссионерско-просветительную традицию Н. Катанова. Причт Усть-Есинской церкви состоял из священника, дьякона и псаломщика. Священник (С. Чисмочаков) был телеутом Кузнецкого округа Томской губернии, псаломщик, он же учитель ЦПШ – представителем коренных жителей Минусинского округа, сагайцем. И тот, и другой окончили полный курс Бийского катехизаторского училища, а дьякон обучался в Томском духовном училище (Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 667. Оп. 1. Д. 53. Л. 23 об.). Все они получали жалованье от казны: священник в год получал 600 руб. дьякон и псаломщик – каждый по 200 руб. Интересен Отчет С. Чисмочакова, представленный Комитету Енисейского епархиального православного миссионерского общества за 1892 г. Священник характеризует географические и природно-климатические особенности территории проживания инородцев Усть-Есинского прихода. Стойбища и улусы инородцев друг от друга находились обычно на более или менее далеком расстоянии, поскольку все занимаются скотоводством. «Вообще инородцы Усть-Есинского прихода, – пишет С. Чисмочаков, – живут во всяком месте, где только есть вода, ..., где водятся звери и ведутся пчелы» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 667. Оп. 1. Д. 53. Л. 21). Значительно осложняли поездки священников в улусы Усть-Есинского прихода большие и малые реки: Абакан, Таштып, Сея, Анчуль, Имек, Кызылсуг, Бутрах, Чиланы и прочие «Все они являют физическое и непреодолимое препятствие миссионерским поездкам во всякое время года, а в особенности весной», – продолжает С. Чисмочаков. Это обстоятельство явилось причиной трагической смерти первого миссионера Усть-Есинского прихода отца Андроника Баблишева и Н. Катанова» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 667. Оп. 1. Д. 53. Л. 21). Миссионеры от улуса к улусу добирались верхом на лошадях или лодках. В Усть-Есинском приходе Минусинского округа температура зимой достигала до 20, 25, 30, а зимой 1892 г. морозы достигали до 40 градусов. «Ветра и бураны бывают систематически, а иногда сильные ветры дуют по целым неделям. <...>. Эти обстоятельства, – отмечает С. Чисмочаков, – препятствием к миссионерским поездкам быть

не могут» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 667. Оп. 1. Д. 53. Л. 21 об.).

Отчет С. Чисмочакова напоминает скорее небольшое научное исследование. Священник описывает не только природно-климатические, но и бытовые условия проживания инородцев Усть-Есинского прихода. В период поездок по улусам священнику приходилось останавливаться в жилищах инородцев, то есть юртах, которые ставились прямо на земле без полов и печек. В ней помещалось все семейство инородца. В юрте стоял дым и чад от горящих дров, раскладываемых посередине юрты. «В такой-то неприглядной обстановке приходится находиться миссионеру не один и не два дня, – с горечью отмечал С. Чисмочаков. – Хорошо еще если нет дождей и ветру (зимой), а то горе обитающим в ней: промокнешь и продрогнешь до костей, после чего должен хворать в лихорадке, а то еще хуже» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 667. Оп. 1. Д. 53. Л. 23).

И тем не менее миссионерские поездки священников давали неплохие результаты. Судя по Отчету священника Симеона Чисмочакова, усилилось стремление жителей улусов к школьному образованию. В Усть-Есинском приходе с 1887 г. функционировала церковно-приходская школа. Первым учителем в ней состоял, как было отмечено выше, С. Чисмочаков (КГКУ «ГАКК»). Ф. 667. Оп. 1. Д. 53. Л. 26). В некоторых инородческих приходах Минусинского и Ачинского округов были министерские и церковно-приходские школы. На территории Усть-Фыркальского прихода находились две одноклассных школы: министерская и ЦПШ, в Синявском приходе работали две ЦПШ, Чебаковском (Покровском) церковном приходе была открыта одна школа. В Божоезерском церковном приходе в 1888 г. была открыта одна ЦПШ (Гладышевский, 2004. С. 58, 61, 70). То есть дело распространения грамотности и образования инородческого населения не быстро, но все-таки продвигалось. Некоторые ученики, окончив ЦПШ, продолжали обучение в Бийском катехизаторском и Красноярском духовном училищах.

Будучи священником Усть-Есинского прихода, С. Чисмочаков в 1894 г. сделал перевод пособия «Беседы готовящимся ко св. крещению» с телеутского на сагайское наречие для понимания его инородцами Минусинского округа. Бийский цен-

зурный миссионерский комитет признал перевод «Бесед...» годным для минусинских инородцев. Книга была напечатана и в феврале 1894 г. 1000 экз. были разосланы причтам инородческих приходов Минусинского и Ачинского округов для распространения между грамотными инородцами (Извлечение из отчета..., 1895. С. 153–154)¹⁰.

В несколько иных условиях осуществлялись поездки по Сиявскому¹¹ приходу священника Гавриила Суховского. Причт состоял из двух человек. Сам Г. Суховский являлся выпускником Красноярского духовного училища, псаломщик (из инородцев) окончил Бийское катехизаторское училище (КГКУ «ГАКК». Ф. 667. Оп. 1. Д. 76. Л. 9). Всего в приходе было 60 улусов. Некоторые улусы состояли из 2–4 юрт, некоторые – из 20 (КГКУ «ГАКК». Ф. 667. Оп. 1. Д. 76. Л. 8). Со слов Г. Суховского узнаем, что «со всеми улусами сообщение беспрепятственное, речки небольшие, горы невысокие... . Везде проложены (хотя и не везде завидные) дороги» (КГКУ «ГАКК». Ф. 667. Оп. 1. Д. 76. Л. 8). Наиболее благоприятным временем для посещения инородцев, по мнению Г. Суховского, была зима, поскольку в это время года они почти все находились дома. Способ езды по приходу – на лошадях в экипажах. Лошадей давали прихожане. Сиявский приход граничил с инородческими приходами Усть-Камыштинским и Аскызским. Русских сел и деревень вблизи инородцев, принадлежавших к Сиявскому приходу, не было (КГКУ «ГАКК». Ф. 667. Оп. 1. Д. 76. Л. 8). По свидетельству священника Гавриила Суховского, инородцев язычников в приходе причт не встречал, хотя и были случаи крещений инородческих детей православных родителей от 5 до 18 лет, но подобные случаи были немногочисленные. Священник отмечает, что «причина долгого некрещения детей объясняется не суевением, не предубежденностью против святого крещения, а просто непониманием родителями важности таинства святого крещения» (КГКУ «ГАКК». Ф. 667. Оп. 1. Д. 76. Л. 8 об.).

¹⁰ Извлечение из отчета Енисейского епархиального Комитета Высочайше утвержденного православного миссионерского общества за 1894 год // Енисейские епархиальные ведомости. 1895. № 11. С. 152–157.

¹¹ В некоторых документах встречается название прихода «Сиявинский».

Священник Г. Суховский в отчетном, 1895 г., посетил отдаленные улусы один раз со святыми иконами на пасхе. По его мнению, «для более успешного поднятия религиозно-нравственного уровня инородцев нужно открыть храм, школу, в более населенных пунктах построить часовни» (КГКУ «ГАКК». Ф. 667. Оп. 1. Д. 76. Л. 10).

Немаловажная роль в распространении православия и укреплении у прихожан Усть-Абаканского инородческого прихода православной веры принадлежала церковно-приходскому попечительству, созданному в 1890 г. в с. Усть-Абаканском. Деятельность этого благотворительного учреждения была направлена не только на благоустройство приходского храма, но и «на устройство молитвенных домов, школ грамотности с обучением мастерам, необходимым в быту инородцев, к устройству небольшой лечебницы и богадельни для старых и бесприютных инородцев». Председателем попечительства был избран священник Николай Путилов, имевший солидный опыт миссионерской деятельности в Усинском крае, казначеем – церковный староста М. Доможаков, членами – Н. Шоев, М. Райков и А. Кульбечиков. Усилиями попечительства на пожертвования и деньги Инородной управы в с. Усть-Абаканском была открыта одноклассная ЦПШ и общежитие для мальчиков. Учителем в ней состоял вначале выпускник Красноярской учительской семинарии М.И. Райков, после его увольнения в 1893 г. – Г.И. Итыгин, выпускник той же учительской семинарии.

Серьезным препятствием для достижения положительных результатов в миссионерской деятельности являлись недостаточный образовательный и культурный уровень местных священников, незнание языка своей инородческой паствы. В то же время, священники, окончившие специальные духовные учреждения и владевшие методикой и методами миссионерской деятельности, достигали значительных результатов при обращении инородцев в православную веру. Одним из таких образованных, всесторонне развитых священников-миссионеров был Владимир Кузьмин, священник Аскызской Петропавловской церкви. В 1904 г. он окончил Красноярскую духовную семинарию «с причислением к первому разряду» и удостоивался

«звания студента с выдачей аттестата» (Разрядный список..., 1904. С. 361)¹².

Вопросам миссионерства были посвящены миссионерские съезды, что свидетельствовало о внимании к данной проблеме Правительства Российской империи, Священного Синода, регионального духовенства. Так, с 25 по 30 июня 1908 г. в Красноярске состоялся первый миссионерский съезд Енисейской епархии (Богданов, 1908). Съезд охватил назревшие вопросы миссионерской деятельности в Енисейской епархии и подготовил соответствующие постановления об институте миссионерства и средствах борьбы с расколом, сектанством, неверием и проч.

Весьма резко высказался по вопросу успешности «победы христианства над язычеством» обитателей Абаканской долины В. Кузьмин, выступив 28 июня с докладом «О желательных и крайне необходимых мерах к улучшению постановки миссионерского дела среди инородцев, живущих по р. Абакану (Минус. у.) и, в частности, в Аскызском приходе». По мнению В. Кузьмина, «ни для кого не секрет, что действительной победы христианства над язычеством здесь не было, ибо последнее до сих пор еще слишком сильно тяготеет над жизнью инородцев», что говорить о «глубоком проникновении в жизнь христианских начал» еще рано. Например, во внешнем укладе жизни Абаканских инородцев видно сильное господство язычества (Кузьмин, 1908а. С. 30). Огромной и всеобщей симпатией, по наблюдениям В. Кузьмина, пользовалось шаманство. Старыми языческими обычаями сопровождаются погребение, поминки, мировая, отправление на охоту (Кузьмин, 1908а. С. 30). Христианские же обычаи и обряды почти не привились в жизни инородца. В. Кузьмин подтверждает это тем, что «огромное большинство инородцев живут в браке невенчанными, умирают без напутствования св. Тайнами и погребаются без церковного чиноположения и отпевания» (Кузьмин, 1908а. С. 31). Очень немногие инородцы посещают храм, соблюдают посты, говение, исповеди и прочие обязанности христианина. Воскресные и праздничные дни инородцы проводят обычно в пьянстве, кото-

рое начинается еще с вечера кануна (Кузьмин, 1908а. С. 31).

В. Кузьмин задается вопросом: кто же виноват в этой безуспешности полуторагодовалой проповеди среди абаканских инородцев? Он считает, что «виноваты... мы сами, проповедники, виновата наша «теплохладность», совершенно неуместная в столь высоком и священном деле, как проповедь великого евангельского учения» (Кузьмин, 1908а. С. 31). В деле приобщения к православной вере, считает священник, немалую роль играет статистика, когда происходят массовые крещения. «Картина величественная! Минута умилительная!.. Ведь такое событие должно знаменовать собою перерождение целого народа!». При массовых крещениях, как это случилось в Аскызском приходе, «на инородцев просто надевали кресты, но отпустили жить по-прежнему, не облекши во Христа» (Кузьмин, 1908а. С. 31).

Посчитав самой главной причиной плохого развития христианства среди инородцев постановку миссионерского дела, священник В. Кузьмин представил на съезде свое видение, по сути, программу дальнейшей миссионерской деятельности. Прежде всего, нужно немедленно устроить несколько катехизаторских пунктов в каждом инородческом приходе. В помощь священнику прихода должны быть «деятельные помощники по вероучительству», то есть катехизаторы. Для их подготовки необходимо открыть миссионерскую школу. Он представил Программу обучения и затронул вопрос о преподавателях в этом училище (Кузьмин, 1908с. С. 41).

В. Кузьмин представил съезду следующие выводы и предложения: 1) Настоящее положение Абаканской миссии крайне плачевно: она не имеет ни настоящих миссионеров-проповедников на инородческом языке, ни правильной организации дела; 2) Абаканская миссия требует немедленной реорганизации, а именно: приобретения миссионера – знатока местных наречий, открытия миссионерской семинарии и учреждения штатов катехизаторов; 3) Миссионерско-инородческие приходы Минусинского уезда должны быть избавлены от общепархиальных налогов и церковных доходов; их должно обратить на постройку молитвенных домов и содержание катехизаторов; 4) Средства на осуществление этой реформы должны дать частью

¹² Разрядный список воспитанников Красноярской духовной семинарии // Енисейские епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 361.

епархия, а большей частью центральное церковное и государственное учреждения (Кузьмин, 1908d. С. 39). Кстати, сам В. Кузьмин был одним из немногих священников-миссионеров, владевших сагайским диалектом инородцев. Значительную помощь ему в этом оказал профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов, к которому священник обратился за помощью в изучении языка (Кузьмин, 1908b. С. 41–42).

Известно, что Владимир Кузьмин был делегатом IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве в 1908 г., который по своему составу, широте вопросов, подлежавших рассмотрению, по словам очевидцев, можно было назвать не Миссионерским съездом, а Всероссийским Поместным Собором (Орфеев, 1908. С. 28–29).

В 1913 г. из миссионерских приходов южной части Енисейской губернии был создан Минусинский благочиннический округ, во главе которого был поставлен Владимир Кузьмин в сане протоиерея. Он же был настоятелем Минусинского Спаского собора (Гладышевский, 2004. С. 34).

Миссионерская деятельность РПЦ продолжалась и в годы Первой мировой войны, хотя формы, методы ее несколько изменились. Об этом свидетельствует доклад миссионера-протоиерея В. Кузьмина на заседании пастырско-миссионерского собрания духовенства Минусинского уезда в г. Минусинске 12 янв. 1915 г. «К чему обязывают пастырей новые условия русской жизни и ее ближайшее будущее?». По мнению священника, задачи современной пастырской деятельности стали более сложными и трудными. Тем не менее главной обязанностью пастырей остается необходимость «учить народ вере и благочестию», а также продолжать бороться с сектанством, с проповедью безбожия. (Журнал заседания..., 1915. С. 18)¹³. По-прежнему оставался актуальным вопрос о борьбе с пьянством, с которым пастырь должен вступить «в самую напряженную борьбу». В. Кузьмин предложил организовать Уездный комитет по устройству народных чтений, в соответствии с постановлением уездного съезда благочин-

ных и членов благочиннических советов в августе 1914 г. Более того, он предложил схему этой организации и ее отделений по благочиниям (Там же. С. 18–19)¹⁴.

Миссионерская деятельность являлась неременной составляющей в христианизации коренного населения Минусинского и Ачинского миссионерских церковных приходов и отражала государственную идеологию Российской империи. Наиболее успешными по количеству инородцев, обращенных в православную веру, были 1880–1890-е гг. К концу 1890-х гг. почти повсеместно была завершена христианизация нерусских народов Российской империи. В Минусинском и Ачинском уездах некрещеных инородцев оставалось мало, 1/13 часть автохтонного населения. Поэтому миссионерская деятельность здесь была направлена на укрепление православной веры и основ христианской жизни. В основном в миссионерской деятельности использовались ненасильственные методы христианизации. Священники-миссионеры проводили в приходских церквях богослужение по воскресеньям и праздничным дням, устраивали собрания, на которых объясняли молитвы, знакомили с церковным богослужением, толковали о невозможности сосуществования христианского учения с язычеством, беседовали о пользе образования, побуждая тем самым детей к образованию. Миссионерская деятельность священников сопровождалась серьезными трудностями, вызванными обширными пространствами, сложными климатическими, природно-географическими условиями, разбросанностью улусов на больших территориях, недостаточностью храмов и причтов в степях. Все это делало посещение миссионерами улусов и проведение в жизнь инородцев начал христианской жизни довольно затруднительным мероприятием.

Но основная трудность в миссионерской деятельности заключалась в незнании языка коренного населения Минусинского и Ачинского уездов большинством священников-миссионеров. На повестке дня стоял вопрос об открытии духовного училища по подготовке миссионерских кадров на местах, которые бы владели наречиями инородческого населения уездов. Несмотря на трудности,

¹³ Журнал заседания пастырско-миссионерского собрания духовенства Минусинского уезда Енисейской епархии, в г. Минусинске 12 янв. 1915 г. с резолюциями Архипастыря // Енисейские епархиальные ведомости. 1915. № 6. С. 13–20.

¹⁴ Там же.

миссионерская деятельность в целом была успешной. Были достигнуты значительные успехи в процессе христианизации коренного населения Минусинского и Ачинского уездов, распространении православия, утверждении христианской морали и нравственности.

синского и Ачинского уездов, распространении православия, утверждении христианской морали и нравственности.

Список источников

References

Асочакова В.Н. Эволюция миссионерской деятельности Русской православной церкви в 80–90-е годы XIX века (на примере Хакасско-Минусинского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11–2 (49). С. 32–35. EDN: STAIHN.

Asochakova V.N. (2014) The evolution of the missionary activity of the Russian Orthodox churches in the 80-90s of the nineteenth century (on the example of the Khakass-Minusinsk Territory). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. No. 11-2 (49). Pt. 2. P. 32-35. (In Russ.). EDN: STAIHN.

Асочакова В.Н. К истории православия в Хакасии (XVII–XIX вв.). Абакан: Книжное издательство «Бригантина», 2018. 196 с. EDN: YNIHYO.

Asochakova V.N. (2018) To the history of Orthodoxy in Khakassia (XVII-XIX centuries). Abakan: Brigantina. 196 p. (In Russ.). EDN: YNIHYO.

Асочакова В.Н., Чистанова С.С. Миссионерская деятельность как фактор освоения Сибири в XVII–XIX вв. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 124–130. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.12.28321>. EDN: YSNOCT.

Asochakova V.N., Chistanova S.S. (2018) Missionary activity as a factor in the development of Siberia in XVII-XIX centuries. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: historical studies*. No. 12. P. 124-130. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.12.28321>. EDN: YSNOCT.

Богданов А. О миссионерском съезде Енисейской епархии, бывшем в г. Красноярске с 25 по 30 июня 1908 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 24–29.

Bogdanov A. (1908) On the missionary congress of the Yenisei diocese, which was in Krasnoyarsk on June 25, 1908. *Eniseyskie eparhialnyie vedomosti = Yenisei Diocesan Gazette*. No. 1. P. 24-29. (In Russ.).

Васильева С.В., Ахмадулина С.З. Просветительское значение монастырей Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Государственного архива Томской области) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 137–145. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-137-145>. EDN: QXQCOQ.

Vasil'eva S.V., Akhmadulina S.Z. (2023) Educational significance of the monasteries of the Altai ecclesiastical mission in the second half of the 19th - early 20th centuries (Based on the materials of the State Archive of the Tomsk Region). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = News of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 137-145. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-137-145>. EDN: QXQCOQ.

Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. Абакан: Тип. «Март». 2004. 136 с.

Gladyshevskii A.N. (2004) On the history of Christianity in Khakassia. Abakan: Tip. "Mart". 136 p. (In Russ.).

Дворецкая А.П., Коновалова О.В., Терскова А.А. Эволюция общественно-политических воззрений духовенства Енисейской губернии в период революционных потрясений начала XX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 3. № 53. С. 1333–1341. <https://doi.org/10.13187/bg.2019.3.1333>. EDN: LGUHBP.

Dvoretzkaya A.P., Konovalova O.V., Terskova A.A. (2019) The evolution of the socio-political views of the clergy of the Yenisei province in the period of revolutionary upheavals of the beginning of the XX century. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal = Past years. Russian historical journal*. No. 53. Vol. 3. P. 1333-1341. (In Russ.). <https://doi.org/10.13187/bg.2019.3.1333>. EDN: LGUHBP.

Кудашкин В.А., Наумова Н.Н. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Енисейской епархии во второй половине XIX в. (на примере жизнеописания архимандрита Макария (Суслова) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики) : в 3-х ч. Тамбов : Грамота, 2015. № 3 (53). Ч. III. С. 93–95. EDN: TPJVBJ.

Kudashkin V.A., Naumova N.N. (2015) Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Yenisei eparchy in the second half of the XIX century (by the example of biography of Archimandrite Makarii (Suslov)). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history*. Tambov: Gramota. No. 3(53). In 3 pt. Pt. 3. P. 93-95. (In Russ.). EDN: TPJVBJ.

Кузьмин В. О желательных и крайне необходимых мерах к улучшению постановки миссионерского дела среди инородцев, живущих по р. Абакану (Минус. у.) и в

Kuz'min V. (1908a) On the desirable and urgently necessary measures to improve the organization of missionary work among aborigens living along the River Abakan (Mi-

частности, в Аскызском приходе // Енисейские епархиальные ведомости. 1908а. № 1. С. 30–36.

Кузьмин В. О желательных и крайне необходимых мерах к улучшению постановки миссионерского дела среди инородцев, живущих по р. Абакану (Минус. у.) и, в частности, в Аскызском приходе // Енисейские епархиальные ведомости. 1908б. № 3. С. 36–42.

Кузьмин В. О желательных и крайне необходимых мерах к улучшению постановки миссионерского дела среди инородцев, живущих по р. Абакану (Минус. у.) и, в частности, в Аскызском приходе // Енисейские епархиальные ведомости. 1908с. № 4. С. 41–43.

Кузьмин В. О желательных и крайне необходимых мерах к улучшению постановки миссионерского дела среди инородцев, живущих по р. Абакану (Минус. у.) и, в частности, в Аскызском приходе // Енисейские епархиальные ведомости. 1908д. № 7. С. 38–39.

Орфеев Инн. Киевский Всероссийский Миссионерский съезд (Впечатления очевидца) // Енисейские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 28–30.

Софронов В.Ю. Три века сибирского миссионерства. Ч. 1. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX вв.). Тобольск : Минитипография Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева, 2005. 142 с.

Терскова А.А. Общественная и просветительская деятельность священнослужителей в приходах во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Енисейской губернии) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–2 (68). С. 215–219. EDN: NAWAMR.

Терскова А.А. Общественная деятельность приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Енисейской епархии) // Эпоха науки. 2015. № 4. С. 311–316 (70). EDN: VKMHOP.

Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): Очерк истории. СПб. : Нестор, 2004а. 178 с.

Харченко Л.Н. Научная и издательская деятельность православного духовенства Сибири во второй половине XIX – феврале 1917 г. // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 2004б. № 1. С. 29–37.

Харченко Л.Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 511 с.

Хорина В.В. О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX –

minusinsk district) and, in particular, in the Askyz parish. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti = Yenisei Diocesan Gazette*. No. 1. P. 30-36. (In Russ.).

Kuz'min V. (1908b) On the desirable and urgently necessary measures to improve the organization of missionary work among aborigens living along the River Abakan (Minusinsk district) and, in particular, in the Askyz parish. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti = Yenisei Diocesan Gazette*. No. 3. P. 36-42. (In Russ.).

Kuz'min V. (1908c) On the desirable and urgently necessary measures to improve the organization of missionary work among aborigens living along the River Abakan (Minusinsk district) and, in particular, in the Askyz parish. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti = Yenisei Diocesan Gazette*. No. 4. P. 41-43. (In Russ.).

Kuz'min V. (1908d) On desirable and extremely necessary measures to improve the production missionary work among aborigens living along the River Abakan (Minusinsk district) and, in particular, in the Askyz parish. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti = Yenisei Diocesan Gazette*. No. 7. P. 38-39. (In Russ.).

Orfeev Inn. (1908) All Russian Missionary Congress in Kyiv (Notes of a member of the Congress). *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti = Yenisei Diocesan Gazette*. No. 6. P. 28-30. (In Russ.).

Sofronov V.YU. (2005) Three centuries of Siberian missionary work. Pt. 1. Missionary and spiritual educational activities of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (late XVII - beginning of the twentieth century). Tobol'sk: Mini-printing house of the Tobolsk State Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev. 142 p. (In Russ.).

Terskova A.A. (2010) Social and enlightening activities of priests in parishes in the second half of the XIXth - the beginning of the XXth centuries (on the example of the Yenisei province). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*. No. 4-2 (68). P. 215-219. EDN: NAWAMR.

Terskova A.A. (2015) Social activities of priests in parishes in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries (on the example of the Yenisei governorate). *Ehpokha nauki = Epoch of Science*. No. 4. P. 311-316 (70). (In Russ.). EDN: VKMHOP.

Kharchenko L.N. (2004a) Missionary activity of the Orthodox Church in Siberia (Second half of the 19th century - February 1917). Essay on history. St. Petersburg: Nestor. 178 p. (In Russ.).

Kharchenko L.N. (2004b) Scientific and publishing activities of the Orthodox clergy of Siberia in the second half of the 19th century - February 1917. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Young Scientists. Historical Sciences*. No. 1. P. 29-37. (In Russ.).

Kharchenko L.N. (2005) The Orthodox Church in the cultural development of Siberia (the second half of the 19th century - February 1917): an outline of history. St. Petersburg: Publishing House of Polytechnical Institute. 511 p. (In Russ.).

Khorina V.V. (2012) About the role of the orthodox clergy in the study of the Yenisei province (last quarter of the 19th

начало XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 30–35. EDN: OXEWNX.

Юрганова И.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири (XVII – нач. XX в.): историко-аналитический обзор // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 110–120. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-23-2-110-120>. EDN: VEBRDI.

Информация об авторах

Артамонова Надежда Яковлевна,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90, Россия,
e-mail: lazar1918@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5965-6798>

Асочакова Валентина Нестеровна,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90, Россия,
e-mail: asocvn@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5714-3729>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; одобрена после рецензирования 21 июля 2023 г.; принята к публикации 7 августа 2023 г.

- beginning of the 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 3. (118). P. 30-35. EDN: OXEWNX.

Yurganova I.I. (2020) Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Siberia (XVII - early XX centuries): historical and analytical review. *Istoriya: fakty i simvolyy = History: Facts and Symbols*. No. 2 (23). P. 110-120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-23-2-110-120>. EDN: VEBRDI.

Information about the authors

Nadezhda Ya. Artamonova,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of History department, Khakass State University named after N.F. Katanov, 90, Lenin Ave., Abakan 655017, Russia, e-mail: lazar1918@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5965-6798>

Valentina N. Asochakova,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of History department, Khakass State University named after N.F. Katanov, 90, Lenin Ave., Abakan 655017, Russia, e-mail: asocvn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5714-3729>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 15, 2023; approved after reviewing July 21, 2023; accepted for publication August 7, 2023.

История

Научная статья
УДК 94(47)
EDN: NFWMYK
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-137-145

Историография тайной полиции Российской империи конца XIX – начала XX века

А.А. Иванов, Н.М. Манян

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье анализируется русская (дореволюционная), советская и постсоветская (современная) историческая литература, посвященная истории деятельности тайной полиции Российской империи конца XIX – начала XX века. Статья содержит обширный обзор научных и научно-популярных исследований, посвященных тайной полиции Российской империи. Авторы рассмотрели различные методологические подходы к историческому исследованию тайной полиции, оценив достижения и недостатки, а также провели анализ развития историографии тайной полиции. Изучив существующие в этой области научные работы, авторы выявляют различные подходы и интерпретации, выделив основные темы и аргументы, используемые исследователями. Обобщены ключевые проблемы, волнующие историков, которые изучают российские правоохранительные органы. Авторы разделяют мнение большинства специалистов, утверждающих в своих работах, что значение тайной полиции всегда многократно возрастает на «крутых поворотах истории», во время острых кризисов в развитии взаимоотношений властных структур и демократических институтов, что и наблюдалось в императорской России конца XIX – начале XX века. В статье сделан вывод о том, что историография тайной полиции Российской империи конца XIX – начала XX века является важной и разносторонней областью современного исследования. Авторы подчеркивают значимость изучения деятельности тайной полиции как важного инструмента политического контроля в России в конце XIX – начале XX века и его влияния на развитие взаимоотношений государства и общества в данном периоде. Статья будет полезной для историков, а также для всех, кто интересуется политическими репрессиями и историей Российской империи.

Ключевые слова: Охранное отделение, политическая полиция, Восточная Сибирь, Иркутская губерния начала XX века, территориальное размещение, историография политической полиции, полицейский надзор, Департамент полиции, жандармерия, секретная агентура, Иркутское Губернское Жандармское Управление

Для цитирования: Иванов А.А., Манян Н.М. Историография тайной полиции Российской империи конца XIX – начала XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 137–145. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-137-145>. EDN: NFWMYK.

History

Original article

Historiography of the secret police in Russian Empire in the late XIX-th and early XX-th centuries

Alexander A. Ivanov, Nonna M. Manian

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article analyzes Russian (pre-Revolutionary), Soviet and post-Soviet (modern) historical literature devoted to the history of the secret police of the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries. The article contains an extensive review of scientific and popular scientific research on the secret police of the Russian Empire. The authors examined various methodological approaches to the historical study of the secret police, assessing the achievements and shortcomings, and also analyzed the development of the historiography of the secret police. Having studied the existing scientific works in this field, the authors identify various approaches and interpretations, highlighting the main topics and arguments used by researchers. The key issues of concern to historians who study Russian law enforcement agencies are summarized. The authors share the opinion of the majority of experts

© Иванов А.А., Манян Н.М., 2023

who claim in their works that the importance of the secret police always increases many times at the “sharp turns of history”, during acute crises in the development of relations between power structures and democratic institutions, which was observed in imperial Russia in the late XIX - early XX centuries. The article concludes that the historiography of the secret police of the Russian Empire of the late XIX - early XX centuries is an important and versatile area of modern research. The authors emphasize the importance of studying the secret police as an important tool of political control in Russia in the late XIX - early XX centuries and its influence on the development of relations between the state and society in this period. The article will be useful for historians, as well as for anyone interested in political repression and the history of the Russian Empire.

Keywords: Okhrannoye otdeleniye, political police, Eastern Siberia, Irkutsk Province of the early XX century, territorial location, historiography of political police, police surveillance, Police Department, gendarmerie, secret agents, Irkutsk Provincial Gendarme Department

For citation: Ivanov A.A., Manian N.M. (2023) Historiography of the secret police in Russian Empire in the late XIX-th and early XX-th centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 137-145. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-137-145>. EDN: NFWMYK.

История изучения деятельности тайной полиции Российской империи всегда привлекала внимание различных слоев российского общества. Стойкий интерес современников подогревался, с одной стороны, закрытым характером специальных служб и ограниченным доступом к письменным источникам, рассказывающим правду об их работе, с другой – особой ролью правоохранительных органов в истории любой страны и государства.

Между тем, научная историография развивалась неравномерно. Имеющуюся научную литературу по данной теме можно разделить на три части: русскую, советскую и постсоветскую или современную.

В русской или досоветской отечественной историографии история деятельности тайной политической полиции Российской империи не рассматривалась как научная проблема. Закрытый характер работы жандармов не располагал к появлению исторических исследований. Между тем публикации по данной теме были, но, во-первых, не носили комплексного характера и содержали лишь отрывочные сюжеты, во-вторых, служили иллюстрацией «мудрости» и «дальновидности» очередного монарха, охраняющего общество от заговорщиков и революционеров.

Таковы, например, правительственные издания юбилейного характера. Здесь содержатся данные о руководителях ведомства, приведены краткие исторические справки о структуре жандармов и ее эволюции, публикуются биографические материалы о служащих, отличившихся при проведении различного рода охранных мероприятий. Следует быть отдельно упомянутым исторический

очерк о Министерстве внутренних дел Российской империи. Здесь имеется небольшая глава под названием «Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Отдельный Корпус Жандармов», представляющая краткую историческую справку об обстоятельствах, причинах создания и деятельности данного ведомства с 1826 по 1867 год, в которой, в частности, подчеркивается откровенно и двуединая задача его создания: «... следить не только за появлением антигосударственных элементов в обществе, но и за действиями всей сложной административной машины». Отметим при этом, что очерк не содержит сколько-нибудь критических замечаний о работе жандармов, что характерно в целом для подобного вида литературы (Министерство внутренних дел, 1902. С. 98).

Часть публикаций этого периода носит характер инструкций или разъяснений вопросов ежедневной работы жандармов в отношении революционеров, политических ссыльных, бастующих рабочих, служащих торгово-промышленных заведений, интеллигенции, студенчества. Наиболее интересным из этих изданий следует считать сборник С.В. Савицкого, который, помимо указаний по ведению допросов, сопровождению политических арестантов, посещению каторжных тюрем, содержит еще и анализ самых востребованных законодательных актов и циркуляров, регулирующих деятельность служащих жандармских территориальных управлений (Савицкий, 1908)¹.

¹ Савицкий С.В. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. СПб., 1908. 308 с.

Определенный интерес для нашего предмета изучения представляют и некоторые издания правоведческого характера, посвященные проблемам улучшения законодательной основы деятельности полиции. К подобным работам принадлежит, к примеру, книга П.Н. Малянтовича и Н.К. Муравьева, рассматривающих действующие законы о политических и общественных преступлениях в России и дающие им практические комментарии; опубликованная в 1911 г. объяснительная записка сенатора А.А. Макарова по преобразованию полиции в империи, предлагавшая подчинить Отдельный корпус жандармов, как и всю полицию на местах, специальному Помощнику губернатора по полицейской части; учебник уголовного права полковника В.И. Добрякова, предназначенный для офицеров, готовящихся к переводу на службу в жандармское ведомство и содержащий подзаконные акты, регламентирующие действия тайной полиции при исследовании уголовных и политических преступлений, порядок возбуждения дознаний против революционеров, производство обысков и порядок выемок вещественных доказательств и т. д. Данные издания носят сугубо прикладной характер, хотя и содержат некоторые справочные материалы из истории становления и деятельности Отдельного корпуса жандармов (Малянтович, Муравьев, 1910; Краткая объяснительная..., 1911; Добряков, 1897)².

Определенное место в досоветской историографии нашей темы занимает книга историка русской литературы М.К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.». Книга частично публиковалась в нескольких выпусках журнала «Русское Богатство» в 1903 г. и была известна «широкому» читателю. Одно только перечисление глав этого издания свидетельствует об основательном

подходе автора к исследованию заявленной темы: «Высшая и тайная полиция до Николая I», «Проект Бенкендорфа об учреждении высшей полиции», «Учреждение Третьего отделения...», «А.Х. Бенкендорф и М.Я. фон-Фок», «Свобода печати в сознании николаевского общества» и другие.

М.К. Лемке действительно стремится разобрататься в государственной идеологии в отношении демократической прессы и хорошо известных российских писателей, в числе которых Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, И.Н. Тургенев и многие другие, однако, на наш взгляд, все гонения на «передовую» литературу преувеличенно связывает с именем одного Бенкендорфа, обвиняя его в том, что он и литературу, и народное просвещение считал «вредным для России» занятием. Впрочем, большим плюсом книги М.К. Лемке можно считать и Приложения, состоящие из ранее не публиковавшихся документов Третьего отделения, например, записки Бенкендорфа о тайных обществах в России или «Известия о Варшавском бунте» и другие (Лемке, 1909. С. 26).

Немало публикаций этого периода посвящены тайным агентам политической полиции и в первую очередь Е.Ф. Азефу (За кулисами..., 1910). Авторы-современники достаточно подробно описывают путь этого человека в революционное подполье, а затем тайную службу в Охранке. При этом следует отдельно отметить работу Ж. Лонге и Г. Зильбера, попытавшихся не только отобразить фактическую сторону истории Азефа, но и раскрыть причины существования предателей-provokаторов среди революционеров. «Нигде, ни в одном европейском государстве, ядовитый цветок провокации не распустился с такой пышностью, как на благоприятной почве русского царизма», – указывают авторы, обвиняя Департамент полиции в сознательном и целенаправленном подстрекательстве части революционеров «на покушения», для того чтобы навести ужас на население и тем оправдать худшие репрессивные меры торжествующей реакции» (Лонге, Зильбер, 1924. С. 13–14).

В досоветский период было опубликовано несколько интересных воспоминаний руководителей жандармского ведомства. Данные публикации, конечно же, относятся в первую очередь к историческим источникам, однако немалая их часть выполнена на широкой документальной основе, со-

² Малянтович П.Н., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях : Практический комментарий / сост. при участии Н.Н. Полянского, А.Ю. Раппопорта, И.С. Урысона. СПб.: Право, 1910. 616, 204 с.; Краткая объяснительная записка к заключению междуведомственной комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова по преобразованию полиции в империи. СПб. : государственная типография, 1911. 133 с.; Добряков В.В. Краткий учебник уголовного права (материального и процессуального) для офицеров, предназначенных к переводу в отдельный корпус жандармов. СПб. : Тип. Штаба Отд. корп. жанд., 1897. 9, 401 с.

держит обобщенные сведения о работе жандармских служб на протяжении длительного временного периода, имеет элементы научного исследования в сочетании с собственным служебным опытом, поэтому они могут быть включены нами в настоящий историографический обзор. Наиболее интересными работами следует считать воспоминания П.П. Заварзина, П.Г. Курлова, В.Д. Новицкого, А.И. Спиридовича (Заварзин, 1930; Курлов, 1923; Новицкий, 1929; Спиридович, 1991). Так, П.П. Заварзин, работавший в течение 20 лет в Охранных отделениях Кишинева, Гомеля, Ростова-на-Дону, Варшавы и Москвы, что, как он пишет, «дало ему возможность ознакомить читателя с техникой и теорией розыска», действительно подробно рассказывает о приобретении секретных сотрудников, их обучении, внедрении в рабочую и студенческую среду. Отдельно следует отметить главу об организации системы перлюстрации в масштабах всей страны, о перехваченных секретных письмах, когда лишь один расшифрованный текст мог выявить связи нескольких революционных комитетов в различных городах и регионах империи (Заварзин, 1930. С. 9, 156–164).

Ценность данных мемуаров состоит также и в том, что их анализ прекрасно передает внутренний мир, царивший в Отдельном корпусе (чего не найдешь в архивных документах), позволяет проследить сложный характер взаимоотношений офицеров, штатских чиновников, интриги вокруг продвижения по служебной лестнице и дополнительных окладов, службы в престижных столичных отделениях. По мнению Спиридовича, неправильная кадровая политика, имевшая место быть в жандармском ведомстве, расстраивала все дело политического сыска, приводила к необоснованным назначениям на высокие должности «молодых офицеров», которым вынуждены были подчиняться «их старые товарищи по службе». Были случаи, «когда заслуженные генералы становились подчиненными полковников или даже ротмистров». Такие случаи неизбежно «вносили раскол» и междоусобицу в среду служащих ведомства и наносили серьезный вред контрреволюционной работе (Курлов, 1923. С. 80–81).

После победы Февральской революции 1917 года Временным правительством была создана Чрезвычайная следственная комиссия по рассле-

дованию политических преступлений царских сановников, в том числе, и жандармов. Вчерашние революционеры и «государственные думцы», бывшие ссыльные и каторжане стали изучать деятельность политической полиции с сугубо прагматичной целью: их интересовали агенты охранных отделений, тайные сотрудники, провокаторы, когда-то работавшие внутри леворадикальных партий, среди рабочих и служащих. Весьма интересным историографическим источником в этой связи служат стенографические отчеты работы Чрезвычайной комиссии, изданные в 1920-е годы. В частности, в томе третьем помещен допрос генерала А.И. Спиридовича, в пятом томе – генерал-лейтенанта В.Ф. Джунковского (Падение царского режима, 1925–1926. Т. III. С. 33–64, Т. V. С. 74–126)³.

В середине 1920-х годов, с образованием Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, среди членов которого имелись и некоторые профессиональные историки, были сделаны первые шаги по пути научного изучения истории российских жандармов. На страницах журнала «Каторга и ссылка» в 1920–1930-х годах появились исследования, основанные на документальных материалах и личных воспоминаниях, освещавшие некоторые стороны работы тайной полиции (Липкин, 1926; Кантор, 1927; Корнильев, 1927; Ткачуков, 1928).

С середины 1930-х годов изучение истории жандармских служб, как и истории революций 1917 г., было приостановлено – оказалось, что среди жертв «жандармского террора» царского времени было много будущих «врагов народа», руководителей многочисленных «уклонов» и «двурушников» советского периода. Историки и правоведы обратились к изучению политической полиции лишь в 1950-х годах. Н.П. Ерошкиным и П.А. Зайончковским было начато исследование политических институтов Российской империи: структур Министерства внутренних дел, Департамента полиции, Отдельного корпуса жандармов, а также отдельных губернских жандармских управлений (Ерошкин, 1960; Зайончковский, 1970).

³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / редакция П.Е. Щеголева. В 7 т. Ленинград : Государственное издательство, 1925–1926. Т. III. 516 с.; Т. V. 484 с.

В 1960–1970-е годы история правоохранительных органов Российской империи становится предметом исследования советских правоведов. Однако их публикации носили еще единичный характер, можно здесь выделить лишь небольшие учебные пособия Р.С. Мулукаева и Д.И. Шинджикашвили, написанные на основе формационного подхода, в которых органы полиции представлены однозначно негативно, лишь в качестве карательного института самодержавного государства (Мулукаев, 1964⁴; Шинджикашвили, 1973). С этих же позиций историю политической полиции исследовал А.В. Борисов, уделивший в одном из своих изданий внимание биографиям министров «силового блока» царской России. «Наиболее дальновидные руководители государственного аппарата, – указывает автор во введении, – особенно его карательных органов, учитывали закономерности исторического развития и, понимая, что они расходятся с их классовыми интересами, пытались различными методами бороться за сохранение изживающего себя общественного строя...» (Борисов, 1978; Борисов, 1979. С. 3⁵).

С началом 1990-х годов повышенное внимание в обществе и исторической науке к истории политических репрессий советского времени закономерно усилило интерес и к прошлому дореволюционной политической полиции. В этот период стали создаваться первые обобщающие работы по истории жандармерии. Значимый вклад в изучение деятельности тайной полиции внесла главный специалист Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) З.И. Перегудова. Автор исследовала данную тему комплексно – от введения в научный оборот значительного количества неизвестных ранее источников, научной критики отечественной историографии, описания отдельных сюжетов, до создания цельной картины зарождения, становления и развития российских жандармов. При этом автор основное внимание сфокусировала не на критике «классовой» природы жандармского ведомства, как делали ранее советские исследователи, а на изучении основных

форм и методов его работы, оценках результативности наблюдательной и следственной работы (Перегудова, 1986; Перегудова, 1988⁶; Перегудова, 1990 и др.).

Закономерным итогом исследовательской работы З.И. Перегудовой стал выпуск крупной и весьма содержательной монография «Политический сыск в России в 1880–1917 гг.». Несомненным достоинством работы является подробный историографический анализ, отражающий последовательную картину развития этой темы за значительный период – с 1910-х до 1990-х годов. Автором на значительном фактическом материале, ранее не введенном в научный оборот, подробно рассмотрена история создания Департамента полиции, описаны основные функции и формы деятельности ведомства, внутренняя и внешняя структуры. Заслуживает внимания также выявление и обобщение главных направлений работы органов политического сыска среди различных страт российского общества, в том числе службы наружного наблюдения, организация работы секретных сотрудников, методики подготовки политической провокации, надзора за политическими ссыльными в местах их компактного расселения и т. д. (Перегудова, 2000).

Среди исследований постсоветского периода следует также выделить монографию А.Г. Чукарева «Тайная полиция России», где подробно рассмотрена деятельность Третьего отделения в период царствования императора Николая Первого. Автором сделан обстоятельный историографический обзор дореволюционной и советской литературы, освещающий ключевые и значимые научные проблемы по данной проблематике. При этом анализ научной литературы построен по хронологическому принципу, выделены основные периоды изучения темы. Публикация А.Г. Чукарева – одно из первых обстоятельных исследований по истории становления и развития Третьего отделения, в которой сделаны характеристики деятельности секретной агентуры охранных отделений, уделено внимание основным организационным изменениям в

⁴ Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России : пособие. М., 1964. 28 с.

⁵ Борисов А.В. Руководители карательных органов в дореволюционной России : учеб. пос. М.: Наука, 1979. Вып. 1: Министры внутренних дел. 151 с.

⁶ Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (Годы реакции и нового революционного подъема) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 286 с.

структуре Корпуса жандармов на протяжении всей истории его существования (Жандармы России, 2002; Чукарев, 2005).

Необходимо отметить исследования В.С. Измозика, подробно изучившего работу так называемых «черных кабинетов» при почтамтах крупных городов и сделавшего сквозной очерк развития политического розыска в России на протяжении XV–XX веков (Измозик, 2000; Жандармы России, 2002; Измозик, 2013), а также монографию М.С. Чудаковой «Противостояние. Политический сыск дореволюционной России», в которой рассматриваются вопросы функционирования розыскного аппарата, освещается работа губернских жандармских управлений и Охранных отделений центральных областей страны на протяжении значительного хронологического периода – с 1880 по 1917 годы (Чудакова, 2003).

Из современной исследовательской литературы по истории жандармов заметно выделяются три работы. Прежде всего, это трехтомник И.С. Симбирцева, изданный в 2006 г. издательством «Центрполиграф». К решению проблемы изучения истории российской тайной полиции автор подошел комплексно: первый том его сочинения посвящен политическому сыску со времен опричнины Ивана Васильевича, Тайной канцелярии Петра Великого до Особой канцелярии Александра Первого. Второй том, выстроенный как и предыдущий, в проблемно-хронологическом порядке, сфокусирован на работе тайной полиции в эпоху «дворцовых переворотов» 1826–1880 гг.; третий же том раскрывает деятельность государственных спецслужб в 1880–1917 гг. (Симбирцев, 2006а; Симбирцев, 2006б; Симбирцев, 2006с).

Вторая работа – коллективная монография Б.Н. Григорьева и Б.Г. Колоколова, исследующая историю российской жандармерии с точки зрения повседневности, дает авторам возможность изучить это ведомство «изнутри», проанализировать как «трудовые будни» тайной полиции, так и бытовые проблемы чиновников различного уровня. И наконец, третья отмеченная нами книга – «Энциклопедия секретных служб России» авторско-составителя А.И. Колпакиди, составленная по алфавитному и предметно-хронологическому принципу, охватывающая при этом историю политического сыска не только в «царские времена», но и в

эпоху советского государства. Безусловно ценным в работе автора является обращение к биографиям «видных» деятелей политического розыска, тайным агентам, руководителям департамента (Григорьев, Колоколов, 2007).

Увеличение числа исследований по истории «царских» жандармов не могло не привести и к началу историографического осмысления этой темы. Так, в 2009 г. появилась журнальная публикация С.А. Гомоновой. Автор сумела весьма обстоятельно рассмотреть все периоды развития отечественной историографии, отметив, что еще до революции исследователями были «поставлены актуальные вопросы оценки эффективности методов политического сыска, его этической правомерности, целесообразности большой централизации полицейской службы»; в советский период профессиональные интересы ученых были сосредоточены «на разоблачении реакционной сущности царской полиции» и в первую очередь секретной агентуры, принцип партийности исторического исследования не позволил им объективно проанализировать деятельность этого ведомства; в постсоветское время эта тема получила комплексное развитие, однако, несмотря на значительный рост числа статей и отдельных монографий, многие вопросы функционирования политической полиции Российской империи не решены и до сих пор. В частности, «не раскрыта деятельность региональных ГЖУ, охранных отделений и, особенно, районных охранных отделений» (Гомонова, 2009). Отметим правильность и обоснованность данных выводов.

В том же, 2009 г., была защищена кандидатская диссертация М.Н. Иванцовым, посвященная исследованию отечественной историографии политической полиции России. Интересно отметить, что автор ушел от традиционного деления отечественной исторической науки на три общеизвестных периода и рассмотрел историю изучения важнейших вопросов этой темы на протяжении значительного времени, охватившего весь XIX – начало XX в., выделив в нем крупные проблемы: историю изучения центральных органов политической полиции, роль Третьего отделения в руководстве и организации борьбы с инакомыслием, а также историю изучения деятельности Департамента полиции. В заключение автор пришел к убеждению, что несмотря на довольно весомый пласт конкретно-исторических исследова-

ний, посвященных проблемам функционирования политической полиции Российской империи, эта тема еще не исчерпала себя. Кроме этого, по мнению автора, для дальнейшего изучения системы органов политического сыска требуется применение современных концептуальных подходов, способных существенно расширить и документальный материал, и его анализ (Иванцов, 2009)⁷.

Как видно из историографического обзора, интерес к истории политической полиции конца XIX – начала XX в. в отечественной историографии был и остается неизменно высоким, деятельность жандармов является основательно изученной, прежде всего, на всероссийском уровне. Формирование тематики исследований прошло длительный и сложный путь развития, сопровождающийся непрерывным изданием отдельных книг и статей, предназначенных для широкой аудитории и зачастую написанных авторами, не являющимися профессиональными историками или правоведами. Подводя итоги краткому обзору русской дореволюционной историографии, следует сделать вывод о том, что фрагментарное изучение истории политической полиции в это время было весьма публичистичным и велось как представителями ведом-

ства, так и участниками общественно-политического и революционного движения.

В советский период развития историографии стали появляться первые специальные исследования по истории политической полиции Российской империи, продолжался процесс накопления и обобщения фактического материала. Вместе с тем ограниченный доступ историков к архивным фондам, безусловно, обеднял изучение истории фактической стороны деятельности жандармов, а государственная идеология сужала выводы ученых до признания исключительно карательными функциями работу спецслужб. Основной вклад в разработку темы внесли авторы постсоветского периода, которые постарались комплексно исследовать как отдельные аспекты деятельности Третьего отделения, штаба Отдельного корпуса жандармов, так и создать целостную историю развития отечественных спецслужб на протяжении всего XIX века. При этом следует подчеркнуть, что, в отличие от истории создания и работы центральных органов политической полиции Российской империи, развитие региональных структур этого ведомства получило отражение в научной литературе лишь на уровне некоторых отдельных губерний и областей. В дальнейшем комплексном изучении особенностей становления и работы структур жандармской службы «в провинции», на окраинах империи авторы настоящей статьи и видят главную задачу развития современной историографии данной темы.

⁷ Иванцов М.Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 21 с.

Список источников

Борисов А.В. Карательные органы дореволюционной России (полицейская и пенитенциарная система). М. : б.и., 1978. 44 с.

Гомонова С.А. Политическая полиция России конца XIX – начала XX века в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6. С. 83–90. EDN: LMBBKJ.

Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. 852 с.

Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М. : Учпедгиз, 1960. 395 с.

Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX века / сост. В.С. Измозик. СПб. : Изд. дом «Нева»; М. : ОЛМА-пресс, 2002. 640 с.

За кулисами охранного отделения / сост. А.Б. : С дневником провокатора, письмами охранников, тайными

References

Borisov A.V. (1978) Punitive organs of pre-revolutionary Russia: Police and penitentiary system. Moscow. 44 p. (In Russ.).

Gomonova S.A. (2009) The political police of Russia of the late XIX - early XX century in Russian historiography. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 11. No. 6 (32). P. 83-90. (In Russ.). EDN: LMBBKJ.

Grigor'ev B.N., Kolokolov B.G. (2007) Everyday life of Russian gendarmes. Moscow: Molodaya gvardiya. 852 p. (In Russ.).

Eroshkin N.P. (1960) Essays on the history of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: Uchpedgiz. 395 p. (In Russ.).

Izmozik V.S. (2002) Gendarmes of Russia. Political search in Russia. XV–XX centuries. St. Petersburg : Publishing house "Neva"; Moscow: OLMA-press. 640 p. (In Russ.).

A.B. (1910) Backstage of the security department. *S dnevnikom provokatora, pis'mami okhrannikov, tainymi in-*

инструкциями. Berlin : Heinrich Caspari, 1910. 348 с.

Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930. 255 с.

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. : Мысль, 1970. 442 с.

Измозик В.С. Использование перлюстрации в Российской империи в борьбе со служебными и экономическими злоупотреблениями // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. X. «Гороховая, 2»–2012. СПб., 2013. С. 53–65.

Измозик В.С. Черный кабинет. К истории перлюстрации в России // Родина. 2000. № 10. С. 48–54.

Кантор Р. К истории черных кабинетов // Каторга и ссылка. 1927. № 8. С. 90–99.

Корнильев Я. Пять предателей (Из тюремных встреч) // Каторга и ссылка. 1927. № 8. С. 105–125.

Курлов П.Г. Конец русского царизма: Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М.; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 296 с.

Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения собств. Е.И. Величества канцелярии. С.-Пб. : Изд-во С.В. Бунина, 1909. 614 с.

Липкин А. Провокатор Никулин-Микулин // Каторга и ссылка. 1926. № 2. С. 98–119.

Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. С пред. Ж. Жореса. М.: Прометей, 1924. 216 с.

Министерство внутренних дел: Исторический очерк 1802–1902. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1902. 233 с.

Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. Ленинград : Прибой, 1929. XII, 288 с.

Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения (Коллекция перлюстрации ЦГАОР СССР) // Исторический опыт Великого Октября: К 90-летию академика И.И. Минца. М. : Наука, 1986. С. 376–389.

Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением // Факел: Историко-революционный альманах. М. : Политиздат, 1990. С. 197–206.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М. : РОССПЭН, 2000. 432 с.

Симбирцев И.С. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых, 1880–1917. Москва: Центрполиграф, 2006с. 429 с.

Симбирцев И.С. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. Москва : Центрполиграф, 2006а. 399 с.

struktsiyami = With the provocateur's diary, letters from the guards, secret instructions. Berlin: Heinrich Caspari. 348 p. (In Russ.).

Zavarzin P.P. (1930) Gendarmes and revolutionaries. Memories. Paris. 255 p. (In Russ.).

Zaionchkovskii P.A. (1970) Russian autocracy at the end of the XIX century. Moscow: Mysl'. 442 p. (In Russ.).

Izmozik V.S. (2013) The use of perustration in the Russian Empire in the fight against official and economic abuses. *Politicheskaya istoriya Rossii: proshloe i sovremennost'. Istoriicheskie chteniya. Vyp. X. «Gorokhovaya, 2»–2012 = Political History of Russia: past and present. Historical readings. Iss. X. "Gorokhovaya, 2"-2012.* St. Petersburg. P. 53-65. (In Russ.).

Izmozik V.S. (2000) Black cabinet. On the History of perustration in Russia. *Rodina = Homeland.* No. 10. P. 48-54. (In Russ.).

Cantor R. (1927) To the history of black cabinets. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile.* No. 8. P. 90-99. (In Russ.).

Kornil'ev Ya. (1927) Five traitors (From the history of prison meetings). *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile.* No. 8. P. 105-125. (In Russ.).

Kurlov P.G. (1923) The end of Russian Tsarism: Memoirs of a former commander of the Gendarmes Corps. Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo. 296 p. (In Russ.).

Lemke Mikh. (1909) The Nikolai gendarmes and literature of 1826-1855 . On the genuine affairs of the Third Department of His Own E.I.Majesty of the Chancellery. St. Petersburg: Izd-vo S.V. Bunina. 614 p. (In Russ.).

Lipkin A. (1926) Provocateur Nikulin-Mikulin . *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile.* No. 2. P. 98-119. (In Russ.).

Longe Zh., Zil'ber G. (1924) Terrorists and the Okhranka. Moscow: "Prometheus". 216 p. (In Russ.).

(1902) Ministry of Internal Affairs: Historical essay 1802-1902. St. Petersburg: Tip. Ministerstva vnutrennikh del. 233 p. (In Russ.).

Novitskii V.D. (1929) From the memoirs of a gendarme. Leningrad: "Surf". XII. 288 p. (In Russ.).

Peregudova Z.I. (1896) An important source on the history of the revolutionary movement (Collection of perustrations of the TSGAOR of the USSR). *Istoriicheskii opyt Velikogo Oktyabrya: K 90-letiyu akademika I.I. Mints = Historical experience of the Great October: To the 90th anniversary of Academician I.I. Mints.* Moscow: Nauka. P. 376–389. (In Russ.).

Peregudova Z.I. (1990) Methods of struggle of the Police Department with the revolutionary movement. *Fakel: Istoriko-revolutsionnyi al'manakh = Fakel: Historico-Revolutionary Almanac.* Moscow: Politizdat. P. 197-206. (In Russ.).

Peregudova Z.I. (2000) Political Investigation of Russia (1880-1917). Moscow: ROSSPEN. 432 p. (In Russ.).

Simbirtsev I.S. (2006c) On guard of the throne. Political investigation under the last Romanovs, 1880-1917. Moscow: Tsentrpoligraf. 429 p. (In Russ.).

Simbirtsev I.S. (2006a) The First Secret Service of Russia: the Secret Chancellery of Peter I and its Successors, 1718-1825. Moscow: Tsentrpoligraf. 399 p. (In Russ.).

Симбирцев И.С. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи, 1826–1880. Москва : Центрполиграф, 2006b. 383 с.

Спиридович А.И. Записки жандарма. Репринт. воспроизведение изд. 1930 г. М.: Худож. лит., 1991. 268 с.

Ткачуков И. Охранка и 2-й съезд партии // Каторга и ссылка. 1928. № 8–9 (книга 45–46). С. 28–32.

Чудакова М.С. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России, 1880–1917. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. 330 с.

Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. М.; Жуковский : Кучково поле, 2005. 704 с.

Шинджихашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973. 67 с.

Информация об авторах

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 313, Россия, e-mail: ottisk@irmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4855-8412>

Манян Нонна Мартиновна,
аспирантка, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 313, Россия, e-mail: nonnmanan@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29 июня 2023 г.; одобрена после рецензирования 7 ноября 2023 г.; принята к публикации 20 ноября 2023 г.

Simbirtsev I.S. (2006b) Third department. The first experience of creating a professional intelligence service in the Russian Empire, 1826-1880. Moscow: Tsentrpoligraf. 383 p. (In Russ.).

Spiridovich A.I. (1991) Notes of a gendarme. Reprint. reproduction of the 1930. Moscow: Art. lit. 268 p. (In Russ.).

Tkachukov I. (1928) Okhrana and the 2nd Party Congress. *Katorga i ssylka = Hard labor and exile*. No. 8-9 (book 45-46). P. 28-32. (In Russ.).

Chudakova M.S. (2003) Confrontation. Political investigation of pre-revolutionary Russia, 1880–1917. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky. 330 p. (In Russ.).

Chukarev A.G. (2005) The Secret Police of Russia, 1825-1855. Moscow; Zhukovskii: Kuchkovo field. 704 p. (In Russ.).

Shindzhikashvili D.I. (1973) Detective police of Tsarist Russia in the period of imperialism. Omsk. 67 p. (In Russ.).

Information about the authors

Alexander A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Department of History of Russia, Irkutsk State University, Of. 313, 2, Chkalov St., Irkutsk 664025, Russia, e-mail: ottisk@irmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4855-8412>

Nonna M. Manian,
Graduate Student, Department of Russian History, Irkutsk State University, Of. 313, 2, Chkalov St., Irkutsk 664025, Russia, e-mail: nonnmanan@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 29, 2023; approved after reviewing November 7, 2023; accepted for publication November 20, 2023.

История

Научная статья
УДК 37.036.5
EDN: PIZKJI
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-146-158

Особенности развития музыкального образования в дореволюционном Иркутске

О.А. Горощенко

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Иркутск – столица Восточной Сибири, называемый прессой «Восточный Париж», «Сибирский Петербург», «Сибирские Афины», имеет свои особенности развития музыкальной культуры и образования. Русские переселенцы из Москвы, Устюга, Яренска, Пинеги, Соли Вычегодской, Мезени, Пскова, Переславля-Залесского, Новгородской земли, Вологды и др. принесли на новое место жительства свои культурные особенности. Музыка присутствовала во всех сферах жизни иркутян: народной, духовной и светской. В XVIII в. начинает развиваться народное образование. Особую роль в появлении системного музыкального образования в нашем крае сыграло духовное образование, а именно: первая иркутская школа. В 1738 г. в школьное обучение были введены латинский язык и церковное пение, именно это событие можно считать отправной точкой официального обучения музыке в школьных учреждениях Иркутска. В дальнейшем при открытии в Иркутской губернии новых церковно-приходских школ в программу входило церковное хоровое пение. В Иркутской семинарии и Знаменском монастыре готовили регентов хоров. В учительской духовной семинарии обучали нотному пению и музыке, игре на музыкальных инструментах (преимущественно на скрипке), преподаванию музыки. Девичий институт императора Николая I (1845–1920) был центром музыкального просветительства, более полувека заменял иркутянам музыкальную школу. Первая музыкальная школа в Иркутске – частная, ее открыл А.Ю. Гинита-Пилсудский, выпускник Петербургской консерватории. Долгое время действовала школа Е.Г. Городецкой, Р.А. Иванова и М.Н. Сеницына, она воспитала много хороших музыкантов, сыгравших значительную роль в музыкальной жизни Иркутска.

Ключевые слова: Россия, Восточная Сибирь, Иркутск, музыкальное образование, музыкальная культура, музыкальная школа, Иркутский институт императора Николая I, А.Ю. Гинита-Пилсудский, Е.Г. Городецкая

Для цитирования: Горощенко О.А. Особенности развития музыкального образования в дореволюционном Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 146–158. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-146-158>. EDN: PIZKJI.

History

Original article

Features of the development of music education in pre-revolutionary Irkutsk

Olga A. Goroshchenova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Irkutsk, the capital of Eastern Siberia, called by the press “Eastern Paris”, “Siberian Petersburg”, “Siberian Athens”, has its own characteristics of the development of musical culture and education. Russian settlers from Moscow, Ustyug, Yarensk, Pinega, Sol’ Vychedogodskaya, Mezen, Pskov, Pereslavl-Zalessky, Novgorod land, Vologda and others brought their cultural characteristics to their new place of residence. Music is present in all spheres of life of Irkutsk residents: folk, spiritual and secular. In the 18th century Public education begins to develop. Theological education, namely the first Irkutsk School, played a special role in the emergence of systematic music education in our region. In 1738, the Latin language and church singing were introduced into school education; this event can be considered as the starting point of official music education in school institutions in Irkutsk. Later, when new parochial schools were opened in the Irkutsk province, church choral singing was included in the program. Choir directors were trained at the Irkutsk Seminary and the Znamensky Monastery. In the teacher’s seminary they were taught notated singing and

music, playing musical instruments (mainly the violin), and teaching music. The Girls' Institute of Emperor Nicholas I (1845-1920) was a center of musical education; for more than half of century it represented a music school for Irkutsk residents. The first music school in Irkutsk was private, it was opened by A.Yu. Ginita-Pilsudski, a graduate of the St. Petersburg Conservatory. The school of E.G. Gorodetskaya, R.A. Ivanov and M.N. Sinitsyn operated for a long time; it educated many good musicians who played a significant role in the musical life of Irkutsk.

Keywords: Russia, Eastern Siberia, Irkutsk, music education, musical culture, music school, Irkutsk Institute of Emperor Nicholas I, A.Yu. Ginita-Pilsudski, E.G. Gorodetskaya

For citation: Goroshchenova O.A. (2023) Features of the development of music education in pre-revolutionary Irkutsk. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 146-158. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-146-158>. EDN: PIZKJI.

Введение

Музыка – важнейшая из искусств, входившая в каноны образования еще со времен древних цивилизаций. В образовательной системе Древней Греции и Рима музыка занимала особое место. В каноне Галена о «семи свободных искусствах» она числилась по значимости наряду с грамматикой, диалектикой, риторикой, геометрией, арифметикой и астрономией. Римский теолог и государственный деятель Боэций (ок. 480 –524/526?) в своем труде «Основы музыки» писал, что музыка напоминает человеку о гармонии небесных сфер («музыка сфер»), поэтому она тесно связана с математическими науками и астрономией. Владея этими семью искусствами, человек сможет справиться со всеми трудностями жизни (Боэций, 2012. С. 186). С тех самых пор обучение музыке стало одним из важнейших компонентов образовательного процесса.

Музыкальное образование – это система организации музыкального обучения, нацеленная на получение и использование знаний и умений в процессе музыкальной деятельности: восприятие музыки, исполнительство, творчество, музыкальное образование.

В дореволюционной России музыкальное образование можно было получить во время домашнего обучения у репетиторов, а также в общеобразовательных (духовных и светских) учреждениях, а позднее – в специализированных музыкальных школах.

Ключевым событием для развития русской музыкальной культуры и появления системного профессионального музыкального образования стало создание Русского музыкального общества (РМО) в 1859 г., распространившего свои отделения во многих городах империи. Благодаря активной работе членов РМО в России состоялись от-

крытия консерваторий в Санкт-Петербурге (1862) и Москве (1866), многих народных консерваторий, музыкальных училищ и школ в провинциальных городах империи, в том числе и в Иркутске.

Столица Восточной Сибири, называемая пресой «Восточный Париж», «Сибирский Петербург», «Сибирские Афины», имеет свои особенности развития музыкальной культуры и образования, которые связаны с географической удаленностью края, малым количеством учителей, сложностью с доставкой инструментов и нот, дороговизной частного обучения и неимением дотаций от государства на образовательные нужды.

Тема музыкального образования в дореволюционном Иркутске раскрыта крайне недостаточно и непоследовательно. Из крупных работ – единственная монография «Музыкальная культура Иркутска» (Харкеевич, 1987), в которой автор предпринимает попытку исследовать вопросы музыкального образования, театральной, концертной жизни, вклада персонала в общественную жизнь крупного культурного центра Сибири.

Другой работой, где в рамках общих разделов по истории культуры Иркутска указаны частные музыкальные учреждения, а также сведения об обучении музыке в духовных и светских школах является книга Кудрявцева и Вендриха «Иркутск: очерки по истории города» (Кудрявцев, Вендрих, 1958).

Современным автором, непосредственно занимающимся историей музыкальной культуры Иркутска, является исследователь И.А. Колокольников, рассматривающий в своих работах в основном советский период, историю Радиокomiteта г. Иркутска, биографии значимых музыкальных деятелей. В данном тематическом окне нам интересна статья в соавторстве с профессором Ю.А. Петрушиным «Музыкально-просветительская

деятельность Е.Г. Городецкой в Иркутске в контексте развития отечественной системы музыкального образования (1901–1917 гг.)» (Колокольников, Петрушин, 2018).

Некоторые сведения о музыкальном образовании мы находим в монографии «Иркутская школа (XVIII – первая половина XIX в.)» (Кузнецова, 2000). Остальные, указанные в библиографии к статье работы, содержат справочную и фрагментарную информацию в рамках собственного тематического исследования.

Таким образом, становится очевидным, что тема музыкального образования в Иркутске раскрыта недостаточно и требует системного исследования. Цель данной статьи – краткий обзор особенностей формирования музыкального образования в дореволюционном Иркутске, заострив внимание на важных этапах его развития.

Иркутск и его культурные традиции

Иркутск был основан как острог в середине XVII в. отрядом первопроходцев для сбора ясака с местного населения. Благодаря удобному географическому положению острог в 1682 г. становится центром Иркутского воеводства, а в 1686 г. получает статус города. В XVIII в. Иркутск стал одним из крупнейших городов Восточной Сибири, а его население увеличилось в 9 раз. В 1700 г. здесь насчитывалось 726 душ мужского пола, в 1798 г. – 6255 чел., а в 1820 г. – 14297 человек (Иркутск в панораме веков, 2002. С. 23). В 1897 г. эта цифра возросла до 51 тысячи. С 1803 г. Иркутск был центром Сибирского, а с 1822 по 1884 г. – Восточно-Сибирского генерал-губернаторства – территории, простиравшейся от Енисея до Тихого океана (Кудрявцев, Вендрих, 1958. С. 146).

Будучи столицей столь обширного края, купеческий город безусловно имел свои культурные традиции. «Писцовая книга» 1686 г. называет первыми жителями Иркутска выходцев из Москвы, Устюга, Яренска, Пинеги, Соли Вычегодской, Мезени, Пскова, Переславля-Залесского, Усть-Цильмы и Шацка (Кудрявцев, Вендрих, 1958. С. 16). Позднее обширные территории края заселяли переселенцы из разных областей европейской России и Сибири. Это были выходцы из губерний Русского Севера: Вологодской, Архангельской губерний, Карелии, запада Ярославской области; были также приезжие

из Сибирских городов: Тобольска, Енисейска, Якутска.

Все они принесли на новое место жительства свои культурные особенности, поддерживаемые в «самобытной простоте», как писала в своих воспоминаниях Е.А. Авдеева-Полевая (Записки иркутских жителей, 1990. С. 67). Это обрядовые песни и танцы, игры, балаганы, кукольные театры, скоморохи... Из музыкальных инструментов в ходу были колокола, барабаны, деревянные флейты, сиповки, гусли и скрипки с медными струнами. Популярными в XVIII – начале XIX в. в Иркутске были и вертепы – особые народные кукольные представления на библейские темы, их действие сопровождалось музыкой и песнопениями. В XIX в. особой любовью у иркутян пользовались любительские хоры при различных обществах (Иркутское общество любителей музыки и литературы (1881), Иркутское отделение Императорского русского музыкального общества (1901)), а также духовных учебных заведений. Прекрасный хор действовал при Знаменском монастыре. Важную роль в развитии светской музыкальной культуры сыграли развлечения – балы. В Иркутске они проводились в доме генерал-губернатора, в Иркутском институте благородных девиц императора Николая I; в здании Городской думы, клубе Общества приказчиков и в Общественном собрании; публичные балы проходили в Комендантской роще, а затем в Портновском саду (Андрюхина, Горощенова, 2021). На балах играл военный духовой оркестр Иркутска, который (по воспоминаниям жителей) постоянно проводил репетиции. Кроме того, дореволюционный Иркутск был славен своими народными гуляниями в садах и Александровском сквере, где на радость иркутянам звучала оркестровая музыка.

Необходимо дополнить картину культурной жизни иркутян деятельностью декабристов. В статье Н.Е. Морозовой «Декабристы у истоков фортепианной культуры Иркутской губернии» (Морозова, 2020. С. 38) приводит целый список обладавших музыкальными талантами политических ссыльных: певица и пианистка М.Н. Волконская, певица Е.П. Нарышкина, виолончелист П.Н. Свистунов, скрипач, хормейстер и композитор Ф.Ф. Вадковский, скрипач Н.А. Крюков, флейтист К.Г. Игельстром, пианист, альтист, аранжировщик А.П. Юшневский, пианист В.П. Ивашев и др. Не

подлежит сомнению их вклад в культурное (музыкальное) развитие нашего края.

Польско-литовское музыкальное общество «Огниво», открытое в Иркутске в 1898 г. также внесло свою лепту в развитие музыкальной культуры нашего края. Среди ссыльных поляков было много людей образованных и музыкально одаренных. Среди них: скрипач А.Ф. Боровинский, пианисты Ф.Я. Станевский, Р.Ф. Лебман-Рушиц, пианист и хормейстер В.С. Свитич и др. Общество устраивало роскошные польские балы, концерты польской музыки, литературно-музыкальные субботы, театральные постановки на польском языке (Харкевич, 1987. С. 143). Таким образом, можно сделать вывод о том, что музыка присутствовала во всех сферах культурной жизни горожан: духовной, светской и народной. Она являлась неотъемлемой составляющей культуры иркутян.

Музыка в духовном образовании

В 1725 г. по указу Петра I в Иркутске при Вознесенском монастыре была открыта «Мунгальская школа», предназначенная для подготовки миссионеров в Китай и Монголию для распространения православного христианства на этих территориях (рис. 1). Основателем мунгальской школы стал настоятель Вознесенского монастыря, один из пер-

вых русских китаеведов Антоний Платковский (1682–1746). Далее школой руководили настоятели: Иннокентий I (Кульчицкий) (1680/1682(?) – 1731), Иннокентий II (Нерунович) (1690–1747) (Громов, 1868. С. 62).

Специально для Мунгальской школы напротив монастыря на косогоре была построена изба, которую поделили на две половины (чистую и черную). В чистой – горнице – велись занятия, черная – служила общежитием. «Мунгальская» школа обучала монгольской грамоте, практике перевода с письменной и устной речи; изучался часослов, псалтирь, заповеди. Первоначально в ней обучались дети священнослужителей, а затем школа стала всеобщей. Учебный год начинался с 1 сентября, возраст учеников не должен был превышать 15 лет (Санников, 2013. С. 22).

Иннокентий Кульчицкий в 1728 г. открыл при Мунгальской школе славяно-русское отделение, благодаря чему школа стала именоваться Монголо-русской. Во вновь созданном отделении обучали русской азбуке, чтению, письму, счету, псалтырю и часослову 25 детей духовенства. В 1738 г. при Иннокентии II (Неруновиче) в школьное обучение были введены латинский язык и церковное пение, последнему обучал иеродиакон Доментин. Именно это событие можно считать отправной точкой

Рис. 1. Иркутский Вознесенский монастырь
Fig. 1. Irkutsk Ascension Monastery

официального обучения музыке в школьных учреждениях Иркутска. Известно, что в 1747 г. после смерти Иннокентия II (Неруновича) школа пришла в запустение, и была закрыта (Юрцовский, 1923. С. 26). Но в 1754 г. новый глава Иркутской епархии Софроний Кристалеvский (1703–1771) школу при Вознесенском монастыре восстановил, перевел ее из монастырских стен в архиерейский дом. Заняться о качестве обучения будущих священнослужителей, а также за неимением учителей, Софроний преподавал в ней славянский и русский языки. Являясь страстным поклонником духовного хорового пения, он включил в программу обучение музыкальной грамоте и пению. Иркутские епархиальные ведомости сообщали, что благодаря стараниям Софрония, архиерейский хор «потеснил светское пение в домах иркутян» (Наумова, 1996. С. 62).

В дальнейшем при открытии в Иркутской губернии новых церковно-приходских школ в программу входило церковное хоровое пение, так как цель их «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания», а без музыки это невозможно было сделать.

В 1780 г. при епископе Михаиле (Миткевиче) возникла духовная семинария – первое среднее духовное заведение Иркутска, в котором семинаристы изучали более 40 предметов, в том числе церковное пение, музыку, в ней также готовили регентов для церковных хоров. В учреждении имелся хор певчих, струнный оркестр, принимавший участие и в благотворительных мероприятиях. Учителями пения были талантливые музыканты, выпускники столичных семинарий. Первым ректором стал выдающийся востоковед, общественный деятель и писатель Иакинф (Бичурин). Выпускники семинарии – известные духовные деятели: Иннокентий (Вениаминов), святитель, митрополит Московский и Коломенский; Герасим (Добросердов), святитель, епископ Астраханский и Енотаевский; священномученики Ефрем (Кузнецов), епископ Селенгинский и Парфений (Брянских), епископ Ананьевский, писатели и общественные деятели А.П. Щапов, М.В. Загоскин и другие (Шинкарева, 2002. С. 102).

В Иркутском Знаменском монастыре одним из видов послушания для монахинь было обучение грамоте и церковному пению, содержащихся в

обители воспитанниц. Знаменский монастырь был известен далеко за пределами Иркутска своим регентским хором и богослужениями.

В конторе Иркутского архиерейского дома с 1852 г. стали выделяться средства на содержание школы для причетчиков, «мало знающих чтение, пение и устав церковный», разрешение на учреждение которой при Иркутском архиерейском доме было дано указом Святейшего Синода от 17.12.1851 «в виде опыта» и при условии, чтобы в вызове причетчиков (не более одного от каждой церкви) и их обучении «соблюдались справедливость».

Иркутская учительская семинария, открытая в 1872 г., готовила в своих стенах учителей для народных школ края. Помимо русского и церковнославянского языков, математики, черчения, рисования, основ педагогики и гигиены, ручного труда, в ней обучали нотному пению и музыке, игре на музыкальных инструментах, преимущественно на скрипке. При семинарии существовала специальная школа для педагогической практики учащихся, в которой они получали и навыки преподавания музыки. В семинарии был создан струнный оркестр, организован хор, который пел в сводном хоре епархии на общих концертах. Помимо прочего, семинаристы участвовали в благотворительных концертах (Сукачев, 1891. С. 219).

К сожалению, не сохранились сведения о том, обучались ли музыке ученики Иркутской навигацкой и гарнизонной школ, но предполагая, что это все-таки военные учебные заведения, то в них, как минимум, должно было практиковаться пение в строю, возможно, обучение на духовых музыкальных инструментах (выборочно). Свидетельством тому может служить наблюдение ученого и путешественника Иоганна Сиверса, посетившего Иркутск в апреле 1790 г., что в самодеятельных постановках и антрактах Иркутского театра Василия Троепольского (находился на месте авиационного техникума, ул. Заморская (ныне Ленина)) принимал участие гарнизонный духовой оркестр, «ни на один день не оставлявший без упражнения свою полковую музыку» (Зиннер, 1968). В 1796 г. Навигацкая школа вливается в Главное народное училище Иркутска, в 1793–1799 гг. в училище действовал класс нотного пения. С 1805 г. навигаторские ученики были вклю-

чены в состав Иркутской губернской гимназии (Горощенова, 2007. С. 55).

В 1781 г. была открыта Иркутская градская школа, располагавшаяся на ул. Заморской (ныне ул. Ленина) напротив Тихвинской церкви. Школа должна была научить детей разных сословий чтению, письму, арифметике, чтению славянских церковных книг, часослова, псалтыря, катехизиса и церковному пению, рисованию. Состояло учебное заведение из трех классов: словесного, письменного и певческого. В словесном классе обучали часослову и псалтырю, азбуке (склады), в письменном – правописанию, письму и счету, в певческом – церковному пению. Сначала дети поступали в словесный класс, а затем переходили в письменный, из него – в певческий. Иркутская градская гражданская школа, просуществовав 8 лет, 22 сентября 1789 г. влилась вместе со своими 43 учениками в Главное народное училище, которое разместилось в ее же здании (Кузнецова, 2000. С. 70).

В некоторых крупных средних учебных заведениях Иркутска, таких как техническое, а в дальнейшем – промышленное училище, пение и музыку тоже преподавали (учитель – выпускник Иркутской учительской семинарии П.Д. Беляев) (Горощенова, 2015. С. 51).

Большую роль в музыкальном образовании Иркутска и развитии его как культурного города сыграли декабристы и польские повстанцы. Многие из них были хорошими музыкантами, сочиняли музыку, играли на музыкальных инструментах. Мария Николаевна Волконская создала в своем доме литературный и музыкальный салон. Некоторые из ссыльных давали уроки иркутским жителям, в том числе А.П. Юшневский, слывший лучшим учителем фортепиано в Иркутске (Белоголовый, 1897. С. 9). К сожалению, эти немногочисленные частные уроки не носили характера той многосторонности музыкального развития, которую дает специальная школа. Главной целью занятий было получение техники игры на скрипке и фортепиано, при чем, учащимися являлись преимущественно зажиточные, чаще титулованные слои общества.

Девичий институт Восточной Сибири

В 1845–1920 гг. в Иркутске действовал Девичий институт Восточной Сибири, который в 1896 г. поменял свое название на «Иркутский институт императора Николая I» (рис. 2).

Институт был закрытым учебным заведением по типу привилегированных дворянских, относился ко второму разряду, что соответствовало среднему

Рис. 2. Иркутский институт императора Николая I, открытка, 1904 г.
Fig. 2. Irkutsk Institute of Emperor Nicholas I, postcard, 1904

образованию. Начальницами института в разное время были: К.К. Козьмина, М.А. Дорохова, А.П.Быкова, К.Е. Быстрова, баронесса Е.В. Котц, Е.П. Кисель-Загорянская, А.П. Моллериус.

Обучение в институте длилось 3–7 лет. Основная масса воспитанниц училась за счет родителей, некоторые (дочери бедных чиновников, погибших или умерших офицеров) – за счет государства, ряд учениц содержался за счет различных стипендий. Так, например, в 1911 г. в институте была учреждена музыкальная стипендия имени бывшей воспитанницы А. Рассказовой. Плата за обучения составляла в разные годы от 100 до 360 руб. Занятия музыкой оплачивались отдельно и составляли 65 рублей в год.

Состав воспитанниц в иркутском институте был демократичнее, чем в западных учебных заведениях; здесь могли учиться девочки из дворянского, купеческого сословий, знатных инородцев, отличившихся чиновников. Среди воспитанниц института были и дочери декабристов: С.П. Трубецкого – Елизавета и Зинаида, внучки Н.А. Бестужева – Екатерина и Наталья Гомбоевы, дочь В.Ф. Раевского Софья (Терновая, 2014. С. 62).

Воспитанницы, наряду с другими предметами, обучались танцам, гимнастике, домоводству, пению и музыке. Одна из учениц девичьего института 1860-х гг. вспоминала, что музыке обучали своекоштных по желанию родителей, а также некоторых способных казенных учащихся. «О правильной постановке рук в то время никто не думал, показывались ноты, гаммы, какие-то упражнения, а затем

давались нетрудные пьески, за недостатком нот – почти все одни и те же». Наиболее способные ученицы исполняли классику – трудные вещи Шопена и Бетховена. Пению обучали всех, кто мог петь. В первом классе проходили гаммы и упражнения; во втором – молитвы, всенощную, обедню, молебны, панихиду и великопостную службу. «Учил нас какой-то старый семинарист, неотесанный и грубый, но дело свое, по-видимому, знал хорошо, потому что институтский хор считался одним из лучших в городе» (Р.Ф., 1909. С. 486).

В дальнейшем уровень преподавания пения и музыки значительно повысился. Многие преподаватели имели высшее и консерваторское образование. В институте были организованы два хора: церковный и светский. С 1860 г. экзамен по музыке проходил в виде отчетного концерта и был важным событием не только для самих воспитанниц, но и для иркутян, которые с удовольствием посещали открытые концерты (рис. 3).

До закрытия Девичьего института в 1920 г., из его стен было выпущено более 1000 воспитанниц, многие из которых выбрали путь воспитателей и педагогов, в том числе музыкального образования. Это учебное заведение было не только центром музыкального просветительства, но и более полувека заменяло иркутянам музыкальную школу.

Первая музыкальная школа

Первая музыкальная школа Иркутска носила частный характер, и была открыта свободным художником, пианистом, выпускником Петербург-

Рис. 3. Музыкальные занятия
Fig. 3. Music classes

ской консерватории А.Ю. Пилсудским в 1899 г. и называлась «Музыкальная школа свободного художника Анатолия Юльевича Гиниты-Пилсудского в г. Иркутске». Школа располагалась на втором этаже в доходном доме врача М.Т. Поротова по ул. Пестеревской (ныне ул. Урицкого, 9) (рис. 4).

Это было первое профессиональное музыкальное учреждение Восточной Сибири. Школа была создана под эгидой Общества любителей музыки и литературы, которое оплачивало половину ее расходов на аренду и музыкальные инструменты. Учебные программы были одобрены Императорским русским музыкальным обществом (ИРМО)

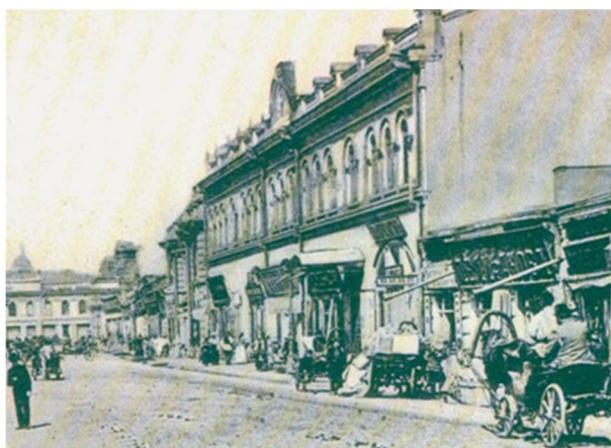

Рис. 4. Доходный дом М.Т. Поротова по ул. Пестеревской
Fig. 4. Apartment house M.T. Porotov on the street Pesterrevskaya

и включали обучение игре на фортепиано и скрипке, пение, хор, элементарную теорию музыки. Обучение в школе делилось на три класса (младший, средний и старший), действовало подготовительное отделение. Преподавали в школе пианист Стерн, скрипач Сеницын, вокалист Давиесси, дирижер оперы Шток. В школу принимались и дети, и взрослые. Первый набор составил 50 человек. Но в мае 1901 г. директор школы неожиданно исчез из Иркутска, предположительно, спасаясь от кредиторов, а школа временно закрылась (Харкеевич, 1987. С. 106).

Классы Императорского русского музыкального общества

По инициативе А.В. Пантелеевой, жены Иркутского генерал-губернатора, с 1 сентября 1901 года открывались музыкальные классы Императорского русского музыкального общества (рис. 5), которыми было приобретено за 5000 руб. имущество закрывшейся школы А.Ю. Пилсудского. В состав преподавателей этих классов вошли свободные художники: Е.Г. Городецкая, А.С. Стерн и Р.А. Иванов – по классу фортепиано, М.Н. Сеницын – скрипки, Илья Соц – виолончель, Дж. Рик. Давиесси – пение и Р.А. Иванов – теория. Дела классов шли блестяще, о чем говорит материальный успех: за первые 4 года не только был покрыт долг Пилсудскому в

Рис. 5. Первое объявление о начале набора в иркутские музыкальные классы
Fig. 5. The first announcement on the start of enrollment in Irkutsk music classes

5000 руб., но и образовался капитал в 3000 руб.

Однако в последствии трений, возникших между преподавателями Е.Г. Городецкой, Р.А. Ивановым и М.Н. Сеницыным, с одной стороны, и директором классов, выпускником Петербургской консерватории С.Г. Румшильским, с другой, названные педагоги вышли из состава преподавателей классов ИРМО, а за ними и большинство учащихся, и с 1 января 1905 г. основали свою музыкальную школу (Иркутские повествования, 2003).

Открытие новой школы грозило подорвать материальное благосостояние классов ИРМО, а потому дирекция этих классов прилагала все усилия, вплоть до политических доносов, к тому чтобы открытие школы разрешено не было. Однако, вследствие службы Е. Городецкой, Р. Иванова и М. Сеницына преподавателями музыки в институте Императора Николая I и личного знакомства их с А.В. Пантелеевой (жена бывшего Иркутского военного генерал-губернатора А.И. Пантелеева, открывшего памятник Александру III), проживающей тогда в Петрограде и принявшей деятельное участие в положительном решении вопроса об открытии школы, происки дирекции успехом не увенчались.

Количественный состав учащихся ИРМО колебался в пределах 90–150 чел. Классы сделали несколько выпусков. Периодически устраивались концерты. Но все же выдержать конкуренцию, несмотря на получаемые субсидии, они не могли, а в 1914 г. были закрыты. Имущество музыкальных классов принял в уплату долга аренды владелец здания, местный капиталист Н.Л. Родионов.

Музыкальная школа Е.Г. Городецкой, Р.А. Иванова и М.Н. Сеницына

Музыкальная школа свободного художника Е.Г. Городецкой, Р.А. Иванова и М.Н. Сеницына, ютившаяся первое время в подвале, а потом на чердаке, медленно, но упорно приобретала значение серьезной школы, преследовавшей исключительно художественные цели (Колокольников, Петрушин, 2018). С 1907 г. ее классы помещались в верхнем этаже большого каменного дома по ул. Большой, 10 (К. Маркса) (рис. 6); в 1968 г. дом был разобран.

Школа была доступна не только состоятельным людям, но и обычным трудящимся со средним достатком; бедные, но талантливые обучались в

*Рис. 6. Здание частной музыкальной школы по ул. Большой, 10 (ныне ул. К. Маркса)
Fig. 6. The building of a private music school on the street Bolshaya, 10 (now K. Marx St.)*

ней бесплатно. Культурное значение школы, являвшейся в то время единственным музыкальным заведением в целом крае, было очень велико. Она воспитала много хороших музыкантов, сыгравших значительную роль в музыкальной жизни Иркутска (Колокольников, Петрушин, 2018. С. 1248).

Школа Е.Г. Городецкой была весьма популярна в Иркутске. В центральной России ее учащиеся принимались на высшие курсы столичных консерваторий, и нередко – вне очереди. Это стало возможным благодаря высокому профессионализму преподавателей. На всех ступенях образовательного процесса к учащимся применялся единый методический подход, что выгодно сказывалось на качестве обучения. Лучших учащихся оставляли для работы в школе, обеспечивая таким образом педагогическую преемственность. Технически это осуществлялось следующим образом. При музыкальной школе были созданы практические классы будущих сотрудников – нынешних учащихся (около 30 чел.) Курсы сделали несколько выпусков, создав собственные кадры педагогов 1-й ступени (табл. 1).

Таблица 1. Количество учащихся школы Е.Г. Городецкой за 15 лет ее существования
Table 1. Number of pupils of school E.G. Gorodetskaya for 15 years of its existence

Учебный год	Кол-во учеников	Учебный год	Кол-во учеников
1905/06	90	1913/14	138
1906/07	61	1914/15	182
1907/08	73	1915/16	185
1908/09	97	1916/17	216
1909/10	95	1917/18	216
1910/11	112	1918/19	379
1911/12	127	1919/20	576
1912/13	127		

Музыкальное образование продолжало развиваться в Иркутске. Через два года после закрытия классов ИРМО, а именно в сентябре 1917 г., свободный художник В.П. Беляев (скрипач, пианист, композитор) открыл музыкальные курсы, которые впоследствии были национализированы и влились вместе с частной музыкальной школой Е.Г. Городецкой в Музыкальный университет.

В 1918 г. начались занятия на музыкальном отделении при Народном университете во главе с Я.М. Гершковичем, выпускником Санкт-Петербургской консерватории по классу флейты. В 1919 г. отделение преобразуется в музыкальную школу Народного университета, а в 1920 г. в Народную консерваторию.

Количественный состав учащихся и преподавателей трех названных музыкальных заведений в 1920 г. был следующим (табл. 2).

Таблица 2. Количественный состав учащихся и преподавателей
Table 2. Number of students and teachers

Наименование	учащиеся	преподаватели	Учащиеся / преподаватель
Школа Е.Г. Городецкой	576 чел.	14	41/1
Музыкальные курсы В.П. Беляева	40 чел.	2	20/1
Народный университет	240 чел.	18	13/1
Итого	856 чел.	34	25/1

Исходя из статистических данных (табл. 1, 2) наиболее быстроразвивающимся музыкальным заведением была школа Е.Г. Городецкой. Совершенно очевиден факт недостаточности преподавателей на количество учеников в этой школе, в связи с чем и были созданы преподавательские курсы. В среднем, исходя из общего количества учащихся в трех музыкальных заведениях Иркутска, пропорция ученики/преподаватель составляла примерно 25 чел. на одного учителя музыки.

Работа музыкальных школ, и главным образом многолетняя деятельность школы Е.Г. Городецкой, подготовили необходимые условия для создания более высшего музыкального учебного заведения. С одной стороны, музыкантами и их учениками давался ряд публичных концертов, платных с благотворительной целью и бесплатных, что объединяло слушателя с серьезной музыкой, вызывало интерес к ней. С другой – в течение целого ряда лет шел образовательный процесс по изучению музыки на уровне школы первой ступени. В то же время для большинства выпускников

музыкальных школ Е.Г. Городецкой и курсов В.П. Беляева была недоступна возможность получить образование более высокого уровня за пределами Иркутска. Эти два фактора и дали толчок для последующей реорганизации.

В июле 1919 г. Е.Г. Городецкая сделала представление в Министерство народного просвещения о преобразовании ее школы в училище с соответственным изменением программы. В ноябре 1919 г. вопрос о преобразовании был положительно решен. 27 января 1920 г. состоялось заседание комиссии преподавателей музыкальной школы при Иргосуе. Обсуждали проект реорганизации школы в Народную консерваторию. Однако с приходом советской власти в августе – сентябре того же 1920 г. все частные учебные заведения были ликвидированы, а затем национализированы. Естественным образом возник вопрос о слиянии частных школ в одно музыкальное учебное заведение.

В конце 1920 г. по инициативе Губернского отдела народного образования (ГубОНО) частная музыкальная школа Е.Г. Городецкой и классы при Народном университете были объединены в одно учреждение культуры – Иркутский государственный музыкальный университет (Музун), ректором и деканом фортепианного факультета которого стала известный педагог Е.Г. Городецкая.

К сожалению, Музун так и не был официально утвержден Наркомпросом. Постановлением коллегии Сибпрофобра от 29 декабря 1920 г. Иркутский

музыкальный университет был даже переименован в Иркутскую консерваторию, но это решение не поддержал Главпрофобр, отметив, что единственным образовательным музыкальным учреждением в Иркутске может стать лишь техникум – демократическое учреждение, заботящееся о музыкальном развитии народных масс.

В августе 1921 г. на правлении Сорабис под председательством А.М. Берлинского решался вопрос о существовании Иргомузуна, так как он не был зачислен на коллективное снабжение. Правлению Музуна предложили организовать коллективную музыкальную школу, оставаясь под контролем Губпрофобра. Теоретически Музун мог быть реорганизован в музыкальный техникум, но обстоятельства сложились иначе. По распоряжению Губоно от 13 апреля 1922 г. он оказался закрыт в следствие обострившихся отношений между правлением с новым ректором Г.Н. Леви и учащимися.

Вскоре после закрытия Музуна Главпрофобр была создана специальная комиссия для организации музыкального техникума. Комиссия, просуществовав на бумаге несколько месяцев, не способствовала его открытию и была распущена. На ее место в августе 1922 г. была назначена новая комиссия, энергично принявшаяся за организацию техникума к началу учебного года. Благодаря стараниям нового правления, Иркутский государственный музыкальный техникум начал принимать в свои стены студентов с сентября 1922 г.

Список источников

Андрюхина С.А., Горощенко О.А. Культурные традиции русского бала XIX века // Молодежный вестник ИргТУ. 2021. Т. 11. № 2. С. 88–96. EDN: DRRQYB.

Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М.: Типолиитография К.Ф. Александрова, 1897. XXXII, XII, 654 с.

Бозций А.М.С. Основы музыки / подготовка текста, перевод с латинского и комментарий С.Н. Лебедева. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2012. xl, 408 с.

Горощенко О.А. Формирование технической интеллигенции в Иркутской губернии в середине XVIII – начале XIX в. // Клио. 2007. № 4 (39). С. 55–62. EDN: JUJWNV.

Горощенко О.А. От навигацкой школы к техническому университету. Иркутск : Изд-во ИРНТУ, 2015. 242 с. EDN: VXDYJJ.

References

Andryukhina S.A., Goroshchenova O.A. (2021) Cultural traditions of the Russian ball of the 19th century. *Molodezhnyi vestnik IRGTU = Young Researchers Journal of ISTU*. Vol. 11. No. 2. P. 88-96. (In Russ.). EDN: DRRQYB.

Belogolovyi N.A. (1897) Memoirs and other articles. Moscow: Typolytography K.F. Alexandrova. XXXII. XII. 654 p. (In Russ.).

Boetsii A.M.S. (2012) Fundamentals of Music. Moscow: Scientific Publishing Center "Moscow Conservatory". XI. 408 p. (In Russ.).

Goroshchenova O.A. (2007) Formation of the technical intelligentsia in the Irkutsk province in the mid-18th - early 19th century. *Klio = Clio*. No. 4 (39). P. 55–62. (In Russ.). EDN: JUJWNV.

Goroshchenova O.A. (2015) From Navigation School to Technical University. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 242 p. (In Russ.). EDN: VXDYJJ.

Громов П. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и посплвление. Иркутск : Тип. Окружного Штаба, 1868. [8], 408 с.

Записки иркутских жителей / сост. тома, примеч., послесл. М.Д. Сергеева. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1990. 544 с.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. 247 с.

Иркутск в панораме веков: очерки истории города / С.М. Алексеев, В.В. Барышников, П.П. Боханов и др. ; отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Вост.-Сиб. Изд. компания, 2002. 512 с. EDN: TPCBUR.

Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. / авт.-сост. А.К. Чернигов. Иркутск : Оттиск, 2003. Т. 2. 432 с.

Колокольников И.А., Петрушин Ю.А. Музыкально-просветительская деятельность Е.Г. Городецкой в Иркутске в контексте развития отечественной системы музыкального образования (1901–1917 гг.) / И.А. Колокольников, Ю.А. Петрушин // Былые годы. 2018. № 49 (3). С. 1248–1257. <https://doi.org/10.13187/bg.2018.3.1248>. EDN: TOBNAO.

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск : очерки по истории города. Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1958. 514 с.

Кузнецова М.В. Иркутская школа (XVIII – первая половина XIX веков). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2000. 174 с. EDN: YPGIQZ.

Морозова Н.Е. Декабристы у истоков фортепианной культуры Иркутской губернии. Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8. № 2. С. 35–45. <https://doi.org/10.24411/2308-1031-2020-10022>. EDN: BZXMTTR.

Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 1996. 202 с.

Р.Ф. Воспоминания институтки шестидесятих годов // Русская старина. 1909. Т. 139. Сентябрь. С. 481–490. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/59d/Russkaya%20starina%20139.pdf> (дата обращения 10.04.2023).

Санников А.П. Духовное образование в Иркутской епархии в первой половине XVIII в. // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 21–25. EDN: PWOFFMB.

Сукачев В.П. Иркутск : Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири : очерк. М. : Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1891. [2], 271 с.

Терновская И.И. Иркутянка: портрет на рубеже XIX и XX веков. Иркутск : Оттиск, 2014. 415 с.

Харкеевич И.Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. 277, [2] с.

Шинкарева А.П. Дорога в будущее. Кн. 1. Путеводитель по школам Иркутска прошлого и настоящего, от века

Gromov P. (1868) The beginning of Christianity in Irkutsk and Saint Innocent, the first bishop of Irkutsk. His ministry, administration, death, miracles and glorification. Irkutsk: Printing house of the District Headquarters. [8]. 408 p. (In Russ.).

Sergeev M.D. (1990) Notes of Irkutsk residents. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 544 p. (In Russ.).

Zinner E.H.P. (1968) Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the 18th century. Irkutsk. 247 p. (In Russ.).

Alekseev S.M., Baryshnikov V.V. (2002) Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the history of the city. Irkutsk: East Siberian Publishing Company. 512 p. (In Russ.). EDN: TPCBUR.

Chernigov A.K. (2003) Irkutsk stories. 1661–1917. In 2 vol. Irkutsk: Ottisk.Vol. 2. 432 p. (In Russ.).

Kolokol'nikov I.A., Petrushin Yu.A. (2018) Musical and Educational Activity of E.G. Gorodetskaya in Irkutsk in the Context of Development of the National System of Musical Education (1901–1917) . *Bylye gody = Bylye Gody*. No. 49. Iss. 3. P. 1248–1257. (In Russ.). <https://doi.org/10.13187/bg.2018.3.1248>. EDN: TOBNAO.

Kudryavtsev F.A., Vendrikh G.A. (1958) Irkutsk: essays on the history of the city. Irkutsk: Irkutsk Book Publishing House. 514 p. (In Russ.).

Kuznetsova M.V. (2000) Irkutsk school (XVIII - first half of the XIX century). Irkutsk: Irkutsk State University. 174 p. (In Russ.). EDN: YPGIQZ.

Morozova N.E. (2020) The Decembrists at the source of piano culture of the Irkutsk province. *Vestnik muzykal'noi nauki = Bulletin of Music Science*. Vol. 8. No. 2. P. 35–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2308-1031-2020-10022>. EDN: BZXMTTR.

Naumova O.E. (1996) Irkutsk diocese of the 18th century - the first half of the 19th century. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State Technical University. 202 p. (In Russ.).

R.F. (1909) Memoirs of an institute girl of the sixties. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. Vol. 139. September. P. 481–490. (In Russ.). Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/59d/Russkaya%20starina%20139.pdf> (Accessed 10.04.2023).

Sannikov A.P. (2013) Spiritual education in the Irkutsk diocese in the first half of the 18th century. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. No. 1. P. 21–25. (In Russ.). EDN: PWOFFMB.

Sukachev V.P. (1891) Irkutsk: Its place and significance in the history and cultural development of Eastern Siberia: essay. Moscow: Type. t-va I.N. Kushnerev and Co. 271 p. (In Russ.).

Ternovaya I.I. (2014) Irkutsk woman: portrait at the turn of the 19th and 20th century. Irkutsk: Ottisk. 415 p. (In Russ.).

Kharkeevich I.YU. (1987) Musical culture of Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk State University. 277 p. (In Russ.).

Shinkareva A.P. (2002) The road to the future. Book 1. A guide to Irkutsk schools of the past and present, from the

XVIII к веку XXI. Иркутск : Ред.-изд. отд. «МиГ» ООО НИЦ «Экосфера-Байкал», 2002. 166 с.

Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск : Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. 246, IV с.

Информация об авторе

Горощенова Ольга Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Вклад автора

Горощенова О.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 5 октября 2023 г.; одобрена после рецензирования 29 ноября 2023 г.; принята к публикации 18 декабря 2023 г.

18th century to the 21st century. Irkutsk: Red.-izd. otd. "MIG" OOO NITS "Ehkosfera-BaikaL". 166 p. (In Russ.).

Yurtsovskii N.S. (1923) Essays on the history of education in Siberia. Novo-Nikolaevsk: Sib. region book publishing house. Iss. 1. *Obshchii khod razvitiya shkol'nogo dela v Sibiri 1703-1917 gg.* = *The common development of the school activity in Siberia.* 246 p. (In Russ.).

Information about the author

Olga A. Goroshchenova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Contribution of the author

Goroshchenova O.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 5, 2023; approved after reviewing November 29, 2023; accepted for publication December 18, 2023.

История

Научная статья
УДК 94(470)
EDN: QJMBNZ
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-159-168

Спасенное знамя

А.В. Олейников^{1, 2, 3}

¹ Международный университет «МИТСО», Гомельский филиал, г. Гомель, Беларусь

² Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия

³ Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. Тема знаменных трофеев имеет огромное значение. Во все эпохи знамя, являвшееся символом и олицетворением воинской части, было ценнейшим трофеем, зримым воплощением победы. Герои, пленившие знамя, были наиболее чтимы в армии, а пленение знаменного стяга являлось первоклассным подвигом и основанием для представления к высокой боевой награде. И наша статья посвящена важному открытию: спасению центральной части знамени 142-го пехотного Звенигородского полка. Ранее была известна судьба лишь фрагментов этого знамени, оказавшегося в «котле» Танненберга, испытав все последствия трагической неудачи в Восточно-Прусской операции 1914 г. Огромное значение для хода и исхода операции стало пренебрежительное отношение со стороны русского командования к проводной и (особенно) беспроводной связи. Успешные действия германской радиоразведки стали важной предпосылкой удачного для противника завершения Восточно-Прусской операции. Зная не только обстановку, но и оперативные планы русского командования, руководство германской 8-й армии смогло реализовать план окружения ядра русской 2-й армии: в окружении очутились 13-й, 15-й армейские корпуса и часть 23-го армейского корпуса. Прорваться как организованным единицам из окружения соединениям не удалось – и в период 16–18 августа, после ожесточенных боев, их остатки погибли в окружении. При этом окруженные русские войска серьезно потрепали немцев (нанеся ощутимые поражения нескольким частям и соединениям). В результате нашего исследования удалось восстановить историю спасения центральной части знамени этого полка российской императорской армии и выявить имя главного героя этого подвига командира 4-го батальона подполковника Г.К. Сколовского. Солдаты и офицеры русской армии, спасая полковую святыню, обеспечивали будущее родной части. И подвиги воинов, отстаивавших родные знамена, золотыми буквами вписаны на страницах славы русского оружия.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский фронт, спасение знамени, трофеи, 142-й пехотный Звенигородский полк, Восточно-Прусская операция, Русская армия, Германский плен, Г.К. Сколовский

Для цитирования: Олейников А.В. Спасенное знамя // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 159–168. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-159-168>. EDN: QJMBNZ.

History

Original article

Rescued Banner

Alexey V. Oleynikov^{1, 2, 3}

¹ International University “MITSO”, Gomel, Republic of Belarus

² Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

³ Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Abstract. The theme of banner trophies is of great importance. In all eras, the banner, which was the symbol and personification of a military unit, was the most valuable trophy, the visible embodiment of victory. The heroes who captured the banner were the most revered in the army, and the capture of the banner was a first-class feat and the basis for nomination for a high military award. And our article is devoted to an important discovery: saving the central part of the flag of the 142nd Zvenigorod Infantry Regiment. Previously, the fate of only fragments of this banner was known, which ended up in Tannenberg’s “cauldron” - having experienced all the consequences of the tragic failure in the East Prussian operation of 1914. Of great importance for the course

and outcome of the operation was the disdainful attitude on the part of the Russian command towards wired and (especially) wireless communications. The successful actions of German radio intelligence became an important prerequisite for the successful completion of the East Prussian operation for the enemy. Knowing not only the situation but also the operational plans of the Russian command, the leadership of the German 8th Army was able to implement a plan to encircle the nucleus of the Russian 2nd Army: the 13th, 15th Army Corps and part of the 23rd Army Corps were surrounded. The formations failed to break through as organized units from the encirclement - and in the period of 16-18 August, after fierce fighting, their remnants died in the encirclement. At the same time, the surrounded Russian troops seriously battered the Germans (inflicting tangible defeats to several units and formations). As a result of our research, it was possible to restore the history of saving the central part of the banner of this regiment of the Russian Imperial Army and reveal the name of the main hero of this feat of the commander of the 4th Battalion, lieutenant colonel G.K. Sklobovsky. Soldiers and officers of the Russian army, saving the regimental shrine, provided the future of the native regiment. And feats of warriors who defended native flags are inscribed in golden letters on pages of glory of Russian weapons.

Keywords: World War I, Russian Front, salvation of the banner, trophies, 142nd Zvenigorod Infantry Regiment, East Prussian operation, Russian Army, German captivity, G.K. Sklobovsky

For citation: Oleynikov A.V. (2023) Rescued Banner. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 159-168. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-159-168>. EDN: QJMBNZ.

Тема трофеев в целом, и знаменных трофеев, в частности, в Первую мировую войну (и не только) имеет огромное значение. Во все исторические эпохи знамя, являвшееся символом и олицетворением воинской части, было и ценнейшим, и самым знаковым трофеем, зримым воплощением победы. Пленившие знамя солдаты и офицеры в армии считались особо, ведь пленение боевого знамени, будучи во все времена первоклассным воинским подвигом, являлось основанием награждения героя высокой наградой. И законодательство России – здесь не исключение.

Знаменная тема для русской армии имеет богатую историографию. В частности, в многотомном «Описании предметов обмундирования и вооружения российской армии» достаточно подробно рассмотрены русские знамена и штандарты периода X–XIX вв. (по 1881 г.). Известный русский военный историк А.В. Висковатов и его последователи и ученики подошли к вопросу достаточно скрупулезно.

М. Рабинович, Г. Вилинбахов, Л. Яковлев и П. Белавенец рассматривали древнерусские знамена.

«Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке» (увидевший свет в 1911 г. в Петербурге) имеет также важное значение. Но рассматриваемый в брошюре период завершается XIX веком (1900-м годом).

Важен и интересен труд «Документ о русских знаменах и прочих войсковых регалиях начала XIX века (1803–1815 гг.)» Г. Габаева, рассматривающего знамена большей части эпохи государя импе-

ратора Александра I. Также приведены изображения и описания знамен и штандартов с указателем воинских частей.

В «Описях знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее» (1903 г.) подробно описываются указанные объекты, приводятся интересные исторические данные.

А в справочнике «Роспись знамен и штандартов и особых знаков отличий, в войсках состоявших» (СПб., 1851 г.) дается подробнейший материал применительно к середине XIX века: в приведенных таблицах описываются знамена и знаки отличия всех частей русской армии с указанием нормативной базы касательно присвоения знамен, штандартов и знаков отличия.

Наконец, цветные таблицы Г. Габаева «Русские знамена 1796–1912 гг.» (изданы приложением к сытинской Военной энциклопедии – Т.Х. СПб, 1912.) и иные материалы Военной энциклопедии 1911–1915 гг. также являются важными материалами.

Интересна и западная историография. Так, «Military flags of world 1618-1900» (1977 г.) дает описание знамен и изображения некоторых из них применительно к наиболее знаковым государствам эпохи.

Полностью интересующий нас период охватывает труд В.В. Звегинцова «Знамена и штандарты русской армии» (Париж, 1968–1969 гг.). Работа, по понятным причинам (невозможность для автора трудиться в архивах СССР), содержит ряд ошибок и неточностей. Но по качеству текстового и

графического материала и информативности и по сей день не имеет себе равных.

В работе Т. Шевякова (иллюстрации О. Пархаева), изданной в 2002 г., рассматриваются знамена и штандарты русской армии конца XIX – начала XX в., в том числе уделяется внимание и фактам их утраты в годы Первой мировой войны. Но и в нее вкрался ряд неточностей, а информация носит обзорно-схематичный характер. Применительно к вопросам утраты знамен этот труд во многом практически пересказывает материалы С.П. Андоленко.

Захваченным знаменам армий стран Германского блока посвящен раздел в нашей монографии «Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой». В ней мы подробно характеризуем ситуацию с плененными знаменами и знаменными аксессуарами противника. В основу легли архивные материалы – из фондов Трофейной комиссии, а также другие документы.

Проблеме утраты и спасения русских боевых знамен посвящен ряд статей русского офицера (в эмиграции ставшего бригадным генералом французской армии) С.П. Андоленко в эмигрантском периодическом издании «Военная Быль». Так, рассмотрена ситуация со знаменами, утраченными в Аустерлицком сражении (Андоленко, 1959; Андоленко, 1962; Андоленко, 1969; Андоленко, 1973), и другими знаменными эпизодами эпохи (Андоленко, 1961; Андоленко, 1964).

С.П. Андоленко подробно проанализирован вопрос утраты знамен армиями Северо-Западного фронта (1-й и 2-й) во время Восточно-Прусской операции 1914 г. (Андоленко, 1965; Бояринцев, Переяславцев, 1965; Гodelюк, 1965; Старый Глуховец, 1966; Андоленко, 1966; Андоленко, 1967; Бастунов, 1968; Андоленко, 1968; Мелентьев, 1966; Сырцов, 1969; Гейштор, 1964; Андоленко, 1970; Андоленко, 1972). Именно об этой операции пойдет речь в нашем расследовании. Ведь мы хотим пролить свет на вопрос обнаружения считавшегося ранее утраченным знамени (точнее, центральной части полотнища – изображение Нерукотворного Спаса) 142-го пехотного Звенигородского полка. Как ранее считалось (Андоленко, 1965, С. 42; Шевяков, Пархаев, 2002. С. 21), центральную часть полотнища ждала участь оказаться утраченной (были известны имена двух офицеров,

спасших другие фрагменты полкового стяга). Нам посчастливилось, введя имя 3-го (и главного) героя коллективного подвига полкового офицерства, восполнить историческую лакуну.

Как известно, 142-й полк являлся обладателем Георгиевского знамени «За Севастополь в 1854 и 1855 годах». Во время восточно-прусской катастрофы 1914 г., в период агонии остатков окруженного ядра 2-й армии Северо-Западного фронта, полковое офицерство, сорвав с древка знамя, разрезало полотнище на части и поделило их между своими представителями. В итоге, обрывки полотнища, как и знаменный Георгиевский крест, в плену хранились офицерами-звенигородцами. Древко (включая навершие, скобу, но без выломанного креста) 18-го августа оказалось в руках противника. В декабре того же года на поручике Исаеве германцы обнаружили кусок полотнища с надписью: «С НАМИ БОГ».

В то же время судьба прочих обрывков полотнища полковой святыни оказалась иной. Так, одну часть спас подпоручик Лапин, в 1919 г. доставивший ее в Штаб Добровольческой Армии (в дальнейшем сдана в Белграде в русский храм). Вторая часть оказалась в 1925 г. там же. В итоге, соединенные остатки полотнища знамени хранились в этом храме до 1945 г.

В данной статье мы осветим ситуацию с главной частью полкового знамени. Будучи спасена подполковником Склобовским, она оказалась на Родине еще до завершения Первой мировой войны.

Звенигородцы и их знамя

Полк являлся одной из доблестных частей русской армии. Он имел старшинство 16 августа 1806 г., будучи создан (в составе 3 мушкетерских и гренадерской рот Селенгинского мушкетерского полка и рекрут) как Якутский мушкетерский полк (Гренадерские и пехотные полки, 1909. С. 184). И прошел долгий организационный и боевой путь, став 25 марта 1864 г. 142-м пехотным Звенигородским полком.

Среди знаков отличия полка были: 1) Георгиевское знамя (имело надписи «За Севастополь в 1854 и 1855 годах» и «1806–1906», а также Александровскую юбилейную ленту) и 2) Знаки на головные уборы (надпись «За отличие»; пожалова-

ны 6 апреля 1830 г. за отличие в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг.).

Голгофа Звенигородского полка

На начало Первой мировой полк под командованием полковника Г.Н. Венецкого, действуя в составе 36-й пехотной дивизии 13-го армейского корпуса 2-й армии, убыл на войну, в составе Северо-Западного фронта приняв активное участие в Восточно-Прусской операции 4 августа – 2 сентября 1914 г.

Нижегородцы отличились в победном бою у Орлау-Франкенау (корпус в этом бою понес тяжелые потери).

Форсирование выдвижения и движения, а также недоотмобилизованность соединений и частей крайне негативно сказались на организации, а также материально-техническом обеспечении пехоты Самсоновской армии.

Так, 12-го августа командир 13-го корпуса общал в штаб армии, что утром удалось подвезти часть сухарей и хлеба, обеспечив войска дня на три. Транспорт при быстром движении по плохим дорогам нагнать войска не мог. Богато обеспеченные хлебом и сухарями полки в корпусе отсутствовали.

Позднее полк, участвуя во взятии г. Алленштейн, втягивался в подготовленный немцами для ударной группы 2-й армии капкан. Германское командование, сняв большую часть сил с фронта остановившейся 1-й армии, решилось на перегруппировку, нацеленную на разгром 2-й армии посредством окружения главных сил последней.

Огромное значение для хода и исхода операции стало пренебрежительное отношение со стороны русского командования к проводной и (особенно) беспроводной связи. Успешные действия германской радиоразведки стали важной предпосылкой удачного для противника завершения Восточно-Прусской операции. Зная не только обстановку, но и оперативные планы русского командования, руководство германской 8-й армии смогло реализовать план окружения ядра русской 2-й армии: в окружении очутились 13-й, 15-й армейские корпуса и часть 23-го армейского корпуса. Прорваться как организованным единицам из окружения соединениям не удалось – и в

период 16–18 августа, после ожесточенных боев, их остатки погибли в окружении. При этом окруженные русские войска серьезно потрепали немцев (нанеся ощутимые поражения нескольким частям и соединениям). Масштабы же германских трофеев (прежде всего, это касается пленных и артиллерии) по итогам Восточно-Прусской операции были позднее значительно раздуты германской пропагандой и советской исторической наукой. И эти тенденции во многом не изжиты и поныне.

Бои в окружении 16–18 августа стали подлинной Голгофой звенигородцев. На рассвете 16-го августа 13-й армейский корпус вел ожесточенные арьергардные бои с превосходящими силами противника у Меркен – Шведрих. Части корпуса начали отходить на Куркен (через Шведрих), а затем следовало двигаться в район Бартошкен, заняв фронтом на юго-запад позиции левее 15-го армейского корпуса, прикрыв отход этого соединения из орлауского района. Генерал-лейтенант Н.А. Ключев, комментируя действия вверенного 13-го армейского корпуса, отмечал, что отход соседа – 15-го корпуса и нахождение в тылу германских войск, ставило 13-й корпус в критическое положение. Следовало отходить. Письменный приказ командующего армией предписывал 13-му корпусу отходить к Куркену. В итоге пришлось выводить в темноте части корпуса из боевого порядка, разворачивая фронт 5 полков и 11 батарей на 90 градусов – причем по бездорожной и незнакомой местности. В арьергарде остался 144-й пехотный Каширский полк и 2 батареи (к арьергарду примкнул не успевший уйти из леса 1-й пехотный Невский полк). Для прикрытия отхода частей по пути отступления было занято озерное дефиле – и Софийский, Звенигородский и Можайский полки успели пройти это дефиле. Но арьергард был вынужден на рассвете 16-го августа принять бой севернее Меркена. Окруженный превосходящими силами противника, он, во главе с комполком полковником Каховским и командиром 2-й бригады 36-й дивизии доблестно сражался. Но в итоге был по частям разбит и пленен. Половина 1-го полка, которая успела отойти за дефиле, уцелела, тогда как другая половина была отрезана, разделив участь каширцев. И к Куркену части 13-го корпуса (Софийский, Можайский, Звенигородский полки,

половина Невского и остатки Дорогобужского полков с 9 батареями) отходили с арьергардными боями. И последний серьезный бой (со штыковыми атаками) состоялся в 8 км западнее Куркена (Вацетис, 1929. С. 189–190).

Доклад комиссии генерала от инфантерии А.И. Пантелеева, характеризуя войска, которым удалось вырваться из окружения, отметил, что из состава 2,5 корпусов окруженной ударной группы 2-й армии сквозь кольцо германской пехоты, которую активно поддерживали артиллерия и броневики, удалось прорваться более 10 тысячам русских бойцов. Большинство окруженцев вышло скрытно – небольшими группами или поодиночке. Прорваться с боем и в составе подразделений, сохранивших относительный порядок, удалось лишь части окруженных бойцов. Из числа организованных подразделений следует особо отметить отряды: подполковника 31-го пехотного Алексопольского полка Сухачевского (до 1250 человек, 14 пулеметов) и штабс-капитана 142-го пехотного Звенигородского полка М.П. Семячкина (вышли из состава 142-го полка 11-я и 16-я роты и команда разведчиков). В то же время большая часть окруженных корпусов (включая всю корпусную артиллерию, большую часть обозов и парки) погибла (Доклад правительственной комиссии..., 1939. С. 558)¹.

Необходимо отметить, что разгром арьергарда 13-го армейского корпуса (около 6 батальонов и 2 батарей) недешево обошелся противнику: утром 16-го августа между 7 и 8 часами эти подразделения нанесли крупное поражение 37-й пехотной дивизии и ландверной дивизии Гольца.

Г.К. Склобовский и спасенный Спас Нерукотворный

И теперь мы поговорим о главном герое – подполковнике Г.К. Склобовском (письма которого и спасенная им центральная часть знамени хранилась в его семье).

Гавриил Константинович Склобовский родился 4 июля 1861 г. в семье священника Воронеж-

ской губернии. Общее образование получил в Воронежской духовной семинарии (из 2-го класса которой выбыл), а военное образование – в Чугуевском пехотном юнкерском училище (закончил по 2 разряду в 1889 г.). Вступил на военную службу нижним чином 12 ноября 1881 г., а после того как окончил юнкерское училище, был выпущен подпоручиком в 71-й пехотный резервный батальон.

Капитаном Г.К. Склобовский 20 июля 1903 г. был переведен в 142-й пехотный Звенигородский полк, и его стаж ротного командира составил 10,5 лет. 6 мая 1910 г. он становится подполковником (старшинство 26 февраля 1910 г.) и комбатом (с 1 января 1911 г. стал командиром 4-го батальона) (рис. 1).

Хотя в сражениях Русско-японской войны Г.К. Склобовский не участвовал, но считался ее участником (его полк, предполагавшийся к отправке на войну, 8 июля 1905 г. был приведен в

*Рис. 1. Г.К. Склобовский
Fig. 1. G.K. Sklobovsky*

¹ Доклад правительственной комиссии, назначенной в 1914 г. для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 г. Документ № 804 // Восточно-Прусская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1939. С. 547–606.

боевую готовность – и в этом состоянии находился по 12 февраля 1906 г., хотя на Дальний Восток не отправился).

Тяжким испытанием для него стал плен в войну Германскую. Как пишет герой нашей статьи: «После жестоких боев 15, 16 и 17 августа, чудом Божиим я остался живым и не раненным – во время боев я все время находился в боевой линии, а убитых и раненых кругом была масса». Г.К. Склобовский был пленен в 3 часа 15 мин 17 августа 1914 г. у дер. Садек. Офицер отметил, что тяжесть этих минут для него смягчило осознание того, что он выполнил все, что было в его силах (но многие лишили себя жизни).

Знамя, в преддверии пленения командования полка, разрезали на части и раздали офицерам. Центральная часть полотнища и досталась Г.К. Склобовскому.

В плену подполковник первый месяц содержался в г. Нейссе, а затем был переведен в Кенигштайн (крепость в Саксонии примерно в 40 км от Дрездена) (рис. 2). Офицер вложил знамя в ларец

Рис. 2. Г.К. Склобовский в плену
Fig. 2. G.K. Sklobovskiy in captivity

и передал посылку супруге, проживавшей в Туле. Из Германии после Первой мировой войны вернулись 2 врача-звенигородца – и лишь от них родственники Г.К. Склобовского узнали о содержании этой посылки.

Супруга комбата Александра Илларионовна Склобовская являлась двоюродной сестрой бабушке М.В. Щеглова, который и предоставил нам уникальные материалы (Письма подполковника Склобовского. Личный архив М.В. Щеглова).

Когда Г.К. Склобовский уехал на фронт, его супруга нашла приют в семье Богомоловых и Щегловых. А.И. Склобовская умерла 2 июля 1947 г., погребена на тульском Всехсвятском кладбище (в семейном некрополе).

М.В. Щеглов позднее вспоминал, что супруга комбата была крестной матерью его отца, В.Ю. Щеглова. Г.К. Склобовский («дядя Гаврюша») в мае 1914 г. успел поучаствовать в свадебной церемонии бабушки и бабушки В.Ю. Щеглова. Плененный комбат в начале 1918 г. умер в плену, и могила не сохранилась. Незадолго до своей смерти подполковник приобрел резную шкатулку – и под ее подкладку вложил свой фрагмент полкового знамени: Спаса Нерукотворного. О тайне он сообщил военврачу Ф.Р. Тейле, который, вернувшись в Тулу, передал шкатулку с полковой реликвией бабушке и бабушке М.В. Щеглова. В январе 1957 г. дед последнего, Ю.Н. Щеглов, написал военному Тульской области письмо с рассказом о данных событиях, выразив готовность передать хранившуюся в семье реликвию в музей. Ответа на это письмо не последовало (Щеглов М. Пазл Первой мировой. История полкового знамени Императорской армии обрывается в Белграде 1945-го // Военно-промышленный курьер. 2018. № 25 (738). С. 8.). И М.В. Щеглов так и не узнал – почему.

Письма Г.К. Склобовского, которые он писал из крепости своей жене, проживавшей в Туле в семье прадеда М.В. Щеглова, хранятся в семье Щегловых. Мы узнаем из этих писем, что после тяжелых испытаний 15–17 августа 1914 г. Г.К. Склобовский попал в плен у дер. Садек. В период 19 августа – 18 сентября он содержался в плену в г. Нейссе, 19 сентября был перемещен в саксонскую крепость Кенигштайн. Автор писем именовал горную крепость своеобразной «Швей-

царией» (рис. 3). В крепости содержался и полковник Ф.Е. Грибель – командир 141-го пехотного Можайского полка.

Из этих писем мы узнаем об издевательствах германцев над русскими пленными (отмечаются избиения прикладами и резиновыми палками; факты морения голодом – в частности, горячая пища выдавалась раз в 4–5 дней, иногда по несколько дней не кормили совсем; особо изощренно морили голодом тех, кто отказывался рыть окопы; а также и убийства – как был убит, например, выстрелом в висок Иван Смоляница или разрублена германским лейтенантом голова солдата Максима Морозова; в итоге, из 200 работавших под Калишем русских солдат, от побоев и голода (людям по 9 дней не давали пищи) умерло 140 человек), о запрещенном принудительном труде на военных производствах (например, на каменноугольных копях, на снарядной фабрике в Ромбахе, снарядной фабрике в Гейсберге и т. д.). Если положение офицеров, пишет Г.К. Склобовский, было незавидным, то положение солдат – подлинных мучеников Земли Русской – было ужасно. Офицер приводит фамилии страдальцев и назы-

вает воинские части, к которым относились пленные – погибшие или ставшие калеками в германском плену.

Сейчас это для нас не новость (на основе вновь открывшихся данных), но со слов очевидца событий ситуация выглядит особенно тягостно.

Но, самое главное, что в результате нашего исследования удалось восстановить историю спасения центральной части знамени полка российской императорской армии, и выявить имя главного героя этого подвига. И теперь мы видим, как на нас смотрит лик Спасителя, Спас Нерукотворный – с центральной части знамени 142-го пехотного полка (рис. 4).

Устранена лакуна в истории Первой мировой войны – и восстановлена история знамени славного Звенигородского полка, так и не оказавшегося во вражеском плену. Также теперь мы знаем имена всех участников этого коллективного подвига полкового офицерства.

Здесь стоит отметить, что, несмотря на всю тяжесть «Танненберга» или «Самсоновской катастрофы», 13-й и 15-й армейские корпуса (основная часть окруженной группировки 2-й армии) не

Рис. 3. Кладбище русских военнопленных в крепости Кенигштайн
Fig. 3. Cemetery of Russian prisoners of war in the Königstein fortress

Рис. 4. Спасенный медальон полкового знамени
Fig. 4. Salvaged medallion of the regimental banner

дали противнику ни одного (!) целого полкового полотнища (главная часть знамени) и, тем более, ни одного знамени в комплекте. И 2-я армия А.В. Самсонова потеряла (в комплекте, пусть и не совсем полном) лишь одно знамя – 7-го пехотного Ревельского полка 2-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса.

Всего же в годы Первой мировой войны русской армией были утрачены: 8 полных знамен и штандартов (7-го пехотного Ревельского, 106-го пехотного Уфимского, 119-го пехотного Коломенского, 242-го пехотного Луковского, 249-го пехотного Дунайского, 42-го Донского казачьего полков, 321-й и 265-й дружин государственного ополчения). Еще 12 знамен утратили в ходе Первой мировой войны свои фрагменты, не будучи захвачены противником. Также значительное количество элементов знамен (в том числе неустановленных) было захвачено австро-германцами, а несколько знамен, побывав в плену (о чем про-

тивник не догадался), благополучно ускользнули на Родину.

При этом русские войска могли похвастаться захватом минимум 33 полных полковых (батальонных) знамен противника (1 германское, 11 австрийских, 21 турецкое), а также захватом целой серии знаменных аксессуаров.

То есть общий баланс был явно в пользу русской армии, что во многом характеризует многолетние военные усилия нашего государства в Первой мировой войне.

Солдаты и офицеры русской армии, спасая полковую святыню, обеспечивали будущее родной части. И подвиги воинов, отстаивавших родные знамена, золотыми буквами вписаны на страницах Славы русского оружия. Как навсегда вписан в его историю подвиг комбата Склобовского, сохранившего для потомков «сердце» знамени 142-го пехотного полка.

Список источников

Андоленко С. Русские знамена, потерянные под Аустерлицем // Военная Бель. 1959. № 34. С. 16–18.

Андоленко С. Знамя Таврического гренадерского полка в голландском плену // Военная Бель. 1961. № 49. С. 41–42.

References

Andolenko S. (1959) Russian banners lost at Austerlitz. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 34. P. 16-18. (In Russ.).

Andolenko S. (1961) Banner of the Tauride Grenadier Regiment in Dutch Captivity. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 49. P. 41-42. (In Russ.).

- Андоленко С. Старичковское знамя // Военная Быль. 1962. № 54. С. 36–37.
- Андоленко С. Георгиевский штандарт санкт-петербургских улан // Военная Быль. 1964. № 68. С. 27–30.
- Андоленко С. Судьба знамен армии генерала Самсонова // Военная Быль. 1965. № 72. С. 41–44.
- Андоленко С. Знамена армии генерала Ренненкампа // Военная Быль. 1966. № 78. С. 17–18.
- Андоленко С. Письма в редакцию // Военная Быль. 1967. № 83. С. 46.
- Андоленко С. Два знамени. 1968. № 90. С. 6–13.
- Андоленко С. Знамена Азовского полка под Аустерлицем // Военная Быль. 1969. № 95. С. 25–28.
- Андоленко С. Находка зарытого в 1914 г. в Восточной Пруссии русского знамени // Военная Быль. 1970. № 102. С. 31–33.
- Андоленко С. Неизвестное знамя // Военная Быль. 1972. № 118. С. 28–31.
- Андоленко С. Бутырское знамя в Брюсселе // Военная Быль. 1973. № 121. С. 18–20.
- Бастунов В. О знаменах армии генерала Ранненкампа (к ст. С.П. Андоленко в № 78 «Военная Быль») // Военная Быль. 1968. № 90. С. 41–42.
- Бояринцев М., Переяславцев Н. К статье «Судьба знамен армии ген. Самсонова» в № 72 «Военной Были» // Военная Быль. 1965. № 73. С. 47–48.
- Вацетис И.И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч. 1. Восточно-Прусская операция. М.; Л. : Гос. изд-во, 1929. VI. 339 с.
- Гейштор К. Трофейная Комиссия при Военнопоходной Его Императорского Величества канцелярии в период 1912–1915 гг. // Военная Быль. 1964. № 66. С. 36–38.
- Годелюк В. К статье «Судьба знамен армии ген. Самсонова» в № 72 «Военной Были» // Военная Быль. 1965. № 74. С. 47.
- Гренадерские и пехотные полки. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.К. Шенк по 1 апр. 1909 г. Санкт-Петербург : тип. Смирнова, 1909. 230 с.
- Мелентьев. Письма в редакцию // Военная Быль. 1966. № 80. С. 41–42.
- Старый Глуховец. Письма в редакцию // Военная Быль. 1966. № 77. С. 47.
- Сырцов Б. Либавское знамя // Военная Быль. 1969. № 95. С. 28–30.
- Шевяков Т.Н. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. / Т.Н. Шевяков; худож. О.К. Пархаев. М. : АСТ, Астрель, 2002. 48 с.
- Andolenko S. (1962) Starichkovsky banner. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 54. P. 36-37. (In Russ.).
- Andolenko S. (1964) St. George Standard of the St. Petersburg Lancers. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 68. P. 27-30. (In Russ.).
- Adolenko S. (1965) The fate of the banners of General Samsonov's Army. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 72. P. 41-44. (In Russ.).
- Andolenko S. (1966) Banners of the Army of General Rennenkampf. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 78. P. 17-18. (In Russ.).
- Andolenko S. (1967) Letters to the editor. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 83. P. 46. (In Russ.).
- Andolenko S. (1968) Two banners. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 90. P. 6-13. (In Russ.).
- Andolenko S. (1969) Banners of the Azov Regiment near Austerlitz. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 95. P. 25-28. (In Russ.).
- Andolenko S. (1970) Finding a Russian banner buried in 1914 in East Prussia. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 102. P. 31-33. (In Russ.).
- Andolenko S. (1972) Unknown Banner. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 118. P. 28-31. (In Russ.).
- Andolenko S. (1973) Butyrka banner in Brussels. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 121. P. 18-20. (In Russ.).
- Bastunov V. (1968) On the banners of the Army of General Rannenkampf (to Art. S.P. Andolenko in No. 78 "Military Story"). *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 90. P. 41-42. (In Russ.).
- Boyarintsev M., Pereyaslavtsev N. (1965) To the article "The fate of the banners of the Army of General Samsonov" in No. 72 of "Military Story". *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 73. P. 47-48. (In Russ.).
- Vatsetis I.I. (1929) Operations on the eastern border of Germany in 1914. Pt. 1. East Prussian operation. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo. VI. 339 p. (In Russ.).
- Geishtor K. (1964) Trophy Commission at the Military Campaign Office of His Imperial Majesty in the period 1912-1915. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 66. P. 36-38. (In Russ.).
- Godelyuk V. (1965) To the article "The fate of the banners of the Army of General Samsonov" in No. 72 of "Military Story". *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 74. P. 47. (In Russ.).
- Shenk V.K. (1909) Grenadier and infantry regiments. St. Petersburg: tip. Smirnova. 230 p. (In Russ.).
- Melent'ev Vas. (1966) Letters to the editor. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 80. P. 41-42. (In Russ.).
- Staryi Glukhovets. (1966) Letters to the editor. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 77. P. 47. (In Russ.).
- Syrtsov B. (1969) Libau Banner. *Voennaya Byl' = Military Story*. No. 95. P. 28-30. (In Russ.).
- Shevyakov T.N., Parkhaev O. (2002) Banners and standards of the Russian Imperial Army of the late XIX – early XX century. Moscow: AST, Astrel'. 48 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Олейников Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры правоведения и социально-
гуманитарных дисциплин,
Международный университет «МИТСО», Гомельский
филиал,
246029, г. Гомель, проспект Октября, 46а, Беларусь;
профессор кафедры правоведения,
Астраханский государственный технический университет,
414036, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, Россия;
профессор кафедры Истории,
Астраханского государственного университета,
414036, г. Астрахань, ул. Татищева 20А, Россия,
e-mail: stratig00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Вклад автора

Олейников А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2023 г.; одобрена после рецензирования 11 ноября 2023 г.; принята к публикации 20 ноября 2023 г.

Information about the author

Alexey V. Oleynikov,
Dr. Sci (History), Associate Professor,
Professor of the Department of Law and Social and
Humanitarian Disciplines,
International University “MITSO”, Gomel branch,
46a, Oktyabrya Avenue, Gomel 246029, Belarus;
Professor of the Department of Law,
Astrakhan State Technical University,
16, Tatishcheva St., Astrakhan 414036, Russia;
Professor of the Department of History,
Astrakhan State University,
20A, Tatishcheva St., Astrakhan 414036, Russia,
e-mail: stratig00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Contribution of the author

Oleynikov A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 20, 2023; approved after reviewing November 11, 2023; accepted for publication November 20, 2023.

История

Научная статья
УДК 908
EDN: QRTNUC
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-169-181

«Меня арестовали за то, что я отдавал приказы выступить»:

Рапорт полковника Румши о ходе эвакуации из Сибири 5-й Польской дивизии

И.В. Ладыгин

Независимый исследователь, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Данная статья представляет собой впервые публикуемый на русском языке уникальный документ командира 5-й Польской сибирской дивизии полковника К. Румши, от первого лица повествующего о ходе эвакуации польских частей из Сибири в период Гражданской войны в России. Документы 5-й дивизии были захвачены красноармейцами на ст. Ключвенной, многие из них были уничтожены. В центральном военном архиве в Варшаве хранится небольшая часть уцелевших письменных источников. Ещё меньше введено в научный оборот в российской исторической науке. Представляемый официальный документ является важным историческим свидетельством, ранее не публиковавшимся на русском языке, и представляет собой несомненную ценность для исследователей Гражданской войны в Сибири. К. Румша в своем рапорте подробно описывает ход эвакуации и капитуляции частей дивизии перед советскими войсками на ст. Ключвенная. Документ позволяет опровергнуть мемуары некоторых офицеров союзных частей и политических деятелей стран-союзниц, в которых они отрицают причастность союзных войск к террору в отношении населения Сибири, отмежевываясь в этом плане от действий колчаковских войск. В представляемом рапорте полковник Румша ясно указывает, что приказ покончить с восставшими партизанами он получил непосредственно от Главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала Мориса Жанена. Перевод сопровождается комментариями. Автор перевода представляет краткие биографии основных действующих лиц, указанных в рапорте, а также описывает некоторые события, о которых командир 5-й дивизии предпочел умолчать.

Ключевые слова: полковник Румша, 5-я Польская дивизия, мятеж Барабинского полка, генерал Жанен, Ново-Николаевск, Валериан Чума, ст. Ключвенная, Иван Грязнов, Гражданская война в Сибири

Благодарности: автор перевода выражает благодарность В. Ласкаржевски и другим своим польским коллегам за неоценимую помощь, оказанную ими для того, чтобы российские пользователи смогли ознакомиться с этим интересным историческим документом.

Для цитирования: Ладыгин И.В. «Меня арестовали за то, что я отдавал приказы выступить»: Рапорт полковника Румши о ходе эвакуации из Сибири 5-й Польской дивизии // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 169–181. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-169-181>. EDN: QRTNUC.

History

Original article

«I was arrested for giving orders to advance»:

Report of Colonel Rumsha on the evacuation of the 5th Polish Division from Siberia

Igor V. Ladygin

Independent researcher, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article is the first published in Russian unique document of the commander of the 5th Polish Siberian Division, Colonel K. Rumša, speaking on the first person's progress of evacuation of Polish units from Siberia during the Civil War. The documents of the 5th Division were captured by the Red Army at the Klyukvennaya station, many of them were destroyed. The central Military Archive in Warsaw holds a small part of the surviving written sources. Even less has been introduced into scientific circulation in Russian historical science. The submitted official document is an important historical evidence, previously not published in

© Ладыгин И.В., 2023

Russian, and is of undoubted value for researchers of the Civil War in Siberia. K. Rumsha in his report describes in detail the course of evacuation and surrender of the division units to the Soviet troops at the station Klyukvennaya. The document allows us to refute the memoirs of some officers of allied units and politicians of allied countries in which they deny the involvement of the Allied troops in terror against the population of Siberia, dissociating themselves in this regard from the actions of the Kolchak troops. In the submitted report, Colonel Rumsha clearly indicates that he received the order to put an end to the insurgent partisans directly from the Commander-in-Chief of the Allied forces in Siberia and the Far East, General Maurice Janin. The translation is accompanied by comments. The author of the translation presents brief biographies of the main actors mentioned in the report, and also describes some events about which the commander of the 5th Division preferred to keep silent.

Keywords: Colonel Rumsha, 5th Polish Division, mutiny of the Barabinsky Regiment, General Zhanen, Novo-Nikolaevsk, Vale-rian Chuma, station Klyukvennaya, Ivan Gryaznov, Civil War in Siberia

Acknowledgements: the author of the translation expresses gratitude to W. Laskarzhevsky and others his Polish colleagues for the invaluable help they provided so that Russian users could get acquainted with this interesting historical document.

For citation: Ladygin I.V. (2023) «I was arrested for giving orders to advance»: Report of Colonel Rumsha on the evacuation of the 5th Polish Division from Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 169-181. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-169-181>. EDN: QRTNUC.

Судьба 5-й дивизии польских стрелков, принимавшей участие в Гражданской войне в Сибири, более или менее подробно давно описана в исторической литературе (Кулик, 2021. С. 180).

Дивизия была сформирована в г. Ново-Николаевске в начале 1919 года на основе переведенного из Омска «Польского Сибирского легиона», и состояла из 1-го, 2-го, 3-го стрелковых полков, 1-го уланского и 5-го артиллерийского полков, штурмового, инженерного и запасного батальонов, дивизионного обоза и склада боеприпасов. Позже, когда были сформированы и другие подразделения, численность дивизии достигла 12 тыс. человек (Ладыгин, 2013. С. 107; Muszyński, 2019. S. 389). Пятая дивизия подчинялась главнокомандующему союзными войсками французскому генералу Морису Жанену (Сахаров, 2004. С. 212). Из воспоминаний польского военнослужащего Эдмунда Геры: «В это время (1918 г. – И.Л.) в Омск прибыло обращение генерала Галлера, призывающее к дальнейшей борьбе с Германией и формированию для этой цели отрядов Войска Польского на территории России. Организатором и командующим польскими войсками на Востоке России и в Сибири генерал Галлер назначил полковника Валериана Чуму. Формирующиеся войска должны были входить в состав польской армии во Франции» (Нера, 1992. С. 110).

Дивизия формировалась из поляков – бывших граждан Российской империи, солдат и офицеров бывшей Российской Императорской армии, бывших военнопленных австро-венгерской и германской армий. Часто вербовка в дивизию осуществлялась насильно в лагерях военнопленных.

Вот что вспоминал унтер-офицер команды связи штаба 5-й дивизии С. Богданович: «...С полудня, поселили нас в городе, в штабе полка, расположенном в так называемом Коммерческом клубе. Я был удивлен, что собралось так много добровольцев, но быстро сообразил, что поляки стягивают сюда войска со всех уголков Сибири. Когда мы еще были в двуколке, я заметил, что преобладают австрийские шинели, густо перемешанные с русскими. Кое-где виднелись гимназические пальто, меньше всего я видел гражданскую одежду... У солдат австрийской армии были огромные мешки, некоторые везли их на санях, не в силах нести на себе...» (Bohdanowicz, 2014. S. 25).

В дивизию вступали также и члены партии большевиков, бывшие бойцы различных советских формирований, чтобы избежать мобилизации в колчаковскую армию и спастись от русской контрразведки. Польский коммунист Александр Данелюк (Стефаньский) впоследствии вспоминал, что дивизия также состояла: «...из людей, которые принимали активное участие в революции, дрались в защиту советской власти, и только после разгрома советских отрядов пытались спастись от расстрелов, поступая – или под другими фамилиями, или попросту в других городах, где их не знали – в польскую армию»¹.

¹ Данелюк, Александр Петрович // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Данелюк,_Александр_Петрович (дата обращения: 22.12.2022).

Четвертый стрелковый полк дивизии неофициально назывался «советским», т. к. в нем была сильна большевистская ячейка. На Пасху 1919 года полк поднял просоветское восстание в Ново-Николаевске с требованием прекратить участие в русской гражданской войне и выехать в Польшу. Восстание, вызванное, в частности, планами отправить полк на фронт, было подавлено другими полками дивизии, после чего 4-й полк был расформирован (Dybowski, 1922. S. 128). При этом командир 2-го полка отказался подавлять восстание, сославшись на то, что чины его полка ненадежны и в бой не пойдут (Bohdanowicz, 2014. S. 44). Все части дивизии активно обрабатывались советскими агитаторами, в основном, женского пола. В дивизии была вскрыта подпольная большевистская организация, причем с участием офицеров, ряд её участников был арестован и казнен.

Первое время дивизия не принимала участия в боевых действиях (хотя польские отряды в 1918-м году сражались на антибольшевистском фронте (Резмер, 2021. С. 187), а два эскадрона 1-го уланского полка провели в боях зиму 1918/1919 гг.), однако, как пишет в своем рапорте полковник Румша, в июне 1919 г. по приказу генерала Жанена части дивизии взяли под охрану железную дорогу на участке Ново-Николаевск – Татарская – Славгород протяженностью 850 верст (Centralne Archiwum Wojskowe Warszawa Polska I.300.76.263 (zespół: Oddział II MSWoj.)). Охраняя дорогу, поляки столкнулись с действиями партизанских отрядов. Далее последовал приказ генерала Жанена о ликвидации «большевистских банд» (*партизан – И.Л.*), и польские части приступили к борьбе с партизанами в районах Каинского, Ново-Николаевского, Каменского, Семипалатинского, Славгородского уездов и в Кулундинских степях.

О польских частях современники свидетельствовали следующее. Министр иностранных дел И.И. Сукин вспоминал: «поляки, охранявшие дорогу около Новониколаевска, прославились неопытными бесчинствами и свирепостью» (Записки Ивана Ивановича Сукина..., 2005. С. 468).

Военный министр Колчаковского правительства Будберг писал в своем дневнике: «Очень много жалоб на безобразия и насилия, чинимые польскими войсками в районе Новониколаевска; эти не стесняются грабить, производить насильствен-

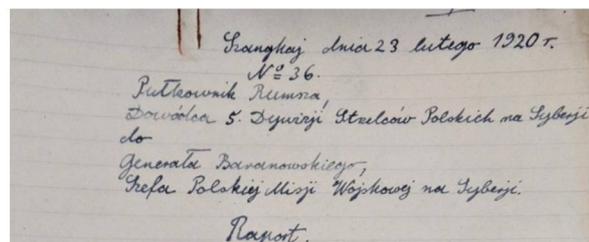

Рис. 1. Титульный лист рапорта полковника Румши, 23 февраля 1920 г.

(Центральный военный архив Польши)

Fig. 1. Title page of Colonel Rumsha's report, February 23, 1920 (Central Military Archive Warszawa, Poland)

ные фуражировки, расплачиваться по ничтожным ценам и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи с грузами. На наши жалобы, обращения к Жанену, не получаем даже ответа; польское хозяйничанье особенно для нас обидно: чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска сошлись у нас за спиной из бывших пленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими поданными и укрывшихся от всяких мобилизаций и военных неприятностей в рядах польских частей» (Будберг, 1991. С. 307).

Станислав Богданович вспоминал: «...Солдаты привозили разную добычу, прежде всего лошадей и скот... Командир 3-го пехотного полка полковник Когутницкий поощрял солдат перед тем, как войти в деревню: «Бойцы, на что посмотрят ваши глаза, то ваше» (Bohdanowicz, 2014. S. 68).

Большевик В.М. Королихин позднее писал: «Население облагалось штрафами, поборами и грабилось, особенно бедняцко-средняцкая его часть, участвовавшая в восстании. За малейшее подозрение или невыполнение приказаний карателей подвергали штрафу натурой, отбирали лошадей, коров, птиц, имущество. На карателей работали бесплатно шорники, сапожники, пимокаты, портные и кузнецы» (Королихин, 1959. С. 52).

Генерал Морис Жанен отмечал в своём дневнике: «...был поднят вопрос о поляках, которых адмирал, Сукин и ряд других лиц обвиняют во всех грехах Израиля. Действительно, поляки имеют недостатки, но кто их не имеет? Сейчас поляки охраняют один из секторов Сибирской магистрали, посылают даже экспедиции на север и на юг

от железнодорожного пути. Они твердой рукой справились с большевистской агитацией в своей среде. Я напоминаю все это Сукину. Он указывает, что следует отправить их на фронт. Они, конечно, пошли бы вслед за чехами, – но в настоящее время я вообще не знаю, пойдут ли они, или нет. Для этого нужно распоряжение их правительства. Он заявляет мне тогда, что если они не пойдут, то их предстоит разоружить: адмирал находит это абсолютно необходимым. Я отвечаю, что это недостаточная причина...» (Жанен, 1927. С. 150).

В конечном итоге всё зависело оттого, где ранее служили те или иные польские военнослужащие – если в русской армии (Wójcik, 2011. С. 11), то, в основном, они вели себя с русскими офицерами и местными жителями корректно, а если это были офицеры и солдаты из числа бывших военнопленных австрийской или германской армии, то конфликтов редко удавалось избежать. Антагонизм существовал и внутри дивизии (Витольдова-Лютык, 2004. С. 520), между бывшими гражданами Российской империи во главе с полковником Румшей, с одной стороны, и между бывшими подданными германского кайзера и австрийского императора – с другой. Полковник Румша тайно пришел на помощь русскому генералу Войцеховскому, когда в Ново-Николаевске произошел вооруженный антиколчаковский мятеж.

Самого Румшу уже упоминавшийся унтер-офицер штаба дивизии Богданович описывает следующими словами: «...жестокий, жестокий, жестокий... но солдаты его любили» (Bohdanowicz, 2014. С. 52).

Однако не все жестокие акции, приписываемые польским частям, были осуществлены ими на самом деле. Например, в ряде исторических работ и статьях журналистов утверждается, что заключенных ново-николаевской тюрьмы перед отступлением из города в декабре 1919 г. убили поляки (Кокоулин, 2017. С. 350; Поздняков Б. Польский след в Сибири. Что оставили после себя легионеры в Новониколаевске в декабре 1919 года? // Литературная газета. 2016. 20–26 апреля. № 16 (6550). С. 5). Однако, на самом деле, казнь осуществили русские карательные части 2-й армии (Ладыгин, Гончаров, 2020. С. 236; Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 21222пф.).

Что касается вклада Пятой польской дивизии в Гражданскую войну в Сибири, то некоторые современные исследователи считают, что польские войска, ведя охрану железной дороги на территории современной Новосибирской области и Алтайского края, и сражаясь с партизанами, позволили колчаковскому командованию высвободить русские части для фронта и тем самым оказали существенную помощь белым. Другая часть исследователей отмечает, что именно жестокие карательные акции польских частей и вызвали существенный рост партизанского движения, которое, в конечном итоге, позволило Красной армии быстро и успешно освободить указанные регионы от колчаковских войск. По мнению переводчика, вопрос остаётся предметом продолжения дискуссии.

Сами же поляки так оценивали роль дивизии: Главное командование польских войск во Франции в записке от 27 февраля 1919 г., адресованной Польскому национальному комитету, отмечало: «Не смотря на свою относительно небольшую численность, польские войска играют здесь, в Сибири, чрезвычайно большую роль. Под главным командованием генерала Жанена они являются серьезной боевой силой, тем более что, по мнению союзников, необходимо, чтобы единственная артерия, пересекающая этот край будущего – сейчас ещё такой заброшенный – и открывающая доступ с востока к сердцу России, находилась в твердых и дружественных руках. Обладание ею открывает большие возможности и препятствует захвату Сибири большевиками» (Нам, 2008. С. 88).

О том, что не одно насилие видели от польских военных сибирские крестьяне, свидетельствует и обращение к командованию 5-й дивизии крестьянского схода деревни Орловой Усть-Тарской волости Каинского уезда 27 июля 1919 г., в постановлении которого крестьяне просят: «комиссию верховной власти Польского легиона обратить внимание о защите нас от набегов красновардейцев и дать нам для охраны нашего населения, сколько будет, по вашему усмотрению, возможно. Войско для охраны... мы желаем содержать за свои средства... и ежели не будет возможности оставить войско... то нам от набегов красных жить будет невозможно, и мы будем просить верховную власть Польского легиона не оставить нас на месте без охраны...» (Нам, 2010. С. 16).

В октябре 1919 г. было принято решение об эвакуации дивизии. На самом деле приказ об эвакуации был отдан Пилсудским еще в июне, но он не был выполнен (Hera, 1992). Согласно новому приказу, отданному главнокомандующим союзными войсками в Сибири генералом Жаненом, польские части в ноябре 1919 года начали стягиваться в Ново-Николаевск и далее эшелонами выдвигаться на восток, выступая в качестве арьергарда союзных войск (Витольдова-Лютык, 2004. С. 520). С последними поездами из города выехал и начальник дивизии полковник Казимир Румша. Далее, под Красноярском, на станции Клюквенная, часть полков сдалась и попала в плен к красным (10 500 солдат и 800 офицеров, 3 000 членов семей военнослужащих, 42 эшелона с оружием и имуществом). Другая часть, возглавляемая Румшей (около 1200 солдат и 120 офицеров), отказалась сдаваться и с боем прорвалась в Иркутск, откуда добралась до контролируемой белыми Маньчжурии, и далее эвакуировалась в Гданьск, в Польшу (Radziwiłłowicz, 2017. S. 26). Документы 5-й дивизии были захвачены красноармейцами на ст. Клюквенной, многие из них были уничтожены. В центральном военном архиве в Варшаве хранится небольшая часть уцелевших письменных источников. Ещё меньше введено в научный оборот в российской исторической науке. Представляемый официальный документ (Centralne Archiwum Wojskowe Warszawa Polska I.300.76.263 (zespół: Oddział II MSWoj.)) является важным свидетельством, написанным от первого лица, ранее не публиковавшимся на русском языке, и представляет собой несомненную ценность для исследователей истории Гражданской войны в Сибири.

Судя по тексту рапорта, полковник Румша во все не хотел бы давать отчёт о произошедших событиях и своем личном участии в них. Такое впечатление создается по его фразе – «рапорт представлен по приказу генерала», а также по ссылке на «отсутствие соответствующих документов и времени», комментарии, что «данные...недостаточно точны и требуют большей детализации». Весьма любопытно, что Румша избегает признания о своем участии в подавлении антиколчаковского мятежа, так называемого «Ивакинского» и пишет, что в ходе организации эвакуации из Ново-Николаевска «был болен и всем занимался штаб дивизии». В то время как источники с российской стороны свиде-

тельствуют, что именно Румше принадлежит решающая роль в подавлении этого мятежа (Щепехин, 2022, С. 118). Вероятно, ему не хотелось нести ответственность за эти самочинные действия, нарушившие нейтралитет между польскими войсками и эсеро-большевистскими мятежниками. По мнению переводчика, приказ о нейтралитете польских частей был отдан ещё в бытность дивизии в Ново-Николаевске. Возможно, на первом этапе он был устным. Об этом косвенно свидетельствует данный рапорт полковника Румши, где он говорит о нейтралитете как об уже состоявшемся факте, а затем об оформлении нейтралитета в письменном виде. Второе косвенное свидетельство – это известный чешский меморандум от 13 ноября 1919 года, в котором фактически говорилось о нейтралитете, объявленном Чехословацкой армией в России по отношению к участникам Гражданской войны в Сибири. Чешские войска, как и польские, подчинялись генералу Жанену, и вряд ли такой меморандум мог появиться без согласования с ним. А если чешские войска стали нейтральными, то по логике, нейтралитет мог коснуться и польских войск. Третье косвенное свидетельство: в конце ноября – начале декабря 1919 г. велись переговоры между Антантой и правительством Пилсудского об установлении будущей границы между Польшей и РСФСР. И, наконец, в коммюнике польского командования от 17 декабря 1919 г. о событиях 7-го декабря в Ново-Николаевске, прямо, уже как факт сообщается, что в момент эсеро-большевистского антиколчаковского восстания польские части держали нейтралитет (*значит, и о мятеже знали заранее – И.Л.*), который был «нарушен действиями большевиков». Подтверждается наличие нейтралитета уже, как максимум, по состоянию на начало декабря 1919 года и показаниями руководителя антиколчаковского мятежа в Ново-Николаевске Е.Н. Пославского, а также офицера 2-го Барабинского стрелкового полка белых прапорщика И.И. Большенцева (Государственный архив Алтайского края (ГААК). Р. 312. Д. 268. Л. 9–12; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 21371. Оп. 1. Д. 2394. Л. 34–38).

И, если, судя по имеющимся документам, польский нейтралитет в Ново-Николаевске был принят местными большевиками и эсерами по согласованию с вышестоящими политическими руко-

водителями (а затем и местными большевиками и эсерами в Красноярске), то в целом нейтралитет поляков оставался скорее всего односторонним, не принятым командованием Красной армии. В частности, призывал красноярский гарнизон атаковать польские войска, несмотря ни на что, командир наступающей на Красноярск Красноуфимской бригады РККА И.К. Грязнов (Centralne Archiwum Wojskowe Warszawa Polska I.300.76.263 (zespół: Oddział II MSWoJ.)). Этим и объясняется, что польские части в ходе эвакуации то вели бои с красными, то нет. Данный момент еще нуждается в дальнейших исследованиях.

Помимо раскрытия ряда новых и важных деталей эвакуации дивизии из Сибири, рапорт представляет собой ценность и в другом отношении. Во многих документах и мемуарах командование и офицеры союзных частей, политические деятели стран-союзниц отрицают свою причастность к террору в отношении населения Сибири, отмежевываясь в этом плане от действий колчаковских войск. В представляемом же рапорте полковник Румша ясно указывает, что приказ покончить с восставшими партизанами он получил непосредственно от Главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала Мориса Жанена.

Достаточно подробно Румша описывает и взаимоотношения между польским и чешским военным командованиями, но их суть давно известна российским исследователям. В целом, рапорт не лишен влияния личного негативного отношения полковника Румши к советской власти, РККА и партизанам, отличается эмоциональной окраской. Создается впечатление, что полковник тяготился своим положением и нейтралитетом, объявленным польским командованием, был рад любой возможности проведения боевых действий с советскими и просоветскими частями. Вполне возможно, что остальные командиры дивизии, особенно из противостоящей Румше группировки, не были столь непримиримы и не так рвались в бой – их больше занимал вопрос скорейшего отбытия в Польшу (Витольдова-Лютык, 2004. С. 520). Полковнику было необходимо не только скрыть свое участие в подавлении мятежа Барабинского полка, но и в других возможных нарушениях нейтралитета, а также оправдаться за нарушение приказа выше-

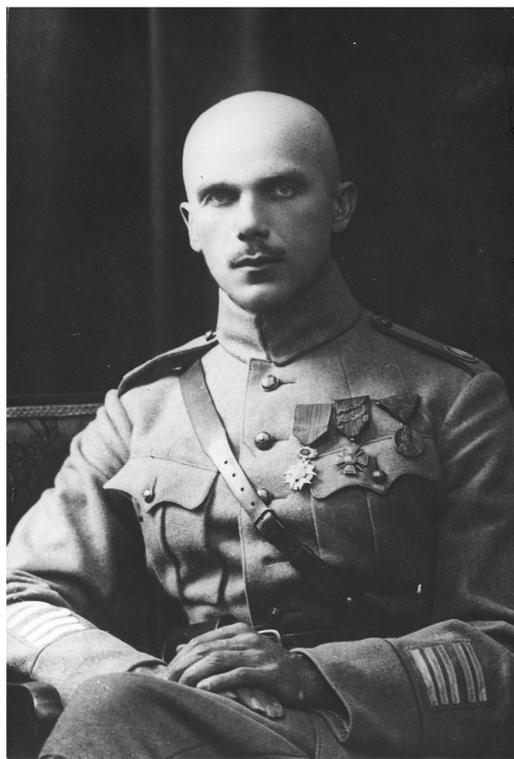

Рис. 2. Полковник Казимир Румша
(https://ru.wikipedia.org/wiki/Румша,_Казимир)

Fig.2. Colonel Rumsha
(https://ru.wikipedia.org/wiki/Румша,_Казимир)

стоящего начальника – ведь Казимир Румша, по сути, отказался выполнять приказ Валериана Чумы о капитуляции и увёл не пожелавших сдаться бойцов в Манчжурию. За этот поступок Румша был арестован, и на следующее утро он сбежал из-под ареста. Да, данный поступок делает честь полковнику Румше (также, как и его помощь Войцеховскому), но, тем не менее остаётся фактом неповиновения. Таким образом, исходя из всего вышеописанного, по мнению переводчика, отдельные пункты рапорта нуждаются в уточнении другими источниками. Автор перевода считает необходимым добавить, что в тексте рапорта имеются стилистические и грамматические ошибки, свидетельствующие о том, что бывший офицер Российской императорской армии, начальник 5-й Польской стрелковой дивизии полковник Румша не в совершенстве владел польским языком.

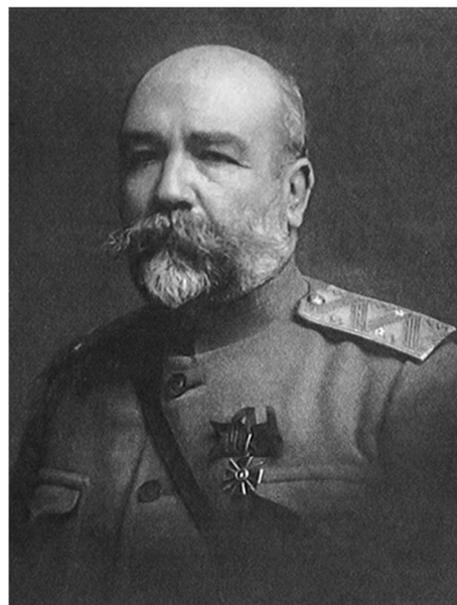
Переводчик планировал подготовить к публикации более объемный материал ранее не публиковавшихся на русском языке документов Пятой польской дивизии, но осложнение международной политической обстановки лишило его этой возможности и заставило отложить эти планы (напри-

мер, в настоящее время между Российской Федерацией и Польской Республикой отсутствует прямое почтовое сообщение, а некоторые польские учреждения не отвечают на запросы).

Шанхай, 23 февраля 1920 г. № 36.
Полковник Румша², командир 5-й польской
стрелковой дивизии в Сибири.
Генералу Барановскому³, Главе Польской военной
миссии в Сибири.

РАПОРТ

Представляя этот рапорт по приказу генерала, сообщаю, что в связи с тем, что я доношу из Шанхая, с отсутствием соответствующих документов и времени. Данные, которые я пишу, недостаточно точны и требуют большей детализации. В июне 1919 г. по приказу генерала Жанена⁴ 5-я Польская дивизия, к

**Рис. 3. Генерал Барановский в мундире генерала
Российской армии**

(https://www.ria1914.info/index.php/Барановский_Антон_Юрьевич)

**Fig. 3. General Baranovsky in the uniform of a general of the
Russian Army**

(https://www.ria1914.info/index.php/Барановский_Антон_Юрьевич)

² Румша Казимир Юрьевич (польск.: Kazimierz Rumsza, 20.08.1886–28.01.1970) – российский и польский военный деятель. Из крестьян Ковенской губернии. В 1909 г. окончил Виленское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду, выпущен в 23-й пехотный Низовский полк Российской императорской армии. Участник Первой мировой войны. В августе 1914 г. ранен у деревни Мушакен (Восточная Пруссия) и пленен немецкими войсками. В июле 1915 г. бежал из плена. В декабре 1915 г. вернулся в Россию, капитан (1916). В 1918 г. командир 1-го польского стрелкового полка. В 1919–1920 гг. полковник, командир 5-й польской стрелковой дивизии. В 1920 г. командир Сибирской стрелковой бригады польской армии, участник Советско-польской войны. С 1928 г. в резерве. С 1939 г. во Франции, с 1940 г. в Великобритании (где и остался после окончания Второй мировой войны) на различных должностях в польских войсках, генерал бригады. Похоронен на холме Белого Орла Хайгейтского кладбища в Лондоне.

³ Барановский Антон-Логвин (Антон-Лонгин) Юрьевич Осипович Климентьевич Ромуальдович (польск.: Antoni Longin Baranowski, 15.03.1854–31.05.1922) – российский и польский военный деятель. Родился в имении Бурбишки Троцкого уезда Виленской губернии. Офицер, затем генерал-майор (1916) Российской императорской армии, участник Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской 1904–1905 гг., Первой мировой 1914–1918 гг. войн. С мая 1919 г. – в Войске Польском, в октябре 1919 г. глава польской военной миссии в Сибири. С начала 1921 г. – в отставке. Похоронен на Антокольском военном кладбище в Вильно (ныне Вильнюс).

⁴ Жанен, Пьер Тибо Шарль Морис (фр.: Pierre-Thiébaud-Charles-Maurice Janin, 19.10.1862–28.04.1946) – французский военный деятель. С января 1919 г. представитель Высшего межсоюзного командования и главнокоманду-

тому времени еще недостаточно оснащенная, охраняла железную дорогу на участке Ново-Николаевск – Татарская – Славгород протяженностью 850 верст. Уже в июле 1919 года в районе защиты железной дороги поляками, а именно в Каинском и Барабинском (Барабинский уезд – административно-территориальное образование, формально существовавшее с 1919 по 1925 гг. XX века. То же самое, что Каинский уезд – прим. пер.) уездах и Урманском крае на реке Таре, вспыхнуло восстание против тогдашнего колчаковского правительства. Повстанцы несколько раз в некоторых местах разбирали железную дорогу, угрожая перерезать сибирскую магистраль, из-за чего нас вопреки нашей воле втягивали в бои на внутренних фронтах. Вскоре мы убедились в необходимости действовать, когда генерал Жанен издал приказы о ликвидации большевистских банд, проявивших себя после нашего выступления. Восстание, ликвидированное в одном месте, вспыхнуло в другом, переместившись таким образом с севера на юг и охватив районы Ново-

ующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке.

Николаевского, Каменского, Семипалатинского, Славгородского и, наконец, Кулундинские степи. Повстанцы ставили перед собой цель прервать автомобильное и железнодорожное сообщение, связывающее тыл с русским фронтом. Эти восстания продолжались в течение всего периода охраны нами железной дороги, то есть до нашей эвакуации в декабре 1919 года. С октября 1919 года под нашу ответственность был передан участок железнодорожной охраны на Омской железной дороге до станций Тайга и Алтайская от Ново-Николаевска до Барнаула и Семипалатинска. Принимая во внимание неудачи на Русском фронте и неуверенность тыла из-за постоянных восстаний, польское командование пыталось переместить свою базу в Иркутск и Верхнеудинск, где атаман Семенов, благожелательно настроенный к нам, предоставил нам казармы и склады для нашей эвакуации. Однако генерал Жанен запретил нам эвакуироваться, утверждая, что мы вносим панику и смятение. Несмотря на это, мы самовольно эвакуировали часть интендантства в Иркутск, остальная часть интендантства осталась в Ново-Николаевске. Поражение армии Колчака под Омском, сдача города и быстрое отступление остатков этой армии застали нас в таком положении. Перед нами стояла необходимость достать 2400 вагонов для эвакуации всей дивизии, что в этом хаосе событий было делом непростым, но с большим трудом удалось сформировать 57 эшелонов и 3 бронепоезда. Мы не получили ни одного вагона ни от русских официальных кругов, ни от генерала Жанена. Генерал Жанен приказал польской дивизии обеспечить отступление всех союзных войск, несмотря на то, что порядок охраны железной дороги оставался в руках 6-го чешского полка, расквартированного в Омске, которому было приказано обойти и оставить поляков в арьергарде. Во время своего пребывания в Ново-Николаевске генерал Жанен уверял нас, что эшелоны с интендантством, семьями военных и медицинским персоналом будут пропущены перед чешскими боевыми эшелонами, чего чехи тогда не сделали и что явилось одной из важнейших причин катастрофы у станции Клюквенная. Последний польский эшелон вышел из Ново-Николаевска 10 декабря 1919 года, большевистская армия взяла Ново-Николаевск 13 декабря. Между и впереди польских эшелонов находилось около 500 русских эшелонов. Причина задержки эвакуации была сначала в том,

что генерал Жанен раньше запретил нам эвакуировать интендантство, а затем в недостатке вагонов. Технические условия были очень жесткими; с одной стороны, чехи на участке от станции Тайга до Иркутска не пропустили ни одного польского эшелона (присланные ранее эшелоны с интендантским имуществом, семьями военных и санитарными службами дошли только до станции Тайга, где чехи силой забрали паровозы, а вагоны оставили на путях). С другой стороны, 500 русских эшелонов сильно блокировали движение, продвигаясь вперед под давлением большевистского фронта. На протяжении нескольких сотен верст из поездов, идущих друг за другом, образовывалась лента. Ежедневно в руки большевиков попадало несколько десятков русских эшелонов. На станциях между русскими и нами происходили стычки и даже драки с целыми частями, пока вынужденный необходимостью, я сам не взял на себя управление всем участком железной дороги вплоть до чешских эшелонов, продвигавшихся от станции Тайга до станции Восток. С большим трудом команды польских эшелонов отгоняли от большевиков русские эшелоны (*обратите внимание, эта фраза не обязательно может обозначать боевые столкновения – прим. пер.*), которые большевики грабили, резали женщин и детей и т. д. на наших глазах. От станции Ояш (40 верст восточнее Ново-Николаевска) польская дивизия оказалась в арьергарде не только союзных войск, но и русской армии, потерпевшей новое поражение под станцией Ояш, где она покинула эшелоны и продвигалась на санях и лошадях быстрее, чем мы по железной дороге. Для того чтобы иметь возможность эвакуировать некоторые станции, мы были вынуждены принимать крупные бои, такие как на ст. Тайга, где бой длился 4 дня и где в боях с нами участвовали 27-я и 30-я большевистские дивизии, и что еще хуже, части армии Пепеляева, перейдя на сторону большевиков, атаковала нас с тыла. Мы вышли из этого боя победителями, так как со станции Тайга были эвакуированы все эшелоны, кроме 14 эшелонов, которые, брошенные армией, попали в руки большевиков. В ходе этого боя мы потеряли несколько десятков убитыми и несколько сотен ранеными, 2 батареи и один бронепоезд. Занятый нами участок в 1000 верст сократился до 50–60 верст, потому что чешские эшелоны продвигались очень медленно, а большевики продвигались со скоро-

стью 30–35 верст в день. Когда чехи отступали, они не оставляли на станциях угля, даже маневровых паровозов, только порванные водопроводные трубы и т. д. Вся железнодорожная служба разбежалась, и мы преодолели всю эту тяжесть работы, не оставив ни одного эшелона в пути по своей вине. Мы заменили нехватку угля дровами, нехватку воды снегом. Функции начальников станций, телефонистов, обходчиков, машинистов поездов, кочегаров и т. д. выполняли офицеры и солдаты. В таких условиях мы еще могли отправлять по 30 эшелонов в день через станции депо. Под Красноярском польские эшелоны простояли 10 дней, потому что чехи не пускали наши поезда на станцию, пока мы, несмотря ни на что, сами не вошли на станцию, чтобы эвакуироваться дальше. Ситуация была еще хуже, потому что мы были окружены врагами со всех сторон: регулярная большевистская армия сзади, банды повстанцев по бокам. Перед нами местные гарнизоны уже присоединились к мятежникам (*имеются в виду эсеровские антиколчаковские восстания – прим. пер.*), а затем и к большевикам, прежде чем мы пришли; нас встретило общество, настроенное враждебно из-за нашей борьбы на внутренних фронтах. Бежали и железнодорожники. Полковник Чума⁵, желая добиться доброжелательности большевиков, написал приказ о том, что польская армия полностью нейтральна и целью является только возвращение на Родину. Это чрезвычайно плохо сказалось на солдатах, которые буквально восприняли нейтралитет, как прекращение боя и стрельбы. Это и послужило основной причиной капитуляции польского арьергарда под Красноярском и дивизии на

станции Ключвенная. Ввиду больших потерь и очень медленного продвижения чехов, было решено оставить семьи в Красноярске, высадить армию эшелонами и идти колонной, что было легко осуществимо, так как у нас было 2500 лошадей, достаточное количество сбруи и седел. Чехи, узнав об этом намерении, предложили нам выслать вперед интендантские эшелоны с их семьями и санитарные поезда, а к нашим эшелонам добавить 5 боевых чешских эшелонов, которые вместе несли бы арьергардную службу. Мы с радостью приняли эти условия. Однако, не доверяя чехам, для обсуждения этих условий были приглашены следующие лица: представитель генерала Жанена, французский капитан Селонг, член международной железнодорожной комиссии, английский капитан Мюррей. Сам город Красноярск был занят местным гарнизоном, войсками армии генерала Пепеляева – враждебной нам штурмовой бригадой. Бригада стала враждебной в результате чехословацкой агитации, говорящей о польских войсках, как поддерживающих буржуазию, рассказами о зверствах поляков в Тешине, о реакционном польском правительстве и т. д. Весь Красноярский край и железнодорожная станция были полем боя между большевиками и остатками армии генерала Каппеля, отдельные группы которой прорывались через станцию. Имея врагов с обеих сторон, мы объявили район станции нейтральной зоной, а для защиты эшелонов несколько раз оттесняли красноармейцев от станции. Таким образом, бои переместились в город и на окружающие холмы вокруг станции. В это время быстро началась эвакуация. Первыми были отправлены санитарные поезда, интендантство и семьи. Сообщение полковника Чумы большевикам о нейтралитете было очень охотно принято местными большевиками, потому что их силы были слабее наших. Это деморализовало наших солдат, и они все больше и больше отчаивались от мысли о возможном бое с всё ближе приближавшейся регулярной большевистской армией. Наш арьергард сдался без боя, но потом, видя плохое обращение с ним большевиков, большинство из них разбежались и без оружия догнали дивизию у станции Ключвенная. Прибыл и командир арьергарда майор Вернер⁶. Под

⁵ Чума Валериан (польск.: Walerian Czuma, 24.12.1890–7.04.1962). Родился в Австро-Венгрии. Во время Первой мировой войны офицер Польских легионов австро-венгерской армии, капитан (1916). В начале 1918 г. командирован в Советскую Россию, в Москву для эвакуации поляков. В Сибири с августа 1918 г. в чине майора формировал 5-ю польскую стрелковую дивизию. Полковник. Возглавляя эту дивизию, сдался войскам Красной армии под станцией Ключвенной (ныне Уяр). В заключении содержался в Красноярске, Омске, Москве, 17 января 1922 г. вернулся в Польшу. Генерал Бригады (1929). С 3 сентября 1939 г. руководил обороной Варшавы, после ее капитуляции 28 сентября находился в немецком плену (в лагерях Мурнау, Иоганнисбрун, Дёссель), в апреле 1945 г. освобожден американскими войсками, эмигрировал в Великобританию, где занимался сельским хозяйством.

⁶ Вернер Эмиль (польск.: Emil Werner, ? – 19.08.1920) – российский и польский военный деятель. В рядах русской

Красноярском было взято 8 эшелонов арьергарда. Из подслушанного разговора мы узнали, что командир большевистского авангарда бригадир Грязнов (*Иван Кенсоринович (Кенсарионович) Грязнов, командир Красноуфимской бригады – прим. пер.*) приказывает командиру красноярского гарнизона немедленно атаковать нас, не допуская никакого нейтралитета. Чтобы обеспечить свою эвакуацию, я поставил напротив города батарею, чтобы сдерживать большевиков. Это сработало с большевиками, которые прислали ко мне делегацию с просьбой о нашей сдаче; хоть и получили отрицательный ответ, но нас не атаковали. Поскольку фронт быстро приближался, чехи окончательно вынуждены были уйти, за ними мы отправили свои эшелоны в течение 2 дней. Поведение большевиков по вопросу о пушках подтвердило тот факт, что с большевиками можно вести переговоры только оружием, чего полковник Чума не хотел признавать, возлагая большие надежды на устные переговоры. Мои предположения, что чехи не сдержат свое соглашение, подтвердились, и уже на станции Клюквенная мы обогнали наш интендантский, медицинский и «семейный» эшелоны. Здесь однако чехи, приученные нашим поведением под Красноярском заходить на станцию без их разрешения, преградили нам путь следующим образом: на одном пути оставили 2 латышских эшелона, на другом 3 сербских эшелона без паровозов, кроме того что по обоим путям шли бронепоезда. Мы стояли на станции Клюквенная два с половиной дня. Руководя работой всей эвакуации из Ново-Николаевска в Красноярск, я заболел, и руководство эвакуацией перешло в руки штаба. Остановку наших эшелонов чехи объяснили отсутствием паровозов, поэтому я послал подполковников Войткевича и Когутницкого⁷, поставив чехам следующие

условия: Польская дивизия, которая на протяжении 1000 верст несла обязанности арьергарда союзных войск, который понес большие потери и 22 эшелона, имея среди своих эшелонов семьи, раненых и интендантское имущество, дальше воевать в этих условиях он не может, поэтому предлагаю передать чехам 22 эшелона с паровозами в обмен на пропуск 20 эшелонов с интендантством, семьями и больными в Верхнеудинск. В крайнем случае, во имя гуманизма, пропустите 5 польских эшелонов, состоящих из 2-х санитарных и 3-х с семьями. Эти условия были переданы в письменном виде командиру 12-го чешского полка майору Палацкому и телеграфированы командиру 3-й дивизии полковнику Прхале и генералу Сыровы, командиру корпуса в Иркутске, и генералу Жанену. Эти условия подписали полковник Чума, я, французский полковник Лубиняк, американский консул г-н Рей и капитан Мюррей, комендант станции Тайга и член международной железнодорожной комиссии в Сибири. Чехи отказались подписывать документ. Следует упомянуть, что в польских эшелонах было много офицеров союзных войск, одним из которых, в частности, являлся капитан Мюррей, со времен боев в Тайге он постоянно находился со мной и который может свидетельствовать как совершенно нейтральный человек. Послав телеграмму, предвидя отказ, я попросил полковника Чуму и всех командиров полков и отдельных батальонов прийти ко мне (я был болен) для информирования о положении и отдачи приказов. Все, включая полковника Чуму, подтвердили приказ идти колонной, но не успели они разойтись, как солдаты 1-го полка выставили караулы вокруг моего вагона. Так меня арестовали за то, что я отдавал приказы выступать. Эта встреча произошла в 10 часов вечера 9 января, марш был назначен на 8 часов утра 10 января во главе со штурмовым батальоном, который должен был отогнать часовых. Ночью от чехов поступил отказ, мои приказы остались в силе. Штурмовой батальон не явился в назначенное время, так как был отвлечен с дороги полковником Чумой, который приказал им оставаться в вагонах. Видя, что меня не освободят из-под стражи, я был вынужден

императорской армии участвовал в Первой мировой войне, капитан. К 1920 г. майор войска Польского, заместитель командира 2-го полка польских стрелков; пленен красными под станцией Клюквенной, бежал, добрался до Польши. Погиб в годы Советско-польской войны.

⁷ Когутницкий Ромуальд Иванович (польск.: Romuald Kohutnicki, 28.02.1889–30.06.1972) – российский и польский военный деятель. Из крестьян, родился в г. Житомире. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан (1916). В 1917 г. вступил в Польский корпус, капитан. Окончил ускоренные курсы 3-й очереди Николаевской военной академии. С декабря 1918 г. командир 3-го стрелкового полка 5-й дивизии польских стрелков, майор.

В 1920 г. выехал из Сибири в Польшу. Участник Советско-польской войны 1920 г., подполковник, начальник штаба 11-й пехотной дивизии. Участник Второй мировой войны (сентябрь 1939 г). Похоронен на приходском кладбище г. Блоне (западнее Варшавы).

бежать с начальником штаба майором Хлусевичем на вокзал, чтобы еще раз предпринять усилия в переговорах с чехами, чтобы пропустить хотя бы несколько эшелонов. Эти усилия увенчались успехом, чехи согласились пропустить 2 эшелона. Свидетелями этого факта являются: г. Рэй, американский консул и капитан Мюррей. Однако в последний момент чехи запаниковали и не только не отправили 2 обещанных польских эшелона, но и оставили в поле свои 18 эшелонов, в том числе эшелоны с латышами и сербами, которыми они преградили нам путь. Командующий большевистским фронтом позвонил мне по телефону, чтобы договориться о капитуляции со мной как с командиром дивизии. Я ответил, что не хочу с ним вести переговоры и свою дивизию не сдаю. Однако делегацию к большевикам отправил полковник Чума в следующем составе: полковник Скиргайлло-Яцевич⁸, капитан Смирный, поручик Дыбовский и трое солдат. Они заключили соглашение о капитуляции Польской дивизии на условиях полного разоружения и интернирования. Это соглашение было подтверждено большевикам полковником Чумой, который отдал приказ о сдаче и одновременно запретил покидать эшелоны как офицерам, так и солдатам. Проигнорировав этот приказ, около 120 офицеров и 1200 солдат бежали и долгим путем добрались до Харбина. За исключением этих солдат, все остальные, т. е. 10 500 солдат и 800 офицеров, 3 000 человек из семей военнослужащих и 42 эшелона с оружием и имуществом, были отданы большевикам. Офицеры и семьи союзных войск частью попали в руки большевиков, а частью бежали. Следует добавить, что вместе с нами ехало много семей высших русских офицеров, которые попали в руки большевиков. Бежавшие солдаты шли пешком, иногда им удавалось ехать на поездах, даже в чешских эшелонах, откуда их часто прогоняли, хотя вышестоящее чешское командование разрешало по-

⁸ Скиргайлло-Яцевич Карл Францевич (польск.: Karol Skirgiełło-Jaciewicz, 16.01.1877–09.04.1920) – российский и польский военный деятель. Из потомственных дворян Могилевской губернии, окончил Полоцкий кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище по 1-му разряду. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Полковник (1916). С 1918 г. – в польских войсках на Востоке России, полковник, командир 5-го полка полевой артиллерии 5-й дивизии польских стрелков. Пленен красными, умер и похоронен в Красноярске.

Рис. 4. Могила К. Скиргайлло-Яцевича (г. Красноярск, фото Культурно-исторический музей «Некрополь»)
Fig. 4. Grave of K. Skirgailo-Yatsevich (Krasnoyarsk, photo by Cultural and Historical Museum “Necropolis”)

лякам ездить в чешских эшелонах. Первоначально пунктом сосредоточения я назначил Владивосток, но в силу политической ситуации изменил место и назначил местом сбора Харбин, нам даже удалось сформировать два с половиной эшелона, с которыми мы скрылись. Причины враждебного отношения чехов к нам в последнее время: приезд чешской делегации с командиром Червинка (вероятно, имеется в виду Червинка Ярослав Вячеславович, уроженец Богемии, генерал русской службы, офицер Чехо-словацкой армии в России – прим. пер.) и ее агитация, показ фильма о зверствах, якобы совершенных польской армией против чешского населения и т. д., также недипломатичность полковника Чумы по отношению к чехам, задержка подаренного чехами знамени для 1-го полка и др.

Подпись:

Командир 5-й Польской стрелковой дивизии
Полковник Румша
Шанхай, 23 февраля 1920 г.

Приложение

Копия приказа полковника Чумы.

Приказ № 3 от 10 января 1920 г.

Командование Войска Польского на востоке
России, ст. Клюквенная.

Не имея возможности двигаться дальше на восток, я начал переговоры с военными представителями и комиссаром Советской России, чтобы обеспечить нашей армии и ее отдельным членам наилучшие условия для дальнейшего существования. Делегированные мною парламентарии: полковник Скиргайлло-Яцевич, капитан Смирный, поручик Дыбовский, сержант Басевич, взводный Маковский и старший стрелок Козелкевич сообщают, что:

1. После сложения оружия Войско Польское остается в тех же вагонах и отправляется обратно в Красноярск.

2. Личная неприкосновенность военнослужащих Войска Польского гарантируется.

3. В эшелонах остаётся продовольствие на 15 дней.

4. Обеспечивается неприкосновенность частной собственности.

5. Более подробные условия будут оглашены после утверждения Высшим Командованием в Красноярске.

Поэтому приказываю Войску Польскому оставаться в своих эшелонах, вести себя спокойно и избегать любых столкновений с приближающимися частями Красной Армии.

Подписано:

Командующий польской армией на востоке России
Полковник Чума

Список источников

Будберг А. Дневник белогвардейца : сборник. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1991. С. 163–322.

Витольдова-Лютык С. На Восток... // Великий Сибирский Ледяной поход / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. Москва : Центрполиграф, 2004. С. 494–548.

Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака / под ред. А.В. Квакина // За спиной Колчака: Документы и материалы. М. : Аграф, 2005. С. 325–510.

Жанен П. «Отрывки из моего сибирского дневника» // Сибирские огни. 1927. № 4. С. 133–161.

Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп : (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). Новосибирск : Офсет-ТМ, 2017. 527 с.

Королихин В.М. Восстание крестьян в Верх-Ирменской волости против Колчака // Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904–1920). Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. С. 47–53.

Кулик М. 5-я польская стрелковая дивизия – состояние исследований // Поляки в Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. СПб. : Алетейя, 2021. С. 171–183.

Ладыгин И.В. Ново-Николаевск в военном мундире 1904–1920 гг. Новосибирск : Сибирское книжное издательство, 2013. 152 с.

Ладыгин И.В., Гончаров Ю.И. Мятеж Барабинского полка // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. № 4. С. 225–239. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-225-239>. EDN: CBWMUC.

Нам И.В. Российское правительство адмирала А.В. Колчака и польские воинские формирования (ноябрь 1918 – январь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 88–95. EDN: JTGOVF.

References

Budberg A. (1991) Diary of a White guardsman. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 163–322. (In Russ.).

Vitoldova-Lyutyk S. (2004) To the East... *Velikii Sibirskii Ledyanoi pokhod = The Great Siberian Ice Trek*. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 494-548. (In Russ.).

Kvakin A.V. (2005) Notes of Ivan Ivanovich Sukin about the Kolchak Government. Behind Kolchak's back. Documents and materials. Moscow: Agraf. P. 325–510. (In Russ.).

Zhanen P. (1927) "Excerpts from my Siberian diary. *Sibirskie ogni = Siberian Lights*. No. 4. P. 133-161. (In Russ.).

Kokoulin V.G. (2017) White Siberia: the struggle of political parties and groups: (November 1918 - December 1919). Novosibirsk: Ofset-TM. 527 p. (In Russ.).

Korolikhin V.M. (1959) The uprising of peasants in the Upper Irmen volost against Kolchak. Memoirs of the revolutionary Novonikolaevsk (1904–1920). Novosibirsk: Kn. izd-vo. P. 47-53. (In Russ.).

Kulik M. (2021) 5th Polish Rifle Division – state of research. *Polyaki v Sibiri v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka = Poles in Siberia at the end of the XIX- first quarter of the XX century*. St. Petersburg: Aleteiya. P. 171-183. (In Russ.).

Ladygin I.V. (2013) Novo-Nikolaevsk in a military uniform 1904–1920. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 152 p. (In Russ.).

Ladygin I.V., Goncharov Yu.I. (2020) Mutiny of the Barabinsky regiment. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4. P. 225-239. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-225-239>. EDN: CBWMUC.

Nam I.V. (2008) The Polish Army co-operations and the Russian government of admiral A.V. Kolchak (November, 1918 - January, 1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. No. 312. P. 88-95. (In Russ.). EDN: JTGOVF.

Нам И.В. Пятая польская дивизия в Сибири // Сибирская старина. Краеведческий альманах. 2010. № 26. С. 14–16. EDN: VDVMGB.

Резмер В. Поляки в России и Сибири в 1917–1922 годах: вооруженная борьба, мартирология, пути на родину // Поляки в Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. СПб.: Алетея, 2021. С. 184–218.

Сахаров К. Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. Москва: Центрполиграф, 2004. С. 60–223.

Щепихин С.А. Конец Белого движения в Сибири. СПб., 2022. 284 с.

Bohdanowicz S. Ochotnik. Warszawa: Dom Wydawniczy PWN, 2014. 352 s.

Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Siberji (1915-1920). Warszawa: nakł. Gebethnera i Wolffa, 1922. 255 s.

Muszyński W.J. Białe Legiony przeciwko bolszewikom. Polskie formacje w Rosji 1918-1920, Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2019, 480 s.

Radziwiłłowicz, D. (2017). Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja. Przegląd Wschodnioeuropejski, 8(1), s. 23–43. <https://doi.org/10.31648/pw.3601>.

Wójcik J. Wspomnienia o latach które dawno minęły. Maków Mazowiecki, 2011. 240 s.

Hera E. Z biegiem lat, z biegiem wydarzeń... Chotomów: Verba, 1992. 231, [1] s.

Информация об авторе

Ладыгин Игорь Валерьевич,

кандидат технических наук, независимый исследователь,
630123, г. Новосибирск, п/о 123 д/в Ладыгину Игорю
Валерьевичу, Россия,
e-mail: ladyginiv@rambler.ru

Вклад автора

Ладыгин И.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19 октября 2023 г.; одобрена после рецензирования 21 ноября 2023 г.; принята к публикации 4 декабря 2023 г.

Nam I.V. (2010) Fifth Polish Division in Siberia. *Sibirskaya starina. Kraevedcheskii al'manakh = Siberian Antiquity. Historical Almanac*. No. 26. P. 14–16. (In Russ.). EDN: VDVMGB.

Rezmer V. (2021) Poles in Russia and Siberia in 1917-1922: armed struggle, martyrology, ways to the homeland. *Polyaki v Sibiri v kontse XIX - pervoi chetverti XX veka = Poles in Siberia at the end of the XIX - first quarter of the XX century*. St. Petersburg: Aleteiya. P. 184-218. (In Russ.).

Sakharov K. (2004) White Siberia. Admiral Kolchak's Eastern Front. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 60–223. (In Russ.).

Schepikhin S.A. (2022) The end of the White Movement in Siberia. St. Petersburg. 284 p. (In Russ.).

Bohdanowicz S. Ochotnik. Warszawa: Dom Wydawniczy PWN, 2014. 352 s.

Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Siberji (1915-1920). Warszawa: nakł. Gebethnera i Wolffa, 1922. 255 s.

Muszyński W.J. Białe Legiony przeciwko bolszewikom. Polskie formacje w Rosji 1918-1920, Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2019, 480 s.

Radziwiłłowicz, D. (2017). Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja. Przegląd Wschodnioeuropejski, 8(1), s. 23–43. <https://doi.org/10.31648/pw.3601>.

Wójcik J. Wspomnienia o latach które dawno minęły. Maków Mazowiecki, 2011. 240 s.

Hera E. Z biegiem lat, z biegiem wydarzeń... Chotomów: Verba, 1992. 231, [1] s.

Information about the author

Igor V. Ladygin,

Cand. Sci. (Technical), independent researcher,
Do vostrebovania Ladyginu Igoryu Valerievichy,
Post Office 123, Novosibirsk 630123, Russia,
e-mail: ladyginiv@rambler.ru

Contribution of the author

Ladygin I.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 19, 2023; approved after reviewing November 21, 2023; accepted for publication December 4, 2023.

История

Научная статья
УДК 070 93/94
EDN: SJFCGG
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-182-191

Русская военная эмиграция в Китае на страницах журнала «Часовой» в первые годы его существования

Е.В. Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация. В статье делается попытка выявить, проанализировать и охарактеризовать публикации журнала военной направленности «Часовой», содержащие данные по истории русской эмиграции в Китае, в первые годы его издания. Отмечается, что данное периодическое издание, с одной стороны, стало одним из наиболее известных в русской военно-эмигрантской среде, с другой – оно стало, вероятно, самым «долгоживущим», издаваясь с 1929 по 1988 гг. Дается общая краткая характеристика издания, отмечается, что журнал отчасти нашел отражение на страницах научных и научно-популярных публикаций. В основу исследования легли основополагающие принципы исторической науки, объективности и историзма. Первый особо важен при работе с источниками, каковыми являются материалы журнала «Часовой». Он позволил не акцентировать внимание на субъективных оценках существовавшей действительности авторов статей и заметок. Второй дал возможность рассматривать публикации журнала с учетом бывшей исторической обстановки, а факты и явления, нашедшие отражение в издании, во взаимосвязи с учетом их взаимообусловленности. Публикации по истории военной русской эмиграции в Китае в XX в. в процентном соотношении в журнале «Часовой» были незначительны. При этом их значительная часть посвящена таковой в г. Шанхае. Отдельные статьи и заметки дают информацию по Харбину. На страницах журнала нашли отражение отдельные факты из истории русской военной эмиграции в Китае, относящиеся, к примеру, к истории Отдельного Русского Отряда Шанхайского Волонтерского Корпуса и др. Журнал изобилует именами и фамилиями представителей русской эмигрантской среды, в том числе и в Китае. Приводимые данные по фактам и явлениям позволяют ответить на существующие спорные вопросы. Далеко не полная изученность материалов журнала «Часовой» позволяет говорить о необходимости дальнейшей исследовательской работы с ним.

Ключевые слова: военная периодика, русская эмиграция, журнал «Часовой», Василий Васильевич Орехов, Российский Общевоинский Союз, Дальний Восток, Китай, Шанхай, Харбин, Маньчжурия, Шанхайский Волонтерский Корпус

Для цитирования: Дроботушенко Е.В. Русская военная эмиграция в Китае на страницах журнала «Часовой» в первые годы его существования // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 182–191. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-182-191>. EDN: SJFCGG.

History

Original article

Russian military emigration in China on the pages of the magazine “Chasovoy” in the early years of its existence

Evgeny V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia

Abstract. The article attempts to identify, analyze and characterize the publications of the military-oriented magazine “Chasovoy”, containing data on the history of Russian emigration in China, in the first years of its publication. It is noted that this periodical, on the one hand, has become one of the most famous in the Russian military emigrant environment, on the other, it has probably become the most “long-lived”, being published from 1929 to 1988. A general brief description of the publication is given, it is noted that the journal is partly reflected on the pages of scientific and popular scientific publications. The research is based on the fundamental principles of historical science, objectivity and historicism. The first one is especially important when working with

sources, which are the materials of the "Chasovoy" magazine. It allowed not focusing on the subjective assessments of the existing reality of the authors of articles and notes. The second made it possible to consider the publications of the journal taking into account the former historical situation, and the facts and phenomena reflected in the publication, in relation to their interdependence. Publications on the history of Russian military emigration in China in the XX century in the magazine "Chasovoy" in percentages were insignificant. At the same time, a significant part of them is devoted to that in Shanghai. Individual articles and notes provide information on Harbin. Russian military emigration in China, related, for example, to the history of a Separate Russian Detachment of the Shanghai Volunteer Corps, etc., is reflected in the pages of the magazine. The magazine is full of names and surnames of representatives of the Russian emigrant environment, including in China. The data provided on facts and phenomena allow us to answer the existing controversial issues. Far from a complete study of the materials of the magazine "Chasovoy" suggests the need for further research work with him.

Keywords: Military Periodicals, Russian Emigration, "Chasovoy" magazine, Vasily Vasilievich Orekhov, Russian General Military Union, Far East, China, Shanghai, Harbin, Manchuria, Shanghai Volunteer Corps

For citation: Drobotushenko E.V. (2023) Russian military emigration in China on the pages of the magazine "Chasovoy" in the early years of its existence. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 182-191. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-182-191>. EDN: SJFCGG.

Периодика русской эмиграции 1920–1980-х гг. достаточно богата. В череде изданий выделяются журналы и газеты военной и военно-политической направленности: «Армия и флот» «Вестник Первопроходника», «Военная быль», «Военно-исторический вестник», «Кадетская переключка» и др.

Значительная роль в истории русской военной эмигрантской периодики сыграл ежемесячный журнал «Часовой», став, пожалуй, самым «долгоживущим», издаваясь с 1929 по 1988 г. Можно относительно уверенно утверждать, что он входит в перечень наиболее известных периодических изданий в среде русской эмиграции. Свою историю он начал 1 января 1929 г. в Париже. С 1936 г. издавался в Брюсселе (Гулютин, 2014)¹. Глеб Струве в своем широко известном справочном издании «Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского Зарубежья» неверно указывает, что журнал с 1929 г. издавался в Брюсселе (Струве, 1996. С. 408)².

Первый год журнал выходил объединенным (сдвоенным) номерами, по два номера в месяц, при этом всего вышло из печати 22 номера. Вышло так в связи с тем, что было издано два сдвоенных 7–8, второй из которых стал специальным, посвященным годовщине со дня смерти генерала Врангеля. С января 1930 г. журнал выходил по два номера в месяц.

Характеристика журнала «Часовой» нашла отражение на страницах научных и научно-популярных публикаций. Это работы таких авторов, как Н.Н. Гулютин, Р.А. Саутин, Е.М. Кунжаров, А.С. Ефимова, Н.И. Юркова и др. (Саутин, Кунжаров, Ефимова, 2016; Юркова, 2015 и др.). При этом следует сказать, что в статье Ю.Н. Юрковой дается достаточно подробная характеристика публикаций «Часового», посвященных чужбине (Юркова, 2015).

Интересна выпускная квалификационная работа В.В. Воронова «Соотнесение образа Третьего Рейха в журнале «Часовой» с историческим контекстом Германии (1935–1938 гг.)», найти которую не составит труда на просторах Internet-пространства (Воронов, 2017)³. Здесь следует отме-

¹ Гулютин Н.Н. История создания первого периодического издания русского Общевоинского союза (РОВС) журнала «Часовой» // Молодежь и наука : сб. матер. X Юбилейной Всеросс. науч.-тех. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с межд. участием, посвящ. 80-лет. образования Красноярского края / отв. ред. О.А. Краев. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т. 2014. URL: https://conf2.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s17/s17_004.pdf (дата обращения: 25.07. 2023).

² Струве Г. Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-

Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Paris: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.

³ Воронов В.В. Соотнесение образа Третьего Рейха в журнале «Часовой» с историческим контекстом Германии (1935–1938 гг.). Выпускная квалификационная работа по направлению «Журналистика» (научно-исследовательская работа) // Научный корреспондент. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 22 с. URL: <https://nauchkor.ru/pubs/sootnesenie-obraza-tretiegor-reyha-v-zhurnale-chasovoy-s-istoricheskim-kontekstom->

титель, что исследование носит объективный характер, написано в духе восстановления исторической справедливости, сохранения исторической правды, не содержит материалов, восхваляющих нацизм и фашизм.

В то же время, стоит отметить, что, по какой-то причине, далеко не все, даже серьезные, объемные справочные издания, делают отсылки к «Часовому» (Русская эмиграция, 1988)⁴. С учетом количества номеров и времени издания это представляется, как минимум, странным.

Журнал «Часовой» самой редакцией издания в конце 1930 г. характеризовался как «единственный иллюстрированный военно-морской в зарубежье» (Часовой, 31 декабря 1930, № 46. С. 40⁵).

Редакторов журнала было несколько. Бесменным редактором с первого (1–2 номера) и до последнего 669 за январь – февраль 1988 гг. был Василий Васильевич Орехов. Именно он, согласно отдельным публикациям, совместно с Е.В. Тарусским (Е.В. Тарусский-Рышков, Е.В. Рышков) и С.К. Терещенко положил основание журналу «Часовой»⁶. Здесь следует отметить, что среди редакторов объединенного первого и второго номеров издания С.К. Терещенко не было (Струве, 1996. С. 408⁷; Часовой, 1929, № 1–2. С. 1⁸).

В публикации Н.Н. Гулютина читаем, что журнал с одобрения генерала Врангеля стали издавать В.В. Орехов и Е.В. Тарусский⁹. С.В. Волков говорит об основании журнала одним В.В. Ореховым (Вол-

ков, 2008. С. 48). Это не верно. В 1979 г., в № 6 общественно-политического журнала «Посев» вышло интервью с В.В. Ореховым, в котором он сам говорил об основании журнала втроем (Необходима преемственность..., 1979. С. 49).

Редакторами первых номеров выступали В.В. Орехов и Е.В. Тарусский. В отдельных публикациях говорится о том, что были и иные редакторы: Генерального Штаба полковник П.Г. Архангельский, С.К. Терещенко, В.В. Полянский¹⁰. Следует сказать, что последние трое выступали редакторами отделов: военного, военно-морского, политического¹¹. В объединенном номере 15–16 к двум основным редакторам присоединился А.А. Вонсяцкий¹². С.В. Волков пишет, что А.А. Вонсяцкий был соредактором «первое время» (Волков, 2008. С. 48). Это не совсем верно, что видно из выходных данных номеров издания. В номере 45 от 15 декабря 1930 г. А.А. Вонсяцкий как редактор уже отсутствовал (Часовой, 15 декабря 1930, № 45. С. 34¹³). В последних двух номерах за 1930 г. (№ 45 и 46) отсутствовало указание на редакторство отделами (Часовой, 15 декабря 1930, № 45. С. 34; Часовой, 31 декабря 1930, № 46. С. 40)¹⁴. С 30 номера от 30 апреля 1930 г. как редактор политического отдела отсутствует В.В. Полянский (Часовой, 30 апреля 1930, № 30. С. 1)¹⁵.

Нумерация журнала сплошная с 1 номера в январе 1929 по 699 в 1988 гг.

Журнал «Часовой» изначально позиционировался как печатный орган связи русского воинства за рубежом. Он был связан с Русским Общевоинским Союзом (РОВС). Позже издание выступало как «орган связи Российского национального движения» (Тарасов, 2000. С. 7¹⁶; Юркова, 2015. С. 26).

germanii-1935-1938-gg-5a6f88207966e12684eea076 (дата обращения: 25.07.2023).

⁴ Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. Сводный указатель статей / сост. Т.Л. Гладкова, Д.В. Громб, Е.М. Кармазин, Ю.Е. Кац, Т.А. Осоргина, Д.Г. Паважо, В.Э. Столярова, М.В. Шеррер-Долгорукая; ред. Т.Л. Гладкова, Т.А. Осоргина. Paris: Institut d'études slaves, 1988. 347 с.

⁵ Часовой, 31 декабря 1930, № 46, 40 с.

⁶ Орехов Василий Васильевич (1896–1900). 2009 // Религиозные деятели русского зарубежья. URL: http://www.zarubezhje.narod.ru/mp/O_178.htm (дата обращения: 25.07.2023).

⁷ Струве Г. Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Paris: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.

⁸ Часовой, январь 1929, № 1–2, 24 с.

⁹ Гулютин Н.Н. Указ. соч.

¹⁰ Пресса – Часовой (журнал) – Редакторы. 22 февраля 2011 // pravdivo иначе никак. URL: https://www.taktfuld.ru/m/s/chasovoy_jurnal_-_redakteryi (дата обращения: 25.07.2023).

¹¹ Часовой, январь 1929, № 1–2, 24 с.; февраль 1929, № 3–4, 32 с. и др.

¹² Часовой, август – сентябрь 1929, № 15–16, 32 с. и др.

¹³ Часовой, 15 декабря 1930, № 45. 34 с.

¹⁴ Часовой, 15 декабря 1930, № 45. 34 с.; 31 декабря 1930, № 46. 40 с.

¹⁵ Часовой, 30 апреля 1930, № 30. 32 с.

¹⁶ Тарасов Б.Ю. Проблема патриотизма в представлениях и настроениях российских эмигрантов в 1920–1930-х гг. (по материалам эмигрантской прессы): автореф. дис. ...

Общие данные о содержании номеров журнала, перечни фамилий некоторых авторов и др. приводятся в ряде публикаций (Юркова, 2015 и др.). В то же время, многие аспекты исследователями остались не проанализированными и на сегодня.

Предметное поле настоящего исследования определено анализом содержания материалов журнала «Часовой» на наличие в них данных по истории русской эмиграции в Китае. Материалы в журнале «Часовой» по указанной проблематике носят самый разный характер. Это официальные документы и выдержки из них, обобщающие статьи по ситуации на Дальнем Востоке, статьи, посвященные какому-либо конкретному событию, воззвания, небольшие заметки и др. В Военно-морском разделе журнала печаталась информация Военно-морского союза.

Цель статьи выявить, проанализировать и охарактеризовать имеющуюся информацию по истории русской эмиграции в Китае в публикациях журнала «Часовой» за 1929–1930 гг. Здесь следует отметить, почему акцент делается именно на военной эмиграции. Дело в том, что в 46 номерах за указанное время встречена всего одна небольшая заметка по эмиграции не военной (о ней ниже).

Хронологические рамки ограничены в заглавии статьи первыми годами издания журнала. Определить, какие годы могут называться первыми, несомненно, сложно, мы взяли за основу номера за 1929–1930 гг. В основу подхода лег значительный объем материала, который требовалось выявить, проанализировать и охарактеризовать. Названные годы стали временем становления журнала. В 1930 г. менялись редакторы журнала. Из основных ушел, как отмечалось выше А.А. Вонсяцкий, из редакторов отделов – В.В. Полянский. В самом конце года редакторы отделов вообще перестали указываться.

Возможно, в дальнейшем появиться исследование материалов журнала «Часовой» на содержание в них информации по военной русской эмиграции в Китае по более позднему времени.

Следует отметить, что основная масса публикаций, содержащих информацию по военной рус-

ской эмиграции в Китае, относится к г. Шанхаю. Причины этого можно только предположить.

Исследование построено по хронологическому принципу, а не по типам публикаций. Второй вариант при характеристике периодических изданий, на наш взгляд, более приемлем. Однако в данном конкретном случае ссылки на публикации не в хронологической последовательности приведут к возникновению вопросов, так как в некоторых из них делается отсылка к предыдущим.

В первые годы своего существования в журнале печатались приказы по Русскому Общевоинскому Союзу. Содержательно – это назначения на должности и освобождение от них, принятие в Союз и исключение из него организаций и др. Редко, но в приказах уделялось внимание Дальнему Востоку. Так, Приказом Русскому Общевоинскому Союзу № 27 от 19 июня 1920 г. от должности начальника дальневосточного Отдела РОВС по собственному ходатайству освобожден генерал от артиллерии М.В. Ханжин и назначен на должность генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Во втором параграфе приказа рассказывалось о М.В. Ханжине. Говорилось о том, что он был назначен на должность 29 августа 1928 г. Приказом генерала А.П. Кутепова за № 12 по Повелению Его Императорского Величества Великого Князя Николая Николаевича. Отмечалось, что на долю М.В. Ханжина выпало решение задачи по объединению всех, оказавшихся на Дальнем Востоке военных организаций, и он с этим справился. Он также сумел в кратчайшие сроки «усилить ряды Союза» (Приказ. 1930. С. 2)¹⁷.

К обобщающим публикациям можно отнести статью В. Левитского «Красная армия и Маньчжурский конфликт» в объединенном 15–16 номере за 1929 г. В ней приведены самые общие рассуждения о ситуации в Красной армии на Дальнем Востоке (Левитский, 1929, № 15–16. С. 20–21). Какой-либо конкретики о русской эмиграции в статье нет, однако статью завершает «P.S.»: «Известия» от 20 августа в Харбине «белый» съезд. **Среди участников «офицеры», выдающие себя за представителей отдельных частей СССР** (выделено по источнику – Е. Д.). Если это делегаты Красной армии, то

канд. истор. наук: 07.00.02. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2000. 30 с.

¹⁷ Приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу // Часовой. Июнь 1930. № 35. С. 2.

дело принимает совсем печальный для коммунистов оборот. Поживем – увидим» (В. Л., 1929, № 15–16. С. 21).

Примером материала, посвященного конкретным событиям в жизни русской военной эмиграции в Китае, может являться статья по Отдельному Русскому Отряду Шанхайского Волонтерского Корпуса, которая вышла из печати в объединенном номере 13–14 от 1929 г. В ней описывался смотр отряда Бригадиром Борретом на Рейс-Корс, на плацу у Гольф Клуба. Полный состав отряда – 208 волонтеров при 9 офицерах. Начальник отряда в чине майора полковник Г. Тиме. В материалах описывался смотр с упражнениями, которые выполняли волонтеры (Отдельный Русский отряд..., 1929. № 13–14. С. 26).

В большой статье «Отдельный Русский отряд Шанхайского Волонтерского корпуса (Беседа с полковником Г.Г. Тиме)» отмечается, что корпус состоял из 15 отдельных единиц, одна из которых – Отдельный Русский Отряд. В июле 1929 г. отряд состоял из двух платных рот: 1-я под командованием полковника Иванова (он же заместитель начальника отряда); 2-я – под командованием полковника Мархинина). Была также третья, добровольческая рота, чины которой содержания не получали и призывались периодически для обучения. Рота под командованием полковника Савелова. Командиры рот состояли в английских чинах капитанов. При отряде действовала медицинская помощь в лице врача профессора Бари. Адъютантом отряда был сотник Васильев (инициалов ко всем фамилиям нет в источнике – Е. Д.). В составе отряда все русские, обучение и служба шла по «русскому воинскому уставу», однако обмундирование было английским. В строю было до 50 офицеров, часть из которых «на положении фельдфебелей, сержантов, некоторые рядовые». Две постоянные роты составляли по 125 штыков каждая. Материальное положение чинов отряда оценивалось как удовлетворительное, каждый получал жалование по 30 долларов в месяц «на всем готовом», унтер-офицеры от 35 до 45 долларов, офицеры от 80 до 150 долларов. Русская колония Шанхая, как отмечалось в статье, справедливо гордилась русской воинской частью, «сохранившей в своих рядах дисциплину старого времени» (Отдельный Русский отряд..., 1929, № 19–20. С. 24).

В номере 28 от 31 марта 1930 г. опубликовано воззвание генерала М.К. Дитерихса, который в тот год стал председателем Дальневосточного Отдела Русского Общевоинского Союза, «Ко всем моим боевым соратникам по Сибири и Дальнему Востоку». Причиной его появления стало нашумевшее исчезновение генерала А.П. Кутепова и озвученная версия французского правительства о том, что он был похищен представителями советских спецслужб. М.К. Дитерихс писал, что подобное может повториться в Шанхае, Нью-Йорке, Мельбурне или Токио. В этой ситуации он призывал всех соратников объединиться с ним под властью «Русского Обще-Воинского Союза»: «Где бы вы сейчас ни были, организациями или в одиночку, я зову вас дать мне знать о себе – сообщить мне имя, фамилию, место бывшей военной службы и настоящий свой адрес». Ниже приводился адрес М.К. Дитерихса в Шанхае (Дитерихс, генерал-лейтенант, 1930, № 28. С. 4).

Интересная небольшая статья вышла из печати в № 29 от 1930 г. под заглавием «На Дальнем Востоке. Под стяг Обще-Воинского Союза (единение военных в Шанхае)». «2-го марта в 3 ч. пополудни в помещении Союза военных инвалидов, 172 Ранж роад, под председательством Генерального Штаба ген.-лейт. Дитерихса при секретаре подполковнике Эйльснере состоялось объединенное заседание всех военных организаций гор. Шанхая». Информация данной публикации интересна перечнем персоналий от различных русских организаций г. Шанхая: «Присутствовали: члены Комитета Союза служивших в Российской армии и флоте во главе с его председателем Ген. Штаба ген.-лейт. Вальтером, члены распорядительного комитета Офицерского Собрания с председателем его ген.-майором Гаффнером, члены правления Казачьего Союза во главе с его почетным председателем ген.-майором Бурлиным и председателем войсковым старшиной Бологовым, члены правления Союза военных инвалидов во главе с полковником Яковлевым, члены правления Союза Георгиевских кавалеров с полковником Арцыбашевым, представители Обществ Егерского и Уральского полков – полковники Малицкий и Доможиров, общества Маньчжурцев во главе с полковником Губановым, общества Камского полка, бывшие воспитанники Российских кадетских кор-

пусов с представителем его поручиком Махлевским, первопроходники и добровольцы юга России – полк. Апрелев, кап. 2-го ранга Ильвов, Б.А. Суворин и ротм. Файвишевич, представители Урало-Сибирского трудового общества во главе с полк. Романовским, представители кружка молодежи г. Никонов и Гладков, студенческого общества и общежития русского православного братства при церкви в Чапее, а также много отдельных лиц, отозвавшихся на воззвание генерала Дитерихса (На Дальнем Востоке..., 1930, № 29. С. 23).

Всего на названном собрании, согласно источнику, присутствовало 250 чел. (Там же). Справедливости ради отметим, что округленные цифры обычно приводятся в ситуации, когда требуется приукрасить ситуацию, поскольку собрать ровно 250 чел., вероятно, сложно. Однако предположим, что так и было.

Итогом собрания стало принятие обращения ко всем чинам «бывших Российских Армии и Флота за границей» с призывом сплотиться в единую мировую общую организацию под знаменем Русского Общевоинского Союза, на тот момент времени под председательством генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера (Там же).

В обращение читаем: «Еще раз свидетельствовать, что русская военная эмиграция как национальная сила жива и, несмотря ни на какие террористические акты, не откажется от борьбы с врагом России и всего культурного мира» (Там же).

На собрании также принято решение представить обращение «Начальнику Дальне-Восточного Отдела Союза Генералу от Артиллерии Ханжину». Также собрание ходатайствовало через председателя Общевоинского Союза генерал-лейтенанта Е.К. Миллера назначить представителя Союза для «возглавления» Объединения военных организаций г. Шанхая (Там же).

Михаил Васильевич Ханжин, возглавляя Дальневосточный Отдел РОВС, проживал в Дайрене и до того просился на покой (Смирнов, 2015. С. 179).

Встречаем в журналах статьи общего плана, в которых кратко затрагивается вопрос о русских в Китае. Объединенный номер 13–14 за 1929 г. после перечня памятных дат открывает статья «К событиям на Дальнем Востоке». В ней в самом обобщенном виде поднимается проблема участия в борьбе

с большевиками Японии и Китая. Среди прочего речь ведется о «реальной помощи» китайских властей «в формировании значительных и самостоятельных русских отрядов для направления их на русскую территорию для освобождения ее от власти большевизма» (К событиям..., 1929, № 13–14. С. 2).

Небольшие заметки содержат самую разную информацию. Так, в одной из публикаций № 28 от 1930 г. говорится о создании Союза первопроходников и добровольцев юга России в Шанхае. Отмечается, что под таким названием объединились участники белого движения на юге России 1917–1920 гг. Это сделано для того, чтобы присоединиться к местному Союзу служивших в Российской армии и на флоте, а уже через него войти в Русский Общевоинский Союз (Союз первопроходников..., 1930, № 29. С. 23).

В июле 1929 г. в Каннах в крипте Архангело-Михаловского храма через полгода после кончины Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, была возложена к гробнице доска-памятник, «сооруженная на пожертвования Российского Зарубежного воинства...». Об этом вышла статья в объединенном номере 13–14 от июля 1929 г. За публикацией шел список частей и организаций, принявших участие в сооружении доски. Среди прочих, по Дальнему Востоку приведен следующий перечень:

«Дайренский военный кружок.

Чины Р.О.В.С. (Российский общевоинский союз – Е. Д.) на станции Пограничная (Маньчжурия).

Русские офицеры, служащие в апреле 1929 г. в шанхайской муниципальной полиции.

Чины Русских армии и флота, состоявших в марте 1929 г. в Rus. Detachment S.V.G. (Шанхай) (Русская волонтерская рота Шанхайского Волонтерского корпуса – Е. Д.).

Харбинский морской кружок.

Маньчжурское Общество Офицеров Генерального Штаба.

Мукденское Отделение Р.О.В.С.

Чины Р.О.В.С. в Харбине.

Союз служащ. в Российской Армии и Флоте (Тяньзинь).

Союз служивших в Российской Армии и Флоте (Шанхай).

полное единство действий» (№ 3. Резолюция, 1930, № 45. С. 20)²⁰.

В том же номере читаем небольшую заметку «Харбинский Комитет помощи русским беженцам». В ней говорится о «высокополезной и гуманитарной» деятельности Комитета, что следовало из отчета, подписанного председателем комитета и правления В. Колокольниковым, председателем Ревизионной комиссии А. Аргуновым и секретарем В. Наркевичем. Отмечается также, что комитет много сделал для «помощи жертвам Трехречья» (Харбинский Комитет..., 1930, № 45. С. 21).

В официальной части Военно-Морского отдела печатались приказы по Военно-морскому союзу, главным образом, о зачислении в союз. Примером приказа, содержащего информацию по представителям русской эмиграции в Китае, является приказ № 79 от 25 августа 1930 г. согласно которому председателем группы Военно-Морского союза в Харбине назначался капитан 2-го ранга Б. Апрелев (Зачисления, 1930, № 39. С. 22). В приказах прописывалось зачисление в союз. В номере 40 от 30 сентября 1930 г. приказом № 86 от 21 сентября 1930 г. членом союза в Шанхае зачислен лейтенант Н. Масюков (Зачисления, 1930. № 40. С. 11).

В конце некоторых номеров присутствовал раздел «Разыскиваются». В нем печатались объявления о поиске того или иного бывшего военнотружущего царской армии. Указания на то, что он однозначно был в Китае, есть не всегда. Однако в некоторых случаях это можно предположить, зная историю русских военных в эмиграции в стране. Так, к примеру, в объединенном номере 11–12 от 1929 г., среди прочих, сын разыскивал знавших полковника Семиреченского войск Семена Марко-

вича Александрова. Как известно, после поражения от отрядов красной армии остатки Семиреченского войска ушли на запад Китая, в Кульджу. В № 15–16 от того же года Михаил Сергеевич Кузнецов с припиской «...был в казачьих частях армии ген. Дутова», которая, также оказалась на западе Китая и т. д. (РОЗЫСКИВАЮТСЯ (транскрипция по источнику), 1929, № 11–12. С. 31; РОЗЫСКИВАЮТСЯ (транскрипция по источнику), 1929, № 15–16. С. 30 и др.).

Таким образом, можно констатировать, что одно из самых известных и «долгоживущих» периодических изданий русской эмиграции 1920–1980 гг. журнал «Часовой» в своих материалах в определенной степени отражал русскую эмигрантскую историю в Китае. В процентном соотношении публикаций было не много. Значительная часть из них была посвящена событиям в жизни военной русской эмиграции в Шанхае.

Статьи, заметки, воззвания с информацией по проблематике настоящего исследования в журнале «Часовой» несут в себе выборочную информацию по отдельным фактам, явлениям и событиям. Зачастую она кратка, однако вкупе с иными источниками помогает воссоздать как можно более полную историю русской эмиграции в Китае.

Следует также отметить, что в публикациях журнала в разном контексте приводится множество имен представителей русской эмиграции, в том числе в Китае. Серьезный контент-анализ материалов на наличие биографических данных, вероятно, позволит ответить на до сих пор существующие вопросы по некоторым персоналиям. В принципе, аналогичное замечание можно сделать и по отдельным аспектам русской эмигрантской истории XX в., поскольку материалы журнала «Часовой» на сегодня не получили полной проработки.

²⁰ Там же.

Список источников

- А. Г. Г. Харбин. Сибирские кадеты на Дальнем Востоке // Часовой. 15 мая 1930. № 31. С. 29.
Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М. : Пашков дом, 2008. 552 с.
В. Л. Р. С. // Часовой. Август – сентябрь 1929. № 15–16. С. 21.
Гладких А.А. Деятельность органов ОГПУ Дальнего Востока (1923–1930 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 20–29. EDN: JPIUVB.

References

- A. G. G. (1930) Harbin. Siberian cadets in the Far East. *Chasovoi = Sentry*. No. 31. P. 29. (In Russ.).
Volkov S.V. (2008) Russian military emigration. Publishing activity. Moscow: "Pashkov house". 552 p. (In Russ.).
V. L. P. S. (1929) *Chasovoi = Sentry*. August – September. No. 15–16. P. 21. (In Russ.).
Gladkikh A.A. (2007) Activity of the OGPU bodies of the Far East (1923–1930). *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 2. P. 20–29. (In Russ.). EDN: JPIUVB.

Дитерихс, генерал-лейтенант. Воззвание ко всем моим боевым соратникам по Сибири и Дальнему Востоку // Часовой. 31 марта 1930. № 28. С. 4.

Зачисления // Часовой. 15 сентября 1930. № 39. С. 22.

Зачисления // Часовой. 30 сентября 1930. № 40. С. 11.

Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 637 с.

Конно-гренадеры в Шанхае // Часовой. 30 сентября 1930. № 40. С. 27.

К событиям на Дальнем Востоке // Часовой. 1 июля 1929. № 13–14. С. 2.

Левитский В. Красная армия и Маньчжурский конфликт // Часовой. Август – сентябрь 1929. № 15–16. С. 20–21.

На Дальнем Востоке. Под стяг Обще-Воинского Союза (единение военных в Шанхае) // Часовой. 15 апреля 1930. № 29. С. 23.

Необходима преемственность борьбы. Интервью редактора журнала «Часовой» В.В. Орехова // Посев. 1979. № 6. С. 49–52.

Отдельный Русский отряд Шанхайского Волонтерского корпуса // Часовой. 1 июля 1929. № 13–14. С. 26.

Отдельный Русский отряд Шанхайского Волонтерского корпуса (Беседа с полковником Г.Г. Тиме) // Часовой. Ноябрь 1929. № 19–20. С. 24.

РОЗЫСКИВАЮТСЯ // Часовой. 1 июня 1929. № 11–12. С. 31.

РОЗЫСКИВАЮТСЯ // Часовой. Август – сентябрь 1929. № 15–16. С. 30.

Саутин Р.А., Кунзаров Е.М., Ефимова А.С. Образ сибирского офицера по материалам журнала «Часовой» // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2 (34). С. 32–35. EDN: XCDKLF.

Смирнов, полковник. Привет из Харбина // Часовой. 15 августа 1930. № 37. С. 22.

Смирнов С.В. Подъем и упадок Дальневосточного Отдела Русского Обще-Воинского Союза (1930-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 178–191. EDN: VHNNLJ.

Союз первопроходников и добровольцев юга России в Шанхае // Часовой. 15 апреля 1930. № 29. С. 23.

Харбинский Комитет помощи русским беженцам // Часовой. 15 декабря 1930. № 45. С. 21.

Шанхай. Юбилей Б.А. Суворина // Часовой. 15 августа 1930. № 37. С. 26.

Юркова Н.И. Журнал «Часовой» как отражение жизни российской эмиграции в 30-е годы XX века // История. Историки. Источники : электронный научный журнал. 2015. № 3. С. 24–42. EDN: UZLNFZ.

Dieterichs Lieutenant-General (1930) Appeal to all my military comrades in Siberia and the Far East. *Chasovoi = Sentry*. No. 28. P. 4. (In Russ.).

(1930) Enrollment *Chasovoi = Sentry*. No. 39. P. 22. (In Russ.).

(1930) Enrollment. *Chasovoi = Sentry*. No. 40. P. 11. (In Russ.).

Klaving V. (2003) The Civil War in Russia: White armies. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica. 637 p. (In Russ.).

(1930) Horse-grenadiers in Shanghai. *Chasovoi = Sentry*. No. 40. P. 27. (In Russ.).

(1929) To the events in the Far East. *Chasovoi = Sentry*. No. 13–14. P. 2. (In Russ.).

Levitskii V. (1929) The Red Army and the Manchurian conflict. *Chasovoi = Sentry*. No. 15–16. P. 20–21. (In Russ.).

(1930) In the Far East. Under the banner of the General Military Union (unity of the military in Shanghai). *Chasovoi = Sentry*. No. 29. P. 23. (In Russ.).

(1979) Continuity of struggle is necessary. Interview with the editor of the magazine “Chasovoi” V.V. Orekhov. *Posev = Sowing*. No. 6. P. 49–52. (In Russ.).

(1929) A separate Russian detachment of the Shanghai Volunteer Corps. *Chasovoi = Sentry*. No. 13–14. P. 26. (In Russ.).

(1929) A separate Russian detachment of the Shanghai Volunteer Corps (Conversation with Colonel G.G. Tim). *Chasovoi = Sentry*. No. 19–20. P. 24. (In Russ.).

(1929) WANTED. *Chasovoi = Sentry*. No. 11–12. P. 31. (In Russ.).

(1929) WANTED. *Chasovoi = Sentry*. No. 15–16. P. 30. (In Russ.).

Sautin R.A., Kunzharov E.M., Efimova A.S. (2016) Image of Siberian Officer adapted from the publications in magazine “Chasovoy”. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura = Northern region: science, education, culture*. No. 2(34). P. 32–35. (In Russ.). EDN: XCDKLF.

Smirnov, colonel (1930) Greetings from Harbin. *Chasovoi = Sentry*. No. 37. P. 22. (In Russ.).

Smirnov S.V. (2015) The rise and fall of the Far Eastern Department of the Russian All-Military Union (1930s). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki = Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2. Gumanitarian Sciences*. No. 4(145). P. 178–191. (In Russ.). EDN: VHNNLJ.

(1930) Union of Pioneers and Volunteers of the South of Russia in Shanghai. *Chasovoi = Sentry*. No. 29. P. 23. (In Russ.).

(1930) Harbin Committee for Assistance to Russian Refugees. *Chasovoi = Sentry*. No. 45. P. 21. (In Russ.).

(1930) Shanghai. Anniversary of Suvorin. *Chasovoi = Sentry*. No. 37. P. 26. (In Russ.).

Yurkova N.I. (2015) Magazine “Chasovoi” as a reflection of life Russian emigration in the 30 years of the twentieth century. *Istoriya. Istoriki. Istochniki: elektronnyy nauchnij zhurnal = History. Historians. Sources: electronic scientific journal*. No. 3. P. 24–42. (In Russ.). EDN: UZLNFZ.

Информация об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович,
кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета,
Забайкальский государственный университет,
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Россия,
e-mail: DRZZ@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

Вклад автора

Дроботушенко Е.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30 июля 2023 г.; одобрена после рецензирования 5 ноября 2023 г.; принята к публикации 20 ноября 2023 г.

Information about the author

Evgeny V. Drobotushenko,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology,
Transbaikal State University,
30, Alexandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russia,
e-mail: DRZZ@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

Contribution of the author

Drobotushenko E.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 30, 2023; approved after reviewing November 5, 2023; accepted for publication November 20, 2023.

История

Научная статья
УДК 069:141.45(571.53)(092)
EDN: SOXOZD
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-192-208

Антирелигиозный отдел Иркутского музея

М.А. Байбородина^{1,2}, О.М. Мареева¹

¹ Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В первой половине XX в. после революции в культурной и научной сфере Иркутска произошли значительные изменения, которые сказались и на музейной жизни. В статье рассматриваются основные этапы истории антирелигиозного отдела, который существовал в 30-е – начале 40-х гг. XX в. на базе Иркутского музея, а также освещаются биографии сотрудников. Целью создания отдела была атеистическая пропаганда. Одним из подходов, который использовали сотрудники, стал показ ложности религиозного учения через исследование первобытных культур. В русле этого направления организовывались антирелигиозные археологические экспедиции для пополнения музейного собрания экспонатами. В тот период в фонды музея также поступали иконы и культовые предметы, которые изымались из закрывающихся церквей в рамках кампании по борьбе с религией. Первоначально подразделение было открыто в бывшем особняке купца Файнберга. После изъятия у общины верующих здания Крестовоздвиженской церкви антирелигиозный музей стал работать там. На этапе подготовки и в первые годы работы заведующим отдела был А.П. Окладников – в будущем известный советский археолог. После его отъезда из Иркутска заведование отделом осуществлял К.П. Корнеев, а с 1936 г. – его брат Г.П. Корнеев. В работе антирелигиозного музея в тот период принимали участие археолог В.И. Подгорбунский, палеонтолог и археолог И.В. Арембовский, этнограф Г.В. Ксенофонтов. В конце 1930-х гг. деятельность отдела была свёрнута и возобновлена в 1940 г. Тогда заведующим стал А.М. Штейнберг. С началом Великой Отечественной войны, когда в стране прекращаются активные гонения на церковь и верующих, антирелигиозный отдел был закрыт.

Ключевые слова: Иркутский музей, XX в., антирелигиозный отдел, пропаганда, атеизм, Крестовоздвиженская церковь, особняк купца Файнберга, археологические экспедиции, Ленские антирелигиозные экспедиции, краеведение, персоналии, А.П. Окладников

Для цитирования: Байбородина М.А., Мареева О.М. Антирелигиозный отдел Иркутского музея // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 192–208. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-192-208>. EDN: SOXOZD.

History

Original article

Anti-religious Department of the Irkutsk Museum

Maria A. Baiborodina^{1,2}, Olga M. Mareeva¹

¹ N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. After the Revolution in the first half of XX century there were fundamental changes in cultural and scientific life of Irkutsk. The article covers the main stages of museum's Antireligious Department which existed in 1930s and early 1940s as part of Irkutsk Museum. The goal of its creation was atheist propaganda. One approach employed by staff was to expose the fallacy of religious teaching through research into primitive cultures. In line with it anti-religious archaeological expeditions were organized to study region's antiquities and to replenish the museum collection, including the new department's exhibition. At that time, the museum's collections also included icons and religious objects that were taken from closing churches as part of the campaign against religion. The unit was originally established in the former mansion of the merchant Feinberg. After the confiscation of the building of the Church of the Holy Cross from the community of believers, the Anti-religious Museum began working there. At the stage of preparation and in the first years of his work, the head of the Department was A.P. Okladnikov - in the future famous Sovi-

et archaeologist. After his departure from Irkutsk, the head of the Department was K.P. Korneev, and since 1936 - his brother G.P. Korneev. The work of the Anti-religious Museum in that period was attended by the archaeologist V.I. Podgorbunsky, paleontologist and archaeologist I.V. Arembovsky, ethnographer G.V. Xenophontov. In the late 1930s, the activity of the Department was curtailed and resumed in 1940. Then the head became A.M. Steinberg. With the beginning of the Great Patriotic War, when the active persecution of the church and believers ceased in the country, the Anti-religious Department was closed.

Keywords: Irkutsk Museum, 20th century, Anti-religious Department, propaganda, atheism, Holy Cross Church, mansion of the merchant Feinberg, archaeological research, Lena anti-religious expeditions, regional studies, personalities, A.P. Okladnikov

For citation: Baiborodina M.A., Mareeva O.M. (2023) Anti-religious Department of the Irkutsk Museum. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 192-208. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-192-208>. EDN: SOXOZD.

Введение

За время своего существования Иркутский краеведческий музей неоднократно менял название, также менялась и его структура. В довоенные советские десятилетия, как и во многих городах страны, в Иркутске в составе музея работал антирелигиозный отдел, созданный для пропаганды атеистических идей в обществе (Котовщикова, 2019. С. 267; Цыремпилова, 2010. С. 147). Отдел просуществовал сравнительно недолго, он почти не нашёл отражения в публикациях того времени, хотя периодически описывался в СМИ. Память о нём практически растворилась среди более важных и актуальных сюжетов истории Иркутского музея. В поздних работах антирелигиозный отдел фигурирует редко, что вполне объяснимо – тема быстро стала непопулярной. Данное исследование – попытка по возможности заполнить «белые пятна» в освещении этого эпизода.

В источниках разных лет данное подразделение фигурирует под названиями «антирелигиозный отдел», «антирелигиозный музей», изредка встречаются словосочетания «музей атеизма», «безбожный музей». В тексте данной работы выражения «антирелигиозный музей» и «антирелигиозный отдел» используются как равнозначные.

Антирелигиозные экспедиции 1929–1930 гг.

В полевые сезоны 1929 и 1930 гг. были организованы Ленские антирелигиозные экспедиции. Они носили комплексный характер с преобладанием археологических исследований (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 245. Л. 20). В реализации этих планов приняли участие такие организации Иркутска, как Союз воинствующих безбожников (СВБ), Восточно-Сибирское географическое общество (ВСГО), университет и музей. Руководителем экспедиции

1930 г. указывается А.П. Окладников, с отдельным отрядом среди тунгусских тунгусов работал Б.Э. Петри.

Помимо археологических и этнографических исследований и сборов, планировалась также широкая антирелигиозная работа с местным населением: лекции, экскурсии, привлечение к работе на раскопках (ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 245. Л. 21). Также среди целей экспедиций фигурирует изъятие и вывоз предметов из закрывающихся церквей (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/13. Л. 25). Предполагалось, что собранный «Материал будет сдан в научный музей. Этим будет положено начало организации антирелигиозного отдела в Иркутском научном музее.

Маршруты экспедиции: Иркутск, село Манзурка, улус Балтай, село Бирюльское, Тунгусское стойбище, Чангер (возможно, Чанчур – авт.), село Качуг и Жигалово, село Знаменское и Тутурно (Власть труда. 1929. № 154. С. 4).

Осенью 1930 г. в одной из газет сообщалось: «Она [экспедиция] за полтора месяца своей работы внесла много ценного в науку, обнаружив на своем пути несколько десятков стоянок первобытных людей (давность – 4–6 тысяч лет тому назад), и около десяти могильников того же времени...

Попутно с этим на скалах рек Лены около деревни Шишкино и Куртухай были найдены писаницы (рисунки) людей доисторической эпохи.

Кроме того, экспедицией был собран целый ряд культовых материалов (хэгэнэки, онгоны) шаманской религии...» (Восточно-Сибирский комсомолец. 1930. № 14. С. 2).

Участники антирелигиозных экспедиций, вероятно, были атеистами и действительно проводили агитационную работу среди населения, но по прошествии лет можно уверенно говорить, что главным итогом этих поездок стали археологические и этнографические исследования. А.А. Сирина

так описала контекст этих поездок: «А.П. Окладников активно подстраивался под антирелигиозную тематику, осваивая выделенные средства на по сути археологические экспедиции на верхнюю Лену» (Сирина, 2013. С. 31).

Антирелигиозный отдел в Доме Файнберга

В первой трети прошлого века несколько отделов Иркутского музея располагались в бывшем доме купца Файнберга по улице Халтурина (Кабунова, 2017). В здании помещались: картинная галерея, музей народного хозяйства, антирелигиозный отдел (рис. 1). Кроме того, некоторое время в здании работал учебный мясокомбинат. В 1929–1930 гг. Иркутским музеем к антипасхальной кампании, совместно с окружным советом СВБ, была устроена антирелигиозная выставка. На ней были представлены экспонаты из фондов этнографического отдела и картинной галереи. Позже выставка сменилась антирелигиозным подотделом при картинной галерее, а в начале 30-х гг. оформился самостоятельный отдел на основе новых поступлений разнообразного этнографического, археологического и культового материала (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 204. Л. 1).

24 декабря 1930 г. в редакцию газеты Восточно-Сибирская правда было отправлено объявление о том, что «28 декабря... в здании Музея, угол Халтурина и Гусарова... состоится общественный просмотр вновь открывающегося антирелигиозного отдела...» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 56. Л. 219). Интересно то, что в газете эта информация так и не появилась, поэтому нельзя быть уверенными, что это открытие состоялось. Можно предположить, что антирелигиозный отдел был открыт «вчерне»

Рис. 1. Дом И.М. Файнберга
Fig. 1. I.M. Feinberg House

на основе существующей выставки в конце 1930 г. или начале 1931 г., а доработка экспозиции продолжалась (рис. 2; рис. 3).

В этот период в антирелигиозном отделе работал известный в будущем советский археолог А.П. Окладников (рис. 4), в частности, он был автором тематического плана экспозиции, который сейчас хранится в фондах ИОКМ (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/123. Л. 1–7).

Как следует из годового отчета о работе Иркутского музея за 1933 г., антирелигиозный отдел был окончательно завершён в следующих экспозиционных темах: «I. Религия и Марксизм. II. Происхождение и развитие животного и растительного мира на земле /основы эволюционной теории/» (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/16. Л. 8).

Конкретные причины завершения работы антирелигиозного музея в доме Файнберга нами в источниках не найдены, но можно предполагать, что основных было две. Первая – получение нового помещения, к тому же хорошо подходящего тематически – Крестовоздвиженской церкви. Вторая – теснота в здании на ул. Халтурина. «В результате головотяпского уплотнения музея в 1932/33 году, вселением учебного мясокомбината... музей был почти разгромлен...» (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/16. Л. 11).

Изъятие Крестовоздвиженской церкви

В СССР после революции культовое имущество и церковные здания были национализированы. «Начиная с 1929 г. основной формой организации верующих являлось религиозное общество или группа, в пользовании которой находится только одно молитвенное здание.<...> Чаще всего именно вопрос содержания помещения являлся камнем преткновения между верующими и органами власти и выступал основной причиной закрытия церкви или молельного дома» (Яковлева, 2016. С. 100).

Подобные процессы происходили и в Иркутске (Коренева, 2011. С. 89). В конце 1930 г. было подано заявление о регистрации «Православного религиозного общества верующих при градо-Иркутском Крестовоздвиженском храме». Община насчитывала 80 человек (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 269. Л. 3–4).

С 1931 г. началась конфронтация между городскими властями и общиной. Проводились обследования храма на предмет сохранности, по по-

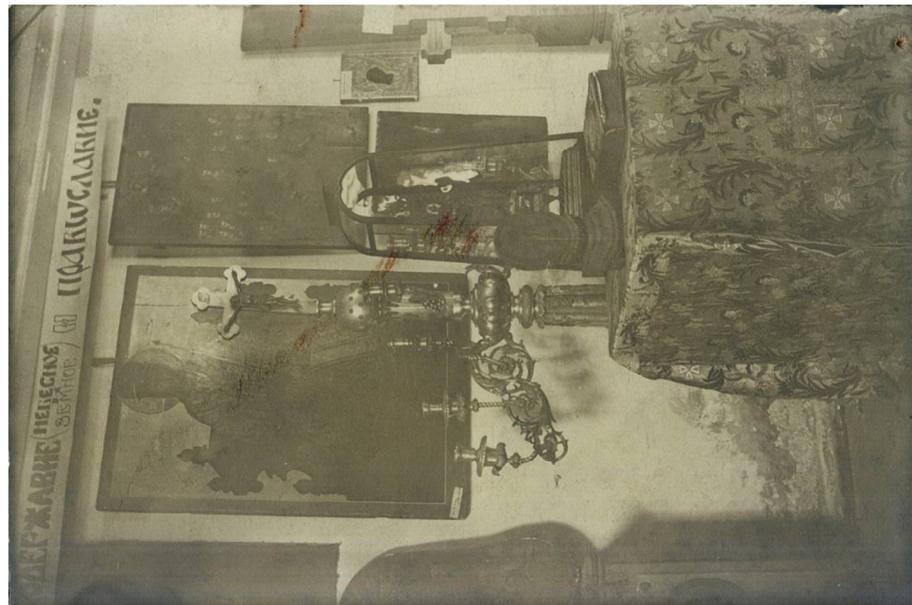

Рис. 2, 3. Фрагменты экспозиции антирелигиозного отдела. Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского
Fig. 2, 3. Fragments of the exposition of the Anti-religious Department. N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History

Рис. 4. Участники первых краевых курсов антирелигиозников в г. Иркутске, 1–25 декабря 1930 г. Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского. Во 2-м ряду 3-й справа – А.П. Окладников
Fig. 4. Participants of the 1st regional anti-religious courses in Irkutsk, December 1-25, 1930. In the N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History. 2nd row of the 3rd right - A.P. Okladnikov

воду одного такого случая община даже писала жалобу в Москву, в Президиум ВЦИК (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 288 (686). Л. 67–67 об.). Городские власти настаивали на необходимости изъятия Крестовоздвиженской церкви (рис. 5.) из пользования общины и переоборудования ее под культурные нужды, так как, по их мнению, община ненадлежащим образом следила за сохранностью церкви, как культурно-исторического памятника высшей категории (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 279. Л. 35). Несмотря на все старания общины отстоять церковь, она была закрыта в 1933 г. (рис. 6.)

Впрочем, существует трактовка этих событий в положительном ключе: О.А. Акулич пишет, что изъятие храма и переоборудование его под светские нужды было необходимо для спасения ценного исторического здания от полного сноса (Акулич, 2002. С. 35).

Началом ликвидации Крестовоздвиженской церкви в её культовом значении стало изъятие колоколов весом 7 855 кг (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5.

Д. 288 (686). Л. 76). 15 августа 1933 г. комиссия по ликвидации церкви (в состав которой вошли представители городских властей и милиции, сотрудники Иркутского музея А.П. Окладников и В.Д. Запорожская) в присутствии представителя общины верующих произвела прием культового имущества – 349 предметов и последующую его передачу в Городской финансовый отдел (Горфо) (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 269. Л. 79). Известно, что в 1930-е гг. представители общины составляли заявки, по которым получали необходимые для богослужения атрибуты, однако данными о дальнейшей судьбе этих предметов мы не располагаем (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 288 (686). Л. 58).

Антирелигиозный музей в Крестовоздвиженской церкви в 1934–1938 гг.

После изъятия Крестовоздвиженской церкви в ней в разное время помещались музейные отделы и стоматологический институт. В 1933 г. началась подготовка экспозиции антирелигиозного музея

*Рис. 5. Крестовоздвиженская церковь, 1940-50-е гг. (?). Иркутский областной краеведческий музей
им. Н.Н. Муравьева-Амурского
Fig. 5. Holy Cross Church, 1940s-50s (?). N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History*

*Рис. 6. Внутреннее убранство Крестовоздвиженской церкви, предположительно, перед ее закрытием
Государственный архив Иркутской области
Fig. 6. The interior of the Holy Cross Church, presumably, before its closure. The State Archives of Irkutsk Region*

(Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/16. Л. 8). В документах встречается упоминание А.П. Окладникова в должности заведующего (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/18. Л. 15 об.) Правда, в 1934 г. он уехал в Ленинград и поступил в аспирантуру, поэтому неизвестно, участвовал ли он в строительстве экспозиции (Копоцкий, 2001. С. 113). Однако в августе 1934 г. вышла газетная заметка его авторства о здании Крестовоздвижеской церкви: «Прекрасный художественно-исторический памятник используется Советской властью достойным образом: скоро здесь откроется историко-антирелигиозный музей» (Восточно-Сибирская правда. 1934. № 192. С. 4). Отдел был открыт в 1934 г., хотя, вероятно, с недоработками.

Информация об его работе в 1933–1938 гг. представлена в двух категориях источников: официальные документы и материалы прессы. И каждая из них имеет определённые общие черты и особенности.

Документы по работе музея (отчёты, докладные записки, справки, официальная переписка и т. д.) практически не дают представления о том, как и в каком виде работал антирелигиозный отдел. Авторы официальных бумаг того времени часто обходят этот вопрос, хотя здание «бывшей Крестовской церкви» фигурирует в списках помещений музея. С каждым годом в документах антирелигиозный отдел встречается всё реже, хотя в них можно найти интересную сопутствующую информация. Некоторые примеры:

«Здание бывшей Крестовской церкви включает в себя следующие экспозиции: история земли, происхождение и развитие жизни на земле, происхождение человека, дородовое общество, родовой период и его разложение, феодализм. Намеченный ранее план экспозиции выполнен ещё в 1934 году и примерно на 50 % и с тех пор никаких работ по пополнению и улучшению экспозиции не проводилось... В настоящее время в здании идёт побелка, помещение наполовину закрыто» (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/24. Л. 4–5).

«...в штате музея нет специального лица, обслуживающего дело религиозной пропаганды, и беседы на антирелигиозные темы ведут заведующий астрономической обсерваторией и старший археолог от случая к случаю» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 108. Л. 28).

В этой связи взгляд с другой стороны – с позиции журналистов, представляется более точным. Авторы статей и заметок, вторя друг другу, рассказывают о том, что в помещении храма размещена только экспозиция археологии, а культовые экспонаты, которые хранятся в здании, по разным причинам не выставляются. Некоторые цитаты:

«Пока в организованном антирелигиозном музее открыт для посетителей только один отдел. Старое здание требует серьёзных реставрационных работ... Пока экспонаты – предметы религиозного культа... грудами лежат в конторе музея» (Восточно-Сибирская правда. 1934. № 289. С. 4).

В одной из статей за авторством И. Аргунского мы снова встречаем подробный рассказ об интересной экспозиции археологии, и далее: «... совершенно бездействует отдел религии. «Служебная» половина церкви с иконостасами и престолом стоит холодной и заброшенной. Часть экспонатов «хранится» в сыром подвале. В беспорядочные кучи свалены несомненно ценные статуи, иконы, предметы церковного культа. Экспонаты туземных религий находятся в другом здании... По заявлению единственного работника отдела религии Корнеева, отдел возобновит свою работу весной, пользуясь только известной долей экспонатов...» (Восточно-Сибирская правда. 1936. № 8. С. 4).

Можно предполагать, что на всём протяжении работы антирелигиозного музея в храме, там выставлялись в основном экспонаты из археологических коллекций. Видимо, предметы культа так и не дождалась размещения в экспозиции.

Существует версия, что из-за основания антирелигиозного отдела в Крестовоздвиженской церкви не были разорены ценные иконостасы и богослужебные атрибуты, как это было в других храмах. Они стали экспонатами отдела и после его закрытия были возвращены верующим (Акулич, 1999. С. 10). Однако о степени сохранности культового имущества и количестве возвращённых предметов сложно говорить наверняка, так как ряд музейных документов был утрачен. И.В. Коренева пишет: «...книги поступлений конца XIX века частично были погашены, другие, видимо, были изъяты в 30-е годы, документация второй половины 30–40-х гг. не сохранилась...» (Коренева, 2003. С. 67).

Постепенно «антирелигиозный отдел» во всех источниках полностью начинает заменяться «ар-

хеологическим» и фигурирует как место работы археологов. Так, в 1937 г. директор музея А.Т. Хамуева в очень подробной и эмоциональной докладной записке о состоянии дел ни разу не упоминает антираелигиозный музей. Кроме того, она негодует по поводу отсутствия кадров. Отметив вначале, что действовавшие в музее враги народа были репрессированы, А.Т. Хамуева указывает, что найти новых компетентных сотрудников не по совместительству на музейную зарплату не получается (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 98 б. Л. 1, 4).

О дате закрытия музея в 30-е гг. сложно говорить наверняка. Известно, что весной – летом 1937 г., вероятно, тот самый «единственный работник отдела Корнеев», (упомянутый в газетной статье в 1936 г., а в 1937 г. директором Хамуевой названный «колчаковским юнкером»), передаёт своим коллегам экспонаты: «зав. исторического отдела П.Г. Полтораднев и сотрудница того же отдела С.Ф. Макаревич приняли по акту у Корнеева Г.П. культовое имущество», причём «по инвентарной книге бывшего Антираелигиозного Отдела Музея...» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 99 а. Л. 1).

Отдельным сюжетом стала попытка СВБ и музея снова создать антираелигиозный отдел в новом помещении. В январе 1938 г. А.Т. Хамуева в официальной записке сообщает, что СВБ «до настоящего времени был лишён главного своего орудия антираелигиозной пропаганды – музея». Инициаторы просят передать Польский костёл и всю его обстановку, как «единственное пригодное здание для подобных целей» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 113. Л. 159 об.). Очевидно, идея не получила продолжения.

Что же касается храма, то из источников следует, что в 1938 г. здание было закрыто из-за плохого состояния и необходимости в ремонте (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 113. Л. 226). В документе 1939 г. уточняется: «В отеплённой половине до июля 1938 года был археологический раздел, свёрнутый из-за ремонта, который окончился лишь в марте 1939 г.» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 115. Л. 76). Таким образом, можно рассматривать 1938 г. как время полного закрытия выставочных пространств в здании храма. Кроме того, документ подтверждает, что там экспонировались только материалы археологии.

Выяснение точной информации об этом периоде осложняется тем, что в 30-е гг. часто менялись директора музея (Пушкина, 2006. С. 70). Складыва-

ется впечатление, что в своих отчётах и докладах одни руководители представляли музейные дела с известной долей оптимизма, приписок и не акцентировали внимание на проблемах и недоработках. Другие же, напротив, резко критиковали предшественников, сгущая краски и подчёркивая недопустимые промахи в работе музея.

1939–1941 гг.

После закрытия здания храма на ремонт и сворачивание выставок предпринималась ещё одна попытка организовать антираелигиозный музей. Площадкой для него вновь было выбрано помещение Крестовоздвиженской церкви. Но, вероятно, экспозиция так и не была открыта.

В сентябре 1939 г. директор П.С. Кассин со ссылкой на постановление Обкома ВКП(б) пишет записку председателю Горсовета о необходимости срочно начать работу над восстановлением антираелигиозного музея. Для этого требуется перевести из здания храма Стоматологический институт, «чтобы с 15 октября дирекция могла приступить к восстановлению экспозиции» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 114. Л. 14).

С августа 1940 г. и до августа 1941 г. почти ровно год заведующим антираелигиозным отделом работал А.М. Штейнберг. Скорее всего эти хронорамки являются и отрезком, когда существовал антираелигиозный отдел в своей очередной вариации. Из отчётов следует, что до конца 1940 г. сотрудники занимались подготовкой к созданию экспозиции, изучали теоретический материал, читали литературу (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 191. Л. 34, 35 об.).

В то время в храме размещался стоматологический институт, а также фондохранилище. «И только в декабре 1940 года мы смогли получить площадь для работы в самой церкви», – пишет А.М. Штейнберг. Кроме того, он упоминает, что здание требует ремонта, и если «ремонт начать незамедлительно, мы смогли бы к 24-годовщине Социалистической революции открыть для посетителей 2 зала тёплой церкви и часть биологического зала» (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/30. Л. 2 об.). То есть к ноябрю 1941 г.

Но летом 1941 г. началась Великая Отечественная война, которая изменила жизнь всей страны. Это коснулось и политики, и культуры, и идеологии. В августе 1941 г. А.М. Штейнберг передал ряд доку-

ментов и. о. директора музея В.А. Германсону, а антирелигиозный отдел был законсервирован (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/30. Л. 4).

С началом войны отношение государственной власти к религии и церковным организациям постепенно изменяется (Зеленова, 2015. С. 60). На первую Пасху военного времени в 1942 г. в Москве, Ленинграде и ряде других городов было разрешено провести Крестный ход, в качестве исключения был даже отменён комендантский час. В 1943 г. И.В. Сталин встретился с иерархами Русской православной церкви, с которыми обсуждал вопрос об избрании Патриарха, в том же году был создан Совет по делам РПЦ. В 1943 г. в СССР становится тенденцией возвращение церковных сооружений верующим. Так было и в Иркутске (Смолина, 2009. С. 212).

31 мая 1943 г. Исполком Иркутского городского Совета депутатов трудящихся выпустил решение № 296, по которому музею было поручено передать верующим имущество Крестовской церкви, а само здание храма «немедленно освободить», переместив всё некультовое имущество в другие помещения (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 125 б. Л. 39). В июле были составлены первые документы о передаче. Так закончилась история антирелигиозного отдела Иркутского музея.

Сотрудники антирелигиозного отдела

Работа по воспитанию атеизма была совершенно новой по сравнению с традиционной музейной деятельностью. Сразу став крупным пластом идеологии, данное направление практически не успело обзавестись методической базой, исследованиями и публикациями, и поэтому выставки и научно-популярные программы порой строились на основе знаний и усилий отдельных людей. Среди сотрудников, участвовавших в работе антирелигиозного отдела, были как известные деятели, так и люди, мало где упомянутые.

1929–1934 гг.

Окладников Алексей Павлович (1908–1981) – известный исследователь-археолог, в юности – активный участник антирелигиозной работы (рис. 7).

В биографиях А.П. Окладникова, составленных учениками и последователями, в том числе людьми, знавшими его лично, встречаются расхожде-

ния. Особенно это заметно при взгляде на события иркутского периода и более ранних лет (Первопроходцы, 1983. С. 295–351; Деревянко, Медведев, Молодин, 2008; Конопацкий, 2001), хотя основные вехи известны.

А.П. Окладников родился на севере Иркутской области, учился в школе с. Анга. В Иркутск переехал, вероятно, в 1925 г. Приехал «чтобы учиться в педтехникуме. «Путёвкой» ему было направление укома» (Конопацкий, 2001. С. 73). Талант и энергия А.П. Окладникова позволяли ему заниматься исследовательской и музейной деятельностью, а также принимать активное участие в работе Союза воинствующих безбожников.

В 1929–1930 гг. А.П. Окладников был одним из инициаторов и в 1930 г. – руководителем антирелигиозных экспедиций на Лену. Итогами полевых исследований стали этнографические сборы, обнаружение памятника наскальной живописи – Шишкинских писаниц, археологические раскопки (Восточно-Сибирский комсомолец. 1930. № 14. С. 2).

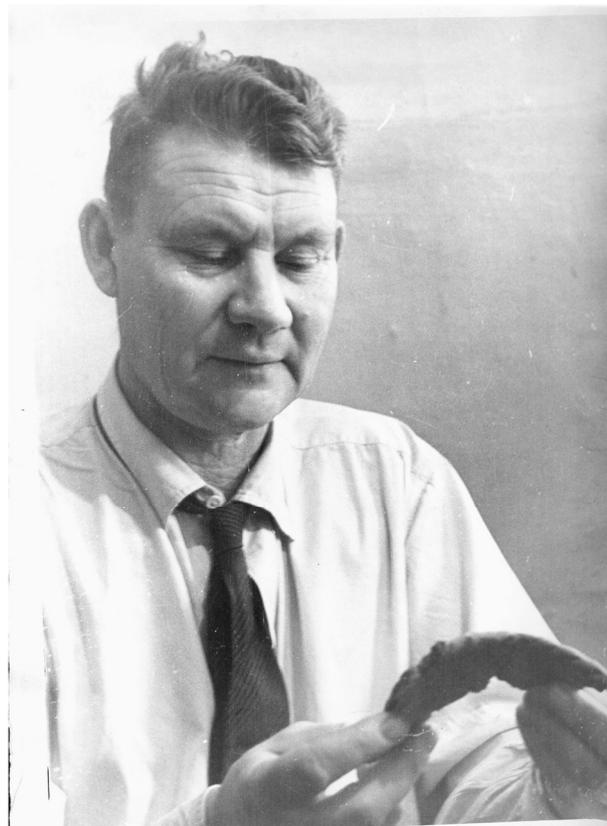

Рис. 7. А.П. Окладников, 1960-е гг. Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского
Fig. 7. A.P. Okladnikov, the 1960s. N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History

Вероятно, А.П. Окладников был активным участником, если не главным действующим лицом в организации выставок, лекций и создании антирелигиозного отдела, который недолгое время работал в бывшем доме купца Файнберга на ул. Халтурина. 1931 г. датирован документ «Тематический план экспозиции антирелигиозного отдела Иркутского музея» его авторства (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/123. Л. 1–7). Также есть сведения, что в этом же здании ему от музея предоставлялось жильё (Конопацкий, 2001. С. 74).

В 1932 г. городские власти в ходе антирелигиозной кампании принимали меры по изъятию Крестовоздвиженской церкви из пользования православной общины и прекращению там богослужений. А.П. Окладников в 1932 г. входил в состав комиссии, которая обследовала Крестовоздвиженскую церковь. В результате отчёта комиссии здание храма было изъято у общины верующих (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 279). В августе 1933 г. он вместе с супругой В.Д. Запорожской был в составе другой комиссии – по ликвидации Крестовоздвиженской церкви, участвовал в подписании документов о передаче имущества храма горфо (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 288 (686)), принимал экспонаты для антирелигиозного отдела музея (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 206).

В местном краеведении широко известны истории о том, что А.П. Окладников был одним из энергичных защитников культового зодчества Иркутска. В тот период в городе действовало отделение СВБ, работа которого включала не только агитацию и просветительство, но и активное участие в закрытии церквей, изъятии церковного имущества, радикальной дискредитации религии. Несмотря на то, что А.П. Окладников был членом этого Союза, иркутские историки отводят ему главную роль в деле сохранения ряда православных сооружений: Знаменской и Спасской церкви, Собора Богоявления. Например, документы по этой теме приводят О.А. Акулич (Акулич, 2002. С. 43–45). Из этих источников также свидетельствует, что А.П. Окладников в этот период исполнял обязанности директора Иркутского музея.

В документах начала 30-х гг. А.П. Окладникова подписывают заведующим антирелигиозным отделом. О том, что он был на этой должности упоминает, в частности, А.С. Ковалёва – исследовательница, сотрудница Иркутского музея, которая

непосредственно занималась комплектованием фонда А.П. Окладникова (Ковалева, 1997. С. 50). В 1933–1934 гг. начинается подготовка антирелигиозного музея в Крестовоздвиженской церкви, но доподлинно неизвестно, участвовал ли в работе А.П. Окладников, так как в 1934 г. он уехал в Ленинград. В плане работы антирелигиозного отдела на 1934 г. среди прочего есть запись «Тематика научно-исследовательской работы будет указана с возвращением заведующего отделом тов. Окладникова» (Фонд ИОКМ. ИОКМ-9904/18. Л. 15 об.).

1934–1938 гг.

1930-е гг. известны в отечественной истории трагическими событиями, связанными с репрессиями. В 1927 г. ЦИК СССР утвердил «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)», на основании которого в Уголовный кодекс РСФСР была включена статья 58, содержащая 14 пунктов с описанием составов контрреволюционных преступлений. Многие сотрудники музея в целом, и антирелигиозного отдела – в частности, в этот период были осуждены по данной статье, к большинству из них была применена высшая мера наказания.

В 1937 г. директор музея А.Т. Хамуева объясняет разруху, царящую в музее на момент её назначения тем, что «В Иркутском... музее в течение ряда лет орудовали враги народа: Казакова – директор музея троцкист, Логинов – директор музея – троцкист, Сосновский – научный работник – белогвардейский офицер, Ксенофонов – бывш. кулак, Корнеев – научный работник – колчаковский юнкер,... Кубинцев – юнкер... и много других. Все они потом были репрессированы. Только в период с 17.10. по 20.12.1937 г. было репрессировано 8 человек: Полтораднев – зав. историческим отделом, Кубинцев – зав. отделом природы, Серебренников – геолог, Рогозов – препаратор <...>. Научные работники Подгорбунский – археолог, Арембовский – историк, Окунцов – научный работник отдела соцстроительства ждали своей очереди в НКВД» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 98 б. Л. 1, 3).

Корнеев Константин Петрович (1909–1938) – сотрудник музея, о котором очень мало сведений. В источниках сохранилась информация, что в середине 1930-х он был заведующим историко-

антирелигиозным отделом. Дата начала его работы в этой должности неизвестна, дата окончания – 1935 г. 16 сентября 1935 г. он был переведен на должность научного работника (консультанта), согласно его просьбе (Фонд ИОКМ. ВХ-1497. Л. 7 об.). 15 декабря 1935 г. – уволился по собственному желанию, вероятно, из-за учебы в ИГУ (Фонд ИОКМ. ВХ-1497. Л. 14). В антирелигиозном (археологическом) отделе работал также его старший брат.

Как и многие другие, К.П. Корнеев был репрессирован. На момент своего ареста 9 января 1938 г. он числился аспирантом ИГУ. 27 февраля 1938 г. приговорен тройкой при УНКВД Иркутской обл. к высшей мере наказания по ряду пунктов ст. 58 УК РСФСР¹.

Вероятно, К.П. Корнеев был первым заведующим историко-антирелигиозного отдела в Крестовоздвиженской церкви со времени открытия в ней экспозиции.

Корнеев Георгий Петрович (1903–1938) – старший брат К.П. Корнеева, сотрудник музея (рис. 8). В «личном листке по учёту кадров» упоминается, что его отец был служащим (бухгалтером) и почётным гражданином (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 106 а. Л. 22). В 1912–1920 гг. Г.П. Корнеев учился в 1-м Иркутском реальном училище, потом работал в различных учреждениях, в том числе – в 1930–1933 гг. – инспектором по передвижению в Переселенческом пункте (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 106 а. Л. 22 об.). У Г.П. Корнеева не было высшего образования, как и у многих людей того времени. Кроме того, у него не было аттестата об окончании училища, так как он не получил его своевременно, а позже училище расформировали.

В марте 1935 г. Г.П. Корнеев устроился в музей (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 106 а. Л. 21). С этого времени за неполный год, работая в историко-антирелигиозном отделе, он сменил несколько должностей: научного работника, научно-технического работника, вновь научного, потом – исполняющего обязанности зав. отделом (Фонд ИОКМ. ВХ-1497. Л. 7 об.). И, наконец, 1 января 1936 г. он был назначен заведующим отделом (Фонд ИОКМ. ВХ-1497. Л. 18). Это повышение было,

Рис. 8. Г.П. Корнеев, 1937 г. Государственный архив Иркутской области

Fig. 8. G.P. Korneev, 1937. The State Archives of Irkutsk Region

вероятно, связано с уходом с этой должности его брата. Именно в период заведования антирелигиозным музеем Г.П. Корнеева была написана заметка И. Аргунского в Восточно-Сибирской правде (часто нами цитируемая). Она ярко и живо обрисовывает ситуацию: «До 10 тысяч интереснейших экспонатов этого отдела почти несистематизированы и многие ждут своего исследователя, без чего невозможно показать пути развития религии. Есть церковная живопись XVII и XVIII столетий, но её стиль и даты написания неизвестны. Есть предметы, рассказывающие о деятельности колонизаторов в рясах... Ризница «святителя Иннокентия Кульчицкого».

По заявлению единственного работника отдела религии Корнеева, отдел возобновит свою работу весной... Антирелигиозному музею нужна широкая помощь. Он должен быть создан» (Восточно-Сибирская правда. 1936. № 8. С.4).

16 августа 1937 г. Г.П. Корнеев был арестован НКВД, 4 февраля 1938 г. – приговорен к высшей мере наказания по ряду пунктов ст. 58². Судя по записке А.Т. Хамуевой, она считала его бывшим «колчаковским юнкером». 10 февраля 1938 г. – расстрелян.

¹ База данных «Открытый список». URL: [https://ru.openlist.wiki/Корнеев_Константин_Петрович_\(1909\)](https://ru.openlist.wiki/Корнеев_Константин_Петрович_(1909)) (дата обращения: 12.03.2023).

² База данных «Открытый список». URL: [https://ru.openlist.wiki/Корнеев_Георгий_Петрович_\(1903\)](https://ru.openlist.wiki/Корнеев_Георгий_Петрович_(1903)) (дата обращения: 12.03.2023).

Подгорбунский Василий Иннокентьевич (1894–1961) – археолог, этнограф, географ (рис. 9). В 1912 г. В.И. Подгорбунский окончил Иркутскую гимназию и поступил в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета, специализируясь по географо-этнологическому циклу. Занимался углубленным изучением этнографии сибирских народов, прежде всего, тюрков и монголов. С 1913 г. он начал экспедиционные исследования в Восточной Сибири.

На протяжении практически всей своей активной исследовательской деятельности В.И. Подгорбунский был связан с университетами: учился в Москве и Казани, а в 1921–1951 гг. – с перерывами преподавал в ИГУ (История и историки, 2008).

22 октября 1935 г. он был принят научным сотрудником в антирелигиозный отдел. В уже упомя-

Рис. 9. В.И. Подгорбунский, 1910 г. Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского
Fig. 9. V.I. Podgorbunsky, 1910. N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History

нутой газетной заметке 1936 г. сказано, что «Археолог Подгорбунский сидит также один на один с огромной кучей перепутанного прежними работниками материала. Он терпеливо роется в нём, читая одновременно лекции в вузах...

– Если вы курите, – улыбается археолог, – то несите папиросные коробки сюда для размещения коллекций...» (Восточно-Сибирская правда. 1936. № 8. С. 4). Из текста заметки ясно, что В.И. Подгорбунский работал в здании Крестовоздвиженской церкви одновременно с Г.П. Корнеевым.

Несмотря на сложные и трагические события 30-х гг., которые коснулись и его, репрессирован В.И. Подгорбунский был позже. В 1951 г. он был осужден Иркутским облсудом на 10 лет заключения в ИТЛ по 58 ст. В 1955 г. досрочно освобождается, выйдя из места заключения тяжело больным (Помляков, 2019. С. 22).

В.И. Подгорбунский умер в 1961 г.

Ксенофонтов Гавриил Васильевич (1888–1938) – историк, этнограф, общественный деятель (рис. 10). Родился в богатой якутской семье. В 1912 г. окончил юридический факультет Томского государственного университета, после чего вернулся в Якутию и устроился на работу адвокатом. Активно участвовал в общественно-политической и культурной жизни региона.

В 1920–1922 гг. преподавал на факультете общественных наук Иркутского государственного университета. Принимал деятельное участие в работе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1921–1926 гг. совершал экс-

Рис. 10. Г.В. Ксенофонтов с сыном Леонидом, 1932 г.
Fig. 10. G.V. Ksenofontov with his son Leonid, 1932

педиции по Восточной Сибири, во время которых собирал материал по верованиям, фольклору, быту местных народов. В 1935–1936 гг. занимал должность научного сотрудника историко-антирелигиозного отдела Иркутского музея. В 1937 г. Г.В. Ксенофонтов с семьей поселился в г. Дмитрове Московской области. 22 апреля 1938 г. был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветским организациям и работе на японскую разведку. 28 августа приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. (Романова, 2003).

Арембовский Иосиф Вячеславович (1907–1954) – палеонтолог, археолог (рис. 11). Родился в г. Иркутске. В 1917 г. начал обучение в реальном училище, позже перевелся в школу № 10 2-й степени. После окончания обучения в 1924 г. устроился лаборантом в Иркутский музей, где проработал два года. В 1926 г. поступил в Иркутский государственный университет на педагогический факультет, но в 1928 г., по окончании 2-го курса из-за тяжелого материального положения оставил университет.

С 1930 г. И.В. Арембовский – вновь сотрудник Иркутского музея (в должности помощника хранителя одного из отделов, а позже – научного сотрудника). В этот период он принимал участие в Ангарской археологической экспедиции (Панюхин, Кацер, 2022. С. 147).

На протяжении всего советского периода, да и в более позднее время, многие исследователи истории и археологии в Иркутске совмещали работу в музее и университете: оба учреждения как бы дополняли друг друга в своей роли для науки и общества. В тексте уже упоминались специалисты, которые были связаны и с музеем, и с ИГУ. И.В. Арембовский также не был исключением. С 1939 г. он работал в Иркутском государственном университете: сначала лаборантом кафедры палеонтологии, затем – ассистентом, одновременно являясь сотрудником Иркутского музея.

Иосиф Вячеславович участвовал в Великой Отечественной войне, был контужен. «И.В. Арембовский, чудом уцелевший и в 1937 г., и в Сталинграде», – писал о нём иркутский археолог Г.И. Медведев (Медведев, 2013. С. 185). После возвращения домой в 1944 г. возглавил отдел дореволюционных фондов в Иркутском областном архиве. В 1946 г.

Рис. 11. И.В. Арембовский. Государственный архив Иркутской области

Fig. 11. I.V. Arembovsky. The State Archives of Irkutsk Region

И.В. Арембовский стал работать в должности заместителя директора по научной части Иркутского музея. В этот же период он получил высшее образование, закончив историко-филологический факультет ИГУ. Умер И.В. Арембовский 5 января 1954 г.³

1940–1941 гг.

Штейнберг Александр Моисеевич (1905–1974) – писатель-краевед, общественный деятель (рис. 12). С 1940 по 1941 гг. являлся заведующим антирелигиозным отделом Иркутского музея. С сентября 1941 г. – заведующий лекторским бюро областного совета СВБ (Восточно-Сибирская правда. 1941. № 213. С. 3). С октября 1941 г. – председатель Иркутского обкома Международной организации помощи борцам революции (Восточно-Сибирская правда. 1941. № 240. С. 2).

На протяжении многих лет, еще до работы в музее, А.М. Штейнберг был корреспондентом ТАСС на Крайнем Севере, объездил все побережье Се-

³ Кобелева О.Н., Скворцова М.А., Сивушкова Т.О., Пермяков Д.В. Путеводитель по фондам личного происхождения Государственного архива Иркутской области. Иркутск, 2013. С. 14.

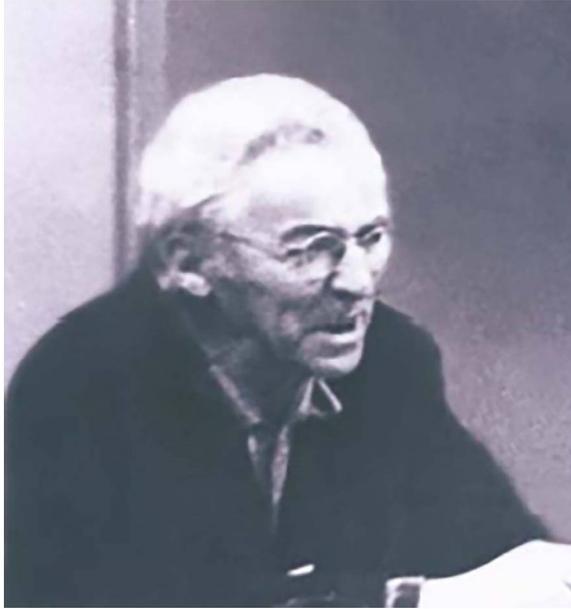

Рис. 12. А.М. Штейнберг, 1950-е гг.
Fig. 12. A.M. Steinberg, 1950s

верного Ледовитого океана от Кольского полуострова до Чукотки. Эти впечатления вылились в художественную книгу «Улька из рода Букочар».

В 1950-х гг. А.М. Штейнберг переехал в г. Шелехов, где ему, как депутату Шелеховского поселкового Совета депутатов трудящихся, поручили организовать библиотеку. Впоследствии он стал ее первым заведующим и проработал в этой должности три года. Занимался формированием книжного фонда библиотеки, а также стал первым летописцем г. Шелехова. С 1963 г. работал инженером технической информации на заводе железобетонных изделий, был внештатным корреспондентом газеты «Рассвет коммунизма». В 1974 г. после продолжительной болезни А.М. Штейнберг скончался (Шелеховский вестник. 2013. № 35. С. 29).

Сведений об его образовании нам найти не удалось. Известно только, что во время работы в музее А.М. Штейнберг получал или среднее или высшее образование. В отчете антирелигиозного отдела за 1940 г. написано: «Продолжали учебу в вузах и средних школах: Шевченко, Штейнберг, Козлов, Хрусцелевский» (ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 191. Л. 33 об.).

Послесловие

Антирелигиозный отдел в Иркутском музее – тема противоречивая и сложная как с точки зрения эмоционального восприятия, так и изучения. Оче-

видно, что отдел был создан для антирелигиозной пропаганды, воспитания в людях враждебного отношения к мистическому. Однако деятельность этого подразделения выходила за рамки одной только агитационной работы: сотрудники рассматривали вопрос научного обоснования атеизма с позиции разных областей знания, затрагивали в своих исследованиях общемировые процессы, занимались изучением истории, природы и населения Сибири. Вместе с тем, история «музея атеизма» сопряжена с жесткими проявлениями максимализма и нетерпимости, пестрит непоследовательными решениями и неоднозначными событиями. Из всего этого сплетались процессы как положительные, благоприятные, так и печальные, вредные и скандальные.

Функционирование антирелигиозного отдела хоть и не потребовало большого количества кадров, тем не менее, вовлекло в дело пропаганды атеизма самых разных сотрудников. Не все из них были причислены к отделу по штатному расписанию: известно, что официально работали в антирелигиозном отделе А.П. Окладников, братья К.П. и Г.П. Корнеевы, А.М. Штейнберг. В разное время все они даже числились заведующими.

Археолог В.И. Подгорбунский и этнограф Г.В. Ксенофонов попали в фокус настоящего исследования из-за того, что их рабочие места (сложно сказать, на протяжении какого срока) помещались в здании Крестовоздвиженской церкви. В тот период сам отдел в официальных документах назывался то антирелигиозным, то археологическим, и поэтому привлечение соответствующих специалистов не вызывает вопросов. То же самое касается и палеонтолога и археолога И.В. Арембовского, который принимал участие в подборе экспонатов для отдела примерно в те же годы.

Источники не способны рассказать, были ли все эти люди убежденными безбожниками или их работа была просто ответом на требования времени и руководства. Однако, разумеется, большинство из них стали известны совсем не работой в антирелигиозной области. По понятным причинам сфера культуры в 1920–30 гг. значительно омолодилась, и почти все сотрудники, упомянутые в настоящем тексте, были вовлечены в работу антирелигиозного отдела в достаточно юном возрасте. Кто-то из них впоследствии нашёл себя в науке или просветитель-

ском деле (А.П. Окладников, И.В. Арембовский, А.М. Штейнберг). Из семи людей, чьи биографии здесь приведены, четверо были репрессированы. Самый младший – К.П. Корнеев (1909–1938) вообще практически не успел оставить о себе какого-либо следа в источниках.

История антирелигиозного отдела и его сотрудников, несмотря на неоднозначность и трагизм по-своему интересна. Осмеяние религий, изъятие

обрядовой атрибутики и при этом признание культового имущества и зданий уникальным историческим наследием, пропаганда безбожия в районах и открытие для науки Шишкинских писаниц, отказ уважать чувства верующих и глубокое вдумчивое изучение религиозных воззрений населения Сибири – всё это противоречивые симптомы «эпохи перемен» и неотъемлемая часть иркутского краеведения 30-х – начала 40-х гг.

Список источников

Акулич О.А. Из истории иркутской Крестовоздвиженской церкви // Краеведческие записки. 1999. Вып. 6. С. 3–13.

Акулич О.А. Иркутский областной краеведческий музей и власть: 1930-е годы (По материалам ГАИО) // Краеведческие записки / Ирк. обл. краев. музей. Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2002. Вып. 9. Посвящен 220-летию первого музея Сибири. С. 33–46.

Деревянко А.П., Медведев В.Е., Молодин В.И. Великан в науке: к 100-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова (03.10.1908–18.11.1981) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2008. Т. 7. № 3, Археология и этнография. С. 3–11. EDN: JSALAB.

Зеленова О.В. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8. № 3. С. 52–63. EDN: UGTGML.

История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. Иркутск : Оттиск, 2008. 224 с. URL: <http://www.istor97.narod.ru/prj/ist90/pvi.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

Кабунова Е.М. Из истории формирования и экспонирования коллекции искусства стран Востока в собрании Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 25. С. 147–155. <https://doi.org/10.17223/22220836/25/18>. EDN: YHCOQV.

Ковалева А.С. Материалы личного фонда Окладникова // Краеведческие записки ИОКМ. Иркутск : Областная типография № 1, 1997. Вып. 4: К 300-летию Российского флота и 145-летию Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. С. 49–57.

Конопачий А.К. Прошлого великий следопыт: (академик А.П. Окладников: страницы биографии). Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 492 с.

Коренева И.В. Проблемы научно-фондовой работы музея // Краеведческие записки / Ирк. обл. краев. музей.

References

Akulich O.A. (1999) From the history of the Irkutsk Holy Cross Church. *Kraevedcheskie zapiski. Irk. obl. kraev. muzei. (IOKM) = Local history notes. Irkutsk Regional Museum of Local History*. Iss. 6. P. 3-13. (In Russ.).

Akulich O.A. (2002) Irkutsk Regional Museum of Local Lore and Power: the 1930s (Based on the materials of the IRSA). *Kraevedcheskie zapiski. Irk. obl. kraev. muzei. (IOKM) = Local history notes. Irkutsk Regional Museum of Local History*. Iss. 9. Posv. 220-letiyu pervogo muzeya Sibiri. P. 33-46. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Medvedev V.E., Molodin V.I. (2008) Giant in the science: to the 100-anniversary from the birthday of Academician A.P. Okladnikov (03.10.1908–18.11.1981). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya = Vestnik Novosibirsk State University. Ser. History and Philology*. Vol. 7. No. 3. *Arkheologiya i etnografiya = Archaeology and Ethnography*. P. 3–11. (In Russ.). EDN: JSALAB.

Zelenova O.V. (2015) The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 8. No. 3. P. 52-63. (In Russ.). EDN: UGTGML.

Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A. (2008) History and historians: 90 years of the Historical School of Irkutsk State University. Irkutsk : Ottisk. 224 p. (In Russ.). Available from: <http://www.istor97.narod.ru/prj/ist90/pvi.htm> (Accessed 10.03.2023).

Kabunova E.M. (2017) History of formation and exhibition of the collection of Oriental countries in Sukachev Irkutsk Regional Art Museum. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Tomsk state university journal of cultural studies and art history*. No. 25. P. 147-155. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/22220836/25/18>. EDN: YHCOQV.

Kovaleva A.S. (1997) Materials of the personal fund of Okladnikov. *Kraevedcheskie zapiski IOKM = Local history notes of the Irkutsk Regional Museum of Local History*. Irkutsk: Oblastnaya tip. No. 1. Iss. 4. P. 49-57. (In Russ.).

Konopachii A.K. (2001) The great pathfinder of the past: (academician A.P. Okladnikov: biography pages). Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 492 p. (In Russ.).

Koreneva I.V. (2003) Problems of scientific and fund work of the museum. *Kraevedcheskie zapiski. Irk. obl. kraev.*

Иркутск : Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2003. Вып. 10. С. 67–69.

Коренева И.В. Церковные ценности. Из опыта работы музея по возвращению предметов православного культа Иркутской епархии // Краеведческие записки / Ирк. обл. краев. музей. Иркутск : Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2011. Вып. 18. С. 89–92.

Котовщикова О.В. К проблеме смены идеологических установок в первой половине XX в.: антирелигиозный музей в Омске // Пятые Ядринцевские чтения: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 30–31 октября 2019 года. Омск : Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 2019. С. 264–268.

Медведев Г.И. Университетской научной археологии Северной Азии – 95 лет // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2. С. 176–202. EDN: RXBVON.

Панюхин М.В., Кацер Н.С. История исследования наскального искусства Среднего Приангарья и перспективы его изучения // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 2 (48). С. 144–152. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-2-144-152>. EDN: EFZCAQ.

Первопроходцы: сборник / сост. Л. Демин. М. : Молодая гвардия, 1983. 352 с.

Помляков Д.А. Из истории иркутской палеоэтнологической школы: В.И. Подгорбунский // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных, Благовещенск – Хэйхэ, 08–12 апреля 2019 г. Благовещенск : Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2019. С. 20–22. EDN: FSJQCM.

Пушкина Т.Л. Учет коллекций и состояние учетно-хранительской документации в Иркутском областном краеведческом музее: история и проблемы // Краеведческие записки / Ирк. обл. краев. музей. Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2006. Вып. 13. С. 61–71. URL: <http://iokm.ru/научные-издания/> (дата обращения 16.03.2023).

Романова Е.Н. Г.В. Ксенофонов: миф о странствующем герое // Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература, 2003. Вып. 2. С. 78–104. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/78-104.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

Сирина А.А. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. 2013. С. 7–48. EDN: SISDTD

muzei = Local history notes. Irkutsk Regional Museum of Local History. Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN. Iss. 10. P. 67-69. (In Russ.).

Koreneva I.V. (2011). Church values. From the experience of the museum's work on the return of objects of religious Orthodox worship of the Irkutsk eparchy. *Kraevedcheskie zapiski. Irk. obl. kraev. muzei. = Local history notes. Irkutsk Regional Museum of Local History. Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN. Iss. 18. P. 89-92. (In Russ.).*

Kotovshchikova O.V. (2019) To the problem of change of ideological installations in the first half of XX c.: anti-religious museum in Omsk. *Pyatye Yadrincevskie chteniya: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Omsk, 30–31 oktyabrya 2019 g. = Fifth Yadrincev readings. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, 30-31 October 2019. Omsk : Omsk State Museum of History and Regional Studies. P. 264-268. (In Russ.).*

Medvedev G.I. (2013) 95 Years of Scientific Archeology in Irkutsk State University. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. No. 2. P. 176-202. (In Russ.). EDN: RXBVON.*

Panyukhin M.V., Katser N.S. (2022) The history of the study of rock art of the Middle Angara region and the prospects for its research. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Issues of Social-Economic development of Siberia. No. 2(48). P. 144-152. (In Russ.).* <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-2-144-152>. EDN: EFZCAQ.

Demin L. (1983) *Pioneers. Moscow: Molodaya gvardiya. 352 p. (In Russ.).*

Pomlyakov D.A. (2019) From the history of the Irkutsk Paleoethnological school: V.I. Podgorbunsky. *Materialy LIX Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, Blagoveshchensk – Kheikhe, 08–12 aprelya 2019 g. = Materials of the LIX Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists, Blagoveshchensk – Heihe, 08-12 April 2019. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. P. 20-22. (In Russ.). EDN: FSJQCM.*

Pushkina T.L. (2006) Accounting of collections and the state of accounting and fund documentation in the Irkutsk Regional Museum of Local Lore: history and problems. *Kraevedcheskie zapiski. Irk. obl. kraev. Muzei = Local history notes. Irkutsk Regional Museum of Local History. Iss.13. P. 61-71. (In Russ.). Available from: <http://iokm.ru/научные-издания/> (Assecced 16.03.2023).*

Romanova Y.N. (2003) G.V. Ksenofontov: the myth of the wandering hero. *Repressirovannye etnografi = Repressed ethnographers. Moscow: Vostochnaya literature. Iss. 9. P. 78-104. (In Russ.). Available from: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/78-104.pdf> (Accessed 15.03.2023).*

Sirina A.A. (2013) “Provincial” Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s. *“Provintsial'naya” nauka: etnografiya v Irkutske v 1920-e gody = “Provincial” Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s. P. 7-48. (In Russ.). EDN: SISDTD.*

Смолина И.В. Жизнь Иркутской епархии в контексте государственно-церковных отношений во второй половине XX века // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1 (64). С. 211–215. EDN: KZITJN.

Цыремпилова И.С. Проблемы сохранения и использования православного культурного наследия в контексте государственно-церковных взаимоотношений в 1920–1930-х гг. (на материалах Байкальского региона) // Власть. 2010. № 7. С. 144–149. EDN: MSUEEL.

Яковлева Ж.В. Борьба с церковью на местах в 1930-е годы: к вопросу о поведении партийно-советских функционеров низового звена и рядовых верующих // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 99–103. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-1-99-103>. EDN: VUTTBT.

Smolina I.V. (2009) Activity of Irkutsk eparchy in a context of the state-church attitudes in the second half of 20th century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. No. 4-1. P. 211-215. (In Russ.). EDN: KZITJN.

Tsyrempilova I.S. (2010) Problems of conservation and using of Orthodox heritage in context of the state-church attitudes in the 1920s–1930s (based on the materials of the Baikal region). *Vlast' = Authority*. No. 7. P. 144-149. (In Russ.). EDN: MSUEEL.

Yakovleva Zh.V. (2016) Fighting church on the site in 1930: on the behavior of the party and soviet functionaries of the grass-roots level managers and ordinary believers. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Izvestiya of Saratov State University. New series. Series: History. International relations*. Vol. 16. No. 1. P. 99-103. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-1-99-103>. EDN: VUTTBT.

Информация об авторах

Байбородина Мария Анатольевна,
научный сотрудник экспозиционного отдела «Окно в Азию»,
Иркутский областной краеведческий музей имени Н.Н. Муравьева-Амурского,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 2, Россия;
магистрант, исторический факультет,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: kopxa@inbox.ru

Мареева Ольга Михайловна,
научный сотрудник научно-фондового отдела,
Иркутский областной краеведческий музей имени Н.Н. Муравьева-Амурского,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 2, Россия,
e-mail: olga.m.mareeva@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; одобрена после рецензирования 9 ноября 2023 г.; принята к публикации 20 ноября 2023 г.

Information about the authors

Maria A. Baiborodina,
Research Associate, the exhibition department “Window to Asia”,
N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History,
2, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia;
Undergraduate, Historical Faculty,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: kopxa@inbox.ru

Olga M. Mareeva,
Research Associate, Scientific fund department,
N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History,
2, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: olga.m.mareeva@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 15, 2023; approved after reviewing November 9, 2023; accepted for publication November 20, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(470)«1854/1855»
EDN: VDQEMS
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-209-213

**Победоносное поражение? Конструирование культурного мифа
об обороне 1854–1855 гг.**

Федотова М.С. Миф о Севастопольской обороне 1854–1855 гг. в культурной памяти Российской империи. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 342 с.

А.С. Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Оригинальная и интересная монография М.С. Федотовой построена на солидной источниковой базе, автор подготовила актуальную и своевременную книгу. В основе книги исследование, посвященное созданию исторического мифа об обороне Севастополя в 1854–1855 гг. Автору удалось показать, что в общественном сознании военное поражение, понесенное Россией в Крымской войне, трансформировалось в огромную моральную победу, сравнимую с Отечественной войной 1812 г. М.С. Федотова подробно рассказывает о героях и антигероях обороны Севастополя, сравнивая В.А. Корнилова, П.С. Нахимова и А.С. Меншикова. Глубокая и содержательная книга М.С. Федотовой может быть интересна не только профессиональным историкам, но и массовому читателю.

Ключевые слова: Севастополь, Крымская война, миф, конструирование, герои, оборона, историография, Л.Н. Толстой, П.С. Нахимов

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-78-10044, «Крым в поисках национального и конфессионального согласия, 1783–1920 гг.», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Пученков А.С. Победоносное поражение? Конструирование культурного мифа об обороне 1854–1855 гг.: рецензия на монографию М.С. Федотовой «Миф о Севастопольской обороне 1854–1855 гг. в культурной памяти Российской империи» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 209–213. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-209-213>. EDN: VDQEMS.

Review

Review

**Victorious defeat? Construction of the cultural myth of defense 1854-1855
*Fedotova M.S. (2022) The myth of the Sevastopol defense of 1854-1855 in the cultural memory of the Russian Empire. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg. 342 p. (In Russ.).***

Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. An original and interesting monograph by M.S. Fedotova is built on a solid source base, the author has prepared an up-to-date and timely book. The book is based on a study devoted to the formation of the historical myth about the defense of Sevastopol in 1854-1855. The author managed to show that in the public consciousness the military defeat suffered by Russia in the

Crimean War was transformed into a huge moral victory, comparable to the Patriotic War of 1812. M.S. Fedotova talks in detail about the heroes and anti-heroes of the defense of Sevastopol, comparing V.A. Kornilov, P.S. Nakhimov and A.S. Menshikov. The deep and informative book by M.S. Fedotova may be of interest not only to professional historians, but also to the general reader.

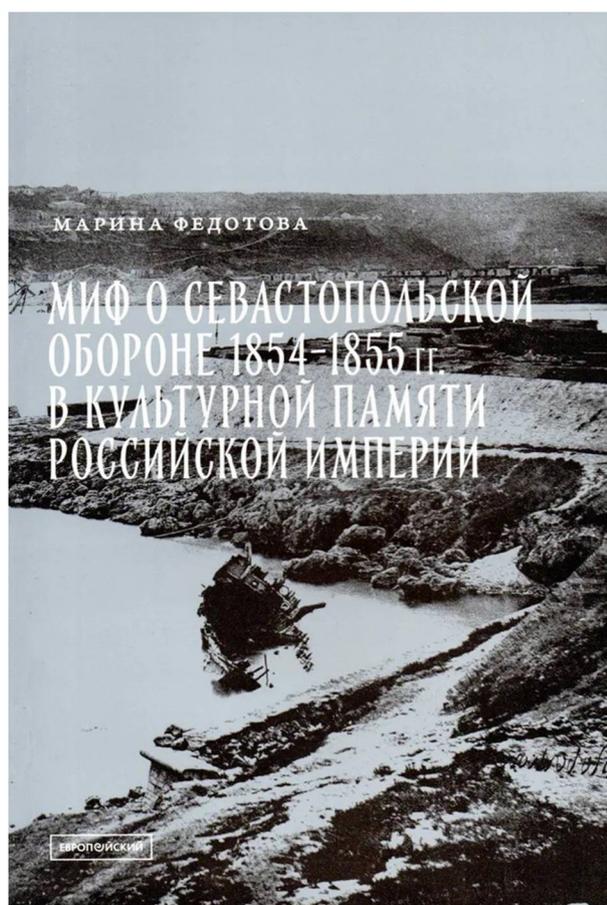
Keywords: Sevastopol, Crimean War, myth, construction, heroes, defense, historiography, L.N. Tolstoy, P.S. Nakhimov

Acknowledgements: the study was supported by the RSF grant, project No. 20-78-10044, "Crimea in search of national and confessional harmony, 1783-1920", carried out at St. Petersburg State University.

For citation: Puchenkov A.S. (2023) Victorious defeat? Construction of the cultural myth of defense 1854–1855: a review of the book by M.S. Fedotova "The myth of the Sevastopol defense of 1854–1855 in the cultural memory of the Russian Empire". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 209-213. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-209-213>. EDN: VDQEMS.

Историю войн, конечно же, пишут победители; проигравшие, как правило, не любят вспоминать о тех баталиях, в которых они потерпели поражение. Исключения из этого правила встречаются не часто. Крымская война 1853–1856 гг. – случай особый. Российская империя, привыкшая за полтора столетия к статусу державы-победительницы, в столкновении с ведущими европейскими державами познала горечь поражения. Вместе с тем Крымская война не привела к деморализации страны, напротив, подтолкнув ее не только к началу запоздалой модернизации и Великим реформам, но и к особому опыту осмысления обороны города-крепости Севастополя в 1854–1855 гг. Последний упрощенно может быть сведен к тезису о моральной победе русского духа в схватке едва ли не со всей Европой. О том, как и почему конструировался миф о Севастопольской обороне как о духовной победе России; почему именно Крым и Севастополь по сию пору выступают в качестве концентрированного выражения российского имперства; и, наконец, как формировались образы национальных героев России – адмиралов Корнилова и Нахимова, – рассказывает книга историка Марины Сергеевны Федотовой (Федотова, 2022).

Крымская война стала переломным событием для Российской империи: за многие десятилетия огромная страна отвыкла от «откровенных поражений»; между тем поражение по итогам той войны было несомненным: «Крымская война закончилась, когда неприятель находился на территории, присоединенной к России 70 лет назад, главная морская база на Черном море (Севастополь) вместе с военно-морской инфраструктурой была уничтожена... Новость об оставлении города вызвала крайне тяжелую реакцию в обществе», – пишет М.С. Федотова во введении, отмечая, что «страна

была потрясена “национальным унижением”» (Федотова, 2022. С. 9–10). Последующие успешные кампании и в первую очередь победоносное завершение Кавказской войны не могли сгладить горечь поражения в Севастополе. Историк В.В. Лапин указывает, что Крымская война оставила очень заметный и временами «саднящий шрам на российском историческом мифе» (Лапин, 2022. С. 153). М.С. Федотова добавляет, что «Севастопольский миф как комплекс исторических представлений и интерпретаций складывался в атмосфере военного поражения, национального унижения и общего резко негативного настроения обще-

ства против николаевской эпохи» (Федотова, 2022. С. 10–11).

Исследователь разбирает вопрос о конструировании мифа о Севастопольской обороне. Важнейшую роль сыграла *вовлеченность* всей страны в сопереживание армии и флоту, сражающимся против коалиции европейских стран, защищая русскую землю. «Крымская война удивляла и поражала масштабом, пугала своей непредсказуемостью, разочаровывала чередой катастрофических неудач», – отмечает историк (Федотова, 2022. С. 57).

В середине XIX века русская военная журналистика только зарождалась. Тем большее значение приобрел очерк Л.Н. Толстого «Севастополь в декабре». Как роман «Война и мир» фактически сформировал у нескольких поколений видение целой эпохи, «Севастопольские рассказы» к началу XX в. также превратились в «литературный памятник Севастопольской обороне», а сами очерки независимо от воли автора стали частью мифа. И хотя сам Л.Н. Толстой стремился к дегероизации войны, в его рассказах побежденные герои 1855 г. выглядят как победители 1812 г. (Федотова, 2022. С. 63, 67, 69, 73).

К слову, дегероизированный образ конфликта был представлен и в записках У. Рассела, в качестве репортера газеты “The Times” сопровождавшего британскую армию. Его репортажи, отправляемые в Великобританию, имели колоссальный успех (Рассел, 2013. С. 106). Автор рецензируемого труда подчеркивает, что Крымская война невольно сравнивалась российскими современниками с Отечественной войной 1812 г. «Эпопея Севастополя» превратила поражение в национальный триумф», – замечает британский историк О. Файджес, подчеркивая, что «это поражение легло в основу нарратива о самоотверженном героизме, стойкости и жертвенности народа» (Файджес, 2021. С. 596).

По правомерному наблюдению М.С. Федотовой, «Крымская война стала первой и единственной войной XVIII–XIX вв., когда Россия воевала без единого европейского союзника, фактически находясь в политической изоляции» (Федотова, 2022. С. 91). Так, Ф.И. Тютчев, служивший в министерстве иностранных дел, связывал изоляцию исключительно с неудачной политикой Николая I, как известно, не сумевшего пережить «Крымское испытание», а также рассматривал ее как иллюстрацию

краха тех принципов, в которых император был воспитан и которые считал единственно верными для России (Фирсов, 2021. С. 219). «Чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека (Николай I), который..., находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах», – писал Федор Иванович после падения Севастополя, заявляя, что считает «Крым потерянным» (Тютчев, 1985. С. 217).

Возможный исход войны не всем виделся таким предсказуемым. Воспоминания о победе над Наполеоном в 1812 г. так оптимистично действовали на умы (Федотова, 2022. С. 93). Россиянам хотелось верить, что ситуация выправится, удручали, правда, очевидные проблемы в организации снабжения армии и ее недостаточная численность. «По всему видно, что у нас мало сил, – это непросто», – писал князь П.А. Вяземский, прибавляя, что «Россия истощается для содержания войска, а когда и где войско нужно, тогда и там его нет» (Вяземский, 2003. С. 847).

«Моя душа полна отчаяния. Севастополь захвачен врасплох! Севастополь в опасности!... Вот тридцать лет, как Россия играет в солдатики, проводит время в военных упражнениях и в парадах, забавляется смотрами, восхищается маневрами. А в минуту опасности она оказывается захваченной врасплох и беззащитной», – записывала в дневнике фрейлина А.Ф. Тютчева, дочь великого поэта (Тютчева, 2022. С. 113).

Определенные параллели между обороной Севастополя и Отечественной войной 1812 г. могут проследиться и в сопоставлении болезненного решения о затоплении кораблей на входе в Севастопольскую бухту в 1854 г. со знаменитым советом в Филях в 1812 г., по итогам которого председательствовавшим на нем М.И. Кутузовым было принято решение об оставлении Москвы неприятелю.

На страницах монографии освещена и судьба главных героев обороны Севастополя – представителей ее военно-морского пантеона – адмиралов П.С. Нахимова, В.А. Корнилова и В.И. Истомина.

Автор отмечает наметившуюся еще в дореволюционной историографии тенденции к апологии адмирала Нахимова. Он изображается своего рода «гением места», ангелом-хранителем города. «Он

(Нахимов) думал, что только делает самое обыкновенное дело, как может, по своей большой совести, когда ежедневно рисковал жизнью, объезжая во время осады бастионы, чтобы показаться матросам, и они понимали, что действительно это *их* адмирал», – писал неоднократно встречавшийся с Павлом Степановичем в дни осады К.М. Станюкович, сын военного губернатора Севастополя адмирала М.Н. Станюковича (Станюкович, 1983. С. 165).

Не обойден вниманием и названный Л.Н. Толстым «севастопольским Гектором» («герой, достойный древней Греции») – адмирал В.А. Корнилов (Толстой, 1958. С. 103). Причем в конструировании образа Корнилова отразились либеральные мотивы равенства военных сословий, военачальника и подчиненного и коллективного подвига адмирала и матроса... Неслучайно в нарративах вице-адмирал Корнилов перед актом затопления кораблей обращается к гарнизону как первый среди равных.

Спустя несколько десятилетий после окончания Крымской войны установилась традиция почитания памяти Владимира Алексеевича: на месте гибели адмирала была воздвигнута часовня, не сохранившаяся до наших дней; в дни повиновения усопшего героя в ней служилась торжественная панихида (Калиновский, 2012. С. 268).

Помимо героев обороны, общественный запрос не мог не породить и антигероев. Автор подробно объясняет истоки негативного отношения к Главнокомандующему сухопутными и морскими силами в Крыму князю А.С. Меншикову (Федотова, 2022. С. 200). Как правило, за ним признается бесспорный ум и огромная опытность, но в трудных условиях Крымской войны Александр Сергеевич

прослыл человеком надменным и заносчивым. По ироническому замечанию С.Б. Кузьминой, князь Меншиков «мало походил на Суворова или Кутузова», в разговоре с солдатами нередко сбивался на французскую речь, что вызывало недоумение: «русский ли это главнокомандующий?» (Кузьмина, 2007. С. 256). Показательно и его меткое, хотя, вероятно, и не заслуженное, прозвище: Меншиков-Изменщиков (Высочков, 2018. С. 909).

К результатам деятельности светлейшего князя, которого знаменитый хирург Н.И. Пирогов называет «Провидением Севастополя» и «плохим Цезарем», М.С. Федотова также относится отрицательно: «князь Меншиков ... остался в истории Севастопольской обороны главным виновником поражения в войне» (Федотова, 2022. С. 206).

Война создала и образы героев – представителей простого народа: матрос (Кошка), дочь матроса (Даша) и подростки – дети матросов. Основой национального военно-исторического мифа о Севастопольской обороне, полагает М.С. Федотова, является «миф о моральной победе», при этом «отличительной особенностью процесса конструирования памяти о Севастопольской обороне было то, что эта война репрезентировалась как духовный триумф России над морально ущербной Европой» (Федотова, 2022. С. 288).

Оригинальная и интересная монография М.С. Федотовой построена на солидной источниковой базе, автор подготовила актуальную и своевременную книгу. Не со всеми выводами автора можно согласиться; некоторые могут вызвать полемику в историческом сообществе, порождая нужную и полезную дискуссию. Перед нами талантливая работа, появление которой, несомненно, следует приветствовать.

Список источников

- Высочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. М. : Академический проект, 2018. 999 с.
- Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М. : Захаров, 2003. 959 с.
- Калиновский В.В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920). Киев; Симферополь : Антика, 2012. 340 с.
- Кузьмина С.Б. Адмирал Корнилов. М. : Молодая гвардия, 2007. 372 с.

References

- Vysokchov L.V. (2018) Nicholas I and his epoch. Essays on the history of Russia in the second quarter of the XIX century. Moscow: Akademicheskii proekt. 999 p. (In Russ.).
- Vyazemskii P.A. (2003) Old notebook. 1813-1877. Moscow: Zakharov. 959 p. (In Russ.).
- Kalinovskii V.V. (2012) "Antiquities - and wonderful, and interesting, and beautiful - are not an empty corner": Church Crimean Studies (1837-1920). Kiev, Simferopol : Antikva. 339 p. (In Russ.).
- Kuz'mina S.B. (2007) Admiral Kornilov. Moscow: Molodaya gvardiya. 372 p. (In Russ.).

Лапин В.В. Два адмирала: Ф.Ф. Ушаков и П.С. Нахимов в исторической памяти. СПб. : Изд-во европейского университета, 2022. 271 с.

Рассел У. Крымская война. Личные воспоминания. СПб. : Лениздат, 2013. 160 с.

Станюкович К.М. Беспокойный адмирал: Повести. Калининград : Калининградское книжн. изд-во, 1983. 303 с.

Толстой Л.Н. Севастополь в декабре месяце : собр. соч. в 12 т. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1958. Т. 2. Повести и рассказы 1852–1856. С. 89–103.

Тютчев Ф.И. Лирика. Письма. Л. : Лениздат, 1985. 304 с.

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М. : АСТ, 2022. 288 с.

Файджес О. Крым. Последний крестовый поход. М. : Rosebud Publishing, 2021. 704 с.

Федотова М.С. Миф о Севастопольской обороне 1854–1855 гг. в культурной памяти Российской империи. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 342 с.

Фирсов С.Л. «Якорь спасения». Православная Церковь и Российское государство в эпоху Николая I. Очерки истории : монография. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии (СПбДА), 2021. 464 с.

Информация об авторе

Пученков Александр Сергеевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, Россия,
e-mail: a.puchenkov@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Вклад автора

Пученков А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 мая 2023 г.; одобрена после рецензирования 25 августа 2023 г.; принята к публикации 11 сентября 2023 г.

Lapin V.V. (2022) Two admirals: F.F. Ushakov and P.S. Nakhimov in historical memory. St. Petersburg: Izdatel'stvo evropeiskogo universiteta. 271 p. (In Russ.).

Rassel U. (2013) The Crimean War. Personal memories. St. Petersburg: Lenizdat. 160 p. (In Russ.).

Stanyukovich K.M. (1983) Restless Admiral: Stories. Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo. 303 p. (In Russ.).

Tolstoi L.N. (1958) Sevastopol in the month of December. Collected Works in 12 vol. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 2. *Povesti i rasskazy 1852-1856 = Novels and stories 1858-1856*. P. 89-103. (In Russ.).

Tyutchev F.I. (1985) Lyrics. Letters. Leningrad. 304 p. (In Russ.).

Tyutcheva A.F. (2022) At the court of two emperors. Memoirs and fragments of the diaries of the ladies-in-waiting of the court of Nicholas I and Alexander II. Moscow: AST. 288 p. (In Russ.).

Faidzhes O. Crimea. (2021) The Last Crusade. Moscow: Rosebud Publishing. 704 p. (In Russ.).

Fedotova M.S. (2022) The myth of the Sevastopol defense of 1854-1855 in the cultural memory of the Russian Empire. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 342 p. (In Russ.).

Firsov S.L. (2021) "Anchor of salvation". The Orthodox Church and the Russian State in the Era of Nicholas I. Essays on history: monograph. St. Petersburg: Izd-vo Sant-Peterburgskoi Dухovnoi Akademii. 464 p. (In Russ.).

Information about the author

Alexander S. Puchenkov,

Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Contemporary History of Russia of the Institute of History, St. Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: a.puchenkov@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Contribution of the author

Puchenkov A.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 15, 2023; approved after reviewing August 25, 2023; accepted for publication September 11, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(47)«1917»
EDN: YWEBWS
DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-214-217

«Тяжелое время переживает страна»

Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великий и страшный 1918 год: Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России. М. : Яуза-каталог, 2022. 400 с.

М.В. Чирикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу «Великий и страшный 1918 год: Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России». В монографии исследователи использовали широкий комплекс фотографий, плакатов, художественных изображений из отечественных и иностранных сатирических журналов, что заметно обогатило данное издание, сделав его более интересным для широкой аудитории. Занимаясь подготовкой справочного материала к летописи, учёные обработали разнообразные исторические источники и литературу советского и постсоветского периода. Как отметили сами авторы во введении, они не ставили перед собой задачи дать ответы на до сих пор не разрешённые вопросы, напротив постарались уйти от стереотипных оценочных суждений, предложив читателям сформировать своё отношение к братоубийственному противостоянию в России начала XX в. Труд Р.Г. Гагкуева и А.В. Репникова будет полезен всем интересующимся историей СССР.

Ключевые слова: Белое движение, Красное движение, Совет народных комиссаров (СНК), Учредительное собрание, интервенция, сепаратизм («самоопределение»), большевики

Для цитирования: Чирикова М.В. «Тяжелое время переживает страна»: рецензия на книгу Р.Г. Гагкуева и А.В. Репникова «Великий и страшный 1918 год: Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 214–217. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-214-217>. EDN: YWEBWS.

Review

Review

“The country is going through a difficult time”

Gagkuev R.G., Repnikov A.V. (2022) The Great and Terrible 1918: An Illustrated Chronicle of the Beginning of the Civil War in Russia. Moscow: Yauza-catalog. 400 p. (In Russ.).

Marina V. Chirikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article is a review of the book "The Great and Terrible 1918: An Illustrated Chronicle of the Beginning of Civil War in Russia". The researchers in the monograph used a wide range of photographs, posters, artistic images from domestic and foreign satirical magazines, which significantly enriched this publication, making it more interesting for a wide audience. While preparing the reference material for the chronicle, the scientists processed a variety of historical sources and literature of the Soviet and post-Soviet period. As the authors noted in the introduction, they did not set themselves the task of giving answers to questions that have not yet been resolved, on the contrary, they tried to get away from stereotypical value judgments, inviting readers

to form their attitude to the fratricidal confrontation in Russia at the beginning of the XX century. The work of R.G. Gagkuev and A.V. Repnikov will be useful for anyone interested in the history of the USSR.

Keywords: The White Movement, the Red Movement, the Council of People's Commissars (SNK), Constituent Assembly, intervention, separatism, Bolsheviks

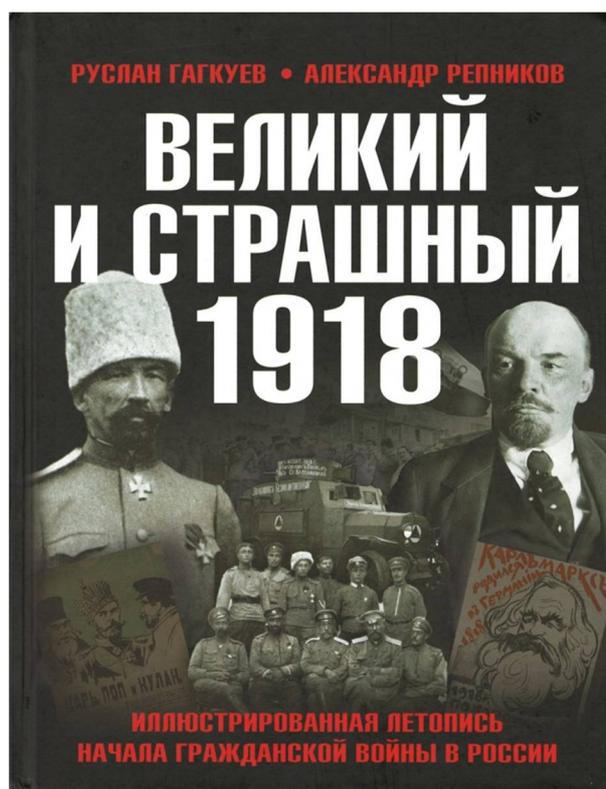
For citation: Chirikova M.V. (2023) "The country is going through a difficult time": A review of the book by R.G. Gagkuev and A.V. Repnikov "The Great and Terrible 1918: An Illustrated Chronicle of the Beginning of the Civil War in Russia". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 214-217. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-214-217>. EDN: YWEBWS.

История движется по спирали. Народы, государства, цивилизации оказываются в условиях, схожих с теми, что уже имели место в предыдущие эпохи. Наиболее заметны эти «повторы» во времена потрясений, глобальных социальных сдвигов. Выявление и осмысление таких аналогий в развитии общества, казалось бы, должны способствовать более эффективному разрешению подобных кризисов, т. к. позволяют учиться на ошибках прошлых поколений.

Однако в реальной жизни воспитательная функция исторической науки реализуется крайне редко, человечество по-прежнему «набивает шишки» об уже хорошо известные проблемы. Но учёные не теряют оптимизма, продолжая свою изыскательскую деятельность в надежде на то, что результаты их труда позволят не допустить новых конфликтов в будущем или поспособствуют их более быстрому разрешению.

Авторы монографии «Великий и страшный 1918 год: Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России» Р.Г. Гагкуев и А.В. Репников сконцентрировались на революционных событиях 1910-х гг. По их мнению, большинство достижений и просчётов нашего государства на протяжении всего XX столетия и представители научного сообщества, и интересующиеся историей связывают с процессами 1917 года, а также Гражданской войны. Поэтому так важно и интересно попытаться разобраться в тех перипетиях, стараясь выявить эти связующие нити прошлого и настоящего.

Создатели монографии предложили не самый стандартный вариант знакомства с историческими событиями 1918 г., они выбрали формат летописи, предполагающий использование значительного количества иллюстративного материала той эпохи, при относительно не большом текстовом сопровождении. Такой подход, на наш взгляд, позволяет привлечь к исследованию интерес не только у специалистов, но и широкого круга общественности. «Закад-

ровый» текст летописи создаёт возможность восстановить ход событий как предшествовавших началу Гражданской войны (октябрь – декабрь 1917 г.), так и имевших место быть в 1918 г. По-видимому, авторы не ставили перед собой цель ответить на до сих пор не выясненные вопросы, например: кто виноват в развязывании войны; как распределена ответственность за гражданское противостояние между политическими силами; была ли возможность предотвратить междоусобицу? Для них гораздо важнее было показать дух эпохи, позволить читателям прочувствовать, чему, безусловно, способствовали иллюстрации, представленные в работе.

Свой альбом-монографию Р.Г. Гагкуев и А.В. Репников составили в хронологическом порядке, по месяцам знакомя аудиторию с теми событиями, которые набирали оборот постепенно и, в конечном счёте, привели к чудовищному кровавому

террору белых и красных сил, а также охвату всё новых территорий страны, втягивая их в гражданское противостояние.

Конечно, причины войны возникли не в 1918 г., а гораздо раньше, ещё в царской России. Так, источниками антагонистического противостояния разных политических сил были вопросы, связанные с политическим устройством государства, распределением прав и привилегий в обществе, не решением ряда социальных проблем. Однако катализатором начала братоубийственной войны часть специалистов всё-таки считает октябрьский переворот большевиков и их последующую политику.

Поэтому исследователи начали свою монографию именно с этих трёх последних месяцев 1917 г., назвав их «прологом гражданской войны». В данной части работы Гагкуев и Репников представили фотографии исторических персонажей и мест, связанных с октябрьским переворотом (например, А.А. Керенский, В.П. Нагин и др.), документы (листовки, выдержки из декретов советской власти), но больше всего карикатур из разных сатирических журналов того времени, представлявших и советские, и антисоветские силы. В подборке художественных пародий на события в стране использованы шаржи из таких журналов как: «Новый Сатирикон», «Барабан», «Бич», «Стрекоза» и др.

Многие из них дают возможность читателю познакомиться не с происходившим в российском обществе, а с тем, как это воспринимали и переживали современники. Вместе с ними мы видим недовольство Керенским и его правительством, дразни между оппозиционными силами за политическую власть, нарастание противоречий между сословиями и классами, реакцию общества на захват власти большевистской партией и последующие первые шаги советского правительства.

Одновременно представители сатирических изданий отмечали, что происходило разложение русской армии, крайне негативно сказавшееся как на ситуации на фронте, так и на положении внутри страны. Упадок столь важного силового элемента государственного аппарата отчасти также был вызван указанными выше событиями 1917 г. Целый цикл карикатур посвящен этому трагичному процессу (по сути, уничтожению армии), отражающий разное отношение к нему художников и зависящий от их политических симпатий.

Не меньший интерес у профессиональных историков и обывателей вызовут, на наш взгляд, и материалы о подготовке и непосредственно выборах в Учредительное собрание. Наряду с агитационными листовками различных политических объединений, показывающих крайнюю степень политической фрагментации общества, критичность положения России, в иллюстрациях этого раздела исследования раскрывается вся боль ряда карикатуристов за страну, за моральное разложение людей, за уничтожение своей Родины.

Следующий раздел летописи показывает и рассказывает о происходящем в январе 1918 г. Одним из главных событий этого месяца стал разгон Учредительного собрания, вызвавший очередную волну протестов по стране и последующее ужесточение политики большевиков. Представленные материалы позволяют убедиться в несовпадении целей и ожиданий от деятельности этого органа большевистских и антибольшевистских сил, а также обычных граждан. Надежды последних на разрешение российских проблем Учредительным собранием не оправдались, т. к., по мнению художника журнала «Барабан» Б.И. Антонова, это не соответствовало интересам Ленина и большевиков (см. стр. 71).

Одним из последствий процессов, происходивших в стране в конце 1917 – начале 1918 г., стал сепаратизм (по большевистской терминологии «самоопределение») ряда отдельных территорий бывшей Российской империи. Так, например, на Украине были сформированы Центральная рада и правительство народной республики (УНР), провозгласившие её независимость. Это вызвало недовольство Совета народных комиссаров (СНК) и привело к созданию Народного секретариата Украинской народной республики Советов как законного представителя официального Всероссийского правительства на данной территории. Двоевластие в свою очередь привело к началу боевых действий в этой части страны. Не имея возможности противостоять советской власти и одновременно вести борьбу с центральными державами (Германией и Австро-Венгрией), представители украинской рады форсировали ранее уже начатый процесс заключения сепаратного мира с последними. После подписания договора с Германией, украинская сторона обратилась к странам Четвертного союза за военной поддержкой против большевистских отрядов. За оказа-

ние помощи центральноевропейские страны потребовали от УНР рассчитаться продовольственными и промышленными ресурсами.

Собранные в летописи фотоматериалы позволяют представить себе события и их участников, погрузиться в атмосферу революционной анархии, накрывшей многие окраины бывшей Российской империи. Особое внимание в части, посвящённой мартовским событиям 1918 г., и не без основания, уделено Брест-Литовскому мирному договору. В летописи представлены типографские экземпляры русского и немецкого текста договора, а также сатирические изображения отечественных и иностранных изданий на подписанный большевиками невыгодный и разорительный для страны документ. Этот мирный договор спровоцировал оживление антибольшевистских сил, привёл к разрыву союза между большевиками и левыми эсерами, а также обусловил начало интервенции странами Антанты.

Формирование антибольшевистских правительств в разных регионах страны и Белого движения занимает основную часть монографии Гагкуева и Репникова. Изложение данных событий представлено в хронологическом порядке, что иногда приводит к повторам отдельных моментов. Однако это не мешает погружению в события разворачиваю-

щейся Гражданской войны, а для широкой аудитории даже более удобно.

Создатели летописи не ограничились описанием и иллюстрированием только процессов военного противостояния большевистского и антибольшевистского движений, они обратили внимание и на становление новой советской политической системы, реформы в области культуры, социальной сферы и т. д. Грамотная, научно продуманная подборка исторических источников (фотографий, агитационных плакатов, шаржей) для визуального восприятия внутренней политики советского правительства позволяет читателям воспринимать наше прошлое не как сухой фактаж, а как живой, объёмный процесс.

В целом монография «Великий и страшный 1918 год: Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России» стала важным дополнением к уже имеющимся исследованиям событий второго десятилетия XX в. Стоит отметить, что данная работа является продолжением более раннего исследования Р.Г. Гагкуева и А.В. Репникова (Великая революция 1917 года: иллюстрированная летопись. М.: Эксмо: Яуза, 2017). Надеемся, авторы продолжат своё исследование, освещая события, происходившие в России в 1919, 1920, 1921 годах, и подготовив к изданию новые летописи.

Информация об авторе

Чирикова Марина Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: chirikovamv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0515-598X>

Вклад автора

Чирикова М.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 июля 2023 г.; одобрена после рецензирования 24 октября 2023 г.; принята к публикации 7 ноября 2023 г.

Information about the author

Marina V. Chirikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: chirikovamv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0515-598X>

Contribution of the author

Chirikova M.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 28, 2023; approved after reviewing October 24, 2023; accepted for publication November 7, 2023.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:

Ветров В.М., Шергин Д.Е., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З.С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:

Сидоров А.П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами:** иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В.М., Шергин Д.Е., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З.С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А.П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 4 (49) 2023

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.12.23. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 28,25.
Тираж 500 экз. Заказ 158. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А